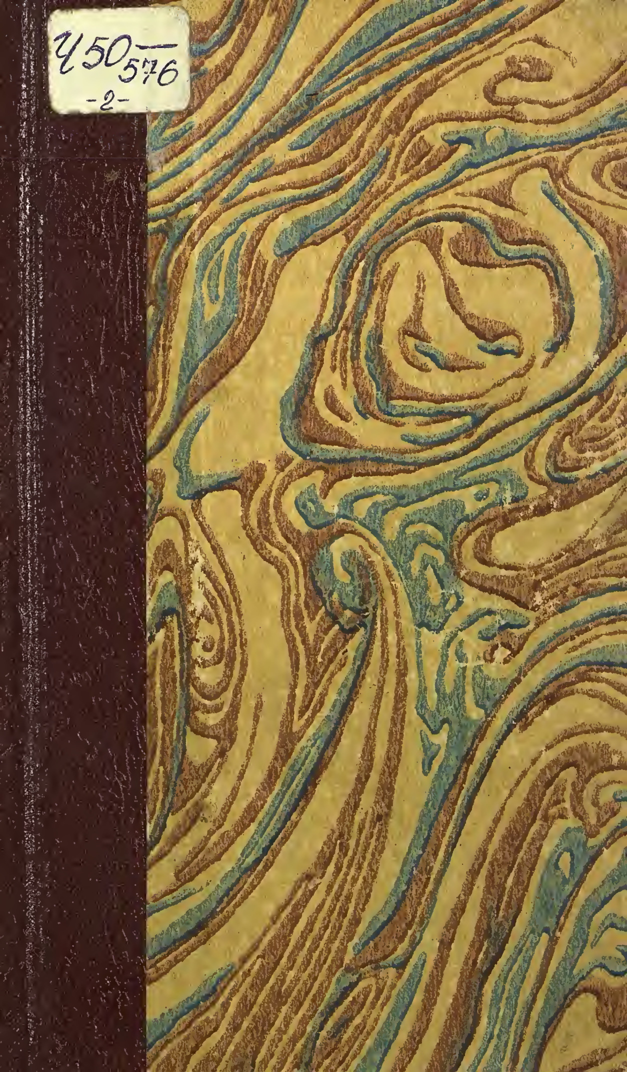

Ч50 576
-2-

СССР. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ТОМ ВТОРОЙ

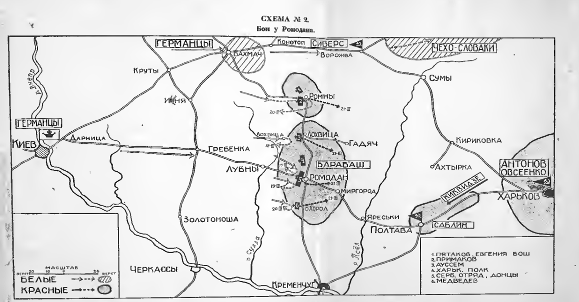
С 4 ФОТОГРАФИЯМИ И 4 СХЕМАМИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Отдел Военной Литературы
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 21059
Ленинградский Облит № 51667
17¾ л. Тираж 4000

СХЕМА № 2.
Бои у Ромодана.

18 марта немцы начали нажим на Лубны, — 4 бронированных автомобиля двинулись по шоссе на Ромодан.

В тот же вечер германцы ударили на Ромны. Ромны были заняты германцами. В районе Лохвица 19 марта наши части отстояли свои позиции. 19 марта германцы пытаются пехотными частями занять Ромодан. Переправившись в нескольких местах через реку Сулу, они превосходно развернули свои силы. Навстречу этим частям были брошены в атаку все части, имеющиеся в распоряжении Барабаша. Нашей контратакой германцы были опрокинуты.

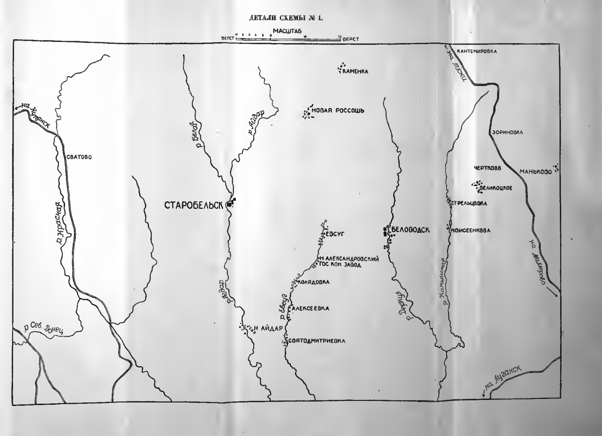
20 марта германцы пытаются занять Хорол, передвигая свои части по шоссе Лубны — Покровская - Богачка. На поддержку Донского отряда нами бросается Костромская колонна.

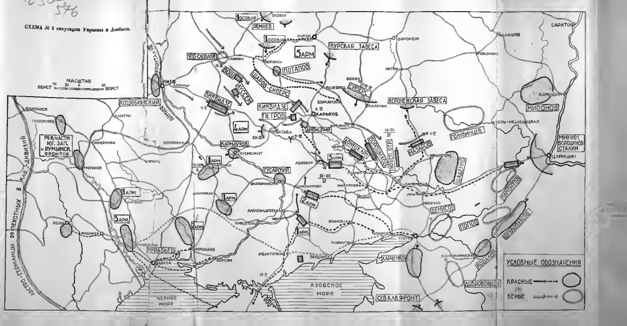
Одновременно на правом фланге Примаков, получив подкрепления из Харькова, 20 утром вновь занял Ромны.

21 утром немцы предпринимают решительную атаку. Удар на Ромны, — Примаков отступает на Лебедин.

Удар на Лохвицу, — Ауссем отходит на линию Гадяч — Ахтырка.

Удар на Хорол. Хорол занят. Ночью противник развивает свой успех от Хорола нам в тыл. 29 марта Сиверс был выкинут из Ворожбы.

ДЕТАЛИ СХЕМЫ № 1.
МАСШТАБ
ВЕРСТ
10
0
10
20
ВЕРСТ
КАНТЕМИРОВКА
на Лиски
КАМЕНКА
НОВАЯ РОССОШЬ
на Купянск
р. Белая
р. Айдар
СВАТОВО
ЗОРИНОВКА
ЧЕРТКОВО
МАНЬКОВО
ВЕЛИКОЦКОЕ
СТАРОБЕЛЬСК
СТРЕЛЬЦОВКА
р. Красная
ЕВСУГ
БЕЛОВОДСК
МОИСЕЕНКОВА
Н АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ГОС КОН ЗАВОД
на Миллерово
КОЛЯДОВКА
р. Айдар
р. Евсуг
АЛЕКСЕЕВКА
р. Деркул
р. Камышная
р. Сев. Донец
Н АЙДАР
СОЯТОДМИТРИЕВКА
на Луганск

СХЕМА № 1 оккупации Украины и Донбасса.
МАСШТАБ
ВЕРСТ 60 30 0 60 ВЕРСТ
АВСТРО-ГЕРМАНЦЫ 29 ПЕХОТНЫХ 8 КАВ. ДИВИЗИЙ
1 ОСОБАЯ
ОСЕВСК
РЕМНЕВ
1 ОСОБАЯ
КУРСК
5 АРМ.
КУРСКАЯ ЗАВЕСА
ВОРОНЕЖ
ПОТАПОВ
ЧЕХО-СЛОВАКИ
БАХМАЧ
ВОРОЖБА
ШАРОВ-СИВЕРС
ФРОНТ
КИЕВ
ДАРНИЦА
КОЦЮБИНСКИЙ
КИКВИДЗЕ
КИКВИДЗЕ
ПЕТРОВ
ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
ВОЛЧАНСК
ОСКОЛ
СИВЕРС
ВАЛУЙКИ
ВОРОНЕЖСКАЯ ЗАВЕСА
ЛИСКИ
ПОБОРИНО
БАЛАШОВ
САРАТОВ
КАМЫШИН
МИРОНОВ
ВОЛОЧИСК
ПРОСКУРОВ
КАЗАТИН
4 АРМ.
ПОЛТАВА
ДИВИЦКИЙ
КУПЯНСК
ДОНЕЦК. АРМ.
ВОРОШИЛОВ
НАЗАРОВ
ГОЛУБИНЦЕВ
УСТЬ-МЕДВЕДИЦКАЯ
МИНИН
ВОРОШИЛОВ
СТАЛИН
ЦАРИЦЫН
РЕВ. ЧАСТИ ЮГ. ЗАП. и РУМЫНСК. ФРОНТОВ
ЖМЕРИНКА
БОБРИНСКАЯ
КАРНАУХОВ
КРЕМЕНЧУГ
МОГИЛЕВ
УМАНЬ
1 АРМ.
ЗНАМЕНКА
ГУСАРСКИЙ
ЛОЗОВАЯ
3 АРМ.
МИЛЛЕРОВО
ШАДЕНКО
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
БАХМУТ
КАМЕНСКАЯ
ЛИХАЯ
1 АРМ.
ДОЛИНСКАЯ
1 АРМ.
2 АРМ.
НИКИТОВКА
ЗВЕРЕВО
МАМОНТОВ
ДЕНИСОВ
ЯССЫ
3 АРМ.
2 АРМ.
НИКОПОЛЬ
АЛЕКСАНДРОВСК
1 АРМ.
ВОЛНОВАХА
ТАГАНРОГ
РОСТОВ
ПОПОВ
ПЕТЕРМАНОВ
МУРАВЬЕВ
НИКОЛАЕВ
ОДЕССА
ХЕРСОН
МЕЛИТОПОЛЬ
МАРИУПОЛЬ
БЕРДЯНСК
ХАРЧЕНКО
КОВАЛЕВ
ДОБРОВОЛЬЦЫ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
СЕВ. КАВ. ФРОНТ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
КРАСНЫЕ
БЕЛЫЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

ОТ АВТОРА.

Всего лишь около двух месяцев продержались мы на Украине под натиском австро-германских оккупационных войск. От берегов Днестра и верховьев Днепра до границ Донобласти — этот громадный путь отступления мы проделали с чрезвычайной, почти рекордной, быстротой.

Конечно, мы имели перед собой подавляющие силы регулярных немецких войск. По исследованиям некоторых наших красных генштабистов, тт. Венцова и Белецкого, германцы бросили на Украину, для ее оккупации, 21 пехотную дивизию, 2 кавалерийских и 1 кавалерийскую бригаду, австрийцы — 8 пехотных и 2 кавалерийских дивизии. Этот расчет наверное преувеличен.

Но даже если бы в австро-германском наступлении на Украину весной 1918 года участвовали не 30, а 15 дивизий (крайняя степень допустимой поправки), то и этому планомерному натиску двухсоттысячной регулярной армии, сопровождаемой десятками тысяч иррегулярных гайдамацких банд, мы в пору наибольшего развития своих боевых сил могли противопоставить не более 20 000 бойцов.

Однако, одним этим фактом гигантского несоответствия борющихся сил объяснить столь быстрого нашего поражения невозможно.

Последующее изложение, основанное на точных документах, дает матерьял для ответа на вопрос: в чем причины столь разительных наших неудач? Только учтя эти причины, только изжив громадные недочеты в организации наших боевых сил и руководительства ими в первый период гражданской войны, мы могли построить ту Красную армию, которой по справедливости гордится наш Союз.

Составление этого тома «Записок о гражданской войне
было до крайности затруднено хаотичностью материалов
иногда отсутствием самых необходимых документов. Много
документы погибли при эвакуации нами Харькова; почти никто
из командующих «армиями» не представил письменных обосно
ванных докладов боевых операций. Чрезвычайно скудны данны
о противнике и невероятно сумбурны сведения о состояни
наших сил.

Уже по одной этой причине настоящая работа не могл
бы стать серьезным историческим исследованием. Задача автор
была скромнее: дать связное, подкрепленное подлинными доку
ментами, изложение нашей борьбы на Украине в марте-апрел
1918 года против австро-германских оккупационных войск.

В нашем распоряжении были архивы «ликвидационной ко
миссии» «украинских армий» и материалы, предоставленны
некоторыми участниками описываемых событий. Товарищ
Барабаш, Беленкович, Казюра, Малаховский оказали существен
ную помощь при разработке этих документов. Приношу им з
это товарищескую благодарность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Боевые резолюции. Фронт уходит, немцы наступают, радио успокаивает. Киев занят. Междуусобица. Дезорганизация. Призыв Кривдонбасправительства. Указание Ленина. Протест против общей демобилизации. Сговор с советским правительством Украины. Первые распоряжения. Соглашение с чехословаками.

«Капитуляторская часть партии большевиков опирается на деклассированную часть армии, а пролетариат в массе своей и также социалистическое крестьянство твердо стоят на позиции революционного социализма, требующей вооруженного отпора интернациональному империализму».

Это—из воззвания Центрального комитета левых социалистов-революционеров в конце февраля 1918 г. Поддержанные «левыми коммунистами» (Бухарин, Радек и т. д.), левые эсеры производили большой шум за провозглашение «революционной войны» германскому империализму. Без конца раздавались трескучие речи о «предательстве революции», о необходимости «погибнуть», но не уступить пред натиском «оголтелого империализма», беспрерывным потоком текли телеграммы о готовности бороться против немцев.

Ленин, во главе «капитуляторской части большевиков», спокойно отмечал: «если б столько дисциплинированных полков, сколько резолюций в пользу войны, то мы могли бы воевать с империалистами всего мира». Боевые резолюции текли потоком, и потоком текли солдаты с фронта.

Петроградский комитет революционной обороны посылал 1 марта следующий приказ:

«Всем начальникам революционных отрядов линии Петроград, Дно, Могилев, Киев, Главкозапу Смоленск, Главкосеву,

всем, всем. Результате происходящих на фронте событий наблюдается массовый наплыв солдат, бегущих от неприятеля, загромождающих железные дороги. Донесениям железнодорожных агентов, солдаты захватывают поезда, разбивают составы, расхищают грузы, угрожая всем сопротивляющимся оружием. Предписывается всем начальникам отрядов, также всем комиссарам и начальникам станций, в чьем распоряжении находится вооруженная сила, останавливать и обезоруживать бегущих. Отобранное оружие сдавать в ближайшие склады. Не желающих вступить в ряды красной армии направлять, обязательно минуя Петроград, ближайшим воинским начальникам, для дальнейшего направления по губерниям. Неповинующихся, не сдающих оружие или угрожающих применить вооруженную силу расстреливать на месте без суда. Члены комитета: Крыленко, Благонравов, Свердлов».

Приведенный приказ едва-едва дает представление о том великом «исходе оконного народа», который развернулся к этому времени. Ведь весной уже повеяло. Ведь в деревне помещичью землю начинают делить. До войны ли тут? До империалистических ли угроз?

Земля звала — фронт уходил.

Третьего марта ВЦИК большинством 116 против 85, при 25 воздержавшихся, высказался за подписание мирного договора с Германией, и мир был подписан нашей делегацией. Ратификация его назначена была на 18 марта. На 12 марта созывался экстренный Съезд советов, который и должен был окончательно решить вопрос о мире.

Борьба вокруг мира особенно обострилась в ожидании этого съезда. Между тем, немцы успели захватить Нарву, Псков, Минск, Гомель. Наступление их на Украину развертывалось систематически. На правобережьи Румчерод только-что заключил мирный договор с Румынией, которая обязалась очистить Бессарабию, но за отступавшими румынскими войсками уже вырисовывались четкие ряды австро-германских регулярных частей.

Наш Румынский и Юго-западный фронты были в полном разложении. Никакой реальной силы противопоставить немецкому нашествию они не могли. Лишь Ревком 7-й армии развивал некоторую организационную работу. «Социалистический отряд» т. Киквидзе задержал на фронте Бердичев — Житомир лишь на пару дней гайдамацкие авангарды. Киев проявлял растерянность,

беспомощность, пропускал без остановки целые массы еще спаянных частей. Никакой попытки их переформирования или хотя использования их материальных средств.

Радиотелеграф, между тем, успокаивал:

«Петроград, 1 марта.

Севернее Волочиска наступление немцев широким фронтом. Направление восток-юговосток: Луцк, Ровно, Коростень, Киев, Лунинец, Мозырь, Гомель, Шепетовка, Житомир, Казатин. Характер наступления: впереди организованные отряды гайдамаков смешанного состава, большим участием офицеров русских, германских, украинских, австрийских, польских, мадьярских. За ними идут гайдамакские войска, передовые гайдамакские части, поддержанные двумя германскими полками, из них один кавалерийский, кроме того отрядами самокатчиков и броневиками. Имеются сведения о начавшейся вражде между гайдамакскими частями. В Шепетовке на этой почве едва не разыгралось между ними вооруженное столкновение. Южнее линии Житомир, Шепетовка, Ровно, Волочиск — спокойно. Наблюдается некоторое движение гайдамаков с юга к Староконстантиновке. В районе седьмой армии из Австрии, через мадьярские войска, прорвался польский революционный легион, захвативший обозы мадьяр, и с оружием стал на сторону советской власти. В районе Проскурова советскими войсками разоружен и расформирован польский отряд, обнаруживший двусмысленную позицию».

...«Петроград, 2 марта.

Сосредоточивающиеся к Киеву гайдамаки из Коростеня остановлены, встречены боем и взрывом моста. Здесь сейчас дано распоряжение встречать наступление к Житомиру. Гайдамакские части двигаются к Бердичеву. Наши отряды социалистической армии в трехдневном сражении три раза ходили на офицерские отряды противника, затем сосредоточились за Казатином на Киев. С Житомира на Киев походным порядком идут две наши дивизии — кавалерийская и чехословацкая. Чехословаки после переговоров решительно стали на нашу сторону, сбросили с себя свои здешние буржуазные национальные советы и образовали свой совет. Чехословаков две дивизии, тысяч по 25, из-за Днепра продвигаются к Киеву, из Житомира отступают к Киеву, арьергардные стычки, сейчас они верстах в 50 западнее Киева».

Подобные сообщения о несерьезном характере немецкого в
хода, о польском легионе и чехословацком корпусе, будто б
вставших на нашу сторону, удовлетворяли потребности в сам
успокоении, но были весьма далеки от истины.

В том же духе были выдержаны и некоторые призы
Нарсекретариата Украины. Таково, например, мною уже прив
денное (в 1-м томе «Записок») обращение Нарсекретариата. Пр
зыв к организации вооруженного отпора вторгающимся имп
риалистским войскам здесь подкреплялся обещанием, что
подписании мира оккупационные немецкие войска уйдут с Украи
и гайдамакские банды будут предоставлены самим себе. На
секретариат не мог не знать, что немцы уже подписали ми
ный договор, но только не с «советами», а с Радой, и
исполнение этого договора вторгаются на Украину.

Пока мы так самоутешались, немцы наступали, а «фрон
уходил.

2 марта член военного совета первой армии Флоровск
сообщал: «Примите меры к обороне Знаменка — Фастов. 1-я арм
уходит без боя». В то же время 8-я армия погружалась в эш
лоны, также отказавшись от сопротивления. 2-я, 4-я, 6-я арм
Румфронта, обезоруженные румынами, брели дезорганизованны
толпами «домой», осаждали редкие поезда, проносили вглу
Украины одну весть: «конец войне!»

А немцы наступали.

«Донецкий Пролетарий» (в Харькове) от 1 марта сообща
«Редакция вчера в 3 часа дня делала попытку разговаривать
прямому проводу с Киевом.

На просьбу соединить с Центральным исполнительн
комитетом был получен ответ: «у нас такого нет».

Представитель редакции попросил совет к аппарату. Кие
ответил: «Еще раз повторяем, в городе никакой власти нет. П
няли?» Разговор прервался.

Из Киева по прямому проводу сообщили, кроме прерванного ра
говора, «что Секретариат Украины в ночь с 27 на 28 выехал
Киева неизвестно куда. В городе в связи с этим полный хаос

На следующий день в «Донецком Пролетарии» опубликова
следующее извещение:

«Всем советам рабочих депутатов на Украине.

Имея перед собой превосходную в числе армию противни
и не желая давать в городе Киеве бой, мы решили отступить

время за Днепр и оставить Киев. Рабоче-крестьянское правительство Украины выехало в Полтаву. В Полтаве мы формируем отряды для борьбы с германо-винниченковской бандой. Все советы должны направлять свои вооруженные отряды в этот город. Спешность и энергия прежде всего.

Народный секретарь Коцюбинский».

2 марта Киев был занят немцами, 3 марта была занята Жмеринка. Гайдамацкие шайки проникли глубоко вдоль Днепра. Все контр-революционные силы радостно всколыхнулись на-

М. А. Муравьев (в форме подполковника старой армии).

встречу немецкому наступлению. По Украине прокатилась волна противосоветских манифестаций. Железнодорожники ст. Авдеевки требуют «учредилки». В Люботине, в Славянске—вооруженные выступления кулачества. В Ростове, в Екатеринославе—демонстрации за «учредилку», попытки разоружения красной гвардии.

Натиск контр-революции возрастал. А наше сопротивление расстраивалось междуусобицей.

Муравьев в радиограмме от 3 марта, из Одессы, обвинял Народный секретариат Украины и особенно т. Коцюбинского — Народного секретаря по военным делам—в «узком национализме

и местном патриотизме», в деморализации армии и т. д. и на Народный секретариат взваливал ответственность за разложение армии и сдачу Киева «без боя»; в частности, обвинял Коцюбинского в поддержке «самозванного комитета первой советской красногвардейской армии», во главе которого стоят Моисеев и Лапидус и который арестовал командира первой советской армии Егорова, ехавшего в Петроград по вызову Совнаркома. Муравьев требовал ареста членов указанного комитета и тов. Коцюбинского.

В таком же духе еще пара телеграмм от Муравьева.

Со своей стороны, Коцюбинский и члены съезда первой армии прислали жалобу на Муравьева, арестовавшего членов армейского комитета первой армии, Моисеева, Чернова и Лапидуса, и обвиняли Муравьева, не без основания, в полной дезорганизации обороны Киева, в непомерном высокомерии, в попытках диктаторства, в великорусском шовинизме.

Нельзя было допустить развития этого раздора. Я распорядился освободить Егорова, а также Моисеева, Чернова и Лапидуса; Муравьеву телеграфировал 3 марта: «Телеграммы, подобные вашей, о причинах падения Киева, лишь увеличивают деморализацию. Народный секретариат есть верховная власть на Украине. Ошибки, творимые им, можно поправить лишь беззаветной работой с ним, во имя общего дела. В грозный час постигающих революцию испытаний будем держаться единым фронтом, поднимая общий дух своим примером».

Муравьев тотчас же отвечал: «Я принимаю все меры к единению, это доказывает ряд телеграмм, посланных Коцюбинскому о связи и взаимной поддержке. Его оперативный штаб до сих пор помимо меня сносится с армиями Румфронта. Что касается до поднятия духа, вы в этом не можете сомневаться. Если бы вы знали, в каком критическом положении нахожусь благодаря бегству регулярных войск из Жмеринки и занятию ее австрогерманцами. Я отрезан почти от центра, у меня один выход — погибнуть. Весь юг я старался поднять, но это не север, — пролетариат Одессы не дал мне ни одного батальона, и я чудом держусь и еще наношу короткие удары».

Одновременно Муравьев сообщал: «Регулярные войска отказались сражаться, и у меня имеется в распоряжении только несколько сот красногвардейцев. Одесский совет не дал ни одного

батальона.[1] Вследствие политической незрелости и бессознательности одесского пролетариата регулярные войска бросили Жмеринку, которая занята противником. Немецкие колонисты и пленные по Днестру нападают на наши части. Положение критическое, ибо ниоткуда не получаю подкрепления, денег нет, нет составов для поездов. Принимаю все меры, чтобы спасти положение, кругом измена. Примером служит посылка закупоренных ящиков с патронами, оказавшимися без пороха. Принимаю против всех саботажников самые жестокие меры, не останавливаясь перед уничтожением».

В последней вспышке угасавшей энергии Муравьев одновременно выпустил такое воззвание, с копией Петроград, Крыленко, Антонову: «В виду занятия австро-германцами ст. Жмеринки, революционные армии Румынского фронта составляют с армиями, действующими на Украине, единый фронт. Призываю вас, как старых добрых друзей, видевших мою деятельность по закреплению советской власти на Украине, объединиться для совместной борьбы с наемниками-жандармами европейского капитала и с изменниками Украинского народа — гайдамаками, буржуазией. Все мои силы, вся моя энергия и все, что могу дать, — все отдаю для борьбы за советскую власть и революцию. Станем все, как один, под красное знамя революции. Верю в наше правое дело и верю в успех. Недолго врагам праздновать свою победу. Мы нанесем им такие же тяжелые удары, как наносили в первом походе на Киев. Итак, дружно вперед!»

Меж тем, дезорганизация росла и на Киевском направлении. Из-под Конотопа сообщали в штаб Наркома в Ростов 3 марта:

«Потеряна всякая связь с ком. фронтами, войсками. Из-под Киева и Гомеля позорно бегут, бросая склады, по дороге производят дебош, положение безысходное. Необходимо немедленно назначить главнокомандующего. Спешите мерами, будет поздно».

Из Харькова 4 марта по прямому проводу:

«Харькову грозит серьезная опасность со стороны наступающих гайдамаков и австрийцев. Наступают баварская и вюртембергская дивизии, фронт в 150 и 200 верстах от Харькова. Серьезного отпора наши силы противнику оказывать не

[1] Это было несомненным преувеличением, как выяснится из дальнейшего изложения.

могут. В Харькове образовался чрезвычайный штаб, на обязанности которого лежит мобилизация всех революционных сил Донецкого бассейна. Принимаются самые решительные меры, но вряд ли можно надеяться на то, чтобы из этого что-нибудь вышло. Шлите к нам отряды, надобность в которых у вас отпадает. Здесь одно спасение видят в вас. Если вы не согласитесь, то с нашей работы ничего не получится. Надеюсь, что задержать противника нам удастся, работаем день и ночь. Местный совет, не учитывая момента, все время враждует против Совета народных комиссаров. Член чрезвычайного военного штаба военком Коляденко».

Но мы из Ростова собирались на север, еще не зная о решении Совнаркома согласиться на германские условия мира. Озабоченность об обороне Украины проявлялась нами лишь в попытках наладить отношения Муравьева с Нарсекретариатом и воздействовать на Совнарком Кривдонбасреспублики.

2 марта Совнаркому Донбаса послана телеграмма:

«Дорогие товарищи, прошу вашего немедленного распоряжения о мобилизации всех рабочих, могущих покинуть рудники и мастерские без вреда для производства. Прошу распоряжения о введении трудовой повинности и других распоряжений в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров. Ожидаю немедленного ответа».

На следующий день предсовнаркома тов. Васильченко ответил обращением ко всем совдепам и ревкомам Донбасреспублики:

«Ростов-Дон, Наркому Антонову, военно-революционным комитетам, в Никитовку, Юзовку, Бахмут, Луганск, Таганрог, Горловка, Дебальцово, вне всякой очереди, срочно, военная.

«Товарищи, враг очень близко и уже угрожает Донецкому бассейну. Немедленно все вооруженные отряды направляйте в Харьков. Являться за распоряжением на Сумскую, 13. Средства берите у капиталистов, пользуйтесь самым широким правом реквизиции, организовав для местной охраны отряды. Вводите трудовую повинность, чтобы работы не прекращались, контрреволюционеров арестовывайте, при сопротивлении расстреливайте. Совет Наркомов Донецкой республики. За председателя Васильченко».

Мы рвались на север, и уже отдан был приказ отрядам Сиверса и Саблина следовать к Москве, но 4 марта я получил

(у меня не сохранившуюся) телеграмму от Ленина, извещавшую, что немцы отказались разговаривать с украинской советской делегацией и предпринимают поход на Украину для «очищения ее от большевиков»,

Мне предлагалось, вспомнив свою подлинную фамилию, поступить в распоряжение Нарсекретариата Украины для командования всеми войсками против германо-австрийского нашествия.

Тотчас же выпущено следующее обращение:

«К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНСТВУ ДОНА И ДОНЕЦКОГО БАССЕЙНА.

Завоевания рабочей и крестьянской революции в опасности. Разбойничьи банды, подобранные из германских войск, вторгаются в глубь России и Украины, угрожают Петрограду, Москве, угрожают Полтаве, Одессе.

Товарищи-братья, все на защиту своих прав, на защиту отвоеванной земли, отвоеванной свободы.

К оружию! Образуйте отряды, присылайте своих выборных в штаб Социалистической армии в Ростов (Пушкинская, 93), в Никитовку, в Харьков (Сумская, 13), в Таганрог (адрес узнать у коменданта станции).

Здесь выдавать будут оружие, обмундирование, отсюда посылать сведущих людей, литературу.

Не дадим вернуть старое рабство. Не допустим хищных буржуев пановать в России.

К вам с революционным приветом

Народный комиссар Антонов».

Сам я выехал в Харьков, передав руководство ликвидацией остатков корниловщины Автономову.

Харьковские товарищи лихорадочно готовились к борьбе. Для них было ясно, что немцы не остановятся перед нарушением воли советов, отделившихся от Украины, и перешагнут чрез границы Донбасреспублики. Конечно, протестами во имя права наций на самоопределение невозможно было остановить империалистское нашествие.

Харьковцы готовились к борьбе, но эту борьбу они как-то отделяли от борьбы советской Украины. Болезненно обострены были взаимоотношения между ними и «Цикукой», и эта обостренность уже отражалась на ходе борьбы, предвещая много бед в будущем.

Харьковцам я заявил, что поставлю Нарсекретарю Украины непременным условием вступления в командование против немцев — сближение и соглашение с Совнаркомом Донбаса. Мы сговорились далее, что все дело формирования новых частей на территории Донбаса ведет наркомвоен Донбаса и его местные органы по определенным штатам. Артиллерийские формирования оставлены в руках тов. Кашкарова (он же инспектор артиллерии при Главном штабе). Финансовая часть передается тов. В. И. Межлаук, — члену Донбасправительства. Остальное снабжение оставалось в ведении особой тройки (склады в Константиновке), сменившей главного интенданта, арестованного «полевой инспекцией». По прежнему крайне слабой оставалась оперативная часть Главного штаба. Все не удавалось заручиться для нее ни одним серьезным специалистом. Более того, — начштаба также отсутствовал. Это был коренной недочет в организации главного управления «войсками».

Эти войска мы начали немедленно стягивать вновь на Украину. Саблину и Сиверсу даны были телеграфные предписания сосредоточиваться: первому — Харьков — Полтава, второму — Курск. Частям 4-й кавдивизии, собиравшимся «расформироваться», задержаться в Харкове. То же — Сибирской артбригаде и тяжелому артдивизиону.

Рассчитывать на эти части, впрочем, уже не приходилось,— ведь и их захватила та же стихийная тяга «домой к земле».

Нашествию германских империалистов мы должны были попытаться противопоставить «мужицкую войну».

5 марта я вызвал И. С. Кожевникова, старшего механика харьковского телеграфа, и предложил ему с его группой дельных товарищей (телеграфистов) принять на себя задачу военной организации деревень Полтавской и Харьковской губерний. Вся полоса пред Харьковом, Полтавой и далее до Днепра должна быть охвачена боевой организацией крестьянства: в каждом селе — вооруженная группа, она держит связь с соседним селом и в тылу — с губернским или уездным центром. Сплетается целая сеть мужицких организаций, способная замотать любую неприятельскую разведку или малую часть, прикрыть наше движение, действовать на фланги и тыл противника.

Кожевников согласился взять на себя эту работу.

5 же марта прибыло такое сообщение из Петрограда: «Сегодня в 7 час. утра получено официальное извещение, что

наша делегация подписала вчера 3 марта в 5 час. дня мирный договор с Германией и ее союзниками. Делегация сейчас должна находиться в Петрограде. Текст мирного договора будет опубликован немедленно по возвращении делегации. Ратификация на окончательное утверждение мирного договора назначена на 17 марта и зависит от Всероссийского съезда советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который согласно решения Центрального исполнительного комитета соберется в Москве 12 марта. Председатель Совнаркома Вл. Ульянов (Ленин). Л. Троцкий».

А следом — приказ главковерха Крыленко: «Прекратить военные действия, оставаясь на занимаемых в настоящий момент позициях».

Этот приказ приходил для войск Юго-западного и Румынского фронтов с отчаянным запозданием: военных действий давно не было, не было никаких устойчивых позиций. Лавина солдат катилась стихийно с фронта.

В частях, находившихся в нашем распоряжении, наблюдалось полное господство демобилизационных настроений. Это настроение, конечно, в громадной степени укреплялось подобными приказами. Наши «северяне» совершенно не считались с особым положением Украины и с задачами, на нас возложенными. В приказе наркомвоен о всеобщей демобилизации, свалившемся на нас совершенно неожиданно, вслед за приказом Крыленко, никаких оговорок относительно наших войск на Украине также сделано не было.

Пришлось резко отозваться на эти распоряжения:

«Петроград, Совету наркомов Ленину, копия Наркому Подвойскому. Самым решительным образом протестую против объявления общей демобилизации. Вы должны снестись со мной, раз возлагаете на меня ответственность. Требую объявления телеграммой, что демобилизация не касается войск, действующих на Украинском фронте. Вся моя артиллерия и кавалерия гибнет. Ваше распоряжение не оговорено для артиллерии, кавалерии и определенных фронтов. Уберите долой непонимающую дела коллегию военных комиссаров. Пусть не портят дела. Положение можно было спасти, теперь ничего не знаю, — вы лишили меня армии.[1] Антонов».

---

[1] Насколько я помню, никакого ответа я не получил, никаких разъяснений дано не было.

Безнадежность борьбы с регулярными войсками австро-германского империализма в этих условиях была совершенно ясна для нас. Но нужно было, тем не менее, вести эту борьбу, хотя бы она не обещала ничего, кроме поражения, и могла окупиться лишь в отдаленном будущем.

6 марта я выехал в Полтаву, где находился Народный секретариат Украины. Нарсекретариат застал «на походном положении» — в эшелоне на Киевском вокзале.

Ни тов. Скрыпник, ни тов. Киквидзе, явно оскорбленный моим назначением (он уже именовал себя «главнокомандующим украинскими советскими войсками»), не обладали сколько-нибудь точными сведениями о противнике.

Киев был покинут, повидимому, без достаточных оснований, без должной обороны. Киквидзе, после трехдневного «успешного» боя с гайдамакскими авангардами под Бердичевом, прошел Киев не задерживаясь (некоторое сопротивление немцам было оказано лишь незначительным отрядом т. Чудновского) и сейчас, потеряв всякое соприкосновение с противником, расположился со своим отрядом (до 2 000 штыков) у Ромодана.

Германские войска, по словам т. Скрыпника, представляли незначительные сборные отряды ударников, которым сопутствовали иррегулярные банды гайдамаков.

Гомель—Бахмач будто уже в руках этих банд. Между Дарницей — Крутами — Гребенкой части чехословацкого корпуса, погружающиеся в эшелоны. Чехословаки, обещавшие оказать нам поддержку на подступах к Киеву, на деле покинули Киев без боя. Нарсекретарь по военным делам Украины тов. Коцюбинский вел переговоры с командованием чехословацкого корпуса и как будто обещал не чинить препятствий их отъезду с Украины.

Рассчитывать на боевую силу этой мощной, дисциплинированной военной единицы не приходилось: снабженная реакционным, большей частью русским, офицерством, она дышала верой в благожелательность Антанты к будущей независимой Чехии и мечтала вырваться из России на «западный» фронт. Мы могли лишь надеяться, при поддержке Центрального комитета чехословацкой социал-демократической партии, перебравшегося также в Полтаву, отколоть от чехословацкого корпуса некоторые революционные элементы, и тов. Киквидзе имел в своем отряде батальон чехословаков, великолепно дравшихся против империалистических войск.

Состояние наших вооруженных сил на левобережьи было самое плачевное. У Киквидзе — до 2 000 штыков и до 8 орудий, это и была единственная боеспособная сила украинской «армии». К этому надо еще прибавить несколько отрядов — Примакова, Кулика, Ауссема — и части киевской красной гвардии, «формировавшиеся» в Полтаве. Ревштаб с суетливым и «себе на уме» полк. Бокитько создавал в Полтаве, без должного нашего надзора, новые «украинские» части и имел под своей командой уже украинский кавалерийский полк и пару батарей. Направление Бахмач—Курск усеяно какими-то мелкими отрядиками, возглавленными несколькими «главнокомандующими»: в Конотопе — Лопатиным, где-то еще — Ремпевым (он же командарм 2-й Муравьевской, которая «формировалась» почему-то на севере Украины).

В Брянске — штаб «западного фронта», командование над которым т. Берзин оспаривал у тов. Мясникова.

Сведения с «правобережья» были столь же неопределенны. Точно не было известно, какие силы наступают, не была известна сколько-нибудь определенно дислокация наших частей. Но, в общем, положение на «правобережьи» казалось более устойчивым.

Оно рисуется из следующего сообщения начсвязи при военно-революционном штабе Екатерининской дороги Кульбачко от 5 марта: «Комендант ст. Знаменка просит прислать ему 10 паровозов резервом для перевозки эшелонов 8-й армии, следующих в Екатеринослав. В пути между Голтой и Елизаветградом 22 эшелона 8-й армии. 3 эшелона стоят в Знаменке, 3 поезда с продовольствием на Петроград, 2 поезда на ходу. Ст. Знаменка забита эшелонами отпускных солдат.

«Вчера вечером комендант Орленко в Знаменке передает, что Бобринская занята вольным казачеством. Разведка доносит, у казачества орудие 3 дюйм. и несколько пулеметов. Отряд Клименко (1-й Екатеринославский Брянский отряд) находится между Фастовым и Бобринской и окружен. Требуемое подкрепление из Кременчуга не прибыло.

«Клименко вчера доносил — у него вышиблено одно орудие, раненых нет. В отрядах гайдамаков и вольного казачества убитых и раненых много, эти отряды разбиты. Из Слободки Муравьев сообщает, что наши войска расположились и концентрируются по Днестру — Слободка, Бирзула, Аккерман. Надежды на наш успех есть. Из Знаменки на Одессу послали вчера и поза-

вчера три эшелона матросов около трех тысяч человек с бронепоездом, при одном 8-дюймовом (шестидюймовом?) орудии».[1]

Сообщения, как видим, были скудноваты. Наши силы ничтожны.

Решение было принято быстро: на «левобережьи» ограничиться обороной, связывающей противника; основной удар подготовить на «правобережьи», в направлении Фастов — Киев.

Тотчас же были даны соответствующие распоряжения:

1) Тов. Коляденко, члену чрезвычайного военного штаба, назначенному начальником боевого участка — Знаменская, Бобринская, Елизаветград: «Неприятель занимает Черкассы—Бобринскую, отрезав отступивший из Фастова отряд тов. Клименко. В Елизаветграде отряд тов. Беленковича до 150 человек. Войска т. Муравьева занимают фронт по Днестру до Бирзулы. В Гребенке — Бахмаче наши войска. Неприятель распространяется от Дарницы и Фастова. Вам надлежит установить связь с Беленковичем и Клименко, отбить Бобринскую и через Елизаветград войти в связь с Муравьевым для общего наступления к Фастову. Поддерживайте связь с Полтавой, Екатеринославом и непосредственно с моим штабом в Харькове».

2) Павлоградскому ревштабу телеграфно предписано предоставить в распоряжение Коляденко «первый революционный отряд» и вообще направлять вооруженные силы на Знаменку. Екатеринославскому ревштабу — выделить в распоряжение тов. Коляденко бронепоезд и 300 человек прикрытия.

3) Тов. Примакову — начальнику рудничных партизан: «Надо спешно усилить наш правый фланг. Немедленно выступайте Бахмач — Нежин. Войдите в связь с нашим отрядом у Городни, поднимите на борьбу Чернигов, Нежин, Круты — Бахмач. Держите связь с нашими в Ромодане и Гребенке. Сообщения посылать в Курск, в полевой штаб — Зубицкому, в Ворожбу — Лопатину, в Харьков — мне. Об исполнении предписания известите».

С отрядом Примакова должна была отправиться группа украинских работников, во главе с беззаветным товарищем Евгенией Бош и Ю. Пятаковым, для боевой организации Черниговщины.

4) Тов. Киквидзе — прочно занять Черкассы и Гребенку, войти в соприкосновение с противником, связывая его движение мелкими действиями к Дарнице и поддерживая связь с Прима-

[1] Очевидно — отряды черноморцев: Мокроусова и Полупалова.

ковым и, по возможности, с Клименко. Тов. Чудновскому—передать свой отряд т. Аусcему; Аусcему—войти в подчинение Киквидзе. Чудновскому — организовать снабжение Полтавского боевого участка.

За предписаниями следовало бодрое, без задержек, исполнение. Примаков в тот же день двинулся к Бахмачу, во главе отрядов: червонного казачества (до 150 чел.), Кулика — 35 чел., Винницкого — 70 чел., Петроградских артиллеристов — 70 чел. при 3 орудиях. С ним — группа ответственных украинских работников. Аусcем, приняв от Чудновского отряд в 500 чел., выступил на Гребенку.

С тов. Немировичем, назначенным вместо Коцюбинского Нарсекретарем по военным делам Украины, мы сговорились о подготовительных шагах по мобилизации крестьянства и создания регулярных частей. Под его руководством должен был работать особый мобилизационный штаб во главе с тов. Разживиным (из 2-й армии Юго-западного фронта).

С ревштабом Полтавы (Барон и Бокитько) мы наметили план обороны Полтавы, в связи с Харьковом, — предполагалось организовать крестьянство в сеть боевых дружин, уничтожить излишние переправы, укрепить ограниченное их число. Подробный план должен быть мне представлен в течение недели (это не было выполнено).

Эти распоряжения в основном оформлены следующими приказами:

№ 1.

Приказ Верховного главнокомандующего всеми войсками Украинской народной республики.

Полтава, 7 марта 1918 г.

На основании постановления Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины, я принимаю на себя с сего числа Верховное главнокомандование всеми войсками Украинской народной республики.

Верховный главнокомандующий всеми войсками Украинской народной республики, Народный секретарь Овсеенко (Антонов).[1]

[1] Этакий громкий титул не я себе сочинил, — Нарсекретариат решил что надо «покрыть» всех «главкомов», тогда уже выявившихся числом до пяти.

№ 2.

Приказ Верховного главнокомандующего всеми войсками Украинской народной республики.

Полтава, 7 марта 1918 г.

Назначаю:

1. Товарища Киквидзе — командующим Полтавским участком фронта.

2. Товарища Виталия Примакова — командующим Бахмачским участком фронта.

3. Товарища Коляденко — командующим Знаменским участком фронта.

4. Товарища Сергея Бакинского — начальником военных сообщений всего фронта.

5. Товарища Григория Разживина — заведующим мобилизационным отделом Полтавского района.

6. Товарища Барона — комендантом в г. Полтаве.

Верховный главнокомандующий всеми войсками Украинской народной республики

Народный Секретарь Овсеенко (Антонов).

7 же марта состоялось заседание Нарсекретариата Украины. На нем ясно сказался раздор, подрывавший работу. Я не вдумывался тогда в эти групповые расхождения. Но, поскольку группа Е. Бош, Ю. Пятакова, Ауссема, Бакинского бралась как будто более активно за организацию сопротивления немцам, мои симпатии были на ее стороне.

На следующий день телеграфировал Ленину:

«Постараюсь до 17-го сорганизовать и нанести вторгающимся немецким бандам такие удары, чтобы им неповадно было соваться к Питеру — Москве. Вчера в первой беседе с Нарсекретарем Украины поставил, до моего согласия на их предложение, вопрос: не находят ли целесообразным создание временного для борьбы с империалистическим нашествием Союза советских республик Юга, указав им, что Нарсекретариат не признается Доном, Кубанью, Крымом, Одессой, Донбассом за всеюжную власть. Предоставив будущему (свободному) соглашению народов Юга распределение границ автономных областей, сейчас создать боевой объединенный центр для защиты революции. Украинская

центральная рада, под прикрытием немецких штыков, претендует на весь Юг России.

Спорили недолго. Скрыпник особенно отстаивал прерогативы Нарсекретариата. В результате мое предложение приняли, но потом в Цикуке его здорово исказили (не знаю точно текста длиннющей декларации). Как бы то ни было, а важный политический шаг совершен. Здорово попорчено дело — расхлябица, подлая трусость и напыщенное самодурство и помпадурство, политиканство, словом — дрянной народ, но лишь бы согласились подчиниться, и надеюсь сладить. Муравьева сумею держать в руках, но напишите Русско-румынской коллегии о предоставлении всех их сил в мое распоряжение. Здесь мало дельных работников среди крестьян по организации социалистической армии. Нужны они, литература, агитаторы, отчаянные головорезы. На наступление империалистов ответим организацией беспощадной гражданской войны».

Отмеченная в этом сообщении «декларация» гласит:

Декларация, принятая Ц. И. К. Сов. Украины на заседании 7 марта 1918 г.

«1. Мы никогда не рассматривали Украинскую советскую республику как национальную республику, а исключительно как советскую республику на территории Украины.

2. Мы никогда не стояли на точке зрения полной независимости Украинской народной республики, рассматривая ее как более или менее самостоятельное целое, связанное с общероссийской Рабоче-селянской республикой федеративными узами.

3. Одновременно мы не возражали против образования различных советских объединений, оставляя разрешение вопроса о взаимоотношениях их как с краевой, так и центральной общефедеративной советской властью до более подходящего времени.

4. В настоящий момент, когда объединенная буржуазия, частью открыто, как Центральная украинская рада и ее новейшие союзники — австро-германские империалисты, частью скрыто, как буржуазия российская, Дона, Крыма и др., грозят раздавить Рабоче-селянскую власть Украины, притом Украины в границах III и IV универсалов, т. е. в том числе и те части Украины, которые составляют Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую советские республики, именно теперь особенно необходимо тесное объединение всех советских организаций.

5. Центральный исполнительный комитет призывает все советы к такому объединению на следующих основаниях:

а) Объединение создается в целях всемерной вооруженной защиты советской власти на территории, на которой организуется особый Комитет по борьбе с контр-революцией из представителей поименованных в п. 4 советских республик.

б) Ни одна из входящих в союз республик не может без ведома и согласия правительств остальных республик выйти из объединения и заключать секретные соглашения.

в) К этому Комитету переходит вся полнота власти по формированию, организации и руководству военно-техническими силами.

г) Главнокомандующий войсками Украинской народной республики т. Овсеенко (Антонов) назначается общим главнокомандующим всеми военными силами.

6. Все средства, необходимые для успешного ведения гражданской войны (финансы, продовольствие, обмундирование, оружие и т. п.) распределяются объединенными комитетами.

7. В целях создания всех необходимых объединенных организаций на 15 марта 1918 года в Екатеринославе созывается конференция представителей поименованных республик по два представителя от правительства каждой республики».

О назначении Главковерха сообщено было в следующем воззвании:

«Центральный исполнительный комитет советов Украины и Народный секретариат Украинской республики призывает всех, кому дороги интересы трудящихся масс, кто готов бороться за дело социализма, встать с оружием в руках.

Центральный исполнительный комитет советов Украины, Народный секретариат Украины постановлением от 7 марта 1918 г. выбирает тов. Овсеенко-Антонова Народным секретарем Украинской республики и назначает его Верховным главнокомандующим всеми войсками Украинской народной республики. Все мобилизационные отделы советов, все мобилизационные штабы местные и районные, все местные штабы, все отряды советских войск, все командующие отдельными революционными отрядами, группами, фронтами и армиями обязаны немедленно снестись с Верховным главнокомандующим Овсеенко-Антоновым и получить от него приказы и полномочия. Все военные операции производятся по приказам Верховного главнокомандующего тов. Овсеенко-Антонова или назначенных им военных командующих. Все коменданты железнодорожных станций, городов и других опорных пунктов утверждаются и назначаются Верховным главнокомандующим. Все советские организации обязаны всемерно содействовать военным действиям, руководимым Народным секретарем, Верховным главнокомандующим. Все комиссары обязаны безусловно исполнять предписания Народного секретаря, Верховного главнокомандующего войсками Украинской народной республики Овсеенко-Антонова. Всякое сопротивление в борьбе рабочего класса и крестьянства против контр-революции будет подавляться беспощадно.

В тяжелые дни испытания Народный секретариат Украинской народной республики от каждого рабочего, крестьянина, от каждого трудящегося, от всех, кто был угнетаем тяжелой жизнью, нищетой, гнетом капитала и порабощенным — ждет дружного отзыва на призыв к борьбе.

Соединенная и сплоченная самоотвержением, проникнутая пролетарской дисциплиной, красная Социалистическая армия, под верховным главнокомандованием испытанного борца с контр-революцией, грозной стеной станет на защиту социализма.

Крестьяне, поступайте в Красную армию для борьбы против помещиков, капиталистов и с буржуазной Центральной радой, которую поддерживают штыками германского империализма. Враг будет силен только нашей разрозненностью, наша сплоченность и дружная борьба победно отразят врага.

К оружию, товарищи!

Полтава, 9 марта 1918 г.

Муравьеву еще 5 марта сообщено о принятии мною общего командования против немцев. Муравьев косвенно ответил такой телеграммой:

«Подвойскому, Наркому Антонову. Прошу разрешить приехать в Петроград для доклада о положении дел на румынско-австро-германском фронте. Заместителем моим может быть назначен бывший главкоюз Гусарский, который состоит при мне по формированию отрядов красной гвардии. В связи с заключением мира с Австро-Германией, личный доклад крайне необходим. В изменившейся обстановке меня можно совсем заменить на должности главнокомандующего другим лицом. Помимо всего, я болен и едва нахожу силы оставаться в должности главнокомандующего, требующей огромного напряжения сил. Итак, прошу, прежде всего, разрешения поехать в Петроград для доклада, а во-вторых, замены меня другим лицом».

Чтоб удержать Муравьева для работы на Украине, ему послано 7 марта такое письмо:

«Нам необходимо свидеться. Выеду для этого, как и для других дел, в Екатеринослав и буду в нем 10 марта утром. Телеграммой я вам сообщил, что принимаю главное командование на юге. На этом настаивал Совнарком, с этим согласились Сов. Нар. Ком. Донецкого и Криворожского бассейнов и об этом упрашивали меня члены совета Нарсекр Украины. Чтобы легализироваться, я называюсь своим настоящим именем Овсеенко. Мне дается вся полнота власти, и никто мешать не будет. Вы знаете мое отношение к украинскому национализму, но дело обстоит так, что если на юге победит империализм, гибель нашей революции, в этой ее стадии, неминуема. По разъяснению немцев, мир подписан только с северной Россией и не с новым Украинским правительством, а с Радою, Рада и идет с немцами против советской власти на Украине, а под Украиной разумеется весь юг до Дона. Надо приспособиться к этому положению и поступить на службу к южнорусскому союзу советов. Я так и ставлю вопрос перед украинцами. Необходимо нам всем помочь

югу, иначе отразится скверно на севере и на всей революции. Ответьте телеграммой кратко — «согласен, еду» или..., но хочу думать, что или не будет.

К вам сердечно дружески расположенный Антонов».

Меж тем, в подборе сотрудников для главного штаба встретились крайние затруднения. Кроме нескольких комиссаров для поручений, не было работников в оперативном отделе. Временно, до приезда Муравьева, начштабом был взят полковник Бокитько. Бокитько уже тогда казался подозрительным, мне хотелось ближе к нему приглядеться и оттянуть его из Полтавы. Он, в конце концов, был у нас единственным подлинным военным специалистом.

Тотчас же были приняты меры к установлению подлинной картины на фронте, — был направлен порученец по линии Курск—Дарница. Ему поручено проинспектировать службу связи и командования, собрать точные сведения о состоянии наших частей во всех отношениях и передать указания относительно порядка подчиненности, связи и тыловых баз.

Путаницу в командовании решено прекратить крутыми мерами. В Конотоп был послан приказ:

«Тов. Лопатину. Кончено с безначалием, путаницей. Назначенный Главнокомандующим всеми войсками юга, призываю вас к подчинению. Мною назначен временно командующим на вашем боевом участке тов. Примаков (Бахмач). С приездом Шарова, командование переходит к нему. Неподчиняющиеся объявляются предателями и подлежат расстрелу, как стоящие вне закона. В вашем согласии подчиниться я уверен. Никаких выборных командующих я не признаю. Получат власть только уполномоченные мною. Немедленно прекратите отдачу каких-либо общих распоряжений, запросите их от товарища Примакова (Бахмач) до прибытия из Курска тов. Шарова. Немедленно ответьте, согласны ли подчиняться моим распоряжениям». (Лопатин ответил согласием.)

Одновременно был извещен телеграфно Примаков о назначении его временно, до прибытия Шарова из Курска, командующим всеми революционными силами по линии Курск — Гомель, с задачей вести разведку к Дарнице, закрепившись заслоном к Городне.

В подкрепление этой телеграммы, порученец Васильев должен был передать Примакову такой письменный приказ:

«Тов. Примакову. До прибытия тов. Шарова из Курска (передайте Шарову командование всеми силами по линии Курск—

Дарница) вы являетесь командующим этими силами. Заставьте подчиняться себе, неподчиняющихся арестуйте. Вам надлежит: обеспечив свой правый фланг со стороны Гомеля надежным заслоном у Городни и организацией крестьянских партизанских отрядов в Черниговской губернии, поддерживать связь с Киквидзе у Ромодана — Гребенки и вести сильную разведку к Дарнице, не бросая больших сил к ней без уверенности в обеспеченности вас от наступления из Гомеля». [1]

Шарову, вызванному с отрядом из Таганрога к Курску, передано следующее письмо:

«Батарею в 4 орудия посылаю. Пулеметчиков и артиллеристов под рукой нет. Пехотные части присоедините на дороге. Обратите внимание на штаб в Ворожбе (тов. Лопатин), ему дано предписание подчиняться вам. Торопитесь к Бахмачу, где временным командующим назначен Примаков. Не называйте себя главнокомандующим, а командвойск. Примаков знает, что должен подчиниться вам по прибытии. Вам надлежит держать связь с тов. Киквидзе в Гребенке, в Ромодане и со мною в Харькове. Пока наступление прямо на Киев предпринимать не думаю. Это наступление пойдет правым берегом Днепра к Жмеринке — Фастов, вы же продвигайтесь к Дарнице, организуя крестьян для партизанской борьбы с местными контр-революционными силами и с нашельцами. Борьба должна быть беспощадной. Организуйте особые партии подрывников, но лишь в тылу неприятеля, распускайте в его тылу панические слухи, всеми способами уничтожайте контр-революционеров. Вам, одновременно с батареей, посылаются несколько пудов пироксилиновых шашек со всеми принадлежностями. В отрядах выделяйте специалистов для действия с ними маленькими партиями. Оставляйте на местах инструкторов для социалистической армии. Старайтесь обходиться без реквизиций, оставьте продовольственную базу в Курске и наладьте поезд снабжения. Санитарный поезд в ваше распоряжение будет отправлен, дам об этом особую телеграмму. Броневики придут. Прежде движения большими силами к Дарнице, необходимо закрепиться со стороны Гомеля. Организуйте Чернигов — Нежин, обеспечьтесь со стороны Новозыбкова, поставьте разведку так, чтобы знать о группировках сил в Гомеле и суметь помешать наступлению оттуда на Бахмач. Обратите вни-

[1] 10 марта Примаков сообщил о получении им этого письма.

мание на Глуховский уезд, там сильны гайдамакские настроения. Держите связь с Брянском. Сообщите мне о получении письма, о прибытии батареи и т. д. Тов. Васильеву дайте трех-четырех человек для сопровождения ординарцами. Можете с ним послать письма к начальникам отдельных отрядов о вашем назначении. Торопитесь в Бахмач, немедленно отправьте мне нарочного с указанием, чего вам не хватает».

Из рудников меж тем приходили вести, свидетельствующие о боевом возбуждении передовых рабочих. И рядом проявлялась в сильнейшей степени наша неорганизованность. Из «секретариата» (Никитовка) сообщали:

«На Фурсовом руднике готов отряд в 80 человек, просят направить на фронт и дать полное обмундирование. Кроме того, необходимо ваше распоряжение на Дебальцево, готов отряд в 150 человек. Начальник отряда — начальник красной гвардии, все рвутся в бой. Необходимо иметь один определенный пункт, откуда подобные отряды могли бы в полной боевой готовности выступить на фронт. Окружающие советы не знают, как поступить, от этого страшно страдает дело. Харьковская организация слишком медлит. О существовании военного отдела в Харькове никто из советов не знает. Вообще в данном деле необходимо проявить больше, чем это делает Харьков».

Внимание военотдела в Харькове было обращено на это положение в Донбасе, вместе с тем указано «секретариату»:

«Газету (мы продолжали начатое в январе издание «Известия Рев. Войск») выпустить с заявлением, что постановлением Центрального исполнительного комитета Украины, Народный комиссар по борьбе с контр-революцией Антонов-Овсеенко уполномочен быть Верховным главнокомандующим всеми революционными силами Украины. Опубликуйте следующее распоряжение от 7 марта: по соглашению с Советом народных комиссаров Донецкого бассейна, тов. Рухимович назначается заведующим отделом формирования революционных войск в Донецком и Криворожском бассейнах. Учреждаются штабы Социалистической армии в Ростове, Таганроге, Мариуполе, Никитовке, Юзовке, Екатеринославе и Харькове. Условия службы: каждый солдат Социалистической армии получает 50 рублей в месяц, его семья получает паек, определяемый местным советом депутатов, пока же выдается пособие в размере 100 рублей в месяц жене, по 50 рублей на каждого нетрудоспособного члена, 25 руб-

лей на каждого ребенка моложе 16 лет. Это пособие выдается только местными революционными организациями и по специальным денежным именным спискам. Каждый солдат революционной армии получает особую солдатскую книжку, где отмечается выдача жалованья, обмундирования, снаряжения и т. д. Всем организациям и отдельным лицам, работающим по формированию революционных отрядов в Донецком бассейне, войти в сношение со штабами, подчиненными тов. Рухимовичу. Никакое формирование не должно проходить вне контроля этих штабов».

Дополнительно отряду в Дебальцево дано предписание — направиться к Знаменке в распоряжение Коляденко. Туда же направлен отряд (300 чел.), организованный тов. Морозовым в Гришино.

Благодаря энергичной работе отдела артиллерийских формирований, под руководством Кашкарова, удалось в тот же день, 8 марта, направить в распоряжение коменданта г. Полтавы т. Барона два артвзвода и в Курск Шарову — батарею («первая стрелковая красногвардейская батарея» — 4 орудия) под прикрытием хорошего, хотя и небольшего (до 100 чел.) Нежинского отряда красной гвардии. Санитарный отдел, руководимый, как во времена Каледина, все тем же неутомимым доктором Либманом, также заработал полным ходом, срочно выполняя предписания послать: два санитарных поезда — в Полтаву, выделив старших врачей; один поезд — в Курск, в распоряжение командующего боевым участком Шарова; два поезда — в Екатеринослав, выделив старшего врача боевого участка и действуя по указанию Ревштаба.

8 марта пришло извещение, что Примаков занял ст. Бахмач без боя, — на вокзале оказались всего два гайдамакских разведчика. Но уже чувствовался нажим на Бахмач регулярных немецких частей от Гомеля и Дарницы. На жел. дорогах царил хаос. Все станции забиты составами с военным имуществом с фронта. Толпы «отпускников» осаждали редкие поезда. Громадные Конотопские артсклады эвакуировались.

В этом столпотворении тонули усилия немногих боевых товарищей. Свое положение они еще осложняли препирательством о командовании. Несмотря на неоднократно повторенные им указания, что, до прибытия Шарова, командует на этом направлении Примаков, — раздор продолжался. В нем принял участие и Ремнев, проводивший неуловимую работу «формирований» в районе Брянск — Конотоп.

Примаков действовал энергично. Ему удалось установить дружественный контакт с частями чехословацкой дивизии, отступавшей без боя из-под Киева, и убедить 6-й и 4-й ее полки принять участие в обороне Бахмача.

Но это участие чехословаков в борьбе с немцами представлялось эпизодическим. Их командование настаивало на пропуске всего корпуса с Украины «на западный фронт» через Владивосток. Все увещевания остаться на Украине, для общей борьбы с немцами, были безуспешны. Руководители чехословацкого корпуса ссылались на прямые указания своего Национального комитета, действовавшего по сговору с Антантой, с силами которой корпус должен был составить «единый фронт». Мы не знали еще тогда о переговорах чехословацкого командования в Киеве с германцами и о заключенном между ними «перемирии». Мы не могли особенно настаивать на задержании этого корпуса на Украине, ибо понимали, что сколько-нибудь значительной боевой поддержки ему оказать, пока что, не сможем и что главную тяжесть ударов от немцев ему придется первое время вынести на своих плечах.

«Ну, а что вы можете поставить в бой рядом с нашим корпусом?» — спрашивали меня депутаты чехословаков Макса и Гирса. И я должен был отвечать, что в первые дни не можем дать никаких регулярных частей.

Оставалось по возможности безболезненно пропустить многочисленные эшелоны корпуса с Украины, удовлетворившись обязательством его командования сдать в Харькове — Курске — Орле бо́льшую часть вооружения (эти обязательства были выполнены чехами далеко не точно). Переговоры с чехами мы закончили 9 марта, и в тот же день, дав ряд предписаний по штабу, договорившись с Харьковским штабом по созданию оборонительной линии по р. Псиол, в связи с работами Полтавского штаба, я выехал в Екатеринослав.

По дороге, в Павлограде, застал кипучую, но бестолковую деятельность, — молодые люди хороших намерений, считавшие себя анархистами, хлопотали над формированием иррегулярных отрядов, кадров для которых не имели, а оружием располагали в переизбытке. Ревштабу Павлограда дано предписание направлять силы в Екатеринослав, в распоряжение командующего «первой армией», — Павлоград рассматривать, как одну из баз снабжения «южного фронта».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Конфликт с 8-й армией. Положение на правобережьи — бои у Слободки и Бирзулы, договор с Румынией 9 марта, расстройство тыла, Муравьев наводит порядок, беднота — за нас. Организация «мужицкой войны» на левобережьи. Формирование без кадров. Громадные силы противника. Чехословаки отъезжают.

В Екатеринославе, по внешности, было все спокойно. Через станцию торопились с фронта эшелоны 8-й армии. Армейский комитет направлял их в глубь России. Мною приказано: эшелоны 8-й армии задержать в Харькове, отобрать все воинское имущество, необходимое нам для формирований; комсоставу и армкому 8-й предложено направиться в Донбас, в распоряжение «центроштаба». Поднялась буча «во имя демократических начал» и т. д. Посыпались телеграммы т. Ленину, Подвойскому, «всем, всем, всем». Подвойский «запросил». Но приказ был проведен.

В Екатеринославе действовал штаб, во главе с т. Авериным, рабочим Брянского завода, весьма популярным в городе, но не знавшим военного дела. При штабе — «бюро по организации добровольческой рабоче-крестьянской армии», где работали несколько молодых военных. Этот штаб был подкреплен расторопным тов. Волковым.

Муравьев, несмотря на телеграфный вызов, в Екатеринослав не явился, пришлось вторично телеграфировать ему Николаев — Одесса по местонахождению.

Командная путаница на правобережьи была устранена подчинением Коляденко вр. командарму первый Асееву. Ревштабу было предписано принять меры к созданию оборонительной линии по р. Ингулец и обеспечению солидной базы в Криворожьи (здесь хорошо работал по формированию рабочей красной гвардии тов. Олейник). Ревштабу подчинен матрос Сухоруков,

получивший задание сформировать легкую флотилию на Днепре для прикрытия правого фланга оборонительных позиций вблизи Екатеринослава и для эвакуации Кременчуга.

В письме, посланном Муравьеву с Егоровым (копия этого письма не сохранилась), сообщены данные о положении на всем фронте изложен оперативный замысел и отданные мною распоряжения.

На усиление первой армии направлен боевой отряд донбассцев (Жлобы), а также Гребенковский отряд (Ревуцкого).

«Начальнику авиационных частей» Ласкину дано предписание — послать «летательную эскадрилью матросов-балтийцев» в Кременчуг, 9-й армейский авиотряд — в Екатеринослав.

В Екатеринославе оказался уже поезд Нарсекретариата Украины; здесь, в Екатеринославе, созывался Всеукраинский съезд советов...

После подробных расспросов выяснилось более или менее точно положение на правобережьи.

Ликвидированный румынами «Румфронт» и развалившийся Юго-западный протащились по правобережью десятками поездов снаряжения, всякого хлама вперемежку с «отпускниками». Лишь весьма незначительная часть громадных военных масс этих фронтов была закреплена нашими комитетами, составив основу вооруженных сил Муравьева, разбивших румын при их наступлении на Одессу.

К началу марта под командованием Муравьева числились три армии. Первая (командарм Асеев, а затем Егоров) состояла из неопределенного числа неоформленных отрядиков, не сумевших удержать Жмеринку под слабым напором австрийских авангардов. Третья несла наблюдение по линии Днестра. В нее входил так называемый Тираспольский отряд. [1] Этот отряд занимался серьезной организационной работой. Наблюдение по Днестру он установил, опираясь на поддержку крестьянства. Его штабом предпринимались попытки дальнейших формирований. Показателен в этом смысле следующий приказ:

«2 марта 1918 г. Штаб Тираспольского отряда Чеобручскому сельскому комитету и военному комитету. С получением сего, предписываю приступить к формированию у себя 3 рот численностью до 150 человек каждая, независимо от выполнения работы согласно приказа № 1. В каждой сформированной

[1] Отряд сформирован из частей Румфронта 13 января 1918 года.

роте произвести выборы начальствующих лиц и фамилии таковых сообщить в штаб к 18 часам 3 сего марта. Из пулеметчиков составить отдельную команду при ваших ротах. Из остальных, подлежащих мобилизации, сорганизовать дружину внутренней охраны. Сорганизованным ротам держать связь со Слободзеевским отрядом и с полевым штабом. Активные боевые действия предпринимать только по распоряжению полевого штаба. Комендант района (подпись)».

Вновь мобилизуемые, не знающие военного дела, должны были поступать в запасный красногвардейский батальон, штаты которого были утверждены 3 марта.

Так же порядочно велась работа штаба Тираспольского отряда и по конской мобилизации.

В состав Тираспольского отряда к началу марта входили: 1-й Днестровский пехотный полк (3-батал. состава), образованный из осколков 8-й армии, 2-й Добровольческий отряд, отряд комитета Двенадцати (из Одессы), команда пеших разведчиков, Партизанский пешеконный разведывательный отряд, Коннодобровольческий — Никольского, Бендерский конный — «смерти», 5-й и 6-й Заамурские конные полки, три сводных батареи, 1-я и 3-я батареи 4-го мортирного дивизиона и 5-я батарея 14-й артиллерийской бригады.

Это была собственно единственная вполне надежная сила, выделенная в распоряжение Муравьева развалившимся Румфронтом. Своеобразная организация управления содействовала, в ту пору, ее сплочению,—высшим органом хозяйственного и военного контроля был «военный совет» отряда, в составе по 1 представителю на 100 ч.

На бумаге числилась у Муравьева и «вторая армия», на деле ее еще лишь «формировал» Ремнев на севере Украины.

Муравьев в общей обстановке еще не разобрался. Он, повидимому, и не подозревал о состоявшемся между Радой и немцами военном соглашении. Он пытался строго следовать отмеченному выше приказу Крыленко.

Об этом свидетельствуют хотя бы некоторые его указания в следующей телеграмме:

4 марта из штаба Главкома — Выгода, Раздельная, копия Бирзула наркому Железнякову и начвойск Онуфриеву:

«В виду заключения длительного перемирия с румынами, вы имеете возможность, оставив наблюдательные отряды за румын-

ской армией, остальными силами перейти в наступление проти австро-германцев в том случае, если они сами перейдут. В виду заключения мира с германцами, приказано занимать позиции, на которых застал перемирие; раз они наступают, то давать им отпор смелым контр-наступлением. Силы противника у Слободки: два батальона германцев с бронированными поездами отряды гайдамаков. Слободка сейчас нейтральная, хотя я приказал ее занять. Подкрепление в Бирзулу немедленно вышлите и назначьте начальника по укрепленным районам Бирзула Слободка. Отряды 1-й армии, после того как вы их смените должны уйти к своему командарму. Укрепите сильнее Раздельную, так как война с Радой продолжается».

Во исполнение этой телеграммы, командарм З. Лазарев доносил 5 марта: «Отряд комитета Двенадцати выступил на Бирзулу в составе 980 чел. при 4 орудиях, включая в свой состав пулеметную роту. Сейчас за ним отправляется 1 батальон Днестровцев, что составляет 1 400 человек. Сегодня ночью также туда из Одессы отправляются 300 чел.»

Положение первой армии сложилось к этому времени крайне неблагоприятно.

Командарм Асеев сообщил 5 марта из Бирзулы Муравьеву в Одессу:

«Части, находящиеся под Слободкой, благодаря неорганизованности и панического страха, при наступлении противника стали разбегаться, результатом чего было отступление наших частей. Я сейчас назначил тов. Железнякова командующим Бирзульского тыла, отдаю приказание — с имеющимися резервами перейти в контр-наступление, двинул броневик Тирсанова (Полупалова?), кавалерию смешанную из спварцов, сам еду в Балту для организации дальнейшего движения. В тот момент, когда были подбиты броневики противника и противник разбежался, наши тоже бежали в панике».

В это же время вспыхнуло белогвардейское восстание в тылу первой армии — в Балте. Восстание было немедленно ликвидировано. Но первая армия вынуждена была покинуть Слободку. Муравьев дает ряд приказов:

«5 марта, гор. Тирасполь, Выгода, командарму З. Лазареву: Донесите, что вами сделано по посылке подкрепления в Слободку и начали ли занимать и укреплять Раздельную. Вам теперь нужно

фронт изменить соответственно обстановке, сложившейся благодаря потере Слободки, теперь ваша армия должна принять главный удар на себя. Части первой понесли громадные потери и отошли в сторону Знаменки. Впереди вас у Бирзулы отряды матросов. Спешите занятием и укреплением Раздельной».

«5 марта. Командарму 3. Лазареву.

Линия Бирзула, Раздельная, Одесса поступает под ваше командование. 1-я армия Асеева заняла линию Помощная—Знаменка. Оставленные отряды черноморцев и другие должны подчиниться вам. Укрепляйте Раздельную. На вас возлагаю и оборону Одессы, в чем вам будет содействовать флот».

В эту пору в Слободке еще шел бой. Начальник сборного отряда Онуфриев (он же нач. штаба Тираспольского отряда) доносил Муравьеву, что «противник наступает броневтомобилями и бронепоездами».

Сведения о противнике даны следующей «Разведывательно-оперативной сводкой» от 6 марта:

«5 марта, вечером, в районе Слободка — Бирзула были взяты пленные австрийцы. Пленные принадлежат к составу 18-го егерского батальона, прибывшего по железной дороге через Проскуров. Их словам в районе Слободки имеются 13, 17, 27-й батальоны, численностью до 800 человек каждый. Одновременно с ними, на автомобилях грузовых и мотоциклах, прибыли германцы с пулеметами и орудиями, впереди их — броневой поезд. Сведений о численности и составе артиллерии противника пленные дать не могли, но указали, что артиллерия исключительно германская. Во всяком случае, немцы подвезли не менее батарен, не считая орудий, имеющихся на броневике. Кавалерии в этом районе до 250 чел. Во время перевозки много лошадей погибло. Выступали австрийские войска из Галиции в составе дивизии, были брошены в район Слободки. Окопов здесь не рыли, но, заняв определенную позицию, выслали вперед разъезды. На вопрос, имеются ли среди них гайдамакские и румынские войска, пленные ответили отрицательно. При выступлении в поход германское и австрийское начальство объяснили войскам своим, что в России большие бунты и что они призваны усмирять русский народ, для чего должны занять ряд городов. Революционному движению русского народа войска противника сочувствуют, но, в силу строгой дисциплины, притти на помощь не могут. Встретить же сопротивление со стороны

русских не ожидали. Настроение масс противника к войне отрицательное. Начальник разведывательного отделения штаба 3 Рев. Армии Тер-Григорьянц».

Положение к 6 марта обрисовано также в следующих сообщениях: 1) Из штаба 3 Рев. армии, штаб Одесской области, нач Аккерманского, Маякского и Тираспольского отрядов.

«На фронте 3 Рев. армии за истекшие сутки наблюдалось Аккерманский фронт — под давлением превосходных сил противника, наши части отошли на линию деревень Шабалаен, Бенкирло, Карловка, Бикоза, Семейни, где закрепляются. Маякский фронт — ничего существенного. Тираспольский — без перемен Район Слободки — противник накапливается в Крензовском лесу в направлении на деревню Крензовка, в районе деревни Борщи появились незначительные партии противника. За нач. оперативного отдела штаба 3 Рев. армии Иванов».

2) Известия Румчерода: «В Екатеринославе положение прежнее, Знаменка переходит из рук в руки. Отряды латышский и тов. Реутского сильно пострадали, последний поехал в Полтаву за пополнением. Клименко окружен у ст. Цветково, но есть надежда, что прорвется. Из достоверного источника сообщают, что на станции Бобринская принимали участие в бою женщины и дети, помогая рыть окопы».

Какие силы противника наступали на «Аккерманском фронте», с кем велась борьба на ст. Знаменка и Бобринская — оставалось неясным.

6 марта Слободка была занята нами без боя. В Бирзуле еще шел бой, и 7 марта Муравьев предписывал Тираспольскому отряду выслать 2 - 3 броневтомобиля в Бирзулу «на помощь отряду Квасова».

8 марта Муравьев сообщил главштабу из Николаева:

«Советские войска моего фронта гонят австро-германцев к Бобринской, вновь овладели Балтой и заставили австро-германские войска отойти от Бирзулы к Слободке».

К этому же времени были закончены формальности по ликвидации русско-румынского конфликта, возникшего вследствие занятия Бессарабии румынскими войсками. Конфликт был ликвидирован 9 марта на следующих основаниях:

1) Румыния обязывается очистить Бессарабию в течение двух месяцев. Немедленно же она очищает стратегический пункт Жебрияны, местность, лежащую в глубине бухты близ

устья Дуная. Все очищаемые румынскими войсками местности занимаются сейчас же русскими войсками. После двух месяцев в Бессарабии остается румынский отряд из 10 000 человек для охраны румынских складов и железнодорожных линий.

2) Сейчас же по подписании договора охрана Бессарабии переходит в руки местной городской и сельской милиции. Румынское военное командование отказывается от прав производить аресты и вообще от исполнения каких бы то ни было судебных и административных функций, принадлежащих исключительно местным выборным властям.

3) Арестованные в России румынские подданные обмениваются на арестованных в Румынии русских революционеров — офицеров и солдат.

4) Румыния обязывается не предпринимать никаких военных неприятельских или других действий против Всероссийской федерации советских республик рабочих и крестьян и не поддерживать таковые, предпринимаемые другими государствами.

5) Россия обязывается предоставить Румынии излишек хлеба, находящегося в Бессарабии, после удовлетворения потребностей местного населения и русских воинских частей. Кроме того, Румыния имеет право закупать в остальной России продукты, нужные для пропитания румынского населения, которые не находятся в Бессарабии (рыба, жиры, сахар, чай и пр.).

6) Россия возвращает Румынии продовольственные склады, образованные союзниками и предназначенные к питанию румынского населения.

7) В случае вынужденного отступления румынской армии с румынской территории, она находит убежище и продовольствие на русской территории.

8) В случае параллельных действий против центральных государств и их союзников, между высшим русским военным командованием российских советских армий и румынских устанавливается контакт.

9) Для улаживания могущих возникнуть между Румынией и Российской федерацией советских республик рабочих и крестьян недоразумений, образуются международные комиссии в Одессе, Киеве, Москве, Петрограде, Яссах и Галаце.

Со стороны России соглашение подписали: Раковский — представитель Верховной автономной коллегии по русско-румынским делам, образованной Всероссийским советом народных

комиссаров, Брашеван — комиссар по иностранным делам Одесской советской республики, Юдовский — председатель Румчерода Воронский — председатель исполкома одесских совдепов, Муравьев — главнокомандующий южных советских армий.

Со стороны Румынии соглашение подписал генерал Авереско — председатель совета министров и министр иностранны дел.

Посредником при заключении договора являлся полковни канадской службы Боелб.

Кроме вышеприведенного договора, подписаны еще два протокола. Первый, подписанный генералом Авереско, обязывае Румынию, в случае подписания мирного договора между Румынией и центральными государствами, добиться у последних дл русских солдат, находящихся в Румынии, права свободного возвращения в Россию.

Второй — между председателем Верховной автономной коллегии и полковником канадской службы Боелб — обязывает последнего добиваться у румынского правительства немедленного очищения Аккерманского уезда и всеобщей политической амнистии румынских политических эмигрантов и дезертиров.

Так ликвидировался русско-румынский конфликт.

Но из-за спины румын уже вырисовывалась немецкая угроза.

9 марта начштаба Тираспольского отряда распоряжался «Необходимо сейчас же послать в Тирасполь подрывников, которые бы подложили фугасы в Парканах под полотно жел. дороги. Это необходимо сделать сегодня же, думаю, в виду слухов, правда не проверенных, о движении немцев со стороны Бендер. Мною получено приказание занять линию обороны Раздельной Днестровским полком. Для этого высылаю 2 батальона Днестровского полка и пошлю отряд Никольского. Батальону одному — выставить заставы, другому — быть в первом резерве, во втором резерве быть людям, стоящим в эшелонах. Когда прибудет отряд конницы Никольского, ее высылаю на разведку».

Линию Днестра надо было внимательно наблюдать, но серьезная опасность угрожала и со стороны Бирзулы. Муравьев поэтому 9 марта распорядился:

«Первое — в виду изменившейся обстановки как на фронте так и в тылу, решения одесского пролетариата защищать город

во что бы то ни стало от противника, наступающего с севера и из-за Днестра, нахожу нужным выделить Румынский фронт в самостоятельный, заняв его частями 3-й армии под начальством т. Лазарева. Второе — бывшему Тираспольскому отряду под начальством тов. Венедиктова приказываю вести наступление от Раздельной на Бирзулу, для чего отряд выделяю в самостоятельный, подчиненный непосредственно главнокомандующему и мне. Начштаба Смирнов».

Но в тылу Муравьева было на деле далеко не благополучно. Правда, официальные сводки рисовали положение сравнительно благоприятно. Одесский ревком сообщал от 5 марта:

«В Николаеве, в связи с приближением неприятеля, населению розданы все припасы на довольство. Губернская продовольственная управа спешно отправляет центральные большие запасы.

В виду продолжавшегося продвижения со стороны Киева — Жмеринки немецко-украинского фронта, моряки Одессы решили защищаться до последней возможности. Ими принята резолюция: «погибнуть, — сдаться только мертвыми». Вытребована из Севастополя помощь. Советы решили заседать беспрерывно. Организован штаб для обороны и мобилизации; он объявляет, что контр-революционные выступления будут подавляться беспощадно. Муравьев оштрафовал на 25 000 «Одесские Новости» за напечатание его телеграммы Крыленко о падении Киева, разрешенной военной цензурой. До внесения штрафа арестован сотрудник.

«Военный комиссар объявляет, что немецкие колонисты уклоняются от мобилизации, в случае если в двухдневный срок не явятся — вне закона. Охрана возложена на матросов. Высланы отряды для встречи неприятеля, сегодня ожидаются первые стычки. В Херсоне организуется Красная гвардия из пленных австрийцев, настроение революционное, записалось 1 300 человек, — все спокойно».

Спокойствие было кажущимся.

Гайдамацкие банды проникли в глубь правобережья. Постоянно вспыхивали контр-революционные восстания. Совласть еще не установилась: власти, посаженные Радой, во многих селах не были смещены. В сообщениях командарма первой Асеева говорится об антисоветских воззваниях, исходящих от некоторых сельских «управ» (напр. Александровской) о телеграммах, рассылаемых из села Марково за подписями «начальника украинской армии Елизаветградского и Уманьского уездов», Куль-

чевского, нач. его штаба Бондаренко и адъютанта Хоменко. В одной из телеграмм этого «штаба» предписывалось всем волостным земствам немедленно созвать волостные и сельские сходы для вынесения резолюций «в защиту завоеваний революции от большевистских разбойничьих банд и буржуазии».

Растущему разложению муравьевского тыла много способствовали действительные бесчинства, совершавшиеся некоторыми из партизанских отрядов. Эти отрядики, именовавшиеся большей частью анархистскими, составленные из различных авантюристов и темных элементов городов и местечек правобережья, занимались безудержными реквизициями, насильничали и попросту грабили. Один из таких отрядиков в 40 чел., безобразничавший на ст. Долинской, вызвал посылку против себя особой экспедиции из Екатеринослава. Безобразия анархистского отряда Маруси Никифоровой (из Гуляй-польского района) в Елизаветграде были одной из причин успеха восстания, организованного в городе белогвардейцами и петлюровскими агентами.

Муравьев пытался энергично бороться с разложением своих отрядов. Особым приказом он ввел во всех частях выборные военно-революционные трибуналы. Знаменателен и следующий его приказ от 9 марта:

«По всей линии всех жел. дор. Всем станциям, разъездам, комендантам, комиссарам, всем организациям, учреждениям, начальникам жел.-дор. станций и разъездов. Всем революционным штабам.

«Приказ Главнокомандующего революционного южного фронта 9 марта 1918 г. Советская армия есть армия народная, армия рабочих и крестьян, конечная победа ей обеспечена, ибо за ней стоят миллионы обездоленных и угнетенных. В народном сочувствии залог, мощь советских войск.

«Поэтому советская армия может быть страшна только угнетателям, эксплуататорам, банкирам, заводчикам, трудовой же народ всегда может рассчитывать на ее помощь. Веками хищная буржуазия тянула все соки из народа, грабила народное имущество, но пришел час расплаты, — то, что у народа было отнято, должно быть ему возвращено и употреблено на борьбу с его врагами. Со страхом ожидают (капиталисты), с трепетом прибытия советских войск, рабочие же и крестьяне должны приветствовать наш приход, так как он несет им избавление от угнетателей. Борясь беспощадно с буржуазией, мы в то же время

всеми силами должны помогать беднейшему населению. На основании всего вышесказанного, приказываю: 1) При реквизиции нужных для армии продуктов соблюдать сугубую осторожность и ни в коем случае не задевать интересов беднейшего населения. 2) Оказывать всяческое содействие окружающему беднейшему населению, делясь, в случае нужды, с ними своими излишками.

«Приказ этот прочесть во всех отрядах, эскадронах, командах и батареях. Главнокомандующий Муравьев».

В Одессе, между тем, все больше водворялась растерянность.

Слова в упоминавшемся выше приказе начштаба Главкома о переменах, будто бы происшедших в настроениях одесского пролетариата, основывались лишь на резолюциях, выносившихся в эти дни. Да, резолюции были боевые, особенно резолюция черноморцев, обязывающихся «защищать город до последней капли крови» и заявивших: «мы скорее разрушим его и не оставим камня на камне, чем отдадим в руки врагов». Не менее решительны были заявления и анархистов. В их заявлениях сквозила угроза по адресу «населения» Одессы, проявлявшему явную пассивность. 8 марта, под влиянием меньшевиков, вспыхнула забастовка в типографиях, где печатались «Известия Одесского совета» и «Голос пролетариата». В совете депутатов раздавались все более храбрые голоса о том, что надо не защищать Одессу от немцев, а лишь уберечь ее от разгрома. В военном отношении царил беспорядок. Муравьев, потеряв надежду на «одесский пролетариат», перебрался в Николаев. Лазарев пытался осуществить главное командование и путал приказы начштаба Главкома Смирнова. Прибывший в Одессу — по сговору с Муравьевым, для формирований — Гусарский повел параллельную с намеченной ревштабом работу вербовки в «Добровольческую рабоче-крестьянскую красную армию».

9 марта на объединенном заседании всех советов Одессы упадочные настроения вначале явно господствовали. Солдатский совет высказался против обороны Одессы, большинство делегатов от рабочих также. Лазарев говорил на этом заседании об отсутствии поддержки со стороны Одессы. Под влиянием горячих речей представителей командования и особенно тов. Раковского, объединенное заседание приняло, однако, большинством решение объявить всеобщую мобилизацию в Одессе.

Это и был тот «перелом» в настроениях Одессы, на который ссылается в своем приказе от 9 марта начштаба Смирнов.

Но, на ряду с проявлением колебаний, нерешительности, а иногда на ряду с прямой изменой, появлялся местами на правобережьи и твердый героизм, безоглядная решимость и крутая ненависть к надвигающимся насильникам и поднимающей радостно голову буржуазии.

Отдельные отряды прекрасно дрались против регулярных австро-германских войск. Население приднестровской полосы охотно несло сторожевую и разведывательную службу. Криворожский рабочий район горячо откликнулся на призыв к борьбе. Крестьяне Екатеринославщины кое-где оказывали поддержку нашим частям, и везде можно было бы найти не мало добровольцев для создания регулярных единиц «Добровольческой красной армии».

Из Никопольского уезда сообщали, например: «Идет большой наплыв добровольцев. Из соседних сел по узкоколейной дороге в организованном порядке прибывают красноармейцы, снабженные удостоверениями советов с комитетами».

Подобные же сообщения о подъеме крестьян и рабочих приходили из Криворожья. Но мы были тогда организационно слишком слабы, чтобы должным образом оформить этот порыв.

В общем же положение на правобережьи не представлялось нам безнадежным.

Силы надвигавшегося противника считались незначительными. Казалось вполне возможным, опираясь на Екатеринослав, Криворожье, Херсон, Николаев, моряков и Тираспольский отряд, организовать не только упорное сопротивление немецким и гайдамацким «бандам», но и нанести удар для освобождения Киева.

Главштаб продолжал стягивать в Екатеринослав отряды из Донбаса и даже Харькова. В Екатеринославе эти отряды должны были переформироваться в регулярные части рабоче-крестьянской красной армии... если бы время позволило!

11 марта я вернулся в Харьков. Здесь, на совещании с Кожевниковым и Рухимовичем для проработки плана обороны Полтавы и Харькова, выяснилась необходимость сузить задачу, данную Кожевникову: ему предписано сосредоточить свою работу в уездах Сумском, Лебединском, Ахтырском, Гадячском, Зеньковском и Богодуховском. Задания уточнены следующим приказом от 11 марта.[1]

---

[1] О работе штаба Кожевникова, И. С., изложено на основании представленного им сводного доклада.

«Предписываю вам приступить к организации партизанских отрядов и боевых дружин из рабочих и крестьян советских республик Южной России. На эти отряды и дружины возлагаются задачи:

1) В тылу неприятеля: всячески терроризовать врага, портить пути сообщения, взрывая мосты, полотно шоссейных и железных дорог. Прекращать телеграфные и телефонные сообщения, разрушая линии и провода. Уничтожать все продовольственные запасы, все, что может послужить на пользу вражеских войск. Доставлять командующим войсками советских республик точные сведения о количестве и расположении неприятельских войск. Дезорганизовать вражеские войска путем устной агитации и путем распространения литературы среди гайдамаков и германских банд.

2) В тылу войск республики Южной России: организовать боевые единицы и направлять их в соответствующие части для пополнения действующих советских войск. Вести широкую пропаганду среди населения о необходимости всемерного сопротивления нашествию гайдамаков и германских империалистов, как несущих с собой кабалу рабочим и безземелье крестьянам».

Кроме этого предписания, Кожевникову даны устно подробные указания об организации обороны прифронтовой полосы.

На следующий день из Харькова выехали, для проведения работы в духе этих указаний, несколько групп общим числом до 80 человек:

1) 16 — под общим руководством М. Н. Дымченко в Гадячский, Зеньковский и Полтавский уезды;

2) 21 — под руководством С. Д. Миношина в Сумской, Путивльской и Грайворонской уезды;

3) 18 — с В. Л. Вахрушевым в Лебединский уезд;

4) 15 — с В. Н. Михеенко в Ахтырский уезд;

5) 10 — с Н. О. Бекреневым в Богодуховский уезд;

В тот же день в Харькове была образована канцелярия «Главного комиссара по организации партизанской войны» под руководством матроса К. И. Мазалова: сюда стекались новые силы организаторов и партизан, здесь им давались инструкции и определенные задания.

В канцелярию поступали все доклады с мест от начальников организаторских отрядов, и через нее же они получали инструкции и дальнейшие распоряжения.

Связь начальников организационных отрядов с центром (с Харьковом) была установлена трех родов: по телеграфу, телефону и при посредстве писем с особыми нарочными.

В первых двух случаях, т. е. при сношении по телеграфу и телефону, был выработан особый шифр, которым пользовались члены организации, заменяя его новым через несколько дней.

Организаторские отряды по выбытии на места образовали районные центры: в Зенькове, Сумах, Лебедине, Ахтырке и Богодухове. Эти районные центры, будучи связаны с канцелярией Главного комиссара, связывались со всеми волостями и крупными селами при помощи земских телефонов, на центральные и переговорные пункты которых были немедленно поставлены советские контролеры.

Отдельные члены организации получали указания из районных центров, от начальников отрядов.

По приказу Главковерха прежде всего было обращено внимание на организацию городов, сел и деревень, расположенных в долинах рек Хорол, Псиол,Ворскла и их притоков.

Организация партизанской борьбы, таким образом, понемногу налаживалась.

Но организация регулярных частей шла у нас крайне неуспешно, — главным тормозом явился недостаток кадров.

Целый ряд тяжелых ударов сыпался на нас в связи с демобилизацией частей. 4-я Сибирская артбригада расплылась, от двух ее (5-й и 6-й) батарей остались лишь материальная часть и человек 10 прислуги. Не в лучшем положении был 13-й тяжелый артдивизион. Из этих скорбных остатков тов. Кошкарев лихорадочно готовил артиллерию. 4-й латышский полк отказался итти из Ростова для переформирования в Харьков и отправился самовольно в Воронеж.

В красногвардейских отрядах отражалось общее настроение усталости и недоумения: к чему воевать, если мир заключен?

Наступления немцев не опасались, ощущения угрозы завоеваниям революции не было, рвались на поля, на заводы — ведь революция завершалась именно там.

... Бледный, изможденный стоял предо мною тов. Левинсон, начальник недавно еще такого дисциплинированного, боевого Гатчинского отряда: «Не могу выполнить вашего приказа, — красногвардейцы решительно отказываются, требуют направления

в Питер». На мои настояния, упреки — разрыдался этот стойкий, хороший товарищ...

Формирования в Харькове подрывались сепаратизмом «левых эсеров» и провокаторской работой анархиствующих. Эсеры хотели сохранить воинские силы под своим влиянием. А «анархисты» проповедывали партизанщину. В городе чувствовалось начало разложения и паники.

Донбас торопливо высылал неоформленные части. Иные из них вовсе не снеслись с главным командованием и считали себя подчиненными лишь Харьковскому чрезвычайному штабу. Ощущалось двоевластие, сказывавшееся и во времена корниловщины.

Формирование частей велось вне контроля штаба главнокомандования, политическая работа в войсках — точно так же.

Наиболее значительным и сплоченным из донбасовских отрядов явился «Первый луганский социалистический партизанский отряд», выехавший в Харьков 10 марта, во главе с комиссаром т. Ворошиловым. Но и этот отряд оказался весьма недостаточно снабженным. По прибытии в Харьков 13 марта, начальник отряда представил нашему отделу снабжения следующее требование:

«Орудий 3-дюйм. — 4 шт., пулеметов Максима — 4 шт., запасные части к пулеметам: стволов — 6 шт., замков — 2 шт., пружин возвратн. — 5 шт., ударников — 8 шт., глицерину — 20 ф., керосину — 1 пуд, ветоши — 20 ф., винтовок русских — 200 шт., карабинов — 40 шт., шашек арт. — 30 шт., гранат ручных — 2 000 шт.».

Отряд надо было бы еще довооружать и доформировать. Но он рвался в бой и вскоре выехал в распоряжение т. Сиверса (5-я армия, Курск).

Энергичную работу, на ряду с советами Донбаса и Харькова, проводили и другие рабочие организации.

Вот пара характерных телеграмм:

«12 марта из Харькова. По линии всем железнодор. штабам красной армии, рев. комитетам, коллективам ЛЧ, копия инсп. артиллер. Кошкареву. Коллегия по управлению дорогами просит срочно сообщить, сколько человек и каких специальностей должны поступить в строительно-подрывные отряды, предлагаемые по формированию и отправке самостоятельными поездами на головные участки фронта в случае борьбы с контр-революционными

бандами. Сведения должны быть представлены в кратчайший срок. Председатель коллегии Гукмасов, тов. председ. Бунякин».

«14 марта. Конотоп. Главком, Курск, рев. штаб, тов. Забицкому, Бахмач, военкому Андриевскому. 13 марта отправлен в Конотоп вспомогательный телеграфный поезд, организованный по инициативе рев. телегр. союза МКВ ж. д. для быстрого восстановления телеграфного действия в местах передвижения револ. войск, — прошу оказывать ему содействие по охране и продовольствию. Комиссаром поезда назначен Кузьмин, с этим же поездом выехали в распоряжение комиссара ст. Бахмач два надсмотрщика телеграфа Сухов и Зябликов. Смольников».

Да, многие и очень многие работники оставались на своем посту и в эти исключительно тяжелые дни. Но усилия одиночек и отдельных советских и всех партийных организаций были слишком ничтожны, чтобы дать хоть сколько-нибудь значительные результаты в короткий, отведенный нам историей (в немецкой каске) срок.

Больным вопросом вставал вопрос о германо-австрийских военнопленных. На рудниках Донбаса работали из них 51 000, на сельскохозяйственных работах — 38 000, на прочих — 5 500 и на пунктах размещения находилось 7 500. Стихийным потоком военнопленные устремились из Донбаса, надеясь прорваться на родину. Кое-где они проявили явную враждебность к нам, входили в сношения с белогвардейцами, участвовали в их восстаниях...

Немцы наступали; нам не было передышки.

Немцы наступали подавляющими силами. В Гомеле к 10 марта обнаружено было присутствие не менее двух пехотных полков с сильной артиллерией. Не менее двух пехотных полков германцев с артиллерией и сильные кавалерийские части наступали от Гомеля к Бахмачу. От Дарницы на Круты и к Бахмачу наседали до 6 немецких батальонов, от Дарницы к Гребенке — приблизительно два пехотных полка, 3 - 4 эскадрона кавалерии и две батареи. От Фастова к Черкассам — германская дивизия. Южнее были обнаружены австрийские части и русская офицерская ударная бригада, сорганизованная Щербачевым в Румынии.

Все это — в сопутствии многочисленных иррегулярных гайдамакских частей.

Это были авангарды наступавших на Украину (по сведениям чехословаков) четырех германских корпусов и нескольких австрийских дивизий.

И приходилось отправлять на фронт все, что было под рукой, наспех сколоченными отрядиками пытаться прикрыть лихорадочно ведшееся формирование регулярных частей.

На Бахмачском направлении единственной регулярной частью на нашей стороне были два чешских полка. Они дрались великолепно. Но остальные части чехословацкого корпуса, под прикрытием этих полков, тянулись в эшелонах с Украины, и мы не могли этому противиться.

В стремлении сохранить добропорядочные отношения с чехословаками, был отдан приказ, который приводится в следующем документе:

«10 марта 1918 г. из Курска по линии Ворожба, Курск, Касторная, Воронеж, Белгород, Купянск, Лиски, Орел, Елец, Раненбург, Лиски, Воронеж, Грязи, Поворино, Балашев, Пенза, командарму чехословацких частей и всем начальникам эшелонов чехословацких войск. Верховный главнокомандующий советскими войсками республики Южной России Антонов-Овсеенко издал следующий приказ по всем революционным войскам республики Юга России: «наши товарищи чехословацкого корпуса, честно, доблестно сражавшиеся под Житомиром, прикрывая Киев, под Гребенкой и Бахмачем, прикрывая пути к Полтаве и Харькову, ныне покидают пределы Украины и передают нам часть оружия. Революционные войска не забудут той братской услуги, которая оказана была чехословацким корпусом в борьбе рабочего народа Украины с бандами хищного империализма. Оружие, передаваемое чехословаками, революционные войска принимают как братский подарок. Антонов». Вместе с тем, всем комендантам и начальникам станций приказано оказывать всяческое содействие в быстром передвижении. Приказываю всем чехословацким войскам оставить у себя все винтовки и по одной 12-пулеметной команде Максима и по одной команде Кольта на каждый полк, по два заряженных орудия на батарею, по 2 парных казенных повозок на полк, по одной парной патронной двуколке на батальон, пулеметную команду, все санитарные повозки и все походные кухни и по 10 парных повозок на каждый штаб дивизии; все остальные пулеметы, орудия, зарядные ящики, артиллерийских лошадей и казенные повозки передать на ст. Курск, Белгород, Воронеж, Елец, Тамбов, Балашев представителям советских войск безвозмездно, как залог братства с русским революционным народом. Все это оружие направлять в Харьков, донося о количестве

переданного непосредственно тов. Антонову в Курске. Дальнейшая передача артиллерии и казенного обоза будет указана мною позже частям 1-й дивизии. Часть эшелонов разрешено направить через Орел. Частям 2-й дивизии использовать возможно шире линии Льгов, Белгород, Купянск, Лиски, Поворино, Пенза и Касторное, Воронеж, Грязи, Поворино. Эшелонам беспрекословно подчиняться указаниям комендантов Курска и Воронежа. На последнюю назначить комиссара от 2-й дивизии. Ком. Кор. Чехословацкого Токарев. Комиссар Макса». Во исполнение настоящей телеграммы, согласно указаний по аппарату, команд 1-й 3-го и 4-го чехословацких полков поименованным полкам передать Курск пулеметы. Всем батареям первой чехословацкой бригады, по прибытии в Курск, передать лишние орудия, зарядные ящики и лошадей, весь комплект оставить полностью при батареях. Передачу всего остального произвести по прибытии в новый район по данным моим указаниям. Начдив генерал-майор Коломенский».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

У Бахмача: путаница в командовании, Шаров разоружает и формирует, успешные бои 7—12 марта, немцы теснят—чехи бросают фронт. Путивльские «спартанцы». Угроза Полтаве—Харькову. Замысел—удар от Брянска. Потеря Гребенки. Энергичные распоряжения Харькова и Нарсекретариата Украины.

Между тем, со стороны Бахмача определилась серьезная угроза. Я поспешно выехал в этом направлении через Курск.

12 марта в Курске застал тов. Сиверса, прибывшего со своим штабом 10 марта. Не сразу удалось наладить его взаимоотношения с председателем курского «Совнаркома» и «военно-полевого штаба», тов. Зубицким. Курские товарищи лишь после долгих разъяснений поняли необходимость единовластия на фронте и согласились ограничиться обслуживанием армии Сиверса.

На нашем фронте еще царствовала изрядная неразбериха. На нее указывал «Главкозап» тов. Берзин из Брянска. Ему отвечено: «Я и тов. Сиверс были обрадованы вашему обращению, как идущему навстречу устранению той путаницы, которая пока еще царит в командном отношении на боевом участке. С Ремневым сейчас будем говорить, и разговор будет короток, —он, конечно, подчинится решению, которое существует, а именно — участок Гомель, Бахмач, Конотоп находится в ведении тов. Сиверса, как командующего 5-й армией фронта республик Юга России. Но и у вас путаница: как прикажете понимать вмешательство Мясникова, упорно именующегося Главкозапом? Необходим постоянный контакт с вами и обмен сведениями с тов. Сиверсом в Курске, со мною в Харькове — Полтаве».

Ход событий на боевом участке у Бахмача обрисовался в общем неблагоприятно.

В ожидании Сиверса командование над нашими отрядами в направлении Курск — Бахмач принял Шаров.

Силы Шарова были ничтожны.

6 марта утром из Курска он сообщал Сиверсу, что у него всего 2 отряда, но в Путивле он формирует полк. Связи с Примаковым он еще не установил. Посланная им за Конотоп разведка доносила, что имела столкновение с германским разъездом, разобравшим за Конотопом железнодорожный путь. Один эшелон Шарова попал почему-то не в Ворожбу, а в Ржаву, тяжелая батарея — в Тамбов. Первая сотня червонного казачества очутилась в Харькове; в ней до 300 безоружных. Она выслана спешно к Примакову. Шаров просит Сиверса «прикрыть Брянск», он же берется «отстаивать Путивль». В пути к Ворожбе ему пришлось задержаться «для наведения порядка в своем тылу»: в Орле — Курске он обезоружил «за нетрезвое поведение» и «угрозы ставке» Цекедарф, перебравшийся из Могилева и засевший «богатырской заставой», с бессчетным количеством поездов, в Орле — 1 финляндскую артбригаду, а также 4 батареи и управление 5-й артбригады.

В телеграмме 6 марта в Главный штаб он жалуется, что «роспуск нескольких годов демобилизовал» его артиллерию. Получить пополнение артиллеристами не удалось, артиллеристы двух батарей 4-й артбригады отказались следовать к Шарову в Конотоп, заявив, что согласны «формироваться только в Курске».

Шаров пытался развить серьезную работу по формированию новых частей, особенно в Конотопе и Путивле, — настроение окружных крестьян было чрезвычайно нам благоприятно, но надежных кадров не было. Лихорадка тревоги шла с фронта впереди немецкого вторжения. И призывы Шарова «всем, всем» — стать под знамена своего вождя», «Главкома партизанских отрядов» оставались почти безрезультатны.

К вечеру 6 марта Шаров с тремя эшелонами (4-я батарея Сибирской артбригады, эшелон пехоты, эшелон кавалерии) прибыл в Ворожбу.

7 марта он установил связь с Примаковым, по просьбе которого послал в подкрепление ему в Ичню отряд Овчинникова (228 чел.), а затем 1-ю Пролетарскую батарею (из прежних формирований) Викторова; «военная подрывная команда» в Курске получает приказ спешно изготовить для Примакова подрывную летучку.

Опасаясь за брянское направление (у Невеля и Михайловского хутора появились гайдамацкие шайки), Шаров просил распоряжения Главного штаба «выставить цепь» к Брянску. Шимановскому, прибывшему с небольшим отрядом (до 300 чел.) за день до него к Ворожбе, он предписывает «наступать на ст. Чесноковка и отсюда к Гомелю до ст. Дочь, выслав вперед разведку на фронте до 10 верст».

Положение наше у Бахмача казалось тогда еще довольно прочным. Опасения же Шарова за брянское направление были совершенно неосновательными, — у Глухова лишь слегка пошаливали гайдамаки. И Шаров совершенно зря отвлекался столь серьезно в эту сторону.

7 — 10 марта у Бахмача шли успешные для нас бои. Примаков сообщал:

«Под нашим напором немцы из Плисок было отошли к Крутам, разобрав полотно и взорвав два моста, где укрепилась их пехота, наступающая походным порядком к Борзне. Борзна в наших руках. Чехи дерутся отлично, если с ними наши отряды. Чесноковка — Дочь без перемен. Война начинает принимать позиционный характер».

И дополнительно: «На ст. Плиски прибыли два германских эшелона, кажется, тяжелая батарея, до одного батальона пехоты и немного кавалерии. Все они выгрузились утром. Был легкий артиллерийский огонь и ружейная перестрелка. Теперь там тихо. Один эшелон пехоты выгрузился в Крутах и стал в боевом порядке по направлению к Ячневу (Ичне?). Два — на Борзну от Плисок, угрожая левому флангу нашего отряда, к северу у Чесноковки. На ст. Дочь около двух батальонов с 2 - 4 орудиями. Севернее — штаб германского полка. В общем в северном направлении силы немцев точно не выяснены. Для обеспечения Бахмача является безотлагательно-необходимым обеспечить линию Бахмач — Курск с севера».

Одновременно оперсводка Западного фронта сообщала:

«10 марта со станции Добруш немцы начали теснить наши авангарды, ведя наступление с трех сторон. Несмотря на подавляющие силы, наш отряд принял бой и перешел в контр-атаку, нанеся немцам в рукопашном бою серьезные потери. Командующий нашей армией свидетельствует о высокой доблести и революционном геройстве московского отряда Красной гвардии и указывает, что московские рабочие могут гордиться этим отрядом.

*

Начальник отряда ранен. Разведкой выяснено, что германцы группируют значительные силы в районе станции Сновская и Новобелицы».

Немцы, установив заслон в брянском направлении (армия тов. Берзина), предприняли серьезное наступление от Гомеля к Бахмачу — Конотопу, в поддержку своему нажиму от Киева — Дарницы.[1] 8 и 9 марта в стычках у Чесноковки немцы потеряли 1 орудие, 2 пулемета, 15 пленных и увезли «целый эшелон трупов». На нашей стороне 17 убитых, 76 раненых.

У Ични отряд Лоскутова выдержал 4-часовой бой с немцами и отбил у них 4 пулемета (из Конотопа ему послана Шаровым батарея).

Крестьяне этого района активно помогали нам. В одном из селений близ Плиски они истребили ночью небольшой отряд (175 ч.) германцев.

К 11 марта положение ухудшилось.

Из Бахмача сообщали: «Немцы усиливаются. Люди устали. Чехи просят патронов и хлеба. В Плисках с утра бой. Чехи отбили у немцев 2 орудия. Немцы наступают тремя полками (один из них № 369). За Плисками путь разобран. У Крут — 2 эшелона германцев».

(Впоследствии «наши отпускники», а их собралось к 10 марта в Бахмаче до 3 000, что весьма расслабляюще влияло на наше сопротивление, нам говорили, что у Крут немцы тогда были весьма слабы, а два поезда были не с «солдатами», а с «бураками»).

4-й полк чехов просил поддержки. Из Бутурлиновки послан в подкрепление «один батальон с пулеметами».

В рядах чехов шла разлагающая работа: то они не хотят сражаться против «украинцев» (гайдамаков), то отказываются сражаться рядом с военно-пленными мадьярами (чешский «комендант» Морозов, по поводу появления в поддержку чехам нашего отряда из военнопленных мадьяр, великолепно дравшихся против немцев, заявил телеграфно Шарову: «чехи против австрийского гнета» и требовал увода этого отряда).

---

[1] Это подтверждается и схемой № 30 — наступление на восток 1918 г. — приведенной у Людендорфа («Мои воспоминания», том II, издание ВВРС Москва, 1924 г.).

11 марта немцы продолжали накапливаться. Из Брянска наши не только не поддерживали Примакова, но сами взывали о помощи.

В подкрепление к Примакову (доносившему «сильный бой» — под ст. Дочь) послан был Шаровым «русско-сербский» отряд и из Курска 1-я Сибирская батарея, которая 12 марта уже была в бою. К 12 марта Бондаревка и Плиски заняты немцами. Примаков сообщал: «Немцы наступают, у них 4 шестидюймовых орудия. Со стороны Крут взяли Плиски, бой идет возле ст. Пески».

12 марта Примаков вновь требует подкреплений к Бахмачу, так как немцы продолжают накапливаться. На разъезде Красиловке обнаружены 3 эшелона немцев и бронепоезд. Их разведчики — в Шаповаловке, Николаевке, Стрельниках и хуторе Дубянского. К Городищу наступает батальон немцев, в Пальчиках (9 верст от Бутурлиновки) — 2 орудия. Наметился обход со стороны Борзны. Примаков советует Шарову послать 2 броневика по конотопскому шоссе от Бутурлиновки к ст. Дочь и занять ст. Алтыновку, так как чехи опасаются за свой тыл. Шаров приказывает пачкавотряда Степанову занять позиции между Красным и Мельня, войдя в связь с 1-м Сумским партотрядом у Мельня, правым флангом дотянуться до Кролевца, — очевидно, он опасался за обход Конотопа с северо-запада и упускал из виду главное направление.

И опасался зря, — матрос Ходун, начальник 1-го Сумского партизанского отряда (100 человек), доносил 12 марта:

«Проехал до Кролевца — спокойно. На ст. Алтыновка — наша кавалерия». В Глухове к этому времени разбит и рассеян Люботинским отрядом Батуринский гайдамацкий полк.

Немцы все упорнее наседают на Пески. Шаров извещает Примакова о посылке к Ичне отряда Овчинникова (280 чел.) с 2 броневиками; того же числа, т. е. 12 марта, 9 час. 15 мин. в Чесноковку прибывает Макеевский отряд Рыклюса (до 200 чел.). Следом посылается еще 1-й нежинский червонный полк (200 чел.) и «летучий отряд» Реутова.

Кроме 4-го и отчасти 6-го чешских полков, у нас в Бахмаче сосредоточились к 13 марта с дюжину отрядиков, плохо дисциплинированных и туго поддающихся единому командованию: Шимановского (200), червонных казаков (200), Овчинникова (280), Лоскутова, Киевский, 1-я Сиббатарея, батарея из Курска, бронe-

поезд Викторова, Сосницкий отряд с 2 броневиками, 1-й Нежинский полк, отряд Рыклюса.

13 марта немецкое наступление возобновилось.

В деревне Городище, 10 верст к западу от Чесноковки, накопилось до 2 батальонов немцев, 1 эскадрон, 2 орудия. Кавотряду червонного казачества в Бутурлиновке дано предписание выделить 150 человек с пулеметами и ударить им в тыл.

Между тем, у Ични положение стало серьезным. Начальник Киевского отряда извещал: «Все отступают. Что делать?»

Примаков 14 марта из Чесноковки телеграфирует Шарову (Конотоп): «Немцы с эскадронами обходят левый фланг, пришлите 300 пехоты и 100 кавалерии» и еще: «через Красные и Поросички отправьте по роте пехоты с броневиком, первую — в тыл, вторую—во фланг. Всю кавалерию—через Мечеськи в тыл». Но отправлять-то Шарову было некого, — резервы были на исходе.

А чехи меж тем неожиданно, утром 14 марта, покинули позиции и укатили в эшелонах... Комиссар чехословацкого корпуса Макса сообщал 12 марта в Курск комкору Чеху, что 14 марта он прибывает в Курск из Конотопа, что Коцюбинский согласен на вывод корпуса из Украины «для сосредоточения сил» и что в «трехдневном бою под Бахмачем немцам нанесен большой урон». И чехословаки, после действительно блестящего дела под Бахмачем, покинули позиции, даже не уведомив Примакова. Они у Бахмача попросту прикрывали погрузку «своих» в эшелоны. [1]

А в тылу своими административными распоряжениями Шаров лишь увеличивал нарастающий хаос «фронта». Его именем «главкома по борьбе с контр-революцией» комендант Конотопа

---

[1] Кое-кто из чешских командиров умышленно мешали защите Бахмача. Об этом характерно свидетельствует следующая телеграмма: «11 марта из Харькова — Пирятин, комкор Чехословацкому, копия Национальному совету по нахожд., Полтава МКВ, Нероновичу, Бахмач Командвойск Примакову, Харьков Главковерх Антонову. Командир инженерной роты чехословацкой дивизии доложил мне вчера, что он, стоя в Люботине, получил приказание начдива двинуться на Ворожбу — Бахмач на помощь, но нач. авангарда, командир 8-го полка, самовольно отменил этот приказ и двинул роту в Харьков. Согласно телеграммы командвойск Примакова, я вновь направил этот и другие указанные в телеграмме эшелоны на Люботин — Ворожбу — Бахмач, но явившийся Люботин командир 2-го полка опять мешает движению эшелонов по назначению. Начвосо Бакинский».

Коробченко 12 марта издает приказ, грозящий расстрелом «за выход на улицу после 6 часов вечера». Он распускает следственную комиссию Конотопского совета, вздумавшую бороться с безобразиями его отрядов. Тов. Е. Бош пришлось жестоко упрекать Шарова за бесчинство и предлагать ему заниматься не советами, а белой гвардией. Благих намерений у Шарова было масса. 12 марта он издает свирепый приказ Конотопскому коменданту: «Уничтожить все спиртные напитки. Алкоголь—зло для революции». Злые языки утверждали, что сей приказ издан Шаровым в пьяном раскаянии.

Во всяком случае Шаров действовал неутомимо, меж тем как его начальник (помощник по армии Сиверса) Ремнев пропадал неизвестно где. Шаров не видел его по несколько дней.

Неустроенность тыла сказывалась и на фронте. Героизм соперничал с крайней близорукостью.

Сиверс подоспел к решающему моменту у Бахмача, но подоспел лишь со штабом, отряды были еще в пути.

Положение складывалось критически.

14 марта из Курска я телеграфировал: «Екатеринослав, начальнику штаба Аверину, председателю Народн. секрет. Скрыпнику, Народным секретарям. Положение под Бахмачем очень серьезно благодаря предательскому поведению командного состава чехословацкой дивизии. Необходимо объявить Полтаву и ее окрестности на военном положении. Ввести трудовую повинность и мобилизацию всех военнообязанных от 18 до 40 лет, поручив мобилизационному отделу через местные советские организации произвести необходимый подбор. Надо ассигновать значительные суммы на оборонительные сооружения у Полтавы и Кременчуга. Наблюдение над обороной поручено тов. Бокитько, в котором я уверен.[1] Необходимо провозгласить крестьянскую войну против вторгающихся империалистических банд, необходим немедленный созыв совещания от всех южных республик».

14 же мы выехали из Курска в Конотоп. Пути основательно забиты порожняком, эшелонами со всяким снаряжением и с чехословаками. На станциях установлена чехословацкая комендатура, самовольно распоряжающаяся продвижением своих эшелонов. Нам пришлось без конца переходить с «четного» на «нечетный» путь, чтобы продвигаться вперед.

[1] В Бокитьке я чрезвычайно ошибся — он вскоре перешел на сторону Рады.

Добрались, наконец, до Путивля, где нашли Шарова. Не взрачный, всклокоченный, с тем сумасшедшим, воспаленным о усталости и непрерывного напряжения видом, который неопыт ным глазом может быть принят за «нетрезвый» (несмотря н все плохие слухи, Шаров не был пьяницей).

Положение на фронте? Бахмач в руках немцев, Примако отошел к югу, к Варваровке, штаб его в Григоровке. В Конотоп наша разведка, сведений от нее нет. «Все рассеялись». У Шаров в Путивле два шестидюймовых орудия без лошадей да 45 челове прикрытия к ним.

Соседние крестьяне весьма сочувствуют. Путивль формируе полк, только нет обмундирования. Немцы продвигаются значи тельными силами параллельно железной дороге. Наши орудп редким огнем обстреливают эту дорогу...

По возвращении в Курск я телеграфировал в Харьков Каш карову: «Положение таково, что немедленно передайте Рухимо вичу, пусть выполнит мною указанное, главным образом на Курс к Ворожбе и Кореневу, в связи с тов. Бокитько. Это, ни одно минуты не откладывая, так как немцы грозят и Ворожбе. Не медленно надо выслать к Сумам и Кореневу отряды саперо с людьми для работ. Окопный материал заготовлять, создат комиссию, объявить город на военном положении, провести мо билизацию на деле, трудовую повинность, выслать всех немцев назначить начальником обороны, думаю, Межлаука, если не най дете другого. Рухимович, час грозен, напрягите все силы. Иначе Харьков погиб».

В Полтаву, начальнику обороны Бокитько: «Напрягите вс энергию, всех гоните к работе, как указывал, — положение гроз ное с севера. Выслать немедленно отряды рабочих для закреп ления хотя бы важнейших пунктов. Высылка под конвоем всех военнопленных. Обезоружение всех нежелающих итти в бой и ненадежных, ускорение эвакуации складов. Последнее очень важно, но нужны планомерность и хладнокровие. Мобилизуйте все пути, обеспечьте связь с Харьковом и Кременчугом».

Оперативный замысел ясен из следующих передач по пря мому проводу того же 15 марта:

Тов. Сухопосову в Орел: «Положение, благодаря нетвердости чехословаков и нашей дезорганизации, ухудшилось. Бахмач взят немцами. Надо столковаться с Берзиным и начальником Курского полевого штаба — создать особую армию, под общим

руководством Берзина, для действия на Конотоп — Бахмач. Удерживаясь у Новозыбкова, ударить с северо-востока на немцев, не давая им завершить свой обход. Надо ускорить разгрузку Орла, категорически потребовав удаления лишней публики. Надо создать сильную группу формирования, создавать небольшие отряды, говорящих по-украински, с хорошими бумагами, парней, которые действовали бы в тылу немцев, то разбиваясь по пяткам, то собираясь в условном месте для налета, поднимая мужицкую войну и не давая немцам и гайдамакам пощады. Держите связь со мною, сообщите секретно о сделанном».

Брянск, Главкозапу тов. Берзину: «Немцы обходят нас с севера, угрожая Полтаве, Харькову. Надо вам, столковавшись с Сухоносовым (в Орле) и со штабом в Курске, создать с северо-востока им угрозу на Конотоп — Бахмач. Мы отойдем главным образом к Сумам, к Харькову. Держитесь твердо, партизанскими отрядами прикрывая формирование более крупных единиц. Мелкие отряды говорящих по-украински пустите рассеянными в тыл немцам, чтобы то собираясь, то рассеиваясь, вели борьбу, сеяли панику, поднимали мужицкое восстание. Затребуйте секретно поддержки из Москвы. Перейдите официально в мой штаб с квартирой (фиктивно) в Новозыбкове, чтобы не нарушать условий мира. Разыщите лиц с украинскими фамилиями или знающих украинский язык и действуйте через них, держа со мной связь, не очень доверяя телеграфу».

Для подобной же партизанской деятельности направлен через тов. Берзина (Брянск) в Новозыбков и далее особый отряд анархиста Саши-Петра, взявший на себя задание работы в тылу неприятеля (вскоре получились сообщения, что отряд этот остался в нашем тылу и много безобразит...).

В это время через тов. Бакинского со Съезда советов в Москве получилось предложение тов. Дыбенко с несколькими тысячами моряков двинуться в Новозыбковский уезд для действий против немцев. Это предложение как нельзя больше подходило нам. Отвечено: «У Дыбенко прекрасная мысль. Надо торопиться с ее выполнением».

В Курске нас ждал меж тем очередной удар: четвертая кавдивизия не выполнила приказов, направилась-таки к северу на переформирование. На попытки курского Ревштаба задержать ее, артиллеристы дивизии пригрозили обстрелом города...

Положение все осложнялось. Штаб же оставался без опытных работников. В Екатеринослав, по месту нахождения Муравьева, послана телеграмма: «Я болен и почти один, передайте главнокомандование Асееву, командование — Егорову, приезжайте ко мне наштаверхом. Положение грозное, провести тот план, о котором писал, уже вряд ли удастся. Антонов».

Тем временем обстановка осложнялась и в Полтаво-Киевском направлении.

Уходящий «фронт» не только не подкреплял слабеньких силенок Киквидзе, но проносил глубоко в тыл свою деморализацию и свою растерянность.

Характерный документ о такой растерянности:

«10 марта. Председателю Ревкомитюза тов. Разживину. Ревком 7-й и 11-й армий находятся в Курске, ставка Главковерха в г. Орле. Вам с получением сего надлежит со всем имуществом следовать в Курск, где поступить в распоряжение Народных комиссаров. Я выезжаю на съезд в Москву, где получу директивы правительства относительно дальнейшей работы или ликвидационной, или по созданию новой армии. Борьба на фронте, при наличии целого ряда правительств, является крайне трудной и не вполне ясной. Имущество, принадлежащее фронту, во всяком случае должно быть отправлено в Курск, отдельные лица свободны принимать то или другое решение. Всем эшелонам 7-й и особой армии давать маршруты следования через Курск, где получат соответствующие указания о дальнейшем. Нач. оперативн. штаба Юго-западного фронта (подпись неразборчива)».

Подобные распоряжения не могли, конечно, не вносить дополнительной деморализации.

Лишь с большим трудом удалось сломить пессимизм тов. Разживина и задержать его с некоторым аппаратом в Полтаве, поручив ему мобилизационную работу в Полтавском районе.

Киквидзе, меж тем, продвигался к Гребенке. 9 марта ему посланы такие указания: «Врид. командарму 4-й. Вам необходимо иметь своего приемщика эшелонов и грузов, идущих в ваше распоряжение, на обеих станциях, держитесь в контакте с комендантом тов. Бароном и начальником обороны Полтавы тов. Бокитько. Необходимо ежедневно мне по коду сообщать в Харьков и по месту нахождения (я вас всегда уведомлю) о ваших передвижениях и таковых противника. Свяжитесь с нашей эскадрильей в Кременчуге. Организуйте такой партизанский отряд с подрыв-

ными средствами, который маленькими группами, проникнув в тыл неприятеля, ему пакостил бы, собираясь в условном месте и ведя агитацию. Дружно держите связь с нашими у Бахмача, который надо во что бы то стало отстоять, ибо потеря его чрезвычайно ухудшит ваше положение. Отвечайте ложными демонстрациями на Дарницу и обходом от Ични или Прилук. На случай занятия Бахмача обеспечьтесь заранее в Ромнах серьезной опорой (держа активную связь по линии Ромодан — Бахмач и имея стык по соглашению у Дмитровки). Линию Ромны—Гадяч заранее проверьте разведкой. Не допускайте разрыва с Золотоношей и постоянно наблюдайте Черкассы (Елисаветград вновь наш и готовим удар на Бобринскую). Ромны, Лохвицы, Лубны—ваша позиция, если не сможете удержаться на Гребенке, которую надо держать как можно дольше, чтобы не дать немцам выровнять фронт по жел. дор. Гомель — Черкассы и чтобы вывести из-под удара наших в Золотоноше и Бахмаче. Действуйте налетами, обходами, партизанскими группами, мужицкой войной».

11 марта Киквидзе доносил из Ромодана: «Все ваши приказания выполнил, на наших участках положение прочное. Последнее ваше указание, которое я получил 22 часа 9 марта, тоже выполнено, туда направлены части. За Гребенкой наша разведка забрала трофеи: 6 орудий без замков, 6 000 снарядов и 3 000 патронов винтовочных, видимо, изброшенных неприятелем. На Знаменку неприятель концентрирует свои силы. Принимаю меры. По полученным донесениям от тов. Примакова 5 часов 11 марта под Бахмачем наши отряды с чешскими отрядами возле ст. Плиски вступили в бой с немцами и гайдамаками. Под их напором наши отошли до Бахмача, но потом, получив подкрепление, отогнали немцев обратно в Плиски».

К вечеру того же дня он дополнил:

«По сведениям от головного Гребенковского отряда, Яготин занят 350 германским полком, численность их 500 чел., 15 пулеметов, 1 орудие и конная разведка».

В подкрепление к Киквидзе 11 — 13 марта направлены: «Костромская колонна» (до 500 шт.), отряд тов. Медведева из частей Саблина (Саблин пытался из Москвы командовать этим отрядом и посылал его в Кременчуг, «где ожидать дальнейших» распоряжений), бронепоезд Макиевской, Харьковский пролетарский отряд (250 чел.), Гребенковский ревотряд (150) и двухорудийная шестидюймовая батарея. Особым порядком к Киквидзе

послана партизанская дружина екатеринославского анархист Барона — для направления ее в тыл к немцам.

Почти все эти подкрепления запоздали к решительным боям завязавшимся с немцами у Гребенки 14 и 15 марта. Немцы наступали от Яготина значительными силами. Несмотря на численное превосходство противника, наши стойко продержались два дня, но 15 марта оба фланга Киквидзе были охвачены баварской кавалерией, и наши отряды сдали. Только Социалистический отряд, под непосредственным руководством Киквидзе, и часть «первого революционного отряда» (организованного Чудновским в Киеве), под командой тов. Ауссема, дравшегося с винтовкой в руках в самой цепи, и бронепоезд Макиевской прикрывали эвакуацию ст. Гребенки и отправку в эшелонах панически настроившихся остальных частей.

В 3 часа ночи 16 марта баварская кавалерия заняла станцию. Наши отошли к Лубнам.

Деморализованный, возбужденный против «тыла», откуда не получал достаточной помощи, и против высшего командования неумением которого объяснял свои неудачи, Киквидзе, по свидетельству его начальника штаба, покинул фронт, уведя с собою в Полтаву наиболее боеспособный Социалистической отряд за которым потянулся и Киевский полк (Киселя). В дальнейшем Киквидзе на этом фронте не появлялся и всеми операциями здесь руководил, от его имени, непосредственно начштаба тов. Барабаш.

Медведев со своей «Костромской колонной», несколько возместил ослабление 4-й армии, и Барабашу удалось задержаться с нею на линии р. Сулы, выдвинув в город Лубны 1-й революционный отряд (полк Киселя был разоружен в Полтаве, так как отказался вернуться на фронт).

Взятие немцами Гребенки, вслед за потерей нами Бахмача, заставило Барабаша серьезно озаботиться о своем правом фланге,— направлении Ромодан—Бахмач. Он вошел в связь с Примаковым, к этому времени уже отошедшим от Григоровки и фактически оторвавшимся от Шарова-Сиверса.

Примаков доносил в штаб 4-й:

«Отряд, который займет Лохвицу,— 310 штыков и 20 сабель, 4 пулемета, орудий нет. Это отряд анархистов, он сейчас уезжает со станции Ромны. В Ромнах имеется полтораста штыков, пятьдесят сабель, 10 пулеметов, 4 орудия. Послана разведка вправо

до Хмелова; в Талалаевке 50 штыков, 4 пулемета, разведка влево к Ичне на 10 верст. В Рубановке 200 штыков, 20 сабель, 2 орудия, 8 пулеметов. Разведка вправо до Талалаевки и влево до села Рубанки. Немцы наступают со стороны Григоровки и идут обходом с правого фланга. На Красный Колядин нужна кавалерия, пехота очень ненадежна, мало лент к пулеметам. С Шаровым связи нет, он отступил к Путивлю».

Одновременно Примаков, также поддавшись критически-упадочным настроениям, изливал штабу 4-й свое недовольство высшим командованием, что вызвало следующее разъяснение:

Ромодан, начоперод 4-й Волкову. «Прежде всего в телеграфном разговоре не допускайте сообщений о численности и расположении наших войск, второе — недостаточно телеграфной связи, постарайтесь войти в связь с Шаровым через Примакова, которому сообщите немедленно, чтобы впредь избегал ложных сведений. Я назначил его вначале временно командующим определенным боевым участком, затем предписал ему сдать Шарову, которого, по прибытии тов. Сиверса, подчинил Сиверсу и помощнику Сиверса тов. Ремневу. Поэтому совершенно ложным является утверждение, что мною было назначено сразу шесть начальников, — просто отдельные начальники не поладили между собою и внесли путаницу. Передайте теперь Примакову, что ему необходимо быть связанным с Шаровым, которым должен руководить не кто иной, как Сиверс, находящийся в настоящее время в Михайловском хуторе. Это не исключает инициативы тов. Примакова, если ему не удастся установить связь и он получит достаточное подкрепление. Пошлите нарочного к Сиверсу, чтобы столковаться».

В связи с занятием немцами Гребенки, главным штабом указано:

16 марта. Ромодан нач. штаба 4-й. «Необходимо Ромодан отстаивать всеми силами, войдите для согласованности действий в тесную связь с начальником обороны Полтавы тов. Божитько. Развейте партизанскую деятельность в тылу неприятеля. Не теряйте связи с Примаковым и Сиверсом».

«Курск, нач. полевого штаба Зубицкому. Штаб Сиверса — Петровскому. Сообщите Сиверсу, что Гребенка занята немцами ночью 16. Пусть столкуется относительно действий у Бахмача — Конотопа и свяжется непременно с Примаковым, а через него со штабом 4-й армии в Ромодане».

«Кременчуг. Станция. Нач. команды летчиков-балтийцев. Действуйте скорее и решительнее, — неприятель занял только что Гребенку, бейте по его эшелонам, по станциям от Гребенки до Бобринской, от Гребенки до Дарницы и по мосту у Черкасс».

В тот же день послан Донскому военно-революционному комитету следующий призыв:

«Привет братский, революционный!

Немецкие разбойники возводят вновь к власти свергнутую рабочим и крестьянским восстанием Центральную раду в Киеве, калединцев стремятся возвести на Дону. Всем завоеваниям революции грозит смертельная опасность. К объединению, товарищи! К оружию! Поспешите к нам, братья. Общим строем дадим отпор насильникам. Призовите всех к оружию, к борьбе. Беспощадно расправьтесь с врагами революции внутри. Пусть вовеки-веков течет свободной землей светлый Дон. Ваш Антонов».

Одновременно, для переговоров о возможном содействии нам, в Ростов был послан от главного штаба С. Бакинский.

Из Мариуполя пришло тогда же сообщение, что там готова регулярная часть в 1 300 чел., но недостает обмундирования. Таганрог сообщал об успешной организационной работе.

На призывы, переданные 14 марта из Курска, харьковские товарищи откликнулись также достаточно энергично.

15 марта Кошкаров сообщал:

«Сейчас был у Рухимовича, просил приостановить до распоряжения пассажирское движение по линии Курск — Харьков для самой интенсивной разгрузки узла. Въезд в Харьков будет воспрещен. Ваша и чрезвычайного штаба утренняя записка исполняется: сейчас выезжает для работ комиссия по обороне — Васильевский, Попов, Малов, Головин».

Энергичные решения были приняты Народным секретариатом: «Полтава Нероновичу, Харьков Главковерху Антонову-Овсеенко. В ответ на телеграмму вашу, Народный секретариат сообщает следующее постановление, принятое на заседании 14 марта и утвержденное Центральным исполнительным комитетом в заседании 15 марта: 1) объявить всю территорию военных действий (губ. Полтавскую, Херсонскую, Черниговскую) на военном положении. 2) Проведение этих мер поручить Верховному главнокомандующему, обязав все местные советские организации всемерно содействовать. 3) Признавая священной обязанностью каждого гражданина защищать против наступаю-

щих контр-революционных банд завоевания, достигнутые борьбой рабочего класса и крестьянства, призвать к оружию всех трудоспособных от 18 до 30 лет и поручить мобилизационному отделу Народного секретариата по военным делам произвести, при посредстве местных советов, подбор лиц, годных для борьбы. Поручить всем местным советам ввести трудовую повинность для всех граждан, труд которых понадобится для дела обороны. Действие настоящего постановления о мобилизации и трудовой повинности распространить в настоящее время на территорию Полтавской губ., предоставляя Нарсекретарю военных дел, по соглашению с Главковерхом, распространить, когда будет необходимо, действие этих мер на территории остальных губерний, объявленных на военном положении. Одновременно с этим, Секретариат извещает вас, что им отпущены необходимые кредиты на дело мобилизации и обороны, которые находятся в Полтаве в распоряжении Нарсекретаря военных дел тов. Нероновича. Одновременно Народный секретариат предлагает вам: все приказы, в том числе приказы о назначении командных лиц, сообщать управляющему делами Нарсекретариата для распубликования в официальном органе правительства, разъяснить всем назначенным вами на территории Украины комиссарам и военным начальникам, что они являются должностными лицами Украинской республики и должны выступать в качестве именно таковых, ежедневно доставлять Народному секретарю Екатеринослав о ходе военных операций, сообщая копию донесений Нарсекретарю Нероновичу в Полтаву. Наконец, просим вас прибыть на 16 марта в Екатеринослав для участия в конференции представителей южных советских объединений по вопросу об обороне. Народные секретари: Председатель секретариата Н. Скрыпник. За управделами Г. Лапчинский».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

6 немецких дивизий—на Одессу. Восстание в Екатеринославе. Раздельная занята, Одесса—сдана, Николаев—захвачен. Муравьев—наштаверх. Неудача объединения советских республик. Съезд советов провозглашает народную войну.

16 марта — в Екатеринославе.

На Правобережьи положение к этому времени значительно ухудшилось.

На Екатерининской жел. дороге происходили частые крушения. Здесь сказывалась, конечно, и злая воля некоторых служащих, но и крайняя их замотанность: они уже 3 месяца как не получали жалованья и питались чем случай пошлет, а работа была каторжная в условиях беспорядочной эвакуации фронта и городов, угля недоставало, паровозов нехватало. Распоряжались самоправно ничего не смыслившие коменданты и комиссары, поставленные разными отрядами.

Немецкое наступление развивалось равномерно и успешно.

11 марта, по донесению штаба Муравьева, из Жмеринки наступала к Одессе Егерская австрийская бригада (5 батальонов), 1 батальон германцев и гайдамаки, это—авангард баварской дивизии и 2-го австрийского корпуса. С Рени на Аккерман — полторы австрийского дивизии. В направлении Яссы—Тирасполь также до полуторы дивизии. В общем на Одессу наседали до 6 регулярных немецких дивизий. Сильное давление ощущалось также на Знаменку.

Положение представлялось Муравьеву безнадежным, но он бодрился. 11 марта он телеграфировал:

«Предсовнарком, Наркомвоен Подвойскому, Главковерху, Полтава Наркому Антонову и Севастополь Наркому Спиро: 10-е сутки советские войска дерутся, сдерживая австро-германские войска на широком фронте от Днепра до Днестра. На линии Знаменка,

Помошная и Балта противник отброшен. В направлении Жмеринка — Одесса противнику после ряда боев удалось продвинуться почти до Раздельной. Не имею ни резервов, ни подкреплений. В одной из советских армий осталось около 2 000 бойцов. Положение спасал только оперативными комбинациями. В большинстве регулярные части отказываются драться, мотивируя свои отказы самыми наглыми заявлениями. Фельдмаршал Макензен, который командует войсками против Юга России, потребовал от одесских наркомов выполнения мирных условий, заключенных в Бресте. Будем продолжать борьбу, которая осложняется явным восстанием в тылу оборонцев и черносотенцев».

Наша первая армия (Егорова) никак не успевала оформиться. Разбитая на десятки отрядиков, она не представляла сколько-нибудь серьезной силы. В тылу ее нагло работала контр-революция.

Контр-революции помогали, в меру своей распущенности, некоторые анархические элементы.

Коляденко сообщал:

10 марта. «Я прибыл в Знаменку 8/III; узнал, что силы сосредоточены под командой тов. Беленковича. На паровозе отправился в Елизаветград. В городе было все тихо. Через полчаса донесли, что гимназисты и еще какие-то вооруженные люди обстреляли патрули. В городе волнение постепенно увеличивалось и дошло до огромных размеров. Вокзал, на котором стояли эшелоны Беленковича, был окружен со всех сторон и подвергся самому ожесточенному обстрелу. Солдаты Беленковича, после часового боя, вынуждены покинуть вокзал, бегство было так спешно, что удалось захватить один штабный поезд. Два поезда с снабжением, кажется, 12 вагонов снарядов, 5 аэропланов и все имущество достались противнику...

«Выяснилось, что самим Муравьевым был выслан на помощь Беленковичу эшелон анархистов, под командой Маруси Никифоровой, которая терроризовала население от Елизаветграда до Екатеринослава... Везде шел разговор о грабежах и расстрелах. В пособничестве анархистам обвинили и Беленковича. Черносотенцы восстали и выбили Беленковича из города. Я с 20 товарищами, после отчаянной драки, попали в плен, из которого удалось бежать, одного из наших расстреляли.

«Когда Беленкович отступил, буржуазия совсем оседлала рабочих и крестьян и выдвинула лозунг «долой анархию». Со всех

деревень были созваны солдаты, которым сказали, что они идут сражаться против Маруси, и в рядах стал заметен энтузиазм. Переговоры тов. Гезбича не привели ни к чему, и он повел наступление. Набралось целый десяток командиров, и потому ничего не получилось. Я только что прибыл и веду эшелон на Знаменку, чтобы переформировать. Отряд Беленковича пришлось двинуть на Помошную, потому что его состав потерпел крушение.

«Сейчас деятельное переформирование отрядов, образуют роты и батальоны, и если из моих предложений ничего не получится, то поведу организованное наступление, которое, уверен, окончится успехом. У противника три аэроплана, отобранные у нас же, которыми он широко пользуется. Примите меры к аресту Революционного комитета, который бежал, не имея никакого основания. У противника силы: 150 человек пехоты, 7 трехдюймовых орудий, 50 пулеметов, около 100 чел. кавалерии; в их распоряжении Елизаветградская крепость, где они и установили орудия».

В тот же день, 10 марта, военком ст. Знаменка, бравый товарищ Яковлев, сообщал: «На ст. Знаменка все спокойно, но в 8 верстах от нее уже появились гайдамаки, против которых послан кавалерийский отряд. Наши части, под давлением противника, отступили от Елизаветграда на Знаменку, оставив там заставу. Завтра ожидается продолжение боя. У ст. Хировка наступление гайдамаков отбито, особенно отличился отряд Маруси Никифоровой. Много жертв с обеих сторон, разрушено полгорода. Жители Знаменки, заслышав канонаду, массами покидают местечко, со стороны гайдамаков действуют аэропланы».

Те и другие сообщения о Марусе Никифоровой были верны: у нее были храбрые ребята, только в конец распущенные. Белогвардейцы великолепно использовали это и сумели поднять против нас—под нашим же лозунгом «власти советов» и установления «революционного порядка»—почти все население.

Все же силы их были вначале ничтожны, и только неорганизованностью и военным неумением нашим можно объяснить, что мы были выбиты из Елизаветграда.

Уже 10 марта подоспели некоторые подкрепления от Муравьева и «гайдамаки» были сбиты под Елизаветградом; наша конница их преследовала.

11 марта на ст. Знаменку прибыл Муравьев и спешно распоряжался ликвидацией Елизаветградского восстания.

Первая армия получила приказ сосредоточить значительные силы под общей командой т. Коляденко и занять Елизаветград. К Коляденко, названному «начальником 1-й колонны», был придан отряд Черняка, и ему предписано Егоровым, оставив на ст. Хировка заслон, взять Елизаветград. Это предписание разошлось с приказами начштаба Главкома Смирнова, дававшего именем Главкома, без полномочий, свои распоряжения во все стороны.

Коляденко, еще не получив указания Главштаба войти в подчинение Егорову, сообщал в Главштаб от 11 марта из Хировки: «То, что я увидал сегодня, не выдерживает никакой критики, развал войск полный. Первым долгом придется упразднить автономность отдельных отрядов. Если будете высылать войска, то пусть это будет не отряд, а рота с кухней, цейхгаузом и всеми оборудованиями регулярной роты. Все полураздеты, и дальнейшая работа при таких условиях невозможна. Сегодня приезжал начштаба т. Смирнов, сказал, что я подчиняюсь командующему 1-й армии Асееву, не знаю, не будет ли противоречия. Сегодня с аэропланов елизаветградцы разбрасывали воззвания, в которых говорилось, что в городе власть принадлежит рабочим и чтобы не поддавались провокации и шли против грабежей Никифоровой. Смирнов предложил не наступать на Елизаветград, а на Бобринскую».

К 13 марту Елизаветград был снова нами занят.

Беленкович впоследствии так передавал характерные подробности о восстании в Елизаветграде.

Маруся Никифорова со своим отрядом анархистов занималась в Елизаветграде митингами и самочинными реквизициями. Беленкович, по указаниям Муравьева, предложил ей отправиться на фронт. Она предписание выполнила, вышли следом и два других отряда, и настроение в городе улучшилось. Но неудачи наши на фронте содействовали успеху меньшевистской агитации. Один из меньшевиков, получив поручение штаба формировать в Херсоне «червонное казачество», навербовал банду, объявившую себя «вольным казачеством» и потребовавшую сдачи власти от Елизаветградского ревкома. Ревком струсил и решил эвакуироваться с деньгами казначейства. Возбужденные меньшевиками рабочие завода Эльворти заявили, что не допустят увоза денег. Ревком укатил, захватив лишь часть банковских средств. Власть перешла в руки «демократического самоуправления», опиравшегося

*

на «союз фронтовиков» и «самоохрану», обильно снабженную оружием.

Негаданно — у семафора Маруся Никифорова; проездом на Знаменку завернула, «чтоб закупить необходимое снабжение». Автомобиль с нею был в городе обстрелян, Маруся ранена. Ее «братва» (250 чел., 1 орудие, броневик) начала обстрел города.

Беленковичу удалось остановить эту стрельбу. В переговорах с городским самоуправлением он добился обещания соблюдать нейтралитет и содействовать сдаче оружия нерегулярными частями, при условии отправки всех наших отрядов на фронт.

Наши отряды были отправлены. В ответ — городское самоуправление организовало тайный военный штаб, который двинул белые отряды на вокзал для захвата станции и Беленковича. Но к вокзалу как раз прибыл отряд (в 200 ч.) из Одессы; услышав стрельбу, повернула к Елизаветграду и Маруся. Прибыл с небольшим отрядом и Коляденко. С нашей стороны дрались до 400 чел. при 35 пулеметах и 4 орудиях (без артиллеристов). Наступали до 6 000 белых, под руководством бывших офицеров. Наши были раздавлены. Отряд Никифоровой наполовину истреблен. Захватив замки с трех орудий, Беленкович с сотней ребят вырвался со станции на небольшом составе. В Ново-Украинке, по телеграмме из Елизаветграда, пред его эшелоном разобрали путь. Состав потерпел крушение. Преследовавшие подоспели. В жарком бою кто погиб, кто бежал. Беленкович с четырьмя умчались в повозке. С немалыми приключениями (рассказывает, что однажды остановили погоню, разбросав мешок с георгиевскими крестами и медалями) добрались до Муравьева.

Повернули к Елисаветграду уже с бронепоездом Полупанова и отрядом Сиверса (до 600 ч.). Елизаветградцы сдались после нескольких залпов с бронепоезда и были разоружены.

Муравьев торопился покончить с Елизаветградом, чтоб освободить все силы для главного направления, — под Одессой становилось жарко.

Принимать нажим немцев «в лоб» Муравьеву не улыбалось. Он затеял повторить маневр, в свое время блестяще удавшийся ему против румын.

Начштаба Смирнову он указал:

«В виду сложившихся обстоятельств, необходимо, чтобы Тираспольский отряд отошел теперь же к Березовке. Отход противника есть маневр, рассчитанный на то, чтобы заманить вас и

затем отрезать вас от Березовки. Поэтому не увлекайтесь переходом в наступление. Важно вывести лучшие войска».

У Березовки, заняв фланговое положение к наступавшему на Одессу противнику, Муравьев лучше б защитил этот город, чем прикрыв непосредственно Раздельную.

Тов. Беленкович.

Распоряжение в этом смысле было, очевидно, еще ранее дано Муравьевым непосредственно начальнику Тираспольского отряда, выделенному в самостоятельную единицу.

Не поставленный своевременно об этом в известность, наштаба Главкома и командарм 3-й давали Венидиктову, начальнику Тираспольского отряда, совсем иные приказы, — они сосредоточились на непосредственной обороне ст. Раздельная.

Создалась путаница.

11 марта Венедиктов телеграфирует из Березовки Застава, нач. штаба Левинзону, копия Раздельная. «Объявите всем частям отряда следующий приказ: Нашему отряду приказано было сгруппироваться в районе Березовки, сегодня и вчера главнокомандующий подтвердил этот приказ, но начальники колонн не выполнили данного мною им приказания. Руководствуясь приказаниями нач. штаба Смирнова, части, вопреки моему приказу, были двинуты в Раздельную. Узнав об этом, я попросил разъяснения главнокомандующего и получил подтверждение прежнего приказа. Приказываю не исполнять ничьих приказаний, идущих помимо меня, так как это приводит только к беспорядку. Кроме того, приказываю начальникам колонн двинуть все эшелоны отряда на линию Одесса — Вознесенск, расположив по всем промежуточным станциям, дабы не загромождать пункты. Штабу отряда немедленно прибыть в Березовку, арьергарду отряда, под командой Княгницкого, в составе, мною уже указанном, сдерживать противника до смены одесскими войсками, к арьергарду присоединяется также отряд Котовского».

Комиссар ст. Раздельная Бабаев сообщал 11 марта:

«Нач. штаба Тираспольского отряда Левинзону. 3-й батальон (из Днестровцев) уже на позиции и сменил бывшую там заставу. Противник находится приблизительно в 11 верстах от Раздельной. Эти сведения получены в 10 часов утра от инструктора Гришева, который рискнул на паровозе с тов. Харченко сделать разведку. Наткнувшись на дозоры противника, они, под орудийным обстрелом, вернулись к полку и сделали надлежащие распоряжения, вместе с нач. боевого участка. На обратном пути эшелон был обстрелян шрапнельным огнем противника, но безрезультатно. В виду этого я выслал немедленно 2 роты Днестровского полка и 10 разведчиков, дабы противник не обошел фланги, как он старается. Высылайте батарею, которую вы обещали, немедленно, ваше приказание Княгницкому передал. Сейчас еду на позицию, ибо приехал с позиции солдат с донесением о наступлении немцев частями и густыми цепями со стороны Мигаева на Раздельную».

Вридглавком Асеев (за отъездом Муравьева) пояснил недоумевающему Лазареву и начштаб отряда Левинзону оперативный замысел Муравьева: «Помощь Одессе будет подана со стороны Березовки и с других направлений. Приказываю удерживать Выгоду, во что бы то ни стало, вашими силами. Передайте чрез-

вычайному штабу, чтобы он немедленно выслал поддержку нашим частям для контр-атаки. Держать этот пункт чрезвычайно важно, все свои резервы бросаю вперед. Одессу без боя не отдавать».

К вечеру 11 марта Раздельная была занята австрийцами. Непосредственная угроза нависла над Одессой. В Одессе нарастала тревога.

12 марта начштаба Главкома Смирнов сообщал:

«Чрезвычайное заседание совета народных комиссаров Одесской области, представителей штаба округа 11 марта постановило вручить командование всеми революционными силами Одесского района тов. Лазареву, командовавшему прежде 3-й армией Румынского фронта. Одновременно с этим образована верховная коллегия, к которой переходит власть гражданская и военная. Объявляя об этом для сведения всех начальников отрядов, действующих в Одесском районе, всем начальникам управлений и учреждений г. Одессы, всем комендантам станций и начальникам гарнизонов прежнего Румынского фронта, приказываю им в вопросах, касающихся боевых, хозяйственных и административных дел, обращаться к тов. Лазареву и верховной коллегии».

Шла судорожная эвакуация. Штаб Муравьева был переведен в Николаев. «Верховная коллегия» в Одессе давала свои распоряжения. Штаб Тираспольского отряда, без всякого согласования, действовал через Бабаева, назначенного с неограниченными полномочиями комиссаром ст. Одесса-сортировочная. В городе подняла нагло голову белогвардейщина, меньшевики шипели из подворотень, дезорганизуя защиту. Лазарев, перед своим новым назначением смещенный Муравьевым за «недисциплинированность», был почти бездеятелен. Моряки погрузились на суда и оттуда, на почтенной дистанции от неприятеля, грозили «смести город, если он будет сдан без боя».

Муравьев из Знаменки выехал в Вознесенск, где лично передал командующему Тираспольским отрядом распоряжение, которое свидетельствует, что он уже не помышлял о возможности отстоять Одессу, — отряд получал строго ограниченную задачу местной обороны.

«13 марта. Приказ по войскам особого отряда. Нашему отряду поручено активно оборонять участок ж. д. станции Березовки включительно до Вознесенска, упорно защищая Колосовский узел. Правый участок обороны: от Вознесенска до При-

вольной одна рота пехоты, пешей разведки отряда Котовского, комиссар станции Башмаков. В задачу правого участка входит наблюдение за нормальным движением воинских и иных поездов, для установления какового комиссару Башмакову вменяется в обязанность употреблять силу оружия. Средний участок обороны: от Привольной до Демидовки, — силы: 2 батальона Днестровского полка, 5-я батарея, 6-й конный Заамурский полк, нач. участка — командир 6-го Заамурского полка Скандахов. Задача среднего участка: вести упорную оборону своего участка, защищать главным образом Ананьевское шоссе и освещать большие дороги на Одессу и Николаевку. Левый участок — от ст. Демидовки до переправы у Княжевки: 1-я сотня 5-го Заамурского полка, отряд Рошаля, 8-я рота Днестровского полка и подрывная команда, 2-я сводная батарея. Начальник участка — командир 1-й сотни Соловьев. Задача участка: оборонять жел.-дор. линии и большую дорогу, по особому приказу взорвать линию впереди позиции, а при отходе на реку Тилигул — взорвать и железнодорожный мост. Броневому поезду содействовать обороне левого участка. Командирам частей, перечисляемым в сем приказе, немедленно по получении приказа надлежит явиться к начальникам участков для получения своих задач. 5-му Заамурскому полку вести глубокую разведку впереди участка и по жел.-дор. линии на Николаев, разгружая совершенно Колосовку и Березовку. Штаб отряда до разгрузки Колосовки будет находиться в Березовке, после же разгрузки перейдет в Колосовку».

Положение Одессы между тем стало критическим. Всеобщая мобилизация, назначенная в ней на 11 марта вызвала полный беспорядок. Принимать мобилизованных оказалось некому. 12 марта в 7 часов тысячи мобилизуемых устроили демонстрацию «против войны». Матросы рассеяли демонстрацию залпами. А днем прибыли в город на мотоциклах парламентеры от немцев с предложением сдаться.

«Верховная коллегия» отклонила это предложение, но не смогла организовать отпора немцам.

Немцы от Раздельной, наступая к востоку, прервали сообщения Одессы с Вознесенском. Наши войска отступили из Одессы в беспорядке незначительными частями к Николаеву, в большинстве же погрузились на пароходы. Эвакуация продолжалась еще 14 марта, когда большая часть города была занята немцами и белогвардейцами.

В порту, под прикрытием моряков, шла спешная погрузка. Противник ожесточенно, но безуспешно старался ей помешать.

Уже 15 марта пришли к нам сведения о занятии немцами Одессы и о продвижении их к Николаеву. Муравьев, по словам Смирнова, поручил оборону Николаева Тираспольскому отряду. Но не видно, чтобы начальник Тираспольского отряда считал это дело своим,—судя по приведенной диспозиции, никаких мер к обороне Николаева он не предпринимал. Муравьев его подталкивал:

«15 марта из Водопоя, Березовка Венедиктову. Беспокоюсь за ваш левый фланг. Спешите исполнением моей диспозиции, посылайте туда[1] конницу с батареей, вы ответственны будете за Николаев».

Командарму первой Егорову Муравьев отдал 15 марта из Колосовки приказ пассивно-оборонительного характера:

«Занять линию Ольвиополь — Помощная, Елизаветград, Хировка, Знаменка, Користовка, Кременчуг. Выдвинуть немедленно в направлении Бобринской к Ново-Миргороду, Помощной, а с Хировки на Каменку сильные передовые отряды. Станции Помощную, Хировку, Знаменку и Користовку укрепите сильными фортификационными постройками, для чего использовать военнопленных и призвать крестьян. Обратите внимание на охрану левого фланга на ст. Подгородная».

Между тем, угроза для Николаева определилась. Смирнов телеграфировал:

«16 марта из Березовки нач. связи сообщает: Замечено продвижение неприятеля на грузовых автомобилях по шоссе от Одессы к Николаеву. Меры задержания неприятеля еще не приняты. Город Ананьев занят неприятелем».

И в тот же день Смирнов из Николаева — Венедиктову — Муравьеву: «Гайдамаки и немцы наступают, заняли Варваровку.[2] Часть гайдамаков успела пройти Николаевку. Вышлите конницу на Карлсруэ-Ковалевку (здесь мост) и Новую Одессу. О последней есть слухи, что она занята противником — несколько броневиков. На мосты через Буг выслал площадки Завина».

Мер по задержанию неприятеля принято не было, несмотря на наличие некоторых боеспособных частей.

---

[1] «Туда» — должно быть к с. Троицкое, у Тилигульского лимана.

[2] Это — на Бугском лимане, напротив Николаева.

Егоров, вступив в командование фронтом, давал Тирасполь-скому отряду предписания, шедшие в разрез с требованиями начштаба Смирнова и прежними «диспозициями» Муравьева:

«16 марта. Вознесенск — Колосовка, Венедиктову: Предписываю левый фланг вашего отряда сгруппировать Березовке, образовать резервы ваших отрядов в Помощной и двум мортирным батареям выехать в Знаменку».

Венедиктов отвечал:

«Данную мне диспозицию выполняю. Но дело усложняется совершенно изменившейся обстановкой. Получены сведения, что противник двинулся на Николаев, с другой стороны он уже подошел к станции Рауховка. Положение тяжелое, нас могут отбросить на Вознесенск. Я выслал отряд на Краснополье (Распо-поль?), чтобы не быть отрезанным от Николаева».

А все еще «врид. главком» Асеев тоже 17 марта из неведомого пункта слал такое запоздалое приказание: «Одесса-порт Лазареву, нач. штабу Смирнову, Венедиктову. В случае вывода ваших войск 3-й армии, вам надлежит, применительно к ранее данным директивам, занять пехотой с необходимой артиллерией и кавалерией новую линию Вознесенск — Колосовка. Излишек артиллерии и конницы направляйте на Николаев. Вообще же действуйте в тесном контакте с Венедиктовым. Если бы ваша армия, при переводе через Березовку, была поглощена отрядом Венедиктова, то задача по занятию линии Вознесенск — Колосовка возлагается на Венедиктова».

Это предписание давалось тогда, когда армия Лазарева уже была на пароходах или проходила сухопутьем в Крым, а противник энергично развивал наступление.

Венедиктов сообщал:

«Сегодня 17 марта противник двинулся несколькими эшелонами на Березовку. Встреченный на ст. Сербке нашим броневиком, он остановился и со своего броневика ответил тоже артиллерийским огнем. Отюда под напором броневик отступил до Рауховки, где была наша оборонительная линия. Пехота, не вступая в бой, позорно бежала. Кавалерия стоит на месте до сих пор, но противник продвинулся к Березовке по жел.-дор. линии на 4 версты. Трусливые и блудливые некоторые части Днестровского полка, отрядов и красногвардейцев отказались занять позицию, захватили силой паровозы и бежали. Я дал им направление на Вознесенск. Верные советской власти части 5-го и 6-го

конных полков Заамурцев, 2-й Днестровский батальон, китайцы, подрывники, латыши, броневой поезд, 2-я сводная батарея, 5-я батарея, автомобильный отряд — это все, с чем мы обороняем Березовку и Колосовку. Но и эти части, возмущенные предательством пехоты, готовы нас покинуть. Смирнов из Николаева сообщает, что Варваровка занята гайдамаками и немцами с броневиками. О Новой Одессе и Колосовке тоже доносит, что там гайдамаки. Положение крайнее, мы уже фронтом обращены на юго-запад. При всем упорстве оставшихся частей трудно будет удержать реку Тилигул, следовательно и Колосовку. Дайте указания для действий. Все бежавшие части исключаются из отряда. Необычайно тяжело для частей вести борьбу в немецких колониях. Они нас губят. Самые крайние меры для острастки их должны быть применены».

Ст. Сербка была занята немцами 17 марта. Тираспольский отряд был поколеблен. Давление немцев усилилось и на Знаменку.

Начштаба Левинзон сообщал 17 марта:

«Положение на Ново-Украинке осложняется благодаря прибытию к противнику крупных подкреплений. Нельзя быть уверенным в том, что продержимся даже самое короткое время. В этом случае придется бросить продовольственные грузы. Спешите высылкой подрывного материала. Прошу инструкции».

Егоров, при таком положении дел, не нашел возможным оказывать дальнейшее сопротивление на прежних позициях. Характерен его приказ:

«17 марта нач. броневого поезда Полупанову и отряду Сиверса 2-го. Предписываю вам немедленно отступать в сторону Знаменки, разрушая мосты и пути. Не задерживайтесь, передайте Бенедиктову — отступать с Колосовки и Березовки пешим порядком на Долинскую. Смело перед опасностью за советскую власть, за пролетарскую революцию, слава и честь борцам! Главком Егоров».

И через пару часов:

«17 марта. Вознесенск, Березовка Бенедиктову. С получением сего начинайте отвод частей на Помошную — Знаменку. Егоров».

Вместо Долинской дано новое направление: Елизаветград — Знаменка.

Тираспольцы пришли окончательно в смятение. Их кавалерия, в свой черед, замитинговала, требуя отвода в глубокий тыл «для переформирования»...

17 марта передовые части немцев на грузовых автомобилях влетели в Николаев. Об этом узнали мы в тот же день из такого разговора по прямому проводу из Знаменки:

«— Пригласите комиссара телеграфа. — Я — Николаев, какого комиссара — германского, то у нас есть германские, а большевистских нет. Вот у нас гости в серых шинелях.

— Скажите, товарищ, как положение Николаеве...

— Кто это спрашивает?

— Польза народа спрашивает. Идет ли бой?

— Какой там бой, спасибо, без всяких боев бежали.

— Кто у вас, чистые немцы?

— Пока видим наводнение немцев.

— А много?

— Кто их знает.

— А не трудно ли вам говорить, не мешают ли вам?

— Нет ничего, прошу сообщить, кто вы такой?

— Я адъютант 1-й армии.

— Вот что я могу передать: Николаев заняли австро-германцы, вижу большие массы, сильно вооружены, поставили везде свои караулы и станцию тоже заняли, и распоряжения происходят от них, а с какой стороны они появились, с моря или суши, — это право не могу сказать. Из Одессы говорят, что часть морем, а часть сушей, орудия переправили через мост по направлению к Николаеву.

— Постарайтесь, при первой возможности, передать в Одессу...

— Все телеграммы проверяются начальниками, но я какнибудь передам или телеграфом или курьером, едущим в Одессу...»

Итак, Николаев был занят немцами без сопротивления.

На Екатеринославском вокзале мы чуть не разминулись с Муравьевым, направляющимся в Харьков. Не мог раньше выбраться ко мне из-за обостренной обстановки. Муравьев выглядел совсем больным; жаловался на предательство, на всеобщую деморализацию; он выражал полное неверие в возможность сколько-нибудь успешного сопротивления немцам. Лишь

после моих повторных уговоров он согласился принять пост начштаба Главковерха и выехал в Харьков-Курск для инспекции фронта. О своем вступлении в должность он известил «всех» характерными телеграммами:

«16 марта. Всем начальникам отрядов и командующим советскими войсками. Покидая фронт вследствие назначения меня нач. штаба Главковерха, шлю привет дорогим моим боевым товарищам, с которыми, будучи под Харьковом, Полтавой, Донецком бассейне, Киевом, на берегах Днепра, обагрял (землю) кровью в борьбе за революцию и советскую власть. Теперь же, оставаясь руководителем, призываю всех моих боевых товарищей отстоять наш лозунг: вся власть советам и права пролетариату. Вперед, товарищи, время не ждет! Начштаб Муравьев».

«Харьков 17 марта. Всем начальникам отрядов, батарей, сотен, эскадронов... Вступил в должность начштаверха, объявляю всем для сведения. Слушать мою команду. Наштаверх Муравьев».

Главнокомандующим Южным фронтом назначен Егоров, командовавший 1-й армией. К нему направлен инспектор Главштаба, которому поручено: выяснить у Егорова, достаточно ли надежно занята Долинская и прикрыто Криворожье, так как предполагалось послать в Долгинцево летательную эскадрилью, а также передать Егорову письмо с такими указаниями:

«Товарищам Аверину и Волкову в Екатеринославе предписано войти с вами в сношение для создания оборонительной линии по реке Ингулец, перед Криворожьем и перед Пятихаткой, опирающейся в Днепр напротив Городижска. Вы должны поспешить с этим, отстаивая Знаменку до последнего момента и от Помошной лишь в крайнем случае отходя на Елизаветград».

Еще двум порученцам даны такие предписания:

«Тов. Н... 1) Проинспектировать через тов. Волкова и Аверина состояние резервов и боевых артиллерийских припасов и готовых снарядов в Екатеринославе. 2) Проверить, насколько исполнено распоряжение относительно создания оборонительной линии: река Ингулец — Криворожье впереди Знаменки и к Днепру напротив Городижска. 3) Проверить, насколько в создании оборонительной действует екатеринославский штаб в связи с Егоровым. 4) Проверить, присланы ли четыре вагона колючей проволоки из Кременчуга в Екатеринослав. 5) Исполнено ли тов. Сухоруковым — матросом речной флотилии — предписание относи-

тельно эвакуации Кременчуга. 6) Проверить, как идет организация партизанских тыловых отрядов тов. Волковым. 7) Узнать, какие меры принимаются к эвакуации Екатеринослава. 8) Закончена ли демобилизация армии, особенно 272-го полка, и разоружение буржуазии. 9) Узнайте, какие меры (у Волкова и Аверина) для организации рабочих Брянского завода».

«Тов. М... 1) Проверьте, в каком состоянии броневой поезд, и протолкните его ремонт. 2) Поезжайте в штаб Егорова в Знаменку и приготовьте отчет состояния станций в отношении их загруженности. 3) Передайте дополнительно Егорову: обороняйтесь пядь за пядью партизанской войной и обходными движениями, партизанские отряды пусть организует в тылу, оружие раздавая крестьянам и подымая их к восстанию. 4) Проверьте, каково снабжение по продовольствию, предложите создать комитет по продовольствию. 5) Сообразно указаниям Егорова, дайте предписание авиационному отряду перейти на станцию Долгинцево или другое место, достаточно обеспеченное от неприятеля».

Из этих предписаний приблизительно видно, в какую сторону направлены были наши заботы.

Призыв ЦИК советов Украины (от 9 марта) к правительствам остальных «южных советских республик» о создании единого центра по руководству борьбой с гайдамацко-немецким нашествием был оставлен без ответа.

Представители Кривдонбаса, Крыма,[1] Одессы и Донреспублики не явились на конференцию, созванную Нарсекретариатом Украины в Екатеринославе 14—15 марта.

Это было печальным предзнаменованием для всего исхода борьбы с немцами.

16 марта состоялось заседание Народного секретариата Украины, на котором мной был сделан доклад о положении на фронте. В прениях по докладу обнаружилось резкое разногласие среди членов Нарсекретариата. Тов. Квиринг и Неронович

[1] «Советская социалистическая республика Тавриды» была провозглашена на учредительном съезде советов Крыма. Во главе Совета народных комиссаров — Аарон Слуцкий (большевик, расстрелян при оккупации немцами Крыма). Рядом с ним работал особый комитет во главе с Спиро (с.-р.), избранный 6 марта на объединенном заседании всех демократических организаций, для руководства защитой Крыма.

оговорились до предложения отказаться от военных действий против Центральной рады и пойти на компромисс с нею. Большинство Нарсекретариата (4 против 3) вначале приняло решение войти в переговоры с Центральной радой для прекращения борьбы; но на следующий день вопрос был пересмотрен, незначительным большинством предложение тов. Квиринга отказом от власти советов на Украине было отвергнуто.[1]

Далее приняли решение: одобрить оперативный план Главштаба; признать основной задачей — организацию так называемой

Тов. Евгения Бош.

«мужицкой войны»; мне предложено выступить на Съезде советов с соответствующим призывом и затем выехать в Москву, чтобы добиться реальной помощи Югу.

17 марта я выступил на 2-м Всеукраинском съезде советов. Съезд в большинстве был крестьянским.[2]

Крестьянские депутаты вначале были настроены явно против борьбы с немцами,— они еще не ощутили советской вла-

[1] Мои воспоминания об этих расхождениях в Народном секретариате подкрепляются воспоминаниями целого ряда товарищей (см. особенно: «Первый съезд КП(б)У», Госиздат Укр., 1923 г.).

[2] Партийный состав съезда (по анкетным данным организационной комиссии к 18/III): фракция коммунистов - большевиков и сочувствующих им — 428 (из них у. с.-д. левых — 27), фракция объединенных

сти и не понимали, как много теряют с ее «уходом». Группа левых эсеров, боровшихся в Москве против подписания Брест-литовского мирного договора, пытались использовать и этот Украинский съезд для срыва мира с немцами. Украинские эсеры помогли им разагитировать крестьян, и резолюция левых эсеров против подписания мира в Бресте собрала было большинство голосов. Лишь при переголосовании большевикам удалось провести свою резолюцию, не затрагивавшую Брест-Литовска, а заостренную на вопросах борьбы за советскую Украину. Равнодушное вначале к этой борьбе крестьянское большинство съезда постепенно левело. Под умелым руководством тов. Скрыпника съезд крепчал, проникался боевым, революционным духом.

Меня встретили очень тепло.

Закончил я свою речь, как помню, призывом к организации крестьянской войны, — не должно быть ни минуты покоя оккупантам, — из-за каждого угла, из-за каждого куста их должен ждать нож или пуля повстанца. Пожаром великой всенародной войны должна загореться вокруг них Украина, и ни один пособник империалистам не должен уйти живым с украинской земли.

Съезд как будто бы внял этим призывам. Под грохот уже близкого фронта, среди растущей суматохи в городах и неопределенной тревоги в деревнях, съезд вынес радикальное решение беспощадной борьбы с изменнической Центральной радой и ее пособниками. Съезд обещал полную поддержку военному командованию и советской власти. И вместе с тем, принял такую резолюцию:

«Съезд, исполненный непоколебимой решимости отстаивать священное дело революции, постановляет, что делегаты, по возвращении на места, должны поднять села и города и создать мощную рабоче-крестьянскую красную армию, мощную революционным духом и пролетарским сознанием.

«Эта армия должна стать несокрушимой твердыней, о которую разобьются последние волны обреченного на гибель империализма».

росс. и укр. левых с.-р. и сочувствующих им — 414, укр. с.-д. (объединенцы) — 6, Бунд — 2, с.-р. росс. и укр. (центр и правые) — 4, анархистов — 3, максималистов — 4, беспартийных — 82, неопределенных (за сов. власть, за селянство, за рабочих) — 8.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Силы Полтавской армии. Бой за Ромны — Гадяч. Оформление Курской армии. Упадочные настроения. Наша авиация. Высший военный совет обещает. Муравьев уходит. Следы его инспекции. Организация Главного штаба. Левые эсеры дезорганизуют. «Но там ничего нет!» Разлад в совнравительствах Украины и Донбаса. Славная работа красных почтовиков.

18 марта — в Харькове. Здесь кипела лихорадочная работа эвакуации и формирования, усиленно саботируемая меньшевиками.

Созданный харьковскими товарищами чрезвычайный штаб, действуя в контакте с Кожевниковым и Сиверсом, разрабатывал план обороны уже на последних подступах к Харькову; чрезвычайному штабу предложено вернуться, прежде всего, к укреплению линии по р. Ворксле.

Саблин еще стягивал свои силы к Полтаве.

Петров все медлил с отъездом из Воронежа и ничего не отвечал на повторные телеграфные запросы Саблина о времени его прибытия на украинский фронт.

На деле на Полтавском фронте командовал именем Киквидзе Барабаш.

Сохранился следующий характерный его приказ:

«Приказ советским войскам Полтавского района Ю.-З. фронта, 17 марта.

«Для обороны участка: Литвяки, Кремянка, станций Маташевка, Березовка и Покровская-Богачка, приказываю: начальнику Костромской колонны занять с 500 чел. район дер. Стадня. Начальнику Спиридовской кавалерии с 150 кавалеристами — дер. Маташевку. Начальнику 5-й конно-артиллерийской бригады с двумя орудиями — дер. Баташевку. Начальнику Должанского отряда с 150 чел. занять дер. Маташевку. Начальнику Донского отряда

занять дер. Баташевку с 200 чел. и дер. Покровская-Богачка с 200 чел. Начальнику 1-го Революционного отряда занять дер. Кремянка с 500 чел. Начальнику Кременчугского отряда с 150 чел. и 30 кавалеристами занять дер. Литвяки. Начальнику Харьковского отряда с 108 чел. занять ст. Дубровский конный завод. Начальнику Харьковской артиллерийской батареи приказываю с двумя орудиями стать на позицию в районе дер. Стадня в распоряжение начальника Костромской колонны.

«Задача отрядов: начальника Кременчугского отряда — разослать разведки в дер. Снятин и Исачки, Волчок, Волчья Долина. У дороги Лубны—Пески, Волчья Долина, Литвяки—держать довольно сильную заставу и обращать большое внимание на весь этот участок, во избежание обхода немцев с фланга.

«Начальнику 1-го Революционного отряда держать тесную связь с Кременчугцами и, кроме того, восстановить телефонную связь ст. Ромодан посредством правительственной линии. Начальнику Костромского отряда организовать самую узкую связь со всеми находящимися на левом фланге до дер. Покровская-Богачка включительно. Начальнику Русско-Сербского и Чешского отрядов приказываю оставаться со всеми частями на ст. Ромодан в моем резерве, а также и остаток Донского отряда 400 человек. Приказываю всем частям выступить 17 марта в 5 часов утра.

«За неисполнение сего приказания виновные будут преданы Военно-революционному трибуналу. Каждый самовольно отлучившийся солдат или целая часть считается изменником революции и родины и подлежат (суду) Военно-революционного трибунала.

«Начальникам блиндированных поездов и колонны броневых автомобилей приказываю немедленно привести все в порядок и быть готовыми, ожидая моих особых распоряжений. Начальнику подрывной команды приказываю приготовить все препараты для взрыва мостов и водокачек и других зданий. Комиссару ст. Ромодан приказываю немедленно привести станцию в полный порядок и все эшелоны держать готовыми о отправке.

«За разглашение сего приказа виновные будут предаваться Военно-революционному трибуналу. Командвойск Киквидзе, нач. штаба Барабаш».

В этом приказе говорится о частях общей численностью до 3 000 штыков, 200 сабель, 4 орудия, 1 бронепоезд и 1 бронеотряд.

Об остальных силах, бывших в распоряжении Киквидзе, упоминается в другом, данном его именем, приказе Барабаша:

«Приказ советским войскам Полтавского района Ю.-З. фронта, 17 марта 1918 г. — Начальнику батареи 1-го Революционного отряда Юго-западного фронта стать на позицию в районе дер. Кремянка — 4 орудия и у дер. Березовка — 2 орудия. Тяжелой батарее Костромской колонны занять позицию около разъезда № 565. Начальнику Рославского отряда сменить 2-ю роту 1-го Революционного полка».

Дисциплина в отрядах 4-й армии была настолько подорвана, что приказ заострен крепкими угрозами Ревтрибуналом за ослушание. Никаких активных операций приказ не предвидит, — после потери нами Гребенки эти операции, очевидно, представлялись командованию невозможными.

Еще больше нерешительности в тыловых учреждениях.

17 марта Неронович, Народный секретарь по военным делам, на свой запрос из Екатеринослава: «Какой пункт вы считаете наиболее подходящим для нашего секретариата?», получил от своего секретаря из Полтавы ответ: «Ближайший к пункту формирований — например, Воронеж».

И далее: «Производить мобилизацию и формирование в Полтаве технически невозможно, она не может быть закончена без катастрофы, в случае продвижения немцев к Полтаве...

«От Полтавской губернии осталось всего 5 уездов, в которых мобилизация может быть произведена, но формирование частей в Полтаве, в виду наступления неприятеля, продвигающегося к Ромодану, невыполнимо; распоряжение мобилизацией должно, успеха ради, по мнению секретаря по военным делам Полтавщины, исходить от Съезда, так как иначе исполнено на местах не будет. Тов. Муравьев, с которым я говорил сегодня утром, рекомендует немедленно начать эвакуацию Полтавы, а формирование отрядов производить за Харьковом, полагал бы в Воронеже. Необходимо выяснить, кем будет произведена мобилизация, секретариатом или мобилизационным отделом. Для успеха сопротивления германскому нашествию необходимо настоятельно воссоздание сильной регулярной армии на линии Тамбов — Царицын, что потребует до трех месяцев времени, но зато обеспечит несомненный успех».

Неронович отвечал, что разделяет это мнение и что в Екатеринославе с Главковерхом установил невозможность широ-

*

кой мобилизации, — «у нас единственная надежда на так называемую мужицкую войну, чтобы немец был взорван в тылу».

Точного ответа, куда перенести Нарсекретариат, Неронович тогда не дал (вскоре Секретариат был перенесен в Таганрог, со всей «Цикукой»).

Относительно успехов мобилизации и формирований в районе Полтавщины мы, действительно, никаких иллюзий себе не создавали. Но я лично находил совершенно паникерскими, недопустимыми эти мнения о необходимости отказаться от задачи формирования регулярных частей в Донбасе и перенести это формирование в район Тамбова — Царицына.

Ведь это означало на деле очищение Украины перед немецким нашествием. Основным материалом для формировании Украинской регулярной армии могли явиться только наши отрядики.

Организация «мужицкой войны» воспринималась в районе Полтавщины также туго. Немцы, учитывая настроения крестьян, усиленно выпячивали, при вступлении в деревни, гайдамацкое свое прикрытие. В живописных национальных жупанах, в «запорожских шароварах», с чубами, гайдамаки должны были служить авангардом немецкого наступления. И деревня на самом деле недоумевала: — с кем сражаться? Полтавские же товарищи вели неумело и вяло организационную и агитационную работу в деревне. Никакие понуканья не действовали. А в самой Полтаве пахло определенным предательством,—зловеще выглядывала работа Бокитько и его штаба (Бокитько назначен начобороны Полтавы 17 марта).

Положение не улучшилось с назначением Саблина 18 марта командарм 4-й, с подчинением ему Киквидзе, Бокитько и Примакова.

Саблин не принял в должное время мер к обороне Ромны, и этот пункт был внезапно захвачен гайдамаками.

Указания на необходимость удержать прочно линию Лохвица—Гадяч не были во-время учтены, и Гадяч был также захвачен незначительным гайдамацким авангардом. Саблин воззвал о поддержке, о прикрытии его правого фланга:

«18 марта Харьков, Кашкареву. Если есть возможность, то экстренно направьте хотя бы небольшой отряд маршруту Харьков, Люботин, Кириковка, Ахтырка, Гадяч. Этому отряду держать со мной связь через Ахтырку — Зеньков — Полтава по земскому телефону. Ежедневно доносить о своем местонахождении. Саблин».

Насколько помню, такой отряд был из Харькова выслан и вошел в подчинение Примакова, отступившего из Ромны к Гадячу — Зенькову. При поддержке этих сил и Сиверса, Ромны — Лохвица — Гадяч были вновь заняты нами.

На бахмачском направлении положение все ухудшалось. Немцы, заняв Конотоп — Ромны, обнаружили угрозу и для Полтавы — Харькова. Берзин, Ремнев не подавали вестей. Сиверс пытался что-то наладить из хутора Михайловского. Шаров еще занимал Путивль. Он сообщал, что в Курске у него формируется батарея и конный дивизион, а в Путивле «готов полк» в 1 500 чел., но нет оружия. Из Курска поступали серьезные жалобы на его самоуправство и заявления об его грабежах. Пока рассматривались эти заявления, Шаров оставался в подчинении Сиверса. [1] Лишь 16 марта Сиверс особыми приказами по своей армии оформил свое положение.

ПРИКАЗ № 1.

По 5-й армии Южно-русских республик.
Штаб армии — Курск.

16 марта 1918 г. 23 ч. 30 мин.

Оперативный отдел — Ворожба.

§ 1.

Советские республики Юга России — Украинская, Крымская, Донецкая и Донская, входящие в состав Российской Федеративной республики, вынуждены поднять меч для защиты своей свободы и независимости от посягательств германских и своих собственных буржуазных штыков, пытающихся сбросить рабоче-крестьянские правительства этих республик, навязать им буржуазную власть и вывезти продовольствие в Германию, в то время как с Великороссией они подписывают тяжелый для нее мир. Все революционные солдаты, рабочие и крестьяне без различия национальностей, украинцы и великороссы, донцы и сибиряки, обязаны встать на защиту попираемой свободы наших братьев и вступить в ряды армий советских республик Юга.

---

[1] К 25 марта Шаров был смещен с командования и послан в Крым, в распоряжение тамошнего штаба.

§ 2.

Во главе армий поставлен бывший Народный комиссар п борьбе с контр-революцией, ныне Верховный главнокомандующи армиями советских федеративных республик товарищ Овсеенк Антонов.

На левом фланге, у Черного моря и до Полтавы, действую 1-я, 2-я, 3-я армии под командованием тов. Муравьева.

В центре, у Харькова, 4-я армия товарища Киквидзе. Войск района Курск, Ворожба, Бахмач, Глухов, хутор Михайловский Новгород - Северск — составляют 5-ю армию.

Приказом Главковерха я назначен командующим 5-й арми Всем начальникам войсковых отрядов и командам батарей, рас положенных на этих участках, приказываю обращаться по дела службы ко мне.

§ 3.

Объявляю список полевых частей 5-й армии, действующи и зачисленных на фронт:

Сводные колонны (бывшие части 2-й армии) т. Ремнева отряд Шарова, Макеевский отряд, 1-я рота 24-го ж.-д. баталиона Глуховский отряд, отряд Крачковского, отряд Потапова, 1-й Ор ловский революционный отряд, отряд Вишневского, 1-я мортир ная батарея, батарея Интернационала.

§ 4.

В той беспримерной разрухе, наблюдавшейся до сих пор на нашем участке и продолжающейся и сейчас, замечено, что неко торые начальники отрядов и представители просто штабов, именуя себя различными высокими чинами, не присвоенными им, отдают приказы частям, им не подчиненным, и по делам службы обра щаются непосредственно к Главковерху. Удивляясь подобной военной безграмотности тт. командующих и их легкомысленно преступной игре во власть, категорически приказываю:

1) По всем делам оперативного и хозяйственного ха рактера обращаться исключительно к своим непосредствен ным прямым начальникам. Отнюдь не к Главковерху.

2) Не отдавать никаких предписаний начальникам отря дов, кои не подчинены им по приказу.

3) Немедленно сдать и уничтожить все печати и бланки «командиров», «главкомов», «южных фронтов» и т. п., заказываемые вновь регистрировать в штабе армии.

4) Не расписываться на бумагах, телеграммах и телефонограммах неприсвоенными названиями должностей. В случае продолжения подобной разрухи и дезорганизации, все виновные будут арестовываться и предаваться суду.

§ 5.

Всем начальникам колонн, отрядов и батарей немедленно представить в штаб армии (оперативный отдел) сведения о количестве пехоты, конницы, артиллерии (полевой и на рельсах), пулеметов, кухонь и обоза в их частях.

§ 6.

В виду отсутствия достаточных сил на фронте армии, временно приказываю всем частям перейти к активной обороне:

1) Командующему сводными колоннами тов. Ремневу — на участке жел. дор. Михайловский хутор — Мельня до Конотопа.

2) Начальнику авангардной позиции у Путивля—Грузское т. Шарову.

3) Начальнику Южного боевого участка у Григоровки т. Примакову.

Прочим частям сосредоточиваться в Ворожбе для организации колонн.

На случай сильного наступления противника, подрывным командам немедленно приступить к минированию крупных ж.-д. мостов.

В случае такового наступления, отрядам отходить, уничтожая ж.-д. станции.

§ 7.

Заместители: тов. Ремнев — т. Калюжный.

Подлинный подписал: Командир 5-й армии Сиверс.

Нач. штаба Волынский.

За старшего адъютанта Степанов.

На следующий день Сиверсом отдан такой приказ:

Оперативно.
Секретно.

ПРИКАЗ № 2.

По 5-й армии Южно-русских республик.
Штаб армии — Ворожба.

17 марта 1918 г. 16 час. 40 мин

Оперативный отдел.

§ 1.

Сего числа выезжаю на ст. Курск по делам службы, куда и адресовать все распоряжения и донесения.

§ 2.

Прибывший в Ворожбу отряд Крачковского по некоторым обстоятельствам переводится в гор. Царицын и Глуховский отряд — в гор. Глухов. 1-й Орловский резервный отряд под временным командованием тов. Суркова, отряд Курского революционного полка под командой товарища Черного, находящиеся на Ворожбе, Макеевский отряд под командой тов. Зайцева и отряд Шарова под командой Стацевича образуют резервную группу сторожевого охранения участка Путивль — Грузское, под общей командой начальника авангардной позиции Шарова.

§ 4.

Начальником всего боевого участка, как сторожевого охранения Шарова, так и резерва в Ворожбе, временно назначаю товарища Суркова, коему предписываю иметь сторожевое охранение на участке Путивль — Грузское для разведки и наблюдения за действием противника.

В Ворожбе держать резерв.

Немедленно отдать приказ подрывной команде приступить к минированию мостов.

Подрывная команда находится в Путивле.

§ 5.

Правому боевому участку, занимаемому сводными колоннами тов. Ремнева, продолжать боевую разведку у Мельни.

§ 6.

Левому боевому участку у Григоровки также продолжать разведку на Бахмач.

Начальником боевого участка является тов. Примаков.

§ 7.

По всем вопросам снабжения и продовольствия обращаться в Льгов к начальнику снабжения армии тов. Лопатину.

§ 8.

В случае сильного натиска противника отойти в Коренево, взорвав и разрушив железную дорогу.

§ 9.

Мои заместители: тт. Ремнев и Калюжный.

Подлинный подписали:
Командующий 5-й армией Сиверс.
Начальник штаба Волынский.
Старший адъютант Степанов.

Из этих приказов видно, что силы Сиверса были чрезвычайно раздроблены, не сведены в регулярные части, и что он не считал возможными никакие активные операции.

Состав этих частей определяется, с некоторым преувеличением, так: отряд Шарова (до 300 чел.), 1-й Орловский рев. отряд (600 чел. и 4 орудия), отряд 1-го Курского ревполка (250 чел.), 3-й батальон Красной гвардии Донецкого бассейна (ком. Потапов, 700 чел.) 1-й Ярославский ревбатальон (ком. Вишневский, 150 чел.), отряд Интернационалистов (ком. Крачковский, 300 чел.), кроме того — мортирная батарея 3 орудия (13-го артдивизиона) и Интернациональная батарея. Всего: до 3 000 штыков, 3 тяжелых и 10 легких орудий.

При надлежащей организации с этими силами можно было бы кое-что сделать. Сиверс не считал, однако, возможным не только исполнить мой приказ от 17 марта: «взять во что бы то ни стало Бахмач», но 18 марта телеграфировал мне:

«С наличными силами оборонять Ворожбу безнадежно, жду вашего распоряжения. Считаю целесообразным оборонять Курск, взорвав пути к западу».

И дополнительно:

«Вследствие малочисленности сил и давления противника, наши части отошли от Конотопа. Пути взорваны. Без организованной военной поддержки никакое продвижение вперед немыслимо».

Пришлось жестко реагировать на эту безнадежность.

«18 марта. Штаб Сиверса. Немцы угрожают линии Лохвица — Гадяч. Необходимо сильнейшее давление на Бахмач во что бы то ни стало. Никаких отговорок, никаких промедлений. Немедленно снеситесь с Берзиным и Саблиным: за неисполнение предписания — арест и суд».

Эта телеграмма пояснена письмом:

«Командующему 5-й армии.

У вас справа Берзин, объединитесь с ним, ударьте на Бахмач, прикрываясь Десной, со стороны дороги Гомель — Бахмач. Удар по Бахмачу очистит Конотоп и спасет положение в Ромны, занятой немцами. Перед ударом известите Саблина, командующего 4-й армией, в Полтаву телеграммой — «предписание выполняется» — тогда он нажмет с юга. Подготовьте удар хорошо и именно как говорю. Если приедет тов. Муравьев, покажите ему это письмо. В Сумах и Басах — особые отряды, используйте их, подчинив себе, не отрывая целиком с мест, где они прикрывают оборонительные работы. Столкуйтесь с т. Васильевым и т. Поповым в Сумах о характере этих работ и о связи их через Лебедин и Гадяч (Ахтырка) с работами в районе Полтавы».

Это было последнее распоряжение Сиверсу, пред отъездом моим в Москву. Своим заместителем я оставлял Муравьева. Кашкарев назначался «заведующим общими резервами» и «главным инспектором фронта». Ему оставлено поручение проинспектировать состояние на Полтавском участке по следующей инструкции:

1) Проверить, в каком положении снабжение продовольственное и проч.

2) Проинспектировать тов. Бокитько и мобилизационный штаб в Полтаве.

3) Проверить, насколько исполнено распоряжение относительно создания оборонительной линии.

4) Проверить, как идет организация партизанских тыловых отрядов мобилизационным отделом гор. Полтавы и тов. Бокитько.

5) Как обстоит дело с организацией обороны гор. Полтавы.

6) Какие меры принимаются к эвакуации гор. Полтавы.

7) Закончена ли демобилизация армии и разоружение буржуазии.

8) Какие меры приняты для организации рабочих и привлечения их в Красную армию.

9) Приготовить отчет о загруженности станций.

10) Передать тов. Саблину, чтобы отходил пядь за пядью, действуя партизанской войной и обходными движениями, партизанские отряды пусть организует в тылу, раздавая оружие крестьянам и подымая их к восстанию.

11) Предложить Саблину создать Комитет по продовольствию.

Начальнику авиочастей Ласкину дан ряд распоряжений: направить в Басы, для действий с армией Сиверса, эскадрилью т. Спимщикова; эскадрилью т. Прохорова, расположенную в Синельникове, передвинуть в район Криворожья. Установить тесную связь с отрядом летчиков-балтийцев (Столяров) в Кременчуге. Этому отряду действовать, в контакте с Саблиным, по германским тылам и по мосту в Черкассах. Отряду 2-й воздушной эскадрильи (Попова) из Харькова — освещать местность к Ромнам — Бахмачу.

В Александровске в распоряжении Ласкина оставлена, подготовляясь к действиям с тяжелой артиллерией, 8-я воздухоплавательная эскадрилья с 8 аэростатами.

Но Спимщиков заявил, что выполнить предписания не может в виду скверного состояния аппаратов. По докладу Ласкина, это была простая отговорка. Спимщикову предписано выполнить приказ о создании боевой базы близ Сумы — ст. Басы, под угрозой лишения звания летчика и боевых отличий. Спимщиков такой приказ исполнил.

В 21 ч. 18 марта я выехал экстренным поездом в Москву.

Проездом в Туле передал военному комиссариату просьбу направить в Никитовку в наш артсклад до 30 000 винтовок, 200 пулеметов Максима и т. д. (выполнено не было).

Второй тыловой артиллерийской мастерской (в Орле) оставлена такая просьба:

«Прошу направить в Бахмут, в распоряжение коменданта и с извещением тов. Кашкарова, инструктора артиллерии (Харьков), — восемь трехдюймовых и два сорока-двух-линейных орудий со всеми принадлежностями, упряжью и по возможности с лошадьми» (выполнено не было).

Мы не теряли надежды организовать сопротивление немцам в Донбасе и Криворожьи. Тем более, что как будто начал шеве-

литься и Ростов, — известил, что шлет батарею с прикрытием (этот подарок направлен в распоряжение командира армии Егорова — Екатеринослав). А из Криворожья — из Долинской — поступали такие сообщения:

От нач. отрядов Смирнова: «Если бы вы могли обеспечить квартиры и довольствие за линией Днепра всем записавшимся в Красную гвардию, то из района Долинская мог бы направить к вам несколько тысяч добровольцев, конечно, при условии обеспечения составами перевозки и довольствия в пути. Для всего этого необходима стройная организация».

...В Туле встретился один из представителей отряда П. Дыбенко. Дыбенко ожидался здесь со своим отрядом с часу на час. Для него оставлено такое письмо:

«Тов. Дыбенко — вождю морского отряда. Дорогой товарищ! Надо спешить в Брянск и оттуда на Бахмач общим ударом, как укажет тов. Берзин, только прошу — не вносите раздора в командование. Торопитесь, чтоб не били нас порознь, — скверно будет. Теперь удар подготовляется, и вы, если немедленно выедете, только и попадете как раз. Привет! Антонов».

Тотчас же по приезде в Москву я узнал, что Дыбенко арестован за агитацию против Брест-литовского мира. Затеянное им, в помощь нам, предприятие грозило рухнуть, — моряки находились под исключительным обаянием этого славного самородка. Заступивший место Дыбенко матрос Смородинов казался недостаточно энергичным и решительным для предстоящей отчаянной операции.

Без веры в успех я оставил предписание: «Тов. Смородинову, командующему первым морским отрядом. Предлагаю вам с отрядом немедленно отправиться в Брянск для действий, согласно указаниям тов. Ремнева, командующего особой армией, в направлении на Конотоп — Бахмач. Об исполнении сообщите мне в штаб в Харьков. С революционным братским приветом героям-морякам».

(Сообщения об исполнении не поступило, и не знаю, был ли этот приказ выполнен.)

19 марта — заседание Высшего военного совета в поезде на Александровском вокзале. Л. Д. Троцкий — председательствует.

Докладываю о положении, сложившемся на Украине.

Немцы наступают значительными силами: по сведениям чехословацкой разведки, не менее как 4 корпусами. Удары направлены:

от Гомеля и Киева через Бахмач Сумы — Харьков; от Киева на Полтаву, от Жмеринки — Аккермана на Одессу — Николаев. От Жмеринки на Екатеринослав. Гайдамаки, сопутствуя немцам, придают «украинский колорит» этому систематическому наступлению. Немцами заняты: Бахмач, Конотоп, Ромны, Гадяч, создана с северо-запада угроза Полтаве — Харькову. В Полтавском направлении нами потеряны Гребенка, Золотоноша. На правобережьи — Бобринская, Одесса, Николаев — в руках немцев.

Наши силы ничтожны: во всех армиях не более 10 000 стойких бойцов. Перейти от отрядной системы к регулярной армии не удается, — противник слишком теснит. Множество мелких отрядов разнообразного вооружения, различной численности и различной боеготовности не дают возможности осмотрительного командования, срывают снабжение, деморализуют оформленные боевые части, беспорядочными реквизициями возбуждают против нас население. Много сил уходит на подавление возникающих в тылу восстаний, на налажение транспорта, страдающего от беспорядочной эвакуации и иногда от саботажа железнодорожников, не получающих несколько месяцев жалованья. Новые формирования идут неуспешно от недостатка инструкторов и кадров и от неупорядоченности снабжения. Об эти недостатки разбиваются попытки мобилизации. Меж тем, в рабочих кругах Донбаса, Криворожья, Харькова и Екатеринослава и в некоторых слоях крестьянства проявляется несомненный революционный подъем и желание борьбы. Если бы удалось выиграть месяца два на подступах к Харькову и Екатеринославу, то организационная работа в Донбасе и Криворожьи, при известной поддержке центра, могла бы дать прекрасные результаты.

Необходимо:

1) на ряду с развитием партизанской, крестьянской войны в тылу противника, организовать в самом спешном порядке удар от Брянска во фланг немецкому наступлению к Харькову;

2) направить значительные кадры и достаточные запасы военного снабжения в Донбас, для содействия Центроштабу в организации регулярных частей Красной армии;

3) дать достаточное количество военных специалистов для организации Главного штаба и его оперативного отдела, ныне почти отсутствующего.

Эти предложения были одобрены. Н. И. Подвойский обязался направить немедленно не менее 3 000 кадровых в Брянск —

хутор Михайловский, для оформления «особой армии» Ремнева, который, в согласии с Берзиным, должен был организовать удар, выручающий Харьков. В Донбас будут направлены также от 3 до 5 тысяч кадра и необходимые инструктора.

М. Д. Бонч-Бруевич обещал прислать достаточное количество генштабистов для налажения главного штаба; он указал, что им послана на Украину специальная военная инспекция (полк. Болховитинов и др.), которая получит приказ войти в мое подчинение.

От Л. Д. Троцкого я узнал, что французская военная миссия проявляет весьма большой интерес к нашей борьбе с немцами и что она обращалась к нему с предложением помощи нам. В чем эта помощь должна была выразиться, впрочем, оставалось ее секретом. Кое-кто из ее состава собирался лично поехать в Харьков, выяснить нужды украинских войск. Между тем, по очевидному сговору с французской миссией, чехословацкий корпус покидал Украину, уходил с фронта нашей борьбы.

Мой договор с командованием этого корпуса был одобрен. Разногласия возникли по вопросу о дальнейшем направлении корпуса. Помню, Н. И. Подвойский предлагал направить его через Туркестан.[1] Бонч-Бруевич и я отмечали, что эти силы могут нам еще очень пригодиться (я не терял надежды втянуть их вновь в борьбу с немцами на Украине, если эта борьба затянется) и что не надо препятствовать их тяготению на «западный фронт», хотя бы через Сибирь (Владивосток). Л. Д. Троцкий, отметив угрожающую позицию, занятую в отношении советской власти Японией, выражал сомнение в целесообразности направлять чехословаков по Сибирской магистрали, — союзники могут, опираясь на них, овладеть Сибирской жел. дорогой. Он полагал возможным организовать отправку чехословаков через Архангельск или Мурманск. Разговора об окончательном разоружении корпуса не было.[2]

---

[1] Подобный же план возникал, судя по воспоминаниям проф. Масарика, и у некоторых чешских деятелей (см. Т. Г. Масарик, «Мировая революция», т. I, Прага, 1926).

[2] Тем более я был удивлен, получив вскоре от т. Кураева, председателя Пензенского губсовета, телеграмму: «Прошу ни в какие сношения с чехословаками не вступать. Совнарком не раз подтверждал распоряжение об их полном разоружении. Ваша телеграмма (о сдаче части оружия) только осложняет дело». Эту телеграмму я переадресовал т. Троцкому, прибавив от себя: «будьте осторожны с чехами, они нам будут нужны».

Подбодренный обещаниями, я возвращался на Украину.

...В Курске поджидал Муравьев с заявлением, что в сложившейся обстановке и в виду своей болезни — работать не может. Пришлось согласиться на его отставку. Он известил о ней с обычным для него треском:

«Егорову, Козюре, всем нач. отрядов Южного фронта. Я сложил с себя обязанности наштаверха и совсем уехал с театра военных действий; товарищи, боевые друзья, не забывайте своего старого вождя! Муравьев».

В другой, официальной телеграмме Муравьев сообщает, что ушел с поста «с разрешения Главковерха, по болезни».

Его инспекционная работа свелась к отдаче Сиверсу следующих двух приказов:

«Командарму 5-й Сиверсу.

Главковерх приказал: обратить самое серьезное внимание на закрепление передовых пунктов, занятых нашими передовыми частями. Пункты эти должны быть закреплены фортификационными постройками. Для работ использовать военнопленных и бежавших с фронта солдат, а также крестьян, по соглашению с сельскими комитетами. Закрепление передовых пунктов даст возможность сосредоточить войска и подготовиться к наступлению. Особое внимание обратите на весь Сумский район (Недригайлов, Лебедин), куда послать (в Сумы) немедленно достаточные силы и организовать на месте новые отряды. Ведите постоянную разведку, как воинскую, так и секретную, в сторону противника. Самое серьезное внимание обратить на связь вправо, с войсками Берзина и с его головными отрядами, которыми командует Ремнев. Влево держите связь с войсками Саблина, оперирующими в районе Гадяч—Зеньков—Полтава—Миргород—Ромодан — Кременчуг, причем северные отряды Саблина, находящиеся в районе Лохвица — Гадяч (заняты противником), находятся под начальством Примакова. Донесения Главковерху присылайте не менее двух раз в сутки, а в особо важных случаях — во всякое время. Об исполнении донести Главковерху. 19 марта 1918 года.

Ст. Ворожба.

Наштаверх Муравьев».

«Командарму 5-й Сиверсу.

1918 г. 19 марта 11 час. 50 мин.

Главковерхом приказано вам принять и объединить все командование над всеми войсками по линии Курск — Бахмач.

(в глубину), по фронту Глухов (исключительно), Путивль, Недригайлово, Лебедин (включительно). Распределите свой фронт на боевые участки и на каждом назначьте ответственного начальника, которому должны подчиняться все войска данного участка. Все донесения этих начальников должны непосредственно проходить через вас, а вы — непосредственно Главковерху.

«Все автономные штабы, не признающие вас и не исполняющие данного приказа, должны быть немедленно арестованы, а в случае сопротивления — расстреляны. Об исполнении данного приказа донести Главковерху. Наштаверх Муравьев».

Крайне характерно, что Муравьеву приходилось давать командарму столь азбучные указания, как разбивка фронта на боевые участки.

С момента отдания этих приказаний положение Сиверса еще ухудшилось.

Гадяч был занят 19 марта ничтожными силами гайдамаков. Наши части в панике бежали. Какой-то матросский отряд (конечно, называвший себя анархическим) укатил в эшелоне чуть ли не к Купянску. Примаков, с небольшими силами, один отходил в порядке.

Сиверс спешно отдал приказ: занять ст. Грузское, выдвинув вперед разведку, Ремневу — наступать к Мельне. Начальником участка Ворожба — Путивль он назначил ком. Ярославского отряда Вишневского.

Но начальники отрядов, державшихся в этом районе, отказались подчиниться Вишневскому. Сиверс доносил об этом главштабу и, получив указание — «арестовать и расстрелять неподчиняющихся», отдал приказ:

«Комвойск Вишневскому. Начальникам отрядов Стацевичу, Зайцеву. В ответственный момент боевых операций все отряды и начальников, отказавшихся выполнить боевой приказ о подчинении Вишневскому и позволивших возмутительнейшую наглость в данный момент не выполнять моих и Главковерха распоряжений, объявляю в лице Коллегиального штаба предателями и изменниками. В случае отказа немедленно расформировать свой самостоятельный оперативный штаб, вынужден буду принять самые суровые меры».

Самовольный штаб самоупразднился. Новые затруднения назрели для Сиверса в Курске. С трудом они были мною устранены: Курский ревштаб обязался во всем помогать Сиверсу,

Кирпковку, Грайворон. Спасское — Головчино, Борисовку, Томаровку, Болховец. Тыловые резервы — Богодухов — Золочев. Последняя линия обороны — Крупчепы—Ольшаны — Дергачи.

Сохранилось чрезвычайно мало следов деятельности штаба Главковерха за время его пребывания в Харькове.

Оперативная часть штаба приведена была в относительный порядок лишь с возглавлением ее военным инженером А. Г. Щавинским (перешел из Военсекретариата Украинского правительства в конце марта) и его помощником Леонтьевым. Щавинский не имел специальной подготовки, но был зато чрезвычайно аккуратен, точен, исполнителен и работоспособен. Левый эсер, студент Леонтьев отличался тем же недостатком и, почти в равной мере, теми же достоинствами.

Постоянным недочетом в этой части являлась чрезвычайная неаккуратность армейских штабов в присылке очередных донесений. Вот одно из многих напоминаний командармам:

27 марта из штаба Главковерха штабам армий: «Сообщения ваши с фронта должны быть не лаконичны, а точны. Необходимо указывать, не только где и как идет бой, но и о всех ваших операциях по всему участку фронта, о замеченных передвижениях неприятеля, о составе неприятельских сил, с точным указанием, если возможно, номеров полков. Ставлю это особенно на вид штабу 4-й армии, отделывающемуся простою перепиской, которая годна только для помещения в официальном бюллетене для публики, а не для отдачи тех или иных распоряжений и для общего контроля. Сводка должна даваться аккуратно к 9 час. и 21 часу. Это нисколько не исключает дополнительных сообщений».

Разведывательная часть, возглавленная неким Николаенко, полученным также, насколько помню, в наследство от Нарсекретариата Украины, проявляла себя крайне слабо: не умела содействовать налаживанию непосредственно войсковой разведки, не поставила сколько-нибудь сносно агентурной работы. Более того, получаемые через Николаенко сведения оказывались большей частью неверными и лишь путали командование. Контр-разведка, борьба со шпионажем сосредоточивалась в той же разведывательной части и была в самом жалком состоянии. Уже в период харьковского бытия личность руководителя нашей разведки Николаенко внушала мне серьезное недоверие, впоследствии вполне оправдавшееся.

В дополнение к обычным формам разведки мы довольно широко пользовались и разведкой воздушной. Она приносила нам иногда в короткий срок ценные данные.

Чрезвычайная неосведомленность о противнике шла рядом с крайней неосведомленностью о наших собственных силах и средствах. Учет людского состава был скверно поставлен в отдельных отрядах, того хуже — в «армиях» и в Главштабе.

Все попытки Главштаба наладить это дело учета — все приказы, посылка специальных инструкторов и т. д. — поглощались безрезультатно стихией «партизанщины».

Не было точного учета и материальных средств. Мудрено было его наладить в хаосе эвакуации фронтов и городов. Уже поэтому нельзя было поставить должным образом снабженческое дело.

А значит, и управлять войсками сколько-нибудь правильно было невозможно.

Связь, благодаря бессистемному использованию железнодорожных и земских проводов, действовала скверно.

К оперативной особенности этого штаба надо отнести, что авиация находилась в непосредственном распоряжении Главковерха, через штаб авиации (во главе — т. Ласкин). Всего в действии были 4 авиоотряда: в районе 5-й армии (Снимщиков); второй (кажется, Попов) — в Полтаве; отряд летчиков-балтийцев (Столярский) — в Кременчуге (затем в Полтаве — Харькове) и Попов — в Синельникове.

Следует отметить исключительно добросовестную работу авиоотряда балтийцев.

Другая оперативная особенность — в непосредственном подчинении Главковерха состоял оформившийся с начала марта «главный штаб партизанских отрядов» (Кожевников). О характере его работы было уже рассказано. Он имел тесную связь с политическим отделом штаба (кажется, Маурер), чрезвычайно слабо развитым, ограничивавшим свою задачу почти одним распространением литературы. Политическую работу мы считали делом партии, и она велась без должной тесной связи с военной работой. (Оговорка — о работе агитационных отрядов Кожевникова.)

Снабженческое дело было поставлено в достаточной степени безалаберно. Опытных снабженцев на местах мы не имели. Добиться точного учета наличного имущества не могли. Составления требований по определенному положению не было. Требо-

вания, приходившие с мест, составлялись на-глаз и, несмотря на очевидную сплошь и рядом их несуразность, старательно выполнялись.

Вот одна из телеграмм, свидетельствующая о спабженческом размахе:

«20 марта Кривой Рог, Егорову, Ек-слав Аверину. Вам отправлены эшелоном от Одесского революционного жел.-дор. комитета тов. Надельниковым 300 пулеметов, 10 тысяч винтовок, 100 вагонов со снарядами, 2 броневых автомобиля, один пушечный, другой пулеметный. Инспарт Кошкарев».

Другой подобной же телеграммой предлагалось Кошкареву послать в распоряжение начальника обороны Екатеринослава Гусарского 100 пудов пироксилина, «колючей проволоки и шанцевого инструменту сколько возможно».

23 марта из Екатеринослава даны такие распоряжения Кошкареву в Харьков: «Направьте в Екатеринослав под охраной один миллион патронов, 50 револьверов и патронов к ним, 200 пулеметных замков к Максиму, побольше пулеметных лент и несколько машинок для набивки лент. Это — в распоряжение начальника обороны тов. Гусарского, с телеграфным извещением об отправке тов. Егорова, командующего Южным фронтом. Отправьте в Никополь, в распоряжение тов. Егорова, патронов один миллион, винтовок 3 000, пулеметных лент для 40 пулеметов и машинки для набивки лент, 4 или 6 трехдюймовых и 2 шестидюймовых орудия со всеми принадлежностями и упряжью, но без людей».

Дополнительно дано поручение в Севастополь Толстову — спешно отправить в Екатеринослав 4 восьмидюймовых, 6 шестидюймовых орудий, пулеметов Максима и лент к ним побольше, также в Харьков — пулеметов и пулеметных лент.

Приведенные примеры свидетельствуют, конечно, не только об отсутствии правильной организации артиллерийского снабжения, но и о наличии у нас под рукой весьма значительных запасов военного имущества.

Екатеринослав, во всяком случае, был в достаточной мере снабжаем, чтоб не испытывать недостатка. Тем более, что в Криворожьи осела часть военных грузов из Одессы.

Рядом с изобилием в одном месте — в других бывали перебои в артснабжении и иногда катастрофический недостаток, — примеров можно было привести без счета.

Пищевое довольствие войск организовывалось армейскими штабами путем продлетучек, пополнявшихся заботами губернских советов. В некоторых случаях, конечно, были налицо неупорядоченные реквизиции и попросту грабеж со стороны отдельных отрядов, — тут же надо оговорить, что этим отличались почти исключительно отряды, именовавшие себя анархическими.

Денежное снабжение велось довольно упорядоченно. До конца марта действовали нормы, опубликованные в вышеприведенном приказе от 9 марта. Новые введены приказом № 19 от 28 марта. Они основаны на приказах НКвоен от 2 января 1918 г. за № 5 и командвойск Московского ВО от 19 января 1918 г. № 48.

Финансовой частью Главного штаба ведал т. В. Межлаук, один из наркомов Кривдонбасреспублики. Он назначал в армштабы казначеев, организовавших в них денежные отделы. Мы до середины апреля, в общем, не знали перебоев в этой части снабжения.

Обозное снабжение (точнее, формирование обозов) было из рук вон скверно. Отсутствие обозов было одной из причин прикрепленности наших частей к железным дорогам. (Пожалуй, и наоборот — тяготение к железным дорогам вело к пренебрежению в организации обозов.)

В отдельных случаях мы использовали подводный способ. Но это портило отношения с местным населением.

Особенно вдумчиво к вопросу об обозном снабжении подходил т. Г. Чудновский, начснаб 4-й (Полтавской) армии. Он разработал точные штаты снабжения частей обозом и кухнями, усердно разыскивал в бесчисленных, стремившихся с фронта, эшелонах остатки военных обозов. Но времени и рук не хватало для организации этого дела. Не хватало и лошадей.

Отдел формирований в Главштабе отсутствовал; это дело возлежало на местных ревштабах, подчиненных наркомвоен советских республик, а в Донбассе — на Центроштабе.

Не было и вполне оформленного инспекторского отдела, — при Главковерхе состоял ряд инспекторов-порученцев и два главных инспектора: по артиллерии и по кавалерии. На деле артиллерийские формирования проводились под непосредственным руководством тов. Кашкарова, инспектора артиллерии, — проводились с непоколебимой энергией и вполне толково. Точно так же и формирования кавалерийских частей велись под непосредственным руководством инспектора кавалерии Розенберга.

Усилиями Розенберга была создана особая сотня (Дюкова), состоявшая в непосредственном распоряжении Главштаба для связи и разведки. Она действовала в этих целях все время в решающих боях под Полтавой.

Но и эта сотня и другие кавалерийские части, сформированные нами, были слишком тщедушны, не имели сколько-нибудь серьезного боевого значения.

Противопоставить регулярной германской кавалерии в левобережьи мы почти ничего не могли.

Комендантская часть штаба была в достаточном порядке. В ее распоряжении с конца марта состоял «первый отдельный батальон балтийцев» численностью до 80 ч., с бронеплощадкой. Командиром этого батальона являлся В. И. Годлевский. Посланный т. Подвойским, этот отряд был единственной воинской силой, направленной к нам Высшим военным советом.

Больным местом в нашей организационной работе являлось поведение эвакуировавшихся советов.

Прежде всего, эта эвакуация зачастую производилась преждевременно, чем усиливала беспорядок и обывательскую панику. Затем, некоторые из эвакуировавшихся советов пытались сохраняться как таковые, со всем своим аппаратом и порядочными расходами, и проявляли при этом нежелание вести работу по указаниям Главного штаба.

Особенно дезорганизаторски действовал Одесский совет железнодорожного узла. На нем тяготели серьезнейшие обвинения в растратах и в саботаже эвакуации имущества из Одессы. В Харькове члены этого совета продолжали свою саботажную работу. Этим вызваны следующие распоряжения: ЗК Харьков 27 марта:

«Предписываю вам немедленно уволить со службы в комендатуре всех членов бывшего Совета одесских железнодорожников и сообщить мне об исполнении. Эти господа — саботажники революции, не исполняющие боевых предписаний. Им надлежит сдать все боевое имущество по моему указанию и отправиться в Москву для дачи отчета о своей деятельности и расходовании денежных сумм».

27 марта бывшему Совету одесского жел.-дор. узла:

«Все советы, покинувшие свой пост, потеряли свои права. Извольте немедленно выбраться из пределов южных республик, сдав все оружие и воинское имущество тов. Шувчуку. Неисполнение приказа, в виду военного положения, повлечет ваш

арест и, при установлении с вашей стороны провокационной деятельности, строжайшую кару. Затем потрудитесь явиться для дачи отчета в Москву, к Коллегии по управлению путями сообщения».

Пришлось круто разговаривать и с Орловским советом, самовольно задерживавшим шедшие к нам вооружения.

Эти столкновения были, впрочем, единичны.

Как общее правило, мы дружно работали с местными советами. всегда шедшими навстречу нуждам фронта. Предыдущий опыт помогал нам предусмотрительно сглаживать плоскости возможных трений.

Штабы уже не настаивали на назначении им подчиненных гражданских администраторов. Коменданты назначались по согласованию с местными властями. На железных дорогах представители начальника военных сооообщений (т. С. Бакинского) намечались из среды местных железнодорожников и работали в полном контакте с ж.-д. организациями. Такие похождения, как Шарова в Конотопе, были единичны. Менее упорядочено было, в этом отношении, на правобережьи.

Наши взаимоотношения с харьковцами оставались, однако, по старой памяти, довольно «прохладными». Здесь, помимо всяких личных прискорбных недоразумений, отражались и более общие причины, — прежде всего неналаженность взаимоотношений между собственно Украинской советской и Донбасреспубликой (выражаясь по жаргону, — «между Цикукой и Кривдонбасом»).

И не было налицо должного контакта, должной взаимной осведомленности и полной концентрации сил.

Харьковцы весьма ревниво относились к свом ресурсам и своим формированиям.

А эти формирования, несмотря на крайне тягостные условия, проводились благодаря исключительной энергии некоторых товарищей, во главе с т. Рухимовичем, довольно успешно.

К сожалению, левые эсеры, тогда сохранявшие некоторое влияние на харьковский пролетариат, вносили в дело формирования партийный разлад. Они не допускали контроля над своей работой, заводили в своих частях безалаберный демократизм и превращали эти части в пристанище всяких авантюристских и прямо предательских элементов.

Плоды такой работы почувствовались, между прочим, в следующем инциденте, происшедшем в последние дни советской

власти в Харькове. Комендантом города состоял славный боевой рабочий т. Кин. Беспощадной борьбой с бандитскими и буржуйско-предательскими элементами, буйно проявлявшими себя в Харькове пред лицом немецкого нашествия, т. Кин нажил не мало врагов. Между прочим, по его распоряжению, была расстреляна банда грабителей-красноармейцев левоэсеровского полка. Слух о «бессудном расстреле», усиленно подогретый белогвардейцами, широко распространился по городу и взбудоражил полк. Несколько весьма подозрительных горлодеров подняли подлинный бунт в полку, требуя выдачи ему т. Кина для суда и расправы. Тов. Кину пришлось укрыться в вагоне Главковерха. Потребовалось мое личное объяснение пред этим полком, чтобы отстоять нашего коменданта.

Таких случаев недисциплинированности, содействия грабителям со стороны, главным образом, эсеровских частей было немало.

В общем, серьезных раздоров у Главштаба с харьковскими руководящими товарищами не было. Довольно тяжелый конфликт было создался лишь по одному, впрочем, большей важности, вопросу — о командовании вооруженными силами Донбаса. Члены Совнаркома, тт. Васильченко и Жаков (должно быть, исполняя волю Совнаркома в целом), заявляли претензии на самостоятельность от Главштаба этой армии и ее командующего.

После тяжелого спора — уступили, признав подчинение армии Донбаса Главковерху, но с оговоркой о признании ее командующим т. Трифонова, который всего месяц до того был предан мною, с согласия его отряда, суду за ряд дезорганизаторских поступков,

Несколько дней было потеряно на споры с донбасовцами, пока они сдали и в этом пункте.

Мы сошлись, наконец, на назначении командармом Донецкой т. Геккера, бывшего (по выбору) командующего 8-й армией Юго-зап. фронта. Это назначение оформлено лишь 27 марта.

Впрочем, еще 22 марта, при первом свидании с т. Геккером в Харькове, ему было мною предписано — выделить все работоспособные отделы штаба 8-й армии в Центроштаб Донецкого бассейна (Юзовка) и разработать план обороны бассейна.

Но оказалось, что почти все отделы штаба 8-й успели проскочить Харьков и находились на территории Великороссии. Штаб 8-й смог выделить на усиление Центроштаба только отдел Ревкома и Генкварма.

Все же Центроштаб получил солидное подкрепление. Он очень и очень в этом нуждался.

Несмотря на похвалы его деятельности, расточавшиеся со стороны тт. Васильченко и Жакова, Центроштаб работал, в общем, малоуспешно.

Указанные товарищи, между прочим, заявляли, что к 20 марта в регулярных частях Донармии числилось не менее 13 000 бойцов.

Эти сообщения подверглись проверке с совершенно неожиданной стороны.

...Немецкое наступление на Полтаву было в полном разгаре, когда в нашей ставке появились, с рекомендацией Высшего военного совета, характерные фигуры членов... французской военной миссии. В штатском, но военной выправки, эти люди проявляли живейшую озабоченность обороноспособностью Донбаса (были сведения, что эти господа материально заинтересованы в предприятиях бассейна). Они осмотрели подготовленные нами «укрепленные позиции» под Харьковом, ознакомились весьма поверхностно с состоянием наших вооруженных сил (к углубленному знакомству их, конечно, не допустили) и изобразили полное разочарование: «С этим устоять против германцев, конечно, нельзя». Я успокаивал их: «поезжайте в Юзовку, в штаб формирующейся регулярной армии, там, должно быть, дело идет лучше».

Французы отъехали, Харьков уже «трещал», когда они вернулись. «Mais il n'y a rien!» («Но там ничего нет!») — развели они руками.

...Вопреки обещаниям Высшего военного совета, Донбас не получил из Москвы никакой существенной поддержки, ни одного человека кадров, обмундирование и оружие — в ничтожных количествах или в несуразном виде.

Регулярные формирования Центроштаба, кроме того, непрестанно срывались экстренными требованиями фронта.

Хотя и существовал строгий приказ Главного штаба не направлять ни одного человека без прямого его указания, но иногда целые отряды срывались самовольно на все приближавшийся к Донбасу боевой фронт. И сам Главный штаб не мог выдержать до конца героического решения — дать Донбасу спокойно организовать свои силы. Нет-нет, а и он требовал от Центроштаба посылки пополнений в действующие отряды и т. д.

При этих условиях деятельность Центроштаба не могла, конечно, быть успешной.

Быстрота немецкого продвижения срывала нашу организационную работу.

И надо сказать: если «фронт» чувствовал в эту пору рядом с собою, в горячке его работы и в лихорадке его забот, постоянное действенное присутствие харьковских руководящих товарищей — членов Совнаркома Кривдонбасреспублики, то нигде на фронте не виделось и не чувствовалось присутствие членов центрального советского украинского правительства

Наоборот, когда 22 марта вечером я ехал экстренно в Екатеринослав, на ст. Синельниково «скрестился» с уезжавшим из Екатеринослава в Таганрог поездом Народного секретариата, с которым выезжал и военный отдел. Тщетно я пытался задержать хоть сопровождавшую пулеметную команду... Не видели мы на фронтах и делегатов 2-го Всеукраинского съезда советов, — боевой подъем, так резко проявившийся на этом съезде, совершенно не был использован Нарсекретариатом, целиком поглощенным внутренней борьбой (с левыми эсерами).

Этими невеселыми впечатлениями объясняется следующий мой, конечно, плохо продуманный поступок. В ответ на телеграфный запрос председателя Народного секретариата из Таганрога, на каком основании я именую себя Главнокомандующим вооруженными силами не только советской Украины, а и всех южных советских республик, — я не только разъяснил т. Скрыпнику, что называюсь так в силу согласия правительств всех этих республик признать меня начальником их вооруженных сил, но прибавил к этому едкое заявление о сложении с себя звания Народного секретаря, в виду недостойного, перед лицом неприятеля, поведения советского украинского правительства, и ставил в пример Нарсекретариату поведение Совнаркома Донбаса, заявившего, что становится в ряды войск.

Конечно, такой мой шаг совершенно ошибочен, — он наносил лишний удар Нарсекретариату как раз в момент особенного натиска на него левых эсеров, и без того срывавших всю его работу.

Этот поступок, вместе с тем, создавал совсем ненужную и вредную для общего дела обостренность во взаимных отношениях командования и советского украинского правительства.

Впрочем, и в рядах Совнаркома Кривдонбаса также не было должного единодушия.

30 марта появилось в официозе Нарсекретариата Украины такое извещение:

«Вчера заявили о своей отставке наркомы Донецкой республики Васильченко, Жаков и Филов. Мотивы пока неизвестны; предполагается, что отставка находится в связи с тем, что их товарищи по Совнаркому не поддержали вопроса о выселении монахов из Покровского монастыря в Куряжский».

Приведенный мотив, конечно, сомнителен. Расхождения были глубже. Суть их не берусь устанавливать, — в ту пору мы, фронтовики, были слишком погружены в непосредственную борьбу с немцами, чтоб входить вплотную в осложнения «тыла». А, меж тем, эта разладица «тыла», достигавшая до самого руководящего советского центра, не могла не подрывать решающим образом нашей борьбы.

Положение совввласти в самом Харькове вовсе на было столь устойчивым, чтоб можно было допустить «роскошь» внутреннего в ней разлада.

Контр-революция шевелилась все наглее. Меньшевики вели открытую агитацию среди рабочих за недопущение эвакуации. И не без успеха.

На пленарном заседании Совета депутатов 25 марта настроенная меньшевиками делегация заводских комитетов высказалась против эвакуации города и отъезда Совета депутатов. После горячих прений была принята резолюция левых эсеров, одобряющая действия эвакуационной комиссии Донецкой республики.

26 марта удалось добиться этого одобрения и на собрании фабрично-заводских комитетов Харькова. Принятая этим собранием резолюция предлагает: Наркому Донецкой республики немедленно призвать буржуазию для рытья окопов; производить, по мере возможности, эвакуацию тех материалов и фабрикатов, которые могут быть полезны в военном отношении германо-гайдамацким бандам; планами эвакуации и их исполнением ведает особая эвакуационная комиссия при Совете депутатов.

В общем Совнарком Донецкой республики проявлял значительную жизненность и крепкую энергию. Нарсекретариат Украины погряз в истощающих раздорах. Совнарком Тавриды обнаруживал определенную склонность отмежеваться от общей борьбы (об этом подробнее — дальше).

Советское правительство на Дону, в свой черед, чувствовало себя еще слишком непрочно, чтобы притти к нам на помощь.

25 марта в Ростове-на-Дону окончательно оформлен Совет народных комиссаров Донской республики. Новый Совнарком обратился ко всем трудящимся с воззванием, в котором обещает принять все меры «к укреплению связи с Донецкой, Украинской, Кубанской, Терской, Ставропольской и Царицынской республиками, для совместной борьбы против германско-украинско-русской буржуазии».

Обещанные в этом воззвании меры не дали никаких осязательных результатов. Взаимные раздоры помешали созданию такого боевого союза всех советских республик, который единственно мог обеспечить сосредоточение всех сил и централизацию руководства в борьбе с общим врагом.

В условиях отмеченных внутренних раздоров наша боевая деятельность не могла быть особенно плодотворной. И в частности, не была в должной мере поддержана партией и советами чрезвычайно важная работа штаба Кожевникова.

В нее были втянуты почти исключительно партийцы из почтовиков.

И все же, судя по его докладам, штаб Кожевникова действовал довольно интенсивно.

К 22 марта были проведены митинги почти по всем, сколько-нибудь значительным, поселениям по рекам Хорол, Псиол, Ворскле, а также в районах Лебедина, Недригайлова, Богодухова, Краснокутска, Хотмыжска и Грайворона. Всего обслужены митингами 101 пункт. В этих же пунктах отрядами Кожевникова распространена полученная от политотдела Главного штаба агитационная литература на русском, украинском и немецком языках, причем последняя оставлялась в самых надежных руках, чтобы каждый экземпляр попал в руки немецких солдат.

Были распространены, по 22 марта, — на русском языке:

а) «Газета рабочего и крестьянского правительства» (официальный орган Совета народных комиссаров) . . .	2 500	экземпл.
б) «Солдатская правда»	1 200	»
в) «Рабочая и крестьянская красная армия и флот»	2 000	»

г) «Красная газета» (Издание Петроградского совдепа)	1 080	экземпл.
д) «Правда» (Орган ЦК большевиков).	2 000	»
ж) «Известия советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области» . .	1 000	»
з) «Известия ЦИК советов крестьянских, рабочих и содатских депутатов.	2 000	»
и) «Известия революционных войск» (орган ставки Главковерха)	3 000	»
к) «Донецкий Пролетарий» (орган Донкома большевиков)	2 000	»
л) «Известия рабочих, содатских и селянских депутатов» (орган Совнаркома Украины)	2 000	»
2. На украинском языке — воззвание к населению Украины чрезвычайной комиссии по обороне Юга России . .	7 000	»
3. На немецком языке — воззвание чрезвычайной комиссии к немецким солдатам	5 000	»
Всего	29 780	»

Почти повсеместно в указанных районах образованы был бюро по записи добровольцев. Часть из них, заявляющая желании нести регулярную службу в Красной армии, направлялась в ближайший штаб.[1]

Из других, не желавших покидать родных сел, образовывались партизанские группы, с заданиями нести службу разведк и связи, истреблять небольшие партии противника; в случа отступления советских войск — оставаться на местах для разру шительной и повстанческой работы в тылу врага. Такие пар тизанские ячейки были, если верить докладу Кожевникова, за ложены более чем в ста пунктах.

[1] Всего, по докладу Кожевникова, по начало апреля таких добро вольцев направлено 8 535. (Цифра эта представляется мне весьма пре увеличенной, — на фронте прибытия таких пополнений не почувствова лось.)

К началу апреля в этих ячейках числилось свыше 1500 ч. Неудержимое наступление немцев помешало развернуть должным образом эту работу.

19 марта всем партизанским отрядам, находящимся южнее Гадяча, дано распоряжение связаться с армией Саблина и действовать по его указанию, а в случае потери связи — по собственной инициативе. Партизанским отрядам севернее Недригайлова — следовать указаниям Сиверса.

Уже 19 марта немецкие разъезды появились в долине реки Хорол. Здесь они натолкнулись на организованные партизанские отряды. 20 марта в Липовой Долине между местным партизанским отрядом и немецким разъездом произошло столкновение и, несмотря на то, что партизанский отряд состоял только из 18 человек, а немецкий разъезд из 80 человек, последний был разбит, потерял убитыми 5 человек и ускакал обратно.

Это сражение оказало такое впечатление на немцев, что они к Липовой Долине подошли вновь только 24 марта.

Навстречу гайдамацко-немецкому наступлению энергично зашевелились контр-революционеры. Кожевников получил все полномочия по подавлению их выступлений. 17 марта вспыхнуло наиболее серьезное из этих восстаний в — Лебедине. Но уже 18 марта оно было подавлено, причем погиб очень ценный товарищ, матрос Денисенко. 19 марта состоялись его похороны при громадном стечении народа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ромны, Лохвица, Ромодан взяты немцами. Паника. Пр[illegible] дательство. Бездеятельность Курско-Брянского фронт[illegible] Контр-наступление у Полтавы. Кременчуг покину[illegible] Полтава сдана. На стыке 4-й и 5-й армий. Отход от Вор[illegible] клы. Мужество харьковских пролетариев. Недоразу[illegible] мение с Киквидзе. Разгром Сиверса.

Особо стоит отметить деятельность партизанских отряд[illegible] почтово-телеграфных служащих южных округов. Они сфор[illegible] мировали два отряда: 1) в Харькове, состоящий из 60 челове[illegible] под командой тов. Матюшенко, и 2) в Курске, состоящий [illegible] 40 человек, под командой тов. Козина. Эти отряды состоя[illegible] исключительно из добровольцев.

На них возлагались самые ответственные поручения, [illegible] обыкновенно направляли туда, где требовались со стороны чл[illegible] нов отряда безусловная честность, смелость и решительност[illegible] действий.

Составленные из товарищей развитых и обученных вое[illegible] ному делу, оба отряда занимались и организацией боевых др[illegible] жин и партизанских дружин, разбиваясь на маленькие групп[illegible] по 4—5 человек, и чисто боевой работой, соединяясь и де[illegible] ствуя с советскими регулярными частями. Харьковский парт[illegible] занский отряд почтово-телеграфных служащих был организова[illegible] коллективом большевиков при Харьковском почтово-телеграфно[illegible] округе. В течение трех дней отряд был приведен в полную бо[illegible] вую готовность. Среди партизанов были 5 женщин.

19 марта отряд был срочно вызван в Лебедин для по[illegible] давления контр-революционного восстания. 20 марта он пр[illegible] был в Лебедин. К этому времени восстание было уже подавлено и порядок восстановлен. На Харьковский партизанский отр[illegible] была также возложена задача объехать некоторые важные пункт[illegible]

Лебединского уезда для разведки, установления связи, контроля над телефонами и для агитации.

Отряд был разбит на группы по 4-5 товарищей, которые немедленно отправились по назначению. Все эти группы прекрасно справились с работой.

В деле агитации и организации большую роль играли женщины-партизаны, особенно тт. Тетер и Ласс.

20 марта, вслед за Харьковским отрядом, в Лебедин прибыл Курский партизанский отряд, который в тот же день получил боевую задачу — разоружить белую банду на сахарном заводе Кенига. Задачу свою он выполнил весьма успешно, — разоружены 220 белогвардейцев, без потерь.

В то время как штаб Кожевникова и Харьковский центрοштаб вели усиленную работу по укреплению района за р. Ворсклой, положение 4-й армии у Ромодана становилось все более неустойчивым. Саблин доносил, что держаться не может.

20 марта ему по прямому проводу передано: «Грузы эвакуировать на Лозовую. Линию на Харьков очистите для приема подкреплений. Удержаться во что бы то ни стало на реке Псиол до прибытия подкреплений. К вам идут тяжелые орудия с отрядом. От Гадяча отходить к Зенькову. Отряду из Зенькова ехать на подводах к Полтаве. После Псиола можете еще задержаться у ст. Решетиловка. Користовка в наших руках, Знаменка никем не занята».

Вместе с тем, Саблину даны такие указания по обороне Полтавы: «Гадяч должен быть в наших руках, следует удерживать Липовую Долину на р. Хорол и Петровку.

«По потере Гадяча обеспечить Рашовку как прикрытие Миргорода, держать Монастырское Будище, отходя на Лютеньку и Зеньков.

«Лохвицу надо удерживать во что бы то ни стало. По ее потере—оборона по р. Суле (у Пески, Сенчи, Коноваловки). Затем по р. Бодавке, и далее перед ст. Сенчи.

«По потере Ромодана — на р. Хорол.

«По потере Миргорода—по р. Псиол, организовать Богачку—Устивицы. При защите Ромодана—внимательно наблюдать шоссе Лубны — Хорол, который тщательно закрепить.

«Для обороны Полтавы — важно укрепить Борки, Сорочинцы, Ковалевку, организовать Котельву, Опошню, Рублевку.

«Оборона Кременчуга — у Семеновки (минировать мост) Жуки, организовать Пироги, Глубино и все села вдоль ж. д. чтоб ее всю разобрать по потере Ромодана. Особенный узел сопротивления — у Хорола.

«По сдаче Кременчуга — сопротивление по р. Псиол».

Эти указания были примерными, их общий смысл — упорная оборона с подготовкой нескольких линий. Линии — из ряда опорных пунктов. Особенные усилия — на боевую организацию крестьянства.

Отдельно подчеркнуто внимание Хоролу, а также направлению Гадяч — Зеньков — Опошня — Рублевка, — сознавалось, что здесь главные угрозы врага.

Но враг не оставлял нам времени для организации обороны.

В ночь на 22 марта Ромодан был нами оставлен.

Начштаба 4-й Барабаш впоследствии так описал бои 18—22 марта за Ромодан.

18 марта немцы начали нажим из Лубны, — 4 бронированных автомобиля двинулись по шоссе на Ромодан. В тот же день германцы ударили на Ромны. Несмотря на чрезвычайные усилия Ауссема, командующего районом Лохвица — Ромны, и доблестно сражавшиеся кавалерийские части Примакова, Ромны были заняты германцами.

В районе Лохвица части Ауссема отстояли свои позиции. Он поддерживает самую тесную связь со штабом в Ромодане.

19 марта германцы пытаются пехотными частями 16-й ландверной дивизии занять Ромодан. Навстречу им брошены в атаку все части, имевшиеся в распоряжении Барабаша.

Наши ринулись в бой с громадным подъемом, «Красная гвардия шла как шеренга львов». Чтобы еще больше поднять настроение, Барабаш приказал всем штабным верхом последовать за ним в передовую цепь.

«Германцы наступали под защитой адского огня тяжелой артиллерии. Нашу встречную атаку поддерживали всего 4 легких орудия и бронепоезд с 2 орудиями. Германцы, наведя понтоны, переправили свои части в нескольких местах через Сулу и развернули великолепно свои силы, прикрываясь с флангов баварской кавалерией. Они ведут своеобразно наступление, бросая отдельные небольшие группы вперед, стреляя беспрерывно из винтовок и пулеметов. Наши не стреляют, держа винтовки наготове,—

желание на штыки. Далеко на правом фланге — крики ура! Германцы пошатнулись, отступают, бегут. Сула принимает многих в холодные волны. Мы победили. Ромодан пока обеспечен».

20 марта германцы пытаются занять Хорол, передвигая свои части по шоссе Лубны — Покровская-Богачка. Бросаем в бой Костромскую колонну на поддержку Донского отряда.

Тов. БАРАБАШ.

После короткого боя, который чуть не кончился для нас печально, германцы отошли.

В этом бою был убит героический начальник нашей артиллерии т. Душнес.

Одновременно мы добились успеха и на правом фланге 4-й армии. Примаков, получив подкрепления из Харькова, 20 утром вновь занял Ромны.

*

21 марта утром немцы предпринимают решительную атаку. Части 45-й и 16-й ландверных дивизий были пущены в ход при поддержке 1-й Баварской кав. дивизии.

Удар на Ромны: Примаков отступает на Лебедин.

Удар на Лохвицу. Ауссем отходит по линии Гадяч — Ахтырка.

Удар на Хорол. Хорол занят.

21 марта ночью противник развивает свой успех от Хорола нам в тыл. Со стороны дер. Сенчи быстро продвигаются сильные отряды.

Появление неприятельской кавалерии в тылу Ромодана вызывает неописуемую панику в наших отрядах. По всем трем направлениям Лубны — Лохвица — Хорол высланы последние резервы. Но они сметаются бегущими с фронта солдатами. Во 2-м часу ночи на ст. Ромодан беспорядочная стрельба. Солдатская масса, потеряв всякое чувство долга, набрасывается на спиртовой завод. Рабочая охрана завода отогнана, начинается пьянство и разгул. Это уже не солдаты. Доблестные костромичи, храбрые донцы, харьковцы, кременчугцы, пьяные, с бомбами в руках, рвут друг у друга эшелоны и заставляют машинистов с неимоверной быстротой гнать поезда от Ромодана. 65 эшелонов отошли за этот день к Полтаве. Панику увеличивает донесение, что, по распоряжению Полтавского штаба обороны (Бокитько), какие-то части пытаются взорвать мост через Псиол в районе Ереськи.

Чтобы как-нибудь морально подействовать на массы, Барабаш отдает приказ двинуть штабной поезд с Интернациональным отрядом вперед по направлению Лубен.

Это подействовало. Солдаты успокоились и, таким образом, удалось упорядочить эвакуацию ст. Ромодан.

В 6 часов утра штабной поезд двинулся по направлению Миргорода, под прикрытием бронепоезда доблестной тов. Макиевской, до последнего момента задерживающего натиск германцев. Барабаша нашел адъютант утром в глубоком обмороке от усталости, лежавшим на полу, возле письменного стола...

На следующий день Главштаб телеграфировал: «Ворожба, командарму 5-й Сиверсу. Ромодан очищен нами под влиянием обходного движения на Хорол. Лохвицы — Ромны нами также очищены. Держите тесную связь через Ахтырку и Лебедин с Гадячем. В Люботине будет стоять общий резерв».

Кожевников сообщал Главштабу:

«Еду срочно от Саблина в Лебедин, бросить свою (100 ч.) кавалерию в тыл неприятелю, чтобы дать оправиться нашим войскам, которые в панике добежали до Полтавы.

«Тов. Саблин, вчера в 3 ч. дня, с эшелонами выехал по направлению Миргорода с целью задержаться на Псиоле.

«В Лебедине все хорошо. Разведка у меня поставлена хорошо. Связь имею со всеми отрядами и главнокомандующими».

Штаб 4-й армии принимал героические меры к установлению фронта у Миргорода. Киквидзе, державшийся, по свидетельству Барабаша, в стороне от боя, уступил просьбам Барабаша и двинул свой «социалистический отряд» к Миргороду. Но удержать отступавших оказалось невозможным, — они рвались к Полтаве.

Барабаш взывал: «22 марта из Миргорода, Полтава Бокитько, копия Антонову, команд. Киквидзе, мобилиз. отдел. Вышлите немедленно свежие силы по направлению Ереськи для занятия участка Ковалевка, Шишаки, Ереськи, Белоцерковка».

Саблин, стараясь внести успокоение, телеграфировал 22 марта из Полтавы до Ересек: «Всем нач. отрядов, эшелон., следующ. в Полтаву, всем ЗК, ДС. В виду изменившейся к лучшему обстановки и подхода подкреплений, приказываю всем оставаться на своих местах и исполнять приказания своего командного состава. Движение в сторону Полтавы должно быть остановлено. В Полтаву не будет принят ни один эшелон».

Саблин энергично распоряжался. Озабоченный за свой правый фланг, он направил, в поддержку Ауссему, Примакову и Бош, в район Лохвица — Гадяч, Киевский и Козловский партизанские отряды.

В Кременчуг послан Бердичевский с небольшой частью и бронепоездом № 8, — и положение в Кременчуге, пошатнувшееся из-за беспричинной паники, восстановлено.

Часть отрядов, бежавших с фронта в Полтаву, разоружена, более значительные отряды Медведева и Киквидве направлены в тыл к Карловке — Константинограду.

В Полтаве, меж тем, чувствовалась предательская работа и развал.

По докладу инспекции Кошкарова, — никаких серьезных мер к организации обороны Полтавы штаб Бокитько не принимал.

Бокитько в разгар германского наступления на Ромодан был вызван в ставку. Он сумел отбрехаться передо мной и уже

выехал из Харькова, когда были получены новые сведения о его предательстве. Задержать Бокитько не удалось, — скрылся с поезда, не удалось арестовать и Трембачева, его помощника. Вместе с Трембачевым и Бокитько исчезли несколько сотрудников штаба обороны Полтавы. «Казачий украинский полк», которым командовал Трембачев, пришлось расформировать. Рабочих дружин, которые брался направить Бокитько к намеченным опорным пунктам обороны, не оказалось. Исчезло неизвестно куда множество подрывного и т. п. матерьяла.

Мобилизационный отдел Полтавского штаба, на который возлагалась задача оформления отрядов в регулярные части, создания новых частей и особенно организации крестьянского повстанчества, совсем растерялся. Его начальник Разживин заявил, что не находит целесообразным оставаться в Полтаве и отправляется с отделом в Луганск. Ему дана резкая телеграмма: «Стыдитесь, оставайтесь на посту, дезертировать нельзя», и напомнили ему: «Мобилизационный отдел должен работать над обороною Полтавы, взяв связи от губернских и уездных парт. и т. д. комитетов. Необходимо организовать в прилегающей к Полтаве местности живую связь партизанских отрядов, группы разведчиков, боевые дружины, которые содействовали бы нашим войскам в обороне Полтавы. Бросьте попытки дезертирства, все за работу, все в деревни, чтобы там наладить партизанскую войну и живую оборонительную линию. Ваша задача — организация мужицкого восстания против вторгающихся войск империализма. Никаких колебаний. Всей полнотой данной мне власти предписываю вам производить работу, как указываю. О приступе к ней сообщите. Список уклоняющихся от нее пришлите для опубликования в приказе и предания суду».

Не знаю, в какой мере были выполнены м516отделом эти указания. Никаких следов его работы не проявилось. Харьков работал куда энергичнее.

Из Харькова были посланы в Полтаву оборудованные наспех нашим арт. отделом, из осколков 13-го артдивизиона, две тяжелые батареи, при прикрытии отряда латышей (красногвардейский батальон 3-го Вяземского латышского полка, отказавшегося оставаться на Украине и направленного для переформирования в Воронеж).

Послан был также незначительный кавалерийский отряд и только-что сформированный 1-й Харьковский пролетарский полк.

Одновременно Саблину подчинены отскочившие в эшелонах из Знаменки чрез Кременчуг в Полтаву отряды Сиверса 2-го и 1-й Нежинский отряд Стащенко (общей силой 555 штыков).

Эти значительные подкрепления были еще большей частью в пути. А фронт у Миргорода удерживала лишь горсть смельчаков под командой Барабаша,

Барабаш не успел еще получить никаких подкреплений, как вновь обнаружилось обходное движение германской кавалерии.

Противник занял Белоцерковку, и его разъезды появились на пути к Решетиловке. Наш арнергард вынужден был отойти. Бронепоезд Макневской, вместе с отрядами Интернационалистов и Донским, отступили за Псиол, взорвав мост чрез реку у станции Ереськи.

Положение было спасено прибывшим из Полтавы конным отрядом «червонного казачества». В Белоцерковке червонные казаки сбили германскую кавалерию и, при содействии крестьян, вычистили ее разъезды из ближайших сел.

Саблин не считал однако возможным удержать линию реки Псиол. В 10 час. 23 марта он сообщал: «фланги — у р. Хорол и у Гадяча. От Ромодана бегут наши отряды Медведева и Киквидзе. В Кременчуге спокойно. На р. Псиол задержаться нельзя».

Паника отразилась и в Кременчуге. 23 наши отошли от Веселого Подола к Глобину. Полтава забита так, что нет возможности организовать продвижение свежих частей на фронт. Чувствуется огромное утомление.

23 марта пришлось телеграфировать в Ворожбу Сиверсу и Ремневу в хутор Михайловский:

«Армия Саблина отступает от Псиола. Действуйте энергично в указанном вам направлении (на Конотоп)».

Тут же попытка пустить в ход авиочасти. Эскадрилья в Полтаве почему-то бездействовала.

Авиоотряд в Кременчуге не оправился от неожиданной паники. Начальник авиочастей вынужден был передать такое распоряжение тыловому авиоотряду:

«23 марта Синельниково, нач. 1-й эскадрильи Прохорову. Согласно приказания Главковерха, действуйте в районе Ромодан, Хорол, Миргород. Немцы наступают от Миргорода к реке Псиол. Если на Псиоле мосты не взорваны, то постарайтесь их взорвать».

Одновременно Саблину указано: «Если бы возможно было организовать отчаянное наступление со стороны Кременчуга на Ромодан, в поддержку вашего наступления от Полтавы, то положение возможно было бы удержать до прибытия Петрова и новых резервов из Харькова. Спеситесь по этому поводу с Кременчугом и запросите Егорова, может ли дать со стороны Користовки поддержку».

На правобережьи положение к этому моменту как будто улучшилось, и представлялась возможность некоторой активности с нашей стороны. Общее состояние дано в следующей сводке: «К 21 часу 23 марта. Армия Сиверса — со стороны противника артиллерийский огонь. Железнодорожный мост к западу от ст. Грузское взорван. Армия Саблина — Белоцерковка занята противником, наступающим по шоссе Белоцерковка — Решетиловка — Полтава. Неприятельские разъезды показались в районе сел. Решетиловка. Кременчуг в наших руках. Наша армия с боем отходит к Полтаве. Армия Егорова: — Николаев окружен нами со всех сторон, идет чистка города от немецких банд, которые тщетно пытаются уйти на автомобилях. Неприятель пытался послать поддержку, но нами перерезана дорога. Этим удалось отрезать наступление на Николаев. В Херсоне восставшие рабочие очищают город от немцев и гайдамаков. Нами выслана поддержка для закрепления отвоеванных городов. Немцы уничтожают все, что только возможно, на своем пути. В Херсоне немцами вооружена белая гвардия, которая на баррикадах. Со стороны Знаменки немцы наступают на Долинскую. Станция Медерово переходит из рук в руки. Настроение в войсках бодрое».

24 марта Саблину сообщено из ставки: «Егоров подкрепляет Бердичевского, для действия во фланг неприятеля».

Желая показать Саблину, решимость которого представлялась серьезно поколебленной, возможность длительного сопротивления, ему посланы подробные указания о возможных последовательных линиях обороны пред Полтавой (подробные до указания мест пулеметных гнезд и т. д.). Эти указания были только примерными, имелось в виду лишь напомнить командарму о необходимости организации длительного сопротивления противнику на подступах к Полтаве. Столь же обстоятельные указания даны того же 24 марта на случай отхода от Полтавы. В основном они сводились к следующему:

1. Отходить главными силами на Харьков, грузы с небольшим прикрытием направлять на Лозовую.

Покидая Полтаву, разрушить соединительную ж.-д. ветку, взорвать мосты на Ворскле и испортить невывезенный подвижной состав.

2. Примерные позиции намечены у Черныповки — наблюдение за р. Коломак, по линии высот и балок у ст. Кочубеевки, 3) у ст. Коломак, 4) у Водяной и Ковяги, правый фланг в реке Мерчик, связь с Богодуховым, куда выдвигается особый отряд.

3. Обратить внимание на расчистку сел. Валки контр-революционных элементов и его закрепление и т. п. Организация Мерчик, слободы Огульцы.

4. Мобилизовать все партизанские группы для разведки, связи и порчи мостов и путей, по указаниям штаба.

Положение на правом фланге Саблина озабочивало нас все серьезнее, — здесь намечалась угроза прорыва прямо к Харькову, в обход всех позиций Саблина. Кожевников, занятый организацией оборонительной линии по р. Ворскле, сообщал от 22 марта, что линия Гадяч — Лохвица занята немцами и что в районе Барановка — Песчаное появился неприятель. Извещая 24 марта Сиверса о занятии Саблиным оборонительной позиции у Решетиловки и о потере нами Ромны — Лохвица — Гадяч, я предлагал ему наблюдать через Лебедин за Гадячем и Зеньковым и войти в связь с Саблиным разъездами из Лебедина. Саблину одновременно предписывалось наблюдать за своими флангами — за дорогой из Барановки, Шалаевка — Песчаное и за линией на Зеньков — Опошня. «Отсюда может быть взята линия ж. д. между Полтавой и Харьковом. Здесь необходима застава, которую надо перебросить немедленно подводами».

В тот же день Барабаш распорядился послать особый отряд на подводах к Опошне.

Но следом пришли успокоительные известия от Кожевникова: «Все благополучно, банды из Гадяча бегут, немцев нет ни в Лохвице ни в Гадяче. Завтра туда двинется наш отряд».

Это сообщение передано Саблину с замечанием: «все же необходимо послать разъезды от Опошни к Зенькову, так как Зеньков может быть занят и из Миргорода».

Серьезная инициатива со стороны Ремнева (Мих. хутор), Сиверса (Ворожба) могли бы облегчить положение нашего центра.

Но Сиверс и Ремнев почти бездействовали.

24 марта Сиверс сообщал: «На фронте 5-й армии Конотоп занимают гайдамаки, Ромны — немцы. По последним сведениям, через Гадяч уходят войска нашей 4-й армии, у Лохвицы был бой, нами оставлено много военного имущества. На левом участке против Ромны — наша кавалерия и немного пехоты. На среднем участке у Сумы нач. участка Потапов ранен в голову предательским выстрелом. Объявлено осадное положение, работают броневики. На правом участке — Грузское, Путивль, Чечки в наших руках. Противник пассивен на всем фронте армии. Замечается некоторое неподчинение».

Рассчитывать на активность со стороны 5-й армии не приходилось.

А командарм особой Ремнев давал о себе знать отголосками своих раздоров с курскими и брянскими товарищами. Приходилось его стыдить и мирить. Не было известно, прибыли ли к нему броневики из Тулы, батарея из Курска, отряд матросов (Смородинова) из Москвы. 24 марта Ремнев из Шостки сообщал, что его отряды заняли Нехемовку и Рождественное. Это было лишь вялое шевеление.

Наш правый фланг пребывал в бездействии, центр пытался восстановить положение.

Наштаарм 4-й Барабаш сообщал 25 марта: «Части наших войск двинулись из города Полтавы по двум направлениям: по железнодорожной линии Полтава — Миргород и по шоссе Решетиловка — Белоцерковка. Вчера нами была произведена кавалерийская разведка, которая выяснила, что бронированный поезд противника исправляет мост на реке Псиол. В сорока верстах по направлению Белоцерковки противника нет. Воздушная разведка показала то же самое. Некоторые части нашей армии остались в резерве в городе Полтаве. Отряды Киквидзе и Медведева отправлены по направлению Карловки для формирования и отдыха. Положение Кременчуга серьезное, сделано распоряжение о вывозе ценного имущества в центральные губернии и, в случае отхода, взорвать мосты и всеми мерами препятствовать быстрому продвижению противника».

К 25 марта в Полтаву прибыли солидные подкрепления. В этот день на ст. Полтава-южная стояли эшелоны двух батарей 13-го тяжелого артдивизиона, Харьковского партизанского отряда, червонного казачества, Енакиевского конно-артилл. отряда и Харьковского пролетарского полка. Последний был только-что

формирован Харьковским ревштабом по установленным штатам и представлял первую регулярную единицу в армии Саблина.

В этот же день начали прибывать первые эшелоны отряда тов. Петрова. Петров был назначен нач. Миргородской группы.

Вместе с тем, Саблин, потеряв надежду заставить отряды Медведева и Киквидзе выйти из вагонов, распоряжался отодвижением этих эшелонов в глубокий тыл, на ст. Славянск. Значительные силы отводились с фронта в ту пору, когда в Кременчуге вновь стало неблагополучно. Вечером 25 марта Саблин, как всегда весьма неопределенный в своих сообщениях, докладывал, что под давлением «превосходных неприятельских сил» наши покинули Кременчуг.

В 9 час. 26 марта ставка дала следующее сообщение: «На фронте Особой армии и 5-й армии — без перемен. На фронте армии Саблина у Полтавы наши части успешно продвигаются вперед к ст. Ереськи, разъезды противника были выбиты из ряда сел, местами уничтожены самими крестьянами. С юга ст. Ереськи занята нашими частями. Преследование противника продолжается. В районе Кременчуга, в виду подхода значительных сил противника, наши войска отошли из Крюкова и Кременчуга, которые заняты неприятелем. На южном фронте сведения о занятии противником ст. Долинской подтверждаются,— наши отряды ведут бой у ст. Висунь, в 16 вер. от Долинской к ст. Кривой Рог.»

22 марта нашим частям удалось занять оборонительную линию по р. Псиол. Но мечтать об освобождающем ударе из Кременчуга к Ромодану уже не приходилось. Надо было принимать меры к преодолению паники у Кременчуга и не допустить противника развить здесь свой успех. Начальникам первой истребительной в Полтаве и первому воздушному Прохорова в Синельниково даны предписания — испортить мост на Днепре у Кременчуга. Обращено особенное внимание на дорогу Полтава—Лозовая. 26 марта эта дорога объявлена на осадном положении. Инженер путей сообщения М. Бод назначен зав. разгрузкой железнодорожных узлов Лозовая — Полтава. Чрезвычайным военным комиссаром Константиноградского района назначен начальник гарнизона местечка Карловки тов. Федоров. В помощь ему — тов. Иваницкий.

Падение Кременчуга побуждало торопиться с принятием мер по линии Лозовая — Полтава. Еще до того ставка стремилась

создать ударный кулак из свежих частей в резерве у Лозовой, чтоб, в случае нужды, движением к Полтаве поддержать Харьков или, по меньшей мере, прикрыть Лозовую — узел чрезвычайно важных жел. дорог. К Лозовой должны были стянуться отряды бывшей Одесской армии Лазарева, сосредоточившиеся в Феодосии. 25 марта Лазареву послано соответствующее предписание. К Лозовой же предполагалось подтянуть и организовавшийся в Мариуполе отряд Ваграпова. 24 марта Ваграпову послана телеграмма: «Николаев наш, Користовка наша. Знаменка очищена противником, но не занята нами. Но слабо в Полтаве — противник от нее в 30 верстах. Конотоп — тверд. Следуйте в Лозовую».

Но вскоре это распоряжение пришлось отменить — затрещал Екатеринослав.

К Лозовой же Главштаб стремился вытянуть и крымчан. Во главе Крымского штаба левый эсер Спиро развивал эгоистическую стратегию, — замкнуться на полуострове, прикрывшись Перекопскими и Сивашскими позициями, поддержанными с моря флотом.

26 марта я телеграфировал:

1) Севастополь штаб, комитету пяти. «Угроза определилась на Полтаву — Лозовую — Харьков. Захват Лозовой грозит Ек-славу и всему югу, необходимо поэтому направить силы: конницу с орудиями, броневые площадки, стойкую пехотную часть к Лозовой в мое распоряжение. Известите об отправке непременно и спешно, чтобы не ввести в заблуждение и не повредить делу».

2) Тов. Слуцкому, председателю Совпаркома Тавриды: «Посодействуйте нашей защите — удар идет на Лозовую — надо бросить силы туда и резерв в Синельниково — Александровск. Торопитесь, все погибнет от несогласованности и эгоизма. Достаточен для вас слабый заслон у перешейка, отход сил всегда возможен и на Перекоп».

3) Тов. Спиро: «Ваши стратегические рассуждения не выдерживают критики. Удар идет от Кременчуга — Константиноград. Захват Харькова, Лозовой заставит очистить от войск берег Днепра и создает для вас страшную угрозу. Необходимо перебросить лучшие части ваших сил к Александровску — Синельниково — Лозовой».

Меж тем, наши операции на Полтавском фронте развивались как будто успешно. К вечеру 27 марта нами занят с боя

Сагайдак и поведено наступление на фронте Шишаки — Белоцерковка. Против нас действовали здесь в авангарде 4 гайдамацких полка и эскадрон германской кавалерии.

Но к 15 часам 27 марта пришли сведения об отступлении наших частей. Одновременно с нажимом на Ереськи немцы бросили баварскую кавалерию по направлению Решетиловка — Абазовка, нам в тыл. Подоспевшие отряды Петрова восстановили было положение.

Но удар немцев кавалерией нам в тыл возобновился, и под сильным артиллерийским огнем наши покинули Сагайдак и затем Абазовку. И вновь, благодаря личному вмешательству и примеру Петрова, положение удалось на время восстановить. К 18 часам 28 марта мы вновь заняли Абазовку. Сообщение от 9 час. 29 марта гласило: «Миргородская группа продвигается на Белоцерковку и через Надежду на Шишаки. Кременчугская группа закрепляется у Голтвы на р. Псиол. В 8 ч. 20 м. два немецких аэроплана бросили бомбы на Полтаву».

Днем 29 марта Абазовка вновь, под влиянием обхода германской кавалерии, была оставлена нами. Пришло также сообщение и о занятии немцами Зенькова. Наступательный порыв наших частей под Полтавой выдохся. Вновь паника, помноженная на усталость, овладела нашими отрядами и погнала их к Полтаве. Беспорядочность эвакуации громадного военного имущества этого города усугубилась хаосом «отступления». Отступление превратилось в неудержимое бегство, когда наши части попали под предательский обстрел с тылу. Обнаружилась подпольная работа Бокитько и его штаба.

Барабаш так описывает сдачу нами Полтавы:

«Звонок из города. Городской голова просит начштаба тов. Барабаша. «В чем дело?» — «Тов. Барабаш! Ваши части оставили город, я вас прошу не завязывать боя с германцами из-за Полтавы, так как город пострадает от артиллерийской стрельбы».

«—Хорошо, не буду стрелять, но под условием, если с вашей обороны не будет открыт огонь по нашим частям, находящимся на Киевском вокзале, на левом берегу Ворсклы».

Г. голова: «Я предприму все меры, чтобы с нашей стороны никто не стрелял».

Барабаш: «Хорошо. Посмотрим. Прошу вас передать всем гражданам Полтавы, что наш отход является временным и по-

этому пусть смотрят, что делают. С нашей стороны пока н допущу ни одного выстрела».

Вызывают на Киевский вокзал.

Саблин отдает последние распоряжения. Деревянный мос через Ворсклу, ведущий из города к Киевской станци сжечь.

Все части ушли, кроме бронепоездов.

Саблин из аппаратной вызывает ставку Харькова. Если н ошибаюсь, говорим с Главковерхом лично. Рапортуем о поло жении.

В наш разговор вмешались гайдамаки. В аппаратную попал граната, убив телеграфиста. Мы с Саблиным спаслись «чудом»

В Полтаве не сдержали данного мне слова. Саблин, которы меня, между прочим, еще раньше упрекнул за договор с город ским головой, отдает приказ всем бронепоездам и 13-м артил. дивизиону быть наготове открыть огонь по батаре гайдамаков (работа Бокитько), расположенным в центре города в случае, если они продолжат обстрел наших отходящих эше лонов.

Гайдамаки продолжают. Мы отвечаем.

Наш огонь далеко не нанес такого вреда городу, как нашу мели наши противники».

Саблин еще рассчитывал задержаться на Ворскле.

28 марта была дана следующая

Диспозиция 4-й армии для обороны реки Ворсклы:

«1) Противник ведет наступление по всему фронту превос ходными силами, особенно интенсивно в районе Белоцерковка— Голтва на деревню Решетиловку и далее на ст. Абазовка по грунтовой дороге.

Второе наступление противника от Кременчуга на ст. По- токи и от Голтвы на Кобеляки.

2) Сумская, Лебединская, Зеньковская группы остаются на месте. Миргородско-Кременчугские группы отходят в район Полтавы и переходят к обороне реки Ворсклы от Днепра до Опошни.

Кременчугская группа.

Начальник группы — Так-Наадзанц.

Состав группы:

1-й Харьковский пролетарский полк.	Занимают фронт от Соколки до ст. Н. Сенжары. Отходит поход-

1-й и 2-й Крюковские отряды. Конный отряд. 1-й и 2-й Кременчугские отряды. Знаменский отряд. Блиндированный поезд Брянский.	ным порядком на опорные пункты— местечко Соколки, хутор у Кобеляки на левом берегу Ворсклы и предместья Заречья, от Лещиновки, хутора Кустоловские (Белики, Жаровка, Боярки и Псаковки), местечко Новые Сенжары, район Ст. Сенжар с хуторами. Пристань Гребенки и Павелково — Соколки — Днепр.

Миргородская группа.

Начальник группы тов. — Петров.

Состав группы: 2-я колонна 4-й армии. Отряд Сиверса 2-го. Успенско-Козловский отряд. Красноармейский Енакиевский отряд, конный отряд Червонного казачества, Киевский партизанский отряд, Чехословацкие отряды. 13-й тяжелый артиллерийский дивизион.	Занимает фронт от Павелково, Гребенки, Пристань район, местечка Сенжары, Гнипы, Лукошино, Безоручки, Терешки, ст. Копылы, ст. Сортировочкой, слоб. Крутой Берег, Бакуленки, Терновщины, район хут. Натагайловки, слоб. Абазовки, Матвеевки, Надеждовки, Солонцевки, Бригодировки и Лихачевки.

При отходе уничтожать за собою мосты на р. Псиол и попадающиеся на путях отступления мосты через другие речки и ручьи.

Эвакуация города и ст. Полтава возлагается на тов. Барабаш.

Линию реки Ворсклы упорно оборонять, держа связь по фронту и уничтожая все переправы через реку Ворсклу в тех местах, где противник переправится на левый берег.

Отступать от реки, товарищи, нельзя!»

Днем 29 марта мы отошли на левый берег р. Ворсклы.

В этот день Главштаб телеграфировал Сиверсу: «Полтава сдана. Наши на Ворскле. От Зенькова на Опошню немцы обходят. Поддержите Лебедин из Сум — спешно».

Официальное сообщение от 14 час. 30 марта: «Разъезды противника обнаруживают его продвижение от Гадяча к Опошне. У Полтавы мы на р. Ворскле. Ст. Полтава-южная разбита огнем

неприятельской артиллерии. Высланная инспектором кавалер разведка в районе Новой Водолаги обнаружила в 27 верста к юго-западу от Валки разъезды противника (?). На грунтово дороге от Полтавы к Опошне (т. е. на стыке 4-й и 5-й арми противника не обнаружено».

Но уже на следующий день мы отходили от р. Ворсклы.

По свидетельству т. Барабаша, этот отход произведен по влиянием угрозы немцев от Опошни в тыл нашим позициям н р. Ворскле.

События на стыке 4-й и 5-й армии рисуются в следук щих сообщениях И. С. Кожевникова.

24 марта немцы, в составе 400 конных и 500 пехоть при четырех легких орудиях вновь подошли к Липово Долине.

К этому времени к Липовой Долине стянулись партиза ские отряды из ближайших сел, всего в количестве 79 челове с 2 пулеметами. Всеми отрядами командовал начальник Липово долинского отряда, т. Николаев.

На рассвете 24 марта партизаны в полном боевом поряд прошли по селу навстречу приближающемуся немцу.

Все взрослое население вышло на улицу и провожало от ряды. По выходе из села за пять верст, Николаев каждому и отрядов дал определенное поручение, Липово-долинский отря оставил прикрывать село Липовую Долину.

24 марта в 12 часов дня немцы начали обстрелива Липовую Долину; безрезультатный обстрел продолжался д 5 час. вечера. В это время у селения показался конный разъез около полусотни всадников. После первого же выстрела засевши красных партизан разъезд ускакал обратно.

Через два часа начался опять обстрел из орудий, продол жавшийся 1 час 45 мин. и тоже безрезультатно.

В это время из Гадяча, по шоссе на Липовую Долин двигался второй немецкий отряд, приблизительно в том же со ставе, как из Ромны. Николаев дал распоряжение, в случае по тери связи, действовать самостоятельно, не вступать в бо с большими силами, всячески терроризировать врага, снимат разъезды, портить телефонные сообщения, уничтожать пути в крайнем случае, попрятать оружие и взрывчатые вещест в надежных местах, а самим укрыться в ближайших селах лесах, чтоб действовать по обстоятельствам.

Свой отряд Николаев отвел от селения за лесок. Но немцы не решались войти в Липовую Долину до 2 часов дня 25 марта.

Впоследствии выяснилось, что это было одно из тех сел, в котором кулаки были так терроризованы партизанскими отрядами, что не выслали немцам сведений о количестве наших войск.

Последние вести от тов. Николаева были получены от 21 часа 25 марта. Немцы вошли в Липовую Долину и искали по всему селу советские войска, искали в подвалах, клунях, сеновалах. Очевидно, они никак не могли примириться с мыслью, что осаждали совершенно мирное село, в котором несколько часов было только несколько десятков партизан с двумя пулеметами.

Наше положение в Лебедине и Ахтырке к 24 марта было еще прочным.

В Лебедине были сосредоточены два отряда: «первый полк левых эсеров» (400 человек), под командой тов. Оржельянц, сформированный в Харькове, и второй Лебединский (в 500 человек), под командой Губиша, сформированный в Лебедине. Оба эти полка были хорошо вооружены и имели две трехдюймовых батареи и одну бронированную платформу. Полк Оржельянца 24 марта выступил на Гадяч через Веприк.[1]

В Ахтырке находилась трехдюймовая батарея и отряд червонного казачества, численностью в 150 человек, там же сформированный, он 24 марта выступил на Зеньков.

Близ Ахтырки были избраны монастырские и клементовские позиции, где были приготовлены окопы, протяжением около 10 верст.

Сначала для рытья окопов пришли только добровольцы, в количестве до 200 человек, но, в виду развивающегося наступления немцев, пришлось прибегнуть и к принудительным работам, начало которым было положено довольно оригинально.

25 марта кавалерийский отряд окружил гуляющую на главной улице публику и пригнал их всех, около 500 человек, на позиции. Неработоспособных немедленно же отпустили, а всем остальным, в количестве 375 человек, был дан «урок», — каждому один аршин окопов. К 6 часам вечера на позициях были уже готовы окопы, намеченные техниками; 26 марта

[1] Действия этих отрядов были безуспешны: под легким нажимом противника они отступили в беспорядке.

на работу пришли до 700 ч. добровольцев, причем многие были из тех, которые работали 25 марта принудительно. С каждым следующим днем число добровольцев на земляных работах возростало: никакой платы за работу не производилось, содержание у каждого было свое.

С 26 марта Ахтырско-Лебединский район изъят из ведения 5-й армии и начальником его назначен т. Руднев, который 28 марта, сообщая Саблину о своем назначении командующим этим районом, с подчинением непосредственно Главштабу, продолжал: «Сейчас противник занимает Зеньков крупными силами, — несколько эскадронов кавалерии, батальон пехоты, броневик, батарея артиллерии. Веприк и Гадяч в руках противника. Противник занял также небольшими отрядами Грунь, кавалерийскими Опошню и Куземин. Он занимает также эскадроном кавалерии и батальоном пехоты... (неразборчиво) и начал наступление на Ахтырский монастырь, которое было нами отбито. В моем распоряжении имеется до 650 человек, которые расположены следующим образом: Ахтырский монастырь — 260 чел. Котельва — 70 ч. пехоты и 30 чел. кавалерии, Краснокутск — 35 чел. пехоты и броневик. Ведется разведка Краснокутск — Опошня, Котельва — Куземин, Лебедин — Зеньков, Лебедин — Гадяч, Лебедин — Ромны. С получением подкрепления делаю удар на Опошню — Грунь со стороны Богодухова и Ахтырки, Веприк, Котельва; со стороны Лебедина на Гадяч, со стороны Липовой Долины и шоссе Сумы — Гадяч и из Ромны со стороны Недригайловки демонстрацию».

Участку Руднева Главштаб уделял серьезное внимание. Активность Руднева могла бы обеспечить правый фланг 4-й армии на р. Ворскле. 30 марта в Ахтырку послан взвод конной батареи. В Лебедин (к Губишу) направлены легкая батарея с кавалерийским прикрытием и бронепоезд. Но в Лебедине было уже неблагополучно. Задержавшийся здесь, после «отступления» из-под Лохвицы, отряд анархистов (Черняк) бесчинствовал и собирался покинуть фронт. Пришлось телеграфировать этому отряду:

«Своим уходом с боевых постов услуживаете немцам. При малейшем сопротивлении командованию, объявляю вне закона, как предателей революции».

Деморализация росла. Но, в общем, положение в Ахтырско-Лебединском районе представлялось устойчивым. И если бы

Руднев проявил инициативу и необходимую предосторожность, то слабые отряды немцев из Опошни не смогли бы сколько-нибудь серьезно, уже ночью 29 марта, угрожать тылу группы Петрова.

Главштаб, конечно, считался с возможностью скорого отхода Саблина от Ворсклы, но никак не предвидел сдачи этой сильной природной линии вовсе без боя.

29 марта Саблин запрошен: «Испорчен ли соединительный путь между Полтавой и Южной? Взорван ли мост на Ворскле? Нужно послать отряд с кавалерией на ст. Искровка, чтобы вести разведку в сторону Опошни. Спасли ли тяжелую артиллерию? Если не сможете удержаться на Ворскле, то придется отходить постепенно к Коломакам. Главное сопротивление у этого места, в селах Валковского уезда и рр. Мерли и Мерчик, напротив Богодухова. Резервы наши сейчас слабы. Вам надо держаться подольше. К нам скоро подойдут новые силы».

Матюшенко, организатору боевых и партизанских дружин в Богодухове, велено связаться с Саблиным. Кожевникову — ускорить оборонительные работы у Коломак и Валка.

Но уже 30 марта, из-за ненадежности прикрытия и отсутствия снарядов, наша тяжелая артиллерия вынуждена была отходить к Харькову.

Барабаш телеграфировал: Коломаки, к-ру 1, 3, 13 отд. тяж. дивизиона: «Отступайте походным порядком от м. Коломак по шоссе до м. Валки; на ст. Ковяги вышлите повозки для получения снарядов. Вышлите разведку для осмотра местности и наметьте место для расположения батарей. Продовольствие разрешаю реквизировать, выдав соответствующие карточки».

Группа Петрова без боя покидала р. Ворсклу.

На левом фланге 4-й армии положение сложилось также неблагополучно.

Как было уже сказано выше, Главштаб предполагал создать мощную ударную группу у Лозовой. В нее должны были войти и сохранившие боеспособность части отрядов Медведева и Киквидзе. Но Саблин отогнал эти отряды в эшелонах целиком в Славянск. Саблину 28 марта поставлена на вид эта оплошность и предписано позаботиться о выделении части сил с тяжелой батареей в направление к Константинограду. «По прибытии в Лозовую Киквидзе, он примет здесь командованье. Первая линия защиты у Полтавы по р. Ворскле. Тут защита

*

может быть общей под вашей командой. Для направления Лозовая — Полтава выделить временного командующего до прибытия Киквидзе».

Но, как видно из приведенной выше «диспозиции» по 4-й армии, на левом фланге Саблина была уже оформлена особая Кременчугская группа.

Основную ее силу составлял 1-й Харьковский пролетарский полк, сформированный из рабочих паровозостроительного завода (выборным командиром полка был т. Нехаенко). В Полтаву полк прибыл в составе всего 450 чел. из 2 000 записавшихся. В Полтаве в него влился Константиновский отряд (100 ч.). 28 марта полк получил боевое крещение под ст. Потоки.

Плохо подготовленная орудийным обстрелом с двух бронеплощадок, атака этой станции полком не удалась. Харьковские пролетарии обнаружили здесь большое мужество и упорство, но недостаточную выучку.

Потеряв свыше 100 человек убитыми и ранеными, харьковцы отошли и замитинговали, требуя отвода в тыл «на пополнение и обучение», и часть полка самовольно сорвалась с фронта.

О степени деморализации Кременчугской группы дает понятие следующее бессвязное сообщение ее начальника от 3 марта: «Я в настоящее время нахожусь в Кон-граде, направляюсь на Лозовую, за неисполнением моих приказов публикой. Положение мое критическое за то, что свободно их не допускаю в ст. Лозовую и далее. Мне ничуть не хотелось быть изменником, но не знаю, как поступить, эшелоны в большинстве под обстрелом, некоторые бросили эшелоны, не исполняя моих приказов, разбрелись, неизвестно куда. Прошу распоряжения, постараюсь здесь эшелоны задерживать».

Картину дополняет следующая телеграмма из Константинограда тов. Барона, начальника обороны Полтавы: «Я сейчас в Кон-граде. Эшелоны идут панически, никаких мер предосторожности не принято. В Селещине я оставил три паровоза, которые экономил из проходящих команд, и Брянский отряд, которому поручил эвакуацию нагруженных вагонов и задержать неприятеля. Теперь я узнал, что в Селещине никого уже нет. Все эшелоны следуют в Лозовую. В Кон-граде только 50 чел., но и те заражаются общей паникой и тоже думают уйти. Киквидзе здесь нет. Где вы намерены установить фронт? Если эт

так будет продолжаться, — я сам ранен и не могу видеть этого позорного бегства».

Между тем, Лазарев начал стягиваться к Лозовой к концу марта. 30 марта он прислал свои оперативные соображения. Немедленно ему отвечено: «Положение таково: на северном участке еще происходит сосредоточение сил. Сиверс вынужден отойти от ст. Грузское, которая и занята немцами в количестве 500 ч. с батареей. Замечено обходное движение двух батальонов пехоты с четырьмя орудиями и кавалерией от Гадяча через Зеньков. Но сведения эти не вполне достоверны. Саблин удерживается арьергардами на Ворскле, мосты через которую взорваны. На правом берегу Днепра неприятель наступает к Кривому Рогу. Мы отходим от Долинской — Долгинской. Пятихатка занята противником. Ваше предложение об обороне линии вдоль Мерефо-Херсонской дороги не подходит, не к чему терять позиции у Карловки, упирающиеся в Валки и идущие по возвышенности за болотистой рекой; вторая линия могла бы быть у Константиновки, упираясь опять же в Валки, и наконец, третья у р. Орель — Орельки. Смотрите внимательно хотя бы на карту: наши войска еще держатся у Ворсклы и смогут задержаться прочно у Коломак и других селений Валкского уезда. Полтава-южная разбита немецкими снарядами, но еще не занята немцами. К вам будет ежедневно связь конная к Карловке. Наши разъезды и летчики не обнаружили неприятеля нигде за Ворсклой, а за Полтавой не заметно скопление эшелонов, очевидно Полтава взята незначительными силами, которые не смогут развить наступление. Немедленно приступайте к работе по закреплению линии у Карловки».

Но в тот же день пришлось телеграфировать Лазареву: «Вследствие недостатка снарядов нашей артиллерии, она и прикрывающие части отходят от Ворсклы. Постарайтесь держать с ними связь разъездами. Спешно приготовьтесь на известных вам линиях обороны, приняв меры к взрыву складов и т. д. Снаряды к шестидюймовым попали по ошибке[1] на Лозовую. Немедленно разыщите их и самым экстренным порядком направьте в Люботин».

[1] Эта «ошибка» с отправкой снарядов была весьма показательной, — тут уже действовала злая воля известной части харьковских железнодорожников и может быть не только их злая воля. Она еще не раз проявится в дальнейшей борьбе за Харьков.

Положение у Лозовой осложнилось из-за недоразумения с командованием. Киквидзе предполагался командующим Лозовской группой, так как на Лазарева Главштаб не возлагал определенных надежд, не было известно состояние его частей, не было уверенности, что он выполнит приказ, вызывавший его из Феодосии.

Однако Лазарев прибыл к Лозовой ранее Киквидзе и с силами, значительно превышавшими отряд Киквидзе. Поэтому предложено Киквидзе войти в подчинение Лазареву, приняв на себя командованье авангардом у Карловки.

Киквидзе заартачился. Ответ его был столь резок, что я продиктовал телеграмму, предлагающую Киквидзе немедленно сдать отряд и все имущество Лазареву и удалиться с фронта. Но тотчас же отменил отправку этого приказа: Киквидзе как-никак был храбрейшим из наших командиров и держал в безусловном подчинении довольно крупный отряд. Решено вновь попытаться договориться с этим болезненно-самолюбивым воякой, и я вызвал Киквидзе с его отрядом в Харьков, где ему обещано самостоятельное назначение. Через пару дней, 31 марта, Киквидзе и еще два начальника бежавших из Полтавы отрядов прислали из Лозовой грубый ответ, требующий сложения мною главного командования за обиду, нанесенную их боевому товарищу. Тотчас же ответил Киквидзе: «Не давал вам телеграммы о передаче армии и о вашем отъезде (с фронта). Или это провокация, или недоразумение. Призываю вас к исполнению революционного долга. Памятуя ваши заслуги, прохожу мимо ваших оскорблений. Не хочу расстаться с вами и приглашаю вас, в виду тревожного положения дел на фронте у Харькова, отойти со своими отрядами в Харьков, начальником обороны которого вас назначаю. Мой долг я знаю и как могу выполняю и не вижу никого, кто бы лучше меня его мог выполнить».

В действительности же, по проверке, оказалось, что моя первоначальная телеграмма не была своевременно задержана и попала к Киквидзе, вместе с второй. Здесь мог быть и злой умысел кого-либо из штабных (была среди них такая расторопная, но авантюрно-прохвостская личность, как «летчик» Германев, исполнявший одно время даже обязанности начштаба).

Лазареву одновременно телеграфировал:

«Киквидзе отзывался в Харьков не только потому, что из его телеграмм я заключил, что работать в подчинении вам он не хочет, но и потому, что сил в Харькове мало. Запросите моим именем в последний раз Киквидзе, какое решение он избирает? Пусть официально и окончательно мне ответит. Саблин мною отправляется в тыл для сформирования новых частей, и нужен боевой начальник обороны Харькова. Пусть окончательно даст ответ, принимает ли пост начальника обороны Харькова или предпочитает остаться помощником командующего 3-й армией».

Киквидзе затянул ответ, замедлил свой отъезд из Лозовой, появился в Харькове лишь 2 апреля.

Распутывание инцидента с ним затянулось на несколько дней, а это были решающие для обороны Харькова дни.

И, прибыв в Харьков, Киквидзе создал новое недоразумение с Саблиным, захватив силой штабной вагон 4-й армии, нужный и самому Саблину. Начальником обороны Харькова он не согласился стать, а тяготея к непосредственно-боевой работе, принял командование на важнейшем участке фронта, Ахтырско-Лебединском, взамен Руднева.

Уже к 30 марта положение представлялось нам столь критическим, что я телефонировал Муралову в Москву: «Полтава сегодня к утру занята немцами. Нашим приходится отходить к Харькову. На юге немцы продвинулись за Пятихатку. Но и теперь можно поправить дело, если выполнить удар с тов. Берзиным на Бахмач. Пусть знают об этом тт. Троцкий, Бонч-Бруевич. У меня сил недостаточно и нет для этого руководителя. С севера ничего не прибыло, кроме винтовок и патронов, пулеметов очень мало и лент. Словом, наши отряды, при таком положении, будут разбиты».

Одновременно я воззвал к красному казачеству:

«Ростов ВРК, Комиссару по военным делам тов. Подтелкову. Без кавалерии не можем справиться, — наши фланги все время охвачены. Спасите положение, прислав хоть два полка и хоть одну пару конных батарей. Это очень спешно. Сейчас положение таково: неприятель наступает к Курску. Занял Ворожбу. Его кавалерийские части прикрывают группировку сил у Зенькова в обход наших линий за рекой Ворскла. Под Лозовой наши отошли к Карловке. На юге немцами занята Пятихатка — Долгинцево — Кривой Рог. Николаев обойден с севера и занят Водопой. Ждем от вас помощи».

Красный Дон не мог откликнуться на наш призыв, — положение на Дону было крайне напряженным.

И «север» не поспел к нам на помощь.

Своей пассивностью Берзин, Ремнев, Сиверс облегчили врагу инициативу.

Ремнев почти бездействовал. Он сообщал 27 марта:

«В 14 часов немцы двумя разведывательными партиями по 200 ч. заняли Новый и Старый Крупец, но были оттеснены к дер. Тарупец. Мы передовыми частями заняли на правом берегу Десны местечко Виренка. Гайдамаки, занимавшие сахарные заводы, бежали».

28 марта наблюдалось оживленное движение противника у ст. Мельня.

С целью обеспечить Брянское направление и сосредоточить силы для удара от хутора Михайловского, наши (Ремнев, Берзин) затеяли переговоры с немцами об установлении демаркационной линии у Гомеля и Новозыбкова. Из переговоров выяснилось, что немцы считают эти города украинскими. Но обсуждать демарклинию противник отказался.

Впоследствии он с громадным успехом применял против нас этот метод установления частичных демарклиний (прикрывая этим путем с севера фланг своего наступления в глубь Украины).

К 28 марта, по сведениям особой армии, в Добруше стояли 100-й и 106-й германские полки и одна тяжелая батарея, в заставах Добруш — Новозыбков две роты. Но основные силы германцев сосредоточивались южнее. Давление противника на ст. Мельню все усиливалось, у моста немцами выставлена застава, под прикрытием бронепоезда».

29 марта Ремнев утешал из Шостки: «Противник не наступает».

30 марта: «Неприятельская разведка столкнулась с нашей заставой у ст. Мельни».

Сиверс в свой черед сообщал 27 марта: «На Конотопском участке без особых перемен. Разъезды германцев появились в Вязовом и Салтыкове. На Роменском направлении разъезды противника обнаружены к западу от села Смелого. Деревня Липовая Долина, на Ромно-Гадячском шоссе, занята противником. Из города Гадяча его отряд выбросил разъезды на Веприк. Вчера на крайнем правом фланге в Бочечкове наш отряд отбро-

ил отряд противника к Конотопу штыковой схваткой. В Белополье, близь Ворожбы, белая гвардия обстреливала совет, но после появления нашего конного отряда разбежалась. Положение в городе напряженное. В Сумах, при помощи постоянной вооруженной угрозы, белая гвардия раскассирована и молчит. Буржуазия высылается ежедневно на окопные работы».

Вечернее донесение 27 марта: «На Конотопском направлении неприятельские разъезды проникли до Свечкина. В районе ж. д. артиллерийский бой у Вязового. У Салтыкова нашей артиллерией была обстреляна наступавшая цепь противника, занявшая Салтыково. В районе Гиревка — Конотоп до 1 500 пехоты и конницы и 8 орудий. Сегодня прибыл еще эшелон. На Роменском направлении замечен в Коровинцах неприятельский автомобиль. Население района Терны — Недригайлов к западу относится сочувственно к немцам и враждебно к нам. Мешает действовать разведке».

28 марта утром:

«На Конотопском направлении противник наступал в течение вчерашнего дня на Грузское. Наши немногочисленные части стойко сопротивлялись. Под действительным арт. огнем противника, нанеся ему серьезные потери пулеметным огнем, к вечеру вынуждены были, однако, отойти к востоку и югу от станции Грузское, взорвав последнюю. Отмечаю мужественное поведение Луганского отряда, сражающегося на передовой линии около 4 недель.

«Силы противника на ст. Грузское равнялись до 500 ч. пехоты при нескольких орудиях с бронепоездом. В час ночи Грузское занято его разъездами».

Сиверс затребовал подкреплений от Курска, указывая, что создается «косвенная угроза Курску».

29 марта он сообщал:

«На Конотопском направлении противник, несмотря на сильный арт. огонь, сдерживался нашими частями на фронте Леонтьевка — Попова — пост 232 версты, в пяти верстах восточнее Грузское. К вечеру наши части с боем отошли на Степановку, нанеся потери артиллерии противника. Воздушной разведкой выяснено движение полевой артиллерии противника к юго-востоку от Конотопа. На Роменском направлении сравнительно спокойно. Неприятельские разъезды замечены к западу от линии Терны — Недригайлов».

И в тот же день Сиверс дополнительно извещал: «Герман[illegible] неожиданной атакой захватили станцию Путивль. Положен[illegible] Ворожбы угрожающее. На станции Путивль нами потеряны [illegible] тяжелые батареи».

Впоследствии Сиверс в особом докладе подробно описал э[illegible] печальное происшествие. Эпизод крайне характерен для наш[illegible] тогдашней военной неопытности.

Начальник сторожевого охранения, командир 1 бат. Петрогра[illegible] ской красной гвардии Васильев, при первом же известии о дви[illegible] жении немцев на Грузское, где они починили взорванный нам[illegible] ж.-д. мост, заявил командарму, что держаться не может и, п[illegible] лучив разрешение штаба, отошел на 9 верст к востоку от Гру[illegible] ское. Но и отсюда, без всякого давления со стороны прот[illegible] ника, продолжал взывать о подкреплении. Сиверс, подготовлявш[illegible] на следующий день наступление к Грузское особо выделенн[illegible] ударной группой, предписал этой ударной группе перейти из р[illegible] зервного положения (в Белопольи) в Путивль, чтоб почью сл[illegible] жить опорой сторожевому охранению. На станции Путивль свер[illegible] того были погружены в эшелоны две батареи. Они не были вы[illegible] двинуты на позиции «в виду ненадежности прикрытия». Сивер[illegible] предписал отодвинуть эти батареи на разъезд к востоку [illegible] Путивля и заминировать мост к западу от Ворожбы. Но бата[illegible] реи были задержаны в Путивле комендантом станции, сторо[illegible] жевка отошла ночью также в Путивль, куда прибыли и 2 рот[illegible] из ударной группы. Начальник сторожевого охранения уверя[illegible] подошедший резерв, что в сторону неприятеля выставлена заста[illegible] ва и что опасности нет. На деле никакого охранения выста[illegible] влено не было. Утром к ст. Путивль подошел неприятельски[illegible] броневик в сопровождении сильного отряда пехоты. Начальни[illegible] нашей сторожевки не отдал никаких распоряжений. Под сильны[illegible] обстрелом наши бросились в панике бежать. В Путивле остали[illegible] два артиллерийских и три пехотных эшелона.

Тотчас же по получении сведений о захвате немцам[illegible] Путивля, Сиверс двинул оставшиеся части ударной группы, с един[illegible] ственной уцелевшей батареей, к разъезду Кошар, для прикры[illegible] тия Ворожбы. Но паника распространилась и на эти части[illegible] Пришлось распорядиться отойти за реку Вир за Ворожбой, чтоб[illegible] выставить там охранение из остатков отрядов. Но, пишет[illegible] Сиверс: «Несмотря на приказы, деморализованная масса н[illegible] была в состоянии ничего делать, как только ехать в Курск[illegible]

в 12 ч. ночи я со штабом, подрывниками и конной разведкой вынужден был взорвать мосты и отойти с Ворожбы на Коренево».

30 марта Главштаб еще требовал от Сиверса: «Выкиньте свои отряды из эшелонов. Держите крепко связь с Рудневым, которому дайте предписание действовать немцам во фланг. Проверьте связь Сум с Лебедином, обеспечьте прочность положения в Сумах».

Но Сиверсу уже некого было «выкидывать» из эшелонов, и не был он в состоянии озаботиться Сумами.

Неожиданная неудача под Путивлем так деморализовала войска Сиверса, что он 31 марта телеграфировал председателю Курского полевого штаба Зубицкому:

«В виду обнаружившейся полной небоеспособности и дезорганизации отрядов, уезжающих сейчас на Курск, прошу принять все меры к их полному расформированию, и все отряды, кои будете высылать на Курский фронт, прошу формировать исключительно на принципе строгой дисциплины и подчиненности командному составу. Начальников назначать вполне знакомых с военно-боевым делом и энергичных. Путивльское поражение было следствием отсутствия этих начальников. Гарантирую вам упорную оборону подступов на Курск при соблюдении этих условий».

Уже 1 апреля Сиверс сообщал:

«На фронте 5-й армии, на Ворожбинском участке, после потерь, понесенных нами под Путивлем, противник вчера вечером вступил в Ворожбу. В Ворожбе нами взорваны водокачки и два моста. По непроверенным сведениям, в Белополье прибыл эшелон противника. На мосту восточнее Ворожбы стоят два орудия и пехота в пяти верстах восточнее Ворожбы. С Сумского направления донесения не поступило».

А в Сумах, под воздействием, прежде всего, той же пошедшей из Путивля паники, сильный отряд Потапова, без всякого давления со стороны противника, бросился в эшелоны и бежал к Белгороду, открывая германцам прорыв сквозь затеянную нами оборонительную линию...

Сиверс был обессилен. Он извещал:

«На линии Коренево — Курск имею боевых 50 ч. пехоты и 40 ч. кавалерии, больше ничего. Ответственности за боевой участок нести не в состоянии».

К 1 апреля получились сведения, что Курск, по заявлению Германии, отходит к России. Тотчас же был отдан Сиверсу приказ передать Кореневский участок Курскому полевому штабу и озаботиться обороною позиций пред Харьковом, имея штаб в Готне и действуя в связи с командующим обороной Харькова.

Положение Харькова, существенно испорченное разгромом Сиверса, стало критическим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Как сдали Николаев. Отход Тираспольцев. Знаменка—Александрия потеряны. Восстания против немцев в Николаеве и Херсоне. Дислокация к 22 марта. Упущенные возможности. Последние усилия. Бой у Диевки. Екатеринослав сдан.

17 марта немцы вступили в Николаев.

А. С. Смирнов, бывший начальник штаба Муравьева, непосредственно распоряжавшийся обороной Николаева, представил впоследствии доклад о сдаче немцам этого города.

Смирнов прибыл в Николаев, вместе с Наркомом Раковским и бывшим начштаба Одесской области Зайцевым, 14 марта «для инспекции работ по обороне города».

Уже тогда пришли известия о движении немцев на автомобилях к Николаеву из Одессы.

В Николаеве, однако, никаких приготовлений к обороне не было заметно. Смирнов тотчас распорядился: 1) конной сотне гор. Николаева под командой Бармоса с двумя орудиями занять позицию у Варваровского моста, выслав вперед разведку, и 2) бронепоезду, пришедшему из Одессы, выехать в с. Начаяпное для производства разведки в сторону Одессы и Очакова.

На следующий день, 15 марта, Смирнов был вызван в поезд Муравьева, прибывшего на ст. Водопой. Муравьев предложил Смирнову ехать с ним в Харьков в Главный штаб, причем сообщил, что оборона Николаева возложена на отряд Венедиктова, которому поручено занять позицию между Одессой и Николаевым. Смирнов возразил, что Бенедиктов уже не успеет занять намеченной ему позиции, как как 16 марта немцы будут под Николаевым.

Муравьев тут же приказал Смирнову принять общее руководство по организации защиты и эвакуации Николаева; по

приезде Венедиктова, передать ему эти обязанности и выехать затем в ставку в Харьков. В распоряжение Смирнова переда бронепоезд Завина, получивший приказ направиться со ст. Водопой в Николаев.

Вернувшись в Николаев, Смирнов издал приказ о своем назначении, о регистрации всех отрядов, о сборных пунктах для всех воинских частей, о комиссиях по приему, расквартированию и т. д. частей, прибывающих в Николаев. Одновременно было приказано начальнику 37-го автотдела приступить к перевозке этого отдела с правого берега Буга в Николаев, дабы не попасть к противнику.

15 марта ночью получены сведения, что к Николаеву приближаются 32 грузовика с немцами. Эти же сведения подтверждены разведкой летчика Мельника.

Меж тем, в Николаеве скопились довольно значительные силы. Из Одессы прибыли поездами: [1]

1) 1-й авиотряд Мельника — 3 аппарата, 12 человек, но все имущество этого отряда было погружено в Одессе на транспорт, ушедший в Севастополь.

2) Бропевое отделение 1-го Советского Одесского полка — 1 броневик, 1 санитарный автомобиль, 1 грузовик и 1 легковая машина, требовавшая капитального ремонта, команда 16 чел.

3) Автопарк 3-й армии — нач. Будкин, 18 машин легковых, грузовых и санитарных, большинство на ходу, команда 60 чел.

4) Поезд артил. снабжения Аккерманского отряда, 3 000 винтовок, пулеметы и проч.

5) Поезд снабжения отряда Венедиктова с винтовками, патронами, бомбами и пулеметами.

6) Кроме этого, в г. Николаев пришли 11 телефонистов армии Лазарева.

7) Отряд Церенберга.

8) 1-й бат. Ленинского полка, под нач. Андреева, в составе 3 рот при 7 пулеметах и 3 горных орудиях.

9) Отряд террористов Зайделя — 60 ч.

10) Отряд красной гвардии Стураса — 60 чел. и отряд анархистов Вл. Желябова — 60 чел.

---

[1] Муравьев предполагал сосредоточить в Николаеве все полевые части, выехавшие из Одессы на судах. Но эти суда не зашли в Николаев, а проследовали в Севастополь.

Но все эти отряды, кроме Церенберга (до 40 ч.), заявили, что не желают оставаться для обороны г. Николаева, и ушли в Севастополь.

В Николаеве Смирнов застал еще отряд Одесских террористов, которые разместились в гостиницах Петроградской, Бристольской и Гранд-отель и, вместе с Николаевскими террористами, занявшими дом Аврамова, производили налеты и разоружение милиции. Имущество этих разоружений было погружено на транспорты, и они, вместе с Николаевским полуэкипажем, собирались покинуть город, не желая его защищать.

В самом Николаеве были сформированы лишь конная сотня и батарея в два орудия. Дружина Балтийского завода не была еще вооружена. Члены Николаевского совета и военный его отдел не знали своих живых сил, не знали и о запасах вооружения, снаряжения и боевых припасов.

Сверх всего, и наличные силы оказались недисциплинированными; Смирнов, при проверке 16 марта утром исполнения отданных боевых приказаний, узнал:

1) что 37-й автоотряд Полякова к переходу через Буг не приступил;

2) что броневой автомобиль на разведку не вышел.

Полякову подтвержден строгий приказ о переезде в Николаев. Броневик разыскан, — его прислуга оказалась арестована милицией, во дворе которой броневик стоял. Смирнов приказал арестовать помощника начальника милиции и караульного начальника, не позволявшего прислуге броневика сообщить в штаб по телефону о своем задержании, и велел броневику немедленно выступить, но броневик оказался вдруг неисправен.

На позициях у Варваринского моста к 12 часам находилось всего лишь два орудия и человек 20 конницы. В виду сведений о приближении гайдамацких конных частей, Смирнов приказал при себе развести мост и не сводить без особого его распоряжения. К 13 часам к мосту подошли первые немецкие автомобили, по ним немедленно открыт огонь. К началу боя на станцию прибыл бронепоезд Завина и отряд Виноградова в 5 чел. при 4 пулеметах. Завину приказано отправиться к ж.-д. мосту на р. Буг и занять его, дабы обеспечить от обхода справа; отряду Виноградова поручена охрана вокзала. На вокзале создан пункт по вооружению рабочих дружин, вооружение пошло лихорадочно. Но одесские и николаевские террористы,

вместо того, чтобы направиться к мосту — оборонять Николаев ушли на транспорт.

В городе появились подозрительные отряды милиции и самоохраны, У здания милиции такой отряд возрос до 300 чел. Автомобиль Смирнова, объезжавшего город, был задержан этим отрядом. Смирнов приглашен в милицию, где городской голова потребовал у него возвращения взятых из банка денег.

Смирнову удалось выехать из помещения милиции лишь через два часа, после обещания вернуть часть денег.

Между тем, оборона моста не налаживалась. На позиции остались до 300 ч., остальные, получив винтовки, ушли в город. В тылу нашего отряда организовались белые банды, общим числом до 1 000 ч. Они разоружали небольшие группы красноармейцев, идущих к мосту. Последний же резерв Смирнова, отряд Виноградова, уехал неизвестно куда.

И в это время с позиции получились сведения, что броневики противника (а их было 6) и грузовые автомобили отошли от берега и направились вверх по Бугу. Было очевидно, что они следуют к жел.-дор. мосту у Гурьевки, куда Смирновым был послан бронепоезд Завина, и тут выяснилось, что Завин, не заходя к мосту, из Водопоя отправился неизвестно куда...

Теперь, перед угрозой обхода, Смирнов решил отдать приказ об очищении Николаева, начать отступление в 20 часов, производить его постепенно, частями, не прекращая огня. Станции дан точный порядок отправки поездов и приказано приготовить порожние составы для посадки частей. Направление на Долинскую было выбрано, чтобы затем, со стороны Гороховки, занять ст. Водопой и мост через Буг у Гурьевки.

На ст. Водопой Смирнов окончательно убедился, что мост у Гурьевки нами не занят и поезд Завина ушел на Апостолово. Тогда Смирнов проехал на ст. Гороховку, где стал пропускать отходившие от Николаева поезда снабжения. В то же время он просил Главкоюза Егорова прислать немедленно в его распоряжение бронированный поезд или хотя бы бронированные автомобили, обещая сейчас же занять обратно Николаев.

От Егорова был получен ответ — итти на Долинскую, где организовать оборону. Этот приказ был исполнен. На одной из промежуточных станций Смирнов получил телеграмму от Сергеева, что он, с отрядом в 500 человек, идет в Николаев. Смирнов решил поддержать это наступление.

Прибыв на Долинскую 17 марта и вновь тщетно попытавшись получить в свое распоряжение бронированный поезд, он из остатков отрядов николаевцев, Церенберга и арт. взвода сформировал команду для блиндированного поезда. Этот поезд тут же состряпали из теплушек и платформ, поставив на них шесть пулеметов и пушку. С этим поездом, утром 18 марта, Смирнов выехал к Николаеву, условившись с т. Егоровым, что он окажет решительную поддержку со стороны Апостолово. Поддержка эта оказана не была. Из 100 чел. команды поезда к ст. Григорово прибыли всего 50, да и то в весьма пониженном настроении. Тут из подслушанного разговора из Николаева в Водопой узнали, что немцы высылают навстречу Смирнову бронированные автомобили, поставленные на платформы.

Это заставило Смирнова отказаться от похода на Водопой и Николаев. Вскоре он был отозван в Главштаб...

Николаев был занят незначительными силами немцев.

Если бы начальник Тираспольского отряда Венедиктов мог выполнить приказ Муравьева, то, без сомнения, немцы в Николаеве попались бы в ловушку, и дело кончилось бы для них трагически.

Но Венедиктов был обессилен. 17 марта он дал по своим частям следующий горький приказ:

«Из Березовки командирам 5-го и 6-го Заамурского полка, 2-го баталиона днестровцев, 5-й батареи, 2-й сводной батареи. Пехота нас предала. Не желая сражаться, грозя штыками, она захватила паровозы и бежала в эшелонах на Вознесенск. Желая спасти верные революции части, приказываю вам сняться с позиции и итти походным порядком на Колосовку. Там соберемся и решим о дальнейших действиях. Я и штаб будем при 5-м Заамурском полку».

Следуя приказу Егорова, Венедиктов, вместо действий к Николаеву, отходил поспешно из Березовки на Вознесенск и Елизаветград. Наштаба Тираспольского отряда Левинзон сообщал из Шестакова Егорову:

«18 марта войска отряда в движении с Вознесенска в Елизаветград, под прикрытием частей того же отряда, расположенных по линии Помощная и Н. Украинка. Неприятель находится в трех верстах, в лесу, от ст. Нов. Украинка и базируется на ст. Адабаш. С нами Нежинский отряд и батарея 1-й армии. В нынешнем составе неприятель не опасен. Принимаю меры к обез-

вреживанию его, так как он обстреливает мост, ведущий к станции. Прикрывая себя этими силами, которые имеются, при дальнейшем обеспечении вами станций, которые нам предстоит пройти, надеемся вывести всех благополучно и занять указанную вами позицию. Княгницкий выехал в направлении Елизаветграда».

18 марта Левинзон сообщал Егорову:

«Во исполнение вашего приказа, наша пехота и артиллерия займут указанную вами линию, но для удержания Елизаветграда, до подхода заамурцев, которые ожидаются через 2-3 дня, необходимо прочное занятие первой армией Долинской. Линия Ново-Украинка — Помощная нами не могла быть удержана, и на ней брошены нами запасы продовольствия в виду сильного обстрела неприятелем моста».

Меж тем, Знаменка оборонялась упорно. Командовавший здесь т. Козюра впоследствии передал некоторые подробности об этой обороне.

Козюра принял командование 1-й армией от Егорова, при котором состоял как представитель советского украинского правительства. В его распоряжении, к середине марта, находились: отряды Аккермана, Елизаветградских большевиков, китайцев, сотня Княгницкого и бронепоезда Околотина (с рум. фронта) и Полупанова (до 400 чел., большей частью москвичей, с сильным, державшим команду в руках, парткомом). На Знаменку только-что также прибыл «Первый Екатеринославский социалистический полк» (впосл. «отряд»)— 400 штыков.

Немцы, 15 апреля, наступая на Цибулево, шли небрежно и попали в засаду — под перекрестный огонь пулеметов. Здесь погиб целиком 57-й баварский конный полк. В бою участвовали, с нашей стороны, и жители села Каменки. После боя в наши отряды влилось до 200 добровольцев, вооруженных германскими винтовками. Немцы стали осторожнее и предприняли маневренное движение в обход Цибулева. 1-я армия, имея задачей удерживать позиции до подхода «тираспольцев», активности не проявляла. У Цибулево вырыли окопы с проволочными заграждениями, резервы — за мостом у Цибулевки. Характерный эпизодик — Елизаветградские «большевики» (до 100 чел.) отказались нести окопную службу: «мы воюем с буржуазией, но не признаем окопной борьбы».

17 марта Казюра (ст. Знаменка) отдал следующий приказ по первой армии (в этом приказе упоминается уже и Днестровский полк, входивший ранее в Тираспольский отряд):

1) Противник занимает Федварь, Каменка, Фундуклеевка и район д. Красноселье.

Приказание: Средняя колонна — нач. колонны командир Днестровского полка (1-й и 3-й бат. Днестровского полка... 400 штыков, рота красносельцев... 150 штыков, пулеметов 17, 2-я сводн. батарея — 4 орудия, конная батарея — 4 орудия). Поручается охрана и защита линии от Цибулевки (в полуверсте севернее ее) до Елизаветградки включительно, для чего Красносельский отряд должен занять участок с опорным пунктом от жел. дороги в полуверсте севернее станции Цибулево исключит., а дальше на юг — до северной окраины д. Елизаветградки исключ. Далее на юг — вдоль западной окраины той же деревни и дальше на 3 версты к югу вдоль дороги из Елизаветградки на гор. Елизаветград, занять позицию 1-му и 3-му батальонам Днестровского полка со 2-й сводной батареей.

2) Левая колонна: отряд Майорова... 800 штык., 1-я сводная батарея — 3 орудия, конница, отряд Сиверса, под командованием Крючковского... 80 сабель. Занять северную опушку леса и перекресток дорог, что в 4 верстах севернее ст. Треповки, с целью воспрепятствования движению противника по дороге из Федварь.

Коннице стать в районе деревень Матреновка, Требиново и Базилевка и разведать направление вдоль дороги на Федварь дальше к северу на Ивангород и к западу на Любомирку, держа прочную связь с отрядом Майорова.

2) Правая колонна, нач. колонны Дедушка, [1] — отряд Полупапова в 200 человек и отряд Дурмана... 200 штыков, 30 сабель, пулеметов двадцать, одно 6-дюйм. орудие, Харьковская площадка — 1 орудие, и одно легкое орудие (всего 400 штыков, 30 сабель, 20 пулеметов и 3 орудия), — занять позицию по линии от жел. дороги в полуверсте севернее ст. Цибулево включ. и дальше на восток до дороги у западного угла леса, находящегося северо-восточнее деревни Цибулево. Коннице Дурмана расположиться в деревне Цибулево и разведывать направление вдоль дороги из Цибулево на Селище и дальше на Федоровку.

---

[1] Подлинная фамилия — Максюта, впоследствии один из активнейших «григорьевцев».

Резерв — 2 роты Аккермана — 200 штыков, одно орудие на площадке, бронированный поезд Околотина — расположиться в районе станции Хировка. Бронированный поезд Полупанова, отряд китайцев... 80 штыков, отряд Степенко... 180 штыков, — расположиться в районе станции Знаменка.

Штабу армии оставаться на станции Знаменка.

4. Связь со штабом армии держать следующим образом: командиру Днестровского полка и Дедушки через станцию Цибулево — конными ординарцами, а Майорову, — через ст. Хировку, дальше телеграфом по месту нахождения.

5. Ружейные патроны и снаряды находятся на ст. Хировка, куда и обращаться в случае надобности.

6. Раненых направлять на ст. Хировка.

П.п. За командарма Козюра.

Наштаб Онуфриев.

Какой-либо дух активности чужд этому приказу, но как-никак он свидетельствует о достаточной оформленности командования в 1-й армии.

18 марта Козюра сообщал, что не надеется отстоять Знаменку.

В Криворожьи, меж тем, по занятии немцами Николаева, создалось крайне тревожное настроение, граничащее с паникой.

Олейник, комиссар по формированию Красной армии, сообщал Егорову из Никополя 18 марта, что в Апостолово ожидается германский бронепоезд, что им послан отряд для обороны этой станции, но необходима «мортирная батарея»...

20 марта он же телеграфирует из Кривого Рога: «В Николо-Козельск наступают большие силы. Кривой Рог только обещал дать подкрепления, но не дал».

И в тот же день успокоительно: «Реутский с отрядом прибыл в Кривой Рог. Все спокойно — организую красную гвардию, 300 чел. вооружены». В Николо-Козельском показались лишь слабые разъезды противника. Шум был излишен.

Но Егоров серьезно озаботился прикрытием Криворожья — здесь была база возможных формирований. 20 марта в Долгинцево прибыл, по его вызову, из Александрии, отряд Смирнова — 260 ч., 64 лош. и первый Гребенковский отряд (Реутского) — 760 чел. из Горяинова.

20 марта Егоров телеграфировал в Знаменку командарму 1-й: «Все свободные силы немедленно высылайте Долинская

если можете оперировать без Полупанова, он необходим здесь, с ним верну утерянное».

И, следом, в тот же день, штаб 1-й армии, Козюре: «Немедленно высылайте поезд Полупанова на ст. Долинская».

Одновременно он воззвал и к Крымчанам, но крымчане решили «не отвлекаться». 20 марта из Севастополя в Екатеринослав Егорову, копия наштаверх Муравьеву: «Ориентируйтесь в обстановке. Посылать силы для прикрытия линии Александровск — Джанкой вслепую, без связи, нам не представляется возможным, наши средства весьма ограничены. Узловые станции — Ново-Алексеевка, Мелитополь — подготовляются местными средствами к обороне. Настоятельно прошу прислать вашего уполномоченного для связи. Нач. воен. рев. штаба Богданов».

Егоров готовил из Долинской удар для освобождения Николаева и отвлекал для него силы первой армии, а положение последней становилось все более критическим.

Противник продолжал наседать на Знаменку.

Приведенный выше приказ Козюры в точности не был выполнен.

18 марта — сильные бои за Цибулевкой. Немцы, в свой черед, окопались. Из рассказа пленных выяснилось, что наступают пехотный и кав. полк при батарее. В Хировке и Цибулевке — неблагополучно, панические настроения. Козюра на бронепоезде успокоил. Но в ночь на 19 марта отряд Дедушки ушел из окопов, никого не предупредив, и погрузился в вагоны. Немцы тотчас же, прощупав прорыв, вступили в 1 час ночи в Цибулевку и без выстрела дошли до моста, где столкнулись с резервом, открывшим стрельбу. Немцы отвечали ручными гранатами по нашим эшелонам и бросили кавалерию в тыл нашему резерву. В эшелонах начался пожар, раздались взрывы в вагонах со снарядами. Немцы отступили от станции. Подоспел Полупанов к Цибулевке, — открыл огонь. Под его прикрытием фланги начали отходить, правый — в порядке, левый фланг — в невообразимой панике. В Хировке остатки армии были остановлены. Бронепоезд Полупанова дал несколько «лент» по крышам вагонов и заставил отрядников покинуть эшелоны. Немцы наседали, пришлось отходить дальше к Знаменке. Задержались в 5 верстах от нее. Эвакуация Знаменки шла в порядке, под прикрытием сотни Княгницкого и роты китайцев.

22 марта Козюра сообщал мне в Екатеринослав о неудачах 1-й армии и спрашивал: «куда отходить от Знаменки?». Я отвечал:—«к Пятихатке». Телеграфист прочел Козюре—«к Кременчугу». Но Козюра (бывший железнодорожник) установил обман— и телеграфист, оказавшийся петлюровцем, был арестован и расстрелян...

Эвакуация Знаменки затруднялась, однако, недостатком топлива; вместе с тем, при отступлении, части отдельных армий и Тираспольского отряда перемешались, командование крайне затруднилось.

Знаменка уже не могла быть удержана.

21 марта Левинзон сообщал:

«Смешанные части 1-й и 3-й армии занимают Користовку, обороняя ее. Противник пока к ней не подошел. Ждем подхода своих главных сил и группировки их на нашем участке Користовке, по направлению Кременчуг и Кривой Рог. Наши технические части идут походным порядком». Но Тираспольский отряд разбрелся в беспорядке.

1-й батальон Днестровского полка попал вместо Користовки в Александрию.

В Користовке с 21 марта — Попаснянский партизанский отряд Майорова (110 штыков) и бронепоезд Полупанова. Там же находилась рота китайцев и с 22 марта «конный отряд батальона смерти».

Остальные части Тираспольского отряда — где-то в пути, и начштаба 3 разыскивал их такой характерной телеграммой:

«Вне очереди — начальникам станций, комендантам станций района Знаменка — Кременчуг, Пятихатка — Екатеринослав.

Следующие части, входящие в состав Тираспольского отряда третьей армии, верните на Пятихатку или, если их на станциях нет, а проходили, указать, когда проходили и в каком направлении: бронированный поезд Околотина, бессарабский конный отряд Никольского, третий батальон и второй батальон Днестровского полка, отряд имени Рошаля и Красногвардейский батальон».

Мало считаясь с этим положением вещей, командарм 1-й продолжал приказывать:

«1. Противник, после боя у ст. Цибулево, занял эту станцию, выслав вперед, по обеим сторонам жел. дор. Цибулево — Знаменка, разъезды и дозоры, которые были обнаружены 20 марта в 5 верстах от ст. Знаменка.

2. Часть вверенной мне армии с боем отходит в юго-восточном направлении, разрушая жел.-дор. путь.

3. Армии приказано возможно дольше удерживать в своих руках линию Кременчуг — Знаменка, обеспечивая жел.-дорож. линию Користовка — Екатеринослав.

Для чего приказываю: 1) Отряду Бутова охранять подступ к Кременчугу со стороны Користовки, для чего продвинуться до означенной станции, где, пропустив эшелон с полубатареей Крестьянской батареи на Пятихатку, взорвать ж.-д. пути и станционные сооружения, в дальнейшем отходить по направлению на Кременчуг. На каждой станции задерживаться, до подхода к ней противника, после чего, взорвав путь и станционные сооружения, двигаться дальше на север, кроме того заблаговременно подготовить к взрыву мост через Днепр.

2) Колонне Гарькавого (в составе 1 и 3 бат. Днестровского полка, отрядов Никопольского и Катовского, батальона смерти, роты китайцев и 1-й и 2-й сводн. батарей) охранять жел.-дорожную линию Александрия до ст. Пятихатки, особенно же все технические сооружения на ней. Выделить в распоряжение Полупанова отряд на ст. Користовка для ее охраны.

3) Попаснянскому партизанскому отряду Майорова отправиться на ст. Александрия для охраны и поступить в распоряжение Полупанова.

4. Полупанову с бронированным поездом, отрядом, выделенным Гарькавым в Користовку и Попаснянским отрядом Майорова, принять на себя охрану жел.-дор. линии от ст. Користовка до ст. Александрия. В случае наступления противника, испортить ж.-д. полотно и станционные сооружения, после чего отходить по направлению ст. Александрия — Пятихатка.

5) Отряду Аккермана отправиться в Екатеринослав на трое суток для пополнения как личного состава, так и материальной части.

6) Отряду Сиверса, под командой Кричковского, в виду полной небоеспособности, отправиться в Кременчуг, на пополнение и приведение в порядок.

7) Штабу армии находиться впредь до особого распоряжения на ст. Пятихатка, куда и присылать донесения».

И на ряду с этой путаницей, на ряду с приказами частям, неизвестно где находящимся, штаб 3-й армии продолжал свою мобилизационную работу.

Вот некоторые из характерных его распоряжений:

«22 марта Пятихатка, тов. Щербине, председателю Звеши городского вол. совета. Штаб 3-й рев. армии предлагает вам выяснить количество товарищей крестьян вашей волости, готовы защищать свою землю и волю от нашествия империалистов и стать для этого под ружье. С этой целью выясните, сколько у вас пехоты, пулеметчиков и артиллеристов. Артиллеристов направьте сегодня же в Пятихатку, где они будут зачислены на батареи. Вооружение принимаем на себя. Пехота и пулеметчики должны в кратчайший срок прибыть в Пятихатку. Врид команд арм 3 Левинзон».

«Штабам боевых дружин и советам рабочих, солдатских и крест. депутатов и всем прочим революционным штабам, советам, сельским, волостным и уездным комитетам Екатеринославской губернии, кроме города Екатеринослава.

3-я Революционная армия нуждается в пополнении. Нужны опытные, искушенные в боях солдаты. Штаб армии просит вас, товарищи, все имеющиеся у вас силы немедленно направить на ст. Пятихатка, в распоряжение штаба третьей армии придав им необходимый для похода обоз. Товарищи! Враг близок. Каждый час дорог, призываем вас спешить на помощь войскам революции. Сильные духом, готовые сражаться за идеалы революции и власть народа, спешите на пополнение третьей армии. Обо всем сделанном вами сообщайте в штаб третьей армии по телефону или телеграфу. 22 марта.

Врид командарма три Левинзон. Комендант района 3-й армии Гарькавый».

По деревням штабом 3-й рассылались особые инструкторы для формирования крестьянских «дружин», затем или вливавшихся в уже действующие отряды, или получавших самостоятельные задачи.

Настроение крестьян в этом районе было советским. Вербовка шла успешно. А местами крестьяне брали на себя почин действий против гайдамацких банд и разведывательных партий немцев.

Так, 24 марта, в Поповке крестьянская дружина, наспех сколоченная, окружила небольшой немецкий отряд и, получив подкрепление из окрестных сел, перебила всех немцев.

Особенно отличился партизанскими действиями тов. Петренко, который организовал из остатков Днестровского полка и из

крестьян с. Александровки и Н. Праги большой отряд (в 1 200 чел.) и предпринимал смелые налеты во фланги и тыл немецких авангардов.

24 марта этот отряд походным порядком прошел мимо ст. Счастливой и через ст. Карловку продвинулся к ст. Бойдановке, где прогнал немецкие разъезды.

Вечером 25 марта у Звенигородки Петренко удалось окружить и перебить отряд немцев, в количестве полутора тысяч человек. Поздно ночью отряд подошел к Александрии и Новой Праге, но был отбит.

Эти разрозненные и одиночные партизанские действия, в общем, мало способствовали улучшению обстановки. С большими потерями, не от непосредственных ударов противника, а просто от усталости и общей деморализации, наши отряды стягивались к Знаменке — Користовке. Противник наседал.

Несмотря на обещание Егорова Главштабу, его отряды не только не могли энергичным наступлением поддержать Кременчуг и тем развязать его силы для удара к Ромодану, в помощь зашатавшейся Полтаве, но сами нуждались в помощи со стороны Кременчуга.

23 марта штаб 3-в сообщал, что, «по сведениям нашей разведки, противник, силами до 1 батальона с кавалерией и взводом артиллерии, занял Новую Прагу, угрожая отсюда Александрии». Командир бронепоезда Полупанов решил, в виду этой угрозы, отступить на Зеленую. Наштаб 3 разрешил ему этот отход, одновременно распорядившись послать в Александрию подкрепление, батальон с батареей, отряду Никольского выступить к Користовке, а Александрийскому сводному отряду произвести тщательную разведку в районе Новая Прага.

Принятые меры не помогли.

24 марта, развивая наступление от Н. Праги, противник занял Александрию.

Левинзон, сообщая об этом, прибавляет: «Бронепоезд Полупанова, по приказу Смирнова, не уведомив меня, ушел в Пятихатку и далее. Во время неприятельского наступления он отсутствовал; я его вернул из Пятихатки, но уже поздно. Принимаю меры к восстановлению положения. С Користовки сведений нет, связь прервана. Станция обстреливалась артиллерией. Необходим нажим со стороны Кременчуга на Користовку. По указанным причинам, Смирнову дать поддержки не можем».

Распоряжения, данные Левинзоном, в связи с обстановкой свидетельствуют, однако, что на этом участке все же были попытки некоторого маневрирования.

«Королевка или по месту нахождения — Начальнику боевого участка, командиру первого Днестровского полка Харченко. От вас нет никаких донесений. Всю пехоту сгруппируйте в Королевке, поведите ее в обход Александрии с востока, чтобы правый фланг соединился с Користовским отрядом. Конница пусть держит тесную связь между участками и обеспечит фланги. Батарею сгрузите для обстрела противника, двигающегося с Новой Праги, другая с площадки пусть обстреливает Александрию».

В тот же день, 24 марта, Левинзон телеграфировал Егорову: «Мы повели наступление с Королевки, благодаря чему наступление противника задержали. Необходим немедленный нажим со стороны Кременчуга на Користовку, пока она не занята большими силами неприятеля. Ставропольскому полку [1] телеграфируйте немедленно погрузиться и не позже завтра прибыть в Пятихатку на смену нашим легким кавалерийским частям, два дня целиком занятым разведкой и охраной флангов. Полупанов распорядился броневику отойти с позиции, вместе с тем он необходим. Вышлите немедленно артиллеристов, так как на броневике и батарее потери. Я не в состоянии позаботиться об искусственном укреплении тыла Пятихатки, а это необходимо сделать».

Но бронепоезд Полупанова был уже не боеспособен.

24 марта Полупанов сообщал Егорову: «На бронепоезде выбыло 4 артиллериста и три орудия испорчены. С 7 февраля паровоз поезда ни разу не был в ремонте, который крайне необходим. Если выполнить ваше предписание и отправиться на Долинскую, в бою орудия и паровоз окажутся негодными. Просим распоряжения об отправке в ремонт».

И Полупанов был отозван в ремонт на Брянский завод (Екатеринослав).

В подкрепление Левинзону Егоров направил 1-й Екатеринославский отряд (Грачева).

25 марта Левинзон израсходовал на поддержку Харченко последние резервы — Екатеринославский и Тверской отряды

---

[1] Ставропольский полк находился 24 марта на ст. Казанка. Он принадлежал к составу 8-й армии и в общем сохранил боеспособность. На свой риск, полк отступал в порядке с фронта и к этим дням вышел на соединение с отрядами Егорова.

(300 штыков, 30 сабель, 15 пул., 2 орудия), но в тот же день доформирован еще отряд в 200 штыков.

Егорову он сообщал: «С 3 часов обнаружена подготовка противника к наступлению; с $4^1/_2$ он повел наступление со стороны Александрии густыми колоннами, сейчас он пытается совершить обход со стороны Користовки. На что можно рассчитывать со стороны Кременчуга?»

В Кременчуге была паника. Отряд Бутова бросил Кременчуг без защиты...

Положение в Криворожьи тоже сложилось для нас к этому времени неблагоприятно.

21 марта командующий этим участком Смирнов сообщал, что у него всего два незначительных отряда — один на ст. Медерово, другой в Новом Буге. Формированья идут на Долинской. Противник пока ведет разведку.

22 марта Смирнов назначен командующим 1-й армии, но Козюра еще 25 марта отдавал приказы по этой же армии. Путаница — крайняя. Разграничительных линий между армиями, очевидно, указано не было, и части 1-й армии находились и в Кременчуге, и в Знаменке, и в Криворожьи.

22 марта штаб 1-й армии приказано перевести из Пятихатки в Кривой Рог.

23 марта к Кривому Рогу подтянулся с частью Тираспольского отряда Венедиктов, долженствующий перейти в подчинение Смирнова, но на деле распоряжавшийся самостоятельно.

В тот же день он сообщал Левинзону: «Противник наступает на ст. Медерово, станция под обстрелом артиллерии. Начальник участка Сироткин просит поддержки. Прошу надавить на левый фланг противника».

Но Левинзон просимой поддержки оказать не мог.

24 марта, в подкрепление к Смирнову, в Кривой Рог направлен 1-й Тверской отряд (Коробков) из Верховцево.

Положение Смирнова становилось довольно затруднительным. Новые силы прибывали слабо, а действующие отряды были изнурены.

Однако он бодрился. Подъем среди рабочих Криворожья давал надежду на организацию сопротивления.

К этому времени нами был вновь занят Водоной, а 22 марта Николаев захвачен изнутри восставшими против немцев рабочими. Смирнов перешел в наступление для помощи Николаеву.

Но уже 24 марта посылал такое печальное извещение:

«Долинская оставлена, эшелоны не слушают... бегут н Екатеринослав. Идет провокация. На станции только штаб и необу ченные дружины, через час жду подхода заамурцев. Вчера по вине Венедиктова, никто не послушался меня, и не только не дали заамурцев, но даже не подтянули их сюда, а если бы они были, то не было бы такого беспорядка, не пришлось бы занимать Долинскую с бою, что возможно придется сделать сейчас

Опять-таки налицо было и здесь разложение командовани и крайняя несогласованность действий.

В результате — несмотря на несомненное превосходств в силах — наше поражение.

Наша неудача под Долинской совпала как раз с удачны (вначале) восстанием в Херсоне.

Радио из Херсона 25 марта:

«Противник выслал для переговоров о мире парламентеро которые предъявили требование о сдаче оружия в полчаса Наши, пользуясь суматохой, забрали у противника пулеме и оружие.

Переговоры ни к чему не привели. Наши внесли предло жение сложить оружие, противник не согласился. Мы перешли в наступление. Деремся с 21 ландштурмским полком, состоящим из украинцев, германцев, австрийцев, мадьяр и поляков».

Мы не сумели использовать и этого благоприятного момента

---

22 марта я был в Екатеринославе. По докладу Егорова положение на южном фронте было таково:

1. Участок Херсон — Николаев.

Снегировка (узловая ст. жел. дорог Херсон — Николаев и ветки на Апостолово — Долгинцево) занята нами (до 600 штыков), мы же на ст. Засельe (50 в. от Николаева), наш авангард в 24 в. от Николаева.

Херсон нами не занят, с ним сносятся австро-германцы Немцы, выдвинувшись было к Геническу, отошли на Херсон.

Щербина (22 в. по линии к Долинской) в 6 час. вечера была еще у немцев. В Доброй — авангард 120 чел.; в Ново-Полтавке — 200, в Новом Буге — 2 Заамурских полка (1 000 сабель) и до 2 000 пехоты (с 44 пулем.) Ставропольского полка, шедшего месяц с фронта, четыре раза пробивавшегося с оружием, 2 броневика и горная батарея.

Все эти части сильно утомлены. Им дано указание итти на Никополь. Сюда же предположено направить 7-ю кавал. дивизию (до 2 000 сабель), также самостоятельно пробиравшуюся с фронта. У Апостолова она была, по недоразумению, обстреляна красногвардейцами. Небоеспособна.

В Долинской — наших 300 ч. Все станции от Медерова (20 в. от Знаменки) в наших руках. От Долинской до Медерова — 200, помимо вооруженных крестьян.

В Кривом Роге — отряд в 150 ч. и до 600 ч. обучающихся красногвардейцев. В Николо-Козельском — отряд Реуцкого — 600 штыков, 3 орудия, 14 пул., 1 броневик.

В Долгинцево — 100 обучающихся красногвардейцев, в Апостолове — 150 красногвардейцев, также обучающихся, и 4-я орудийная мортирная батарея.

В Снегиревке — Сводный черноморский отряд (600 ч., командование ненадежно, отряд распущен).

В Александровске — до 1 000 ч., в Мелитополе — до 400 ч., проводится мобилизация.

В Верховцево — Тверской и Екатеринославский отряды — 400 ч., 4 ор. и до 200 красногвардейцев, плохо организованных.

В общем — силы довольно значительные. При энергичном их переформировании, можно было создать внушительный кулак.

Егорову даны были такие указания:

1) укрепить Николо-Козельск, Кривой Рог и Долгинцево (накапливая резервы в Никополе и Апостолово).

2) Занять прочно Казанку (партизанским отрядом), установить наблюдение за ст. Казанка и путями к жел. дор. Криворожья — гарнизоны на станции Висунь и Утешная.

3) Прочно держать станции Долинскую, Куцовку (организовать Новогрудовку, Шаровку), организовать Новую Прагу, Аджамку, Медерово.

4) По направлению к Знаменке — организовать Хировку, Цибулево. Прочно занять Чигирин, установив наблюдение за дорогой из Черкасы — Любомирка — на Каменку; удерживать Красноселье.

Задача сводилась к тому, чтобы прикрыть эвакуацию Екатеринославского района и формирование в Криворожьи и за линией Днепра новых регулярных частей и, вместе с тем, посеять везде на правобережьи зародыши партизанских дружин, — очажки грядущего крестьянского повстанья. Активными мы могли бы быть лишь в направлении к Николаеву, и было пред-

писано сделать все возможное для поддержки восстанья в этом городе.

Вначале все обещало здесь успех.

В направлении к Долинской противник был весьма пассивен — старался отгородиться от нас порчей путей. Но и тут наши скороспелые отряды проявляли поразительную нестойкость. Вот характерная телеграмма:

«Кривой Рог, Пятихатка, далее по нахождению командующего первой армии.

Согласно распоряжению Егорова, двинуться на ст. Водопой не могу, так как все эшелоны, оперирующие против Николаева, за исключением отряда Кочана, вынесли постановления, в том числе и броневик, возвратиться с фронта в тыл. В 10 часов вечера я был остановлен броневиком на станции, меня уведомили, что все отряды с фронта возвращаются. Копию протокола эшелонов вам представлю. Комиссар Александро-Никопольского эшелона Завиш».

И здесь «эшелоны», и здесь совет представителей эшелонов. И здесь «демократия» без дисциплины. Мудрено ли, что при таком положении к 30 марта Кривой Рог был уже занят неприятелем.

Как много возможностей здесь было упущено! Вспомним приведенную в другом месте телеграмму Смирнова о громадном (несколько тысяч) наплыве добровольцев. Учтем наличие кадров в виде двух заамурских конных полков, 7-й кавдивизии и Ставропольского полка...

Надо напомнить также, что настроение основной массы рабочих и крестьян этого района было чрезвычайно нам благоприятно.

Приведу, для характеристики положения, подробные выдержки из доклада т. Дмитриева, нач. Казанковского отряда.

В начале марта т. Дмитриев с отрядом «имени Бакунина» (150 ч.) прибыл в Кривой Рог, где пополнился конной разведкой. Отсюда продвинулся на ст. Висунь, где находился Гребенковский отряд (до 350 ч. с двумя орудиями). В 10 верстах от Висуни на ст. Долинской, уже прочно обосновался противник. Сведения о нем были неясны.

Дмитриев, с 8 конными, отправились на разведку местности от Долинской до Николаева. Шли слухи, что она уже оккупирована немцами.

По прибытии к разъезду Н. Даниловка, Дмитриев выяснил, однако, что жел. дор. свободна. Телеграф сообщался с Долинской и, в сторону к Николаеву, до Н. Полтавки. Ни на одной из станций, на всем этом протяжении, не было ни военных комендантов, ни представителей сов. власти, и, ежеминутно запрашиваемые немцами из Долинской, телеграфисты правдиво отвечали на все запросы.

Подслушав несколько таких разговоров, Дмитриев убедился, что немцев очень беспокоит возможность наступления «большевиков» (в Николаеве тогда шли бои). Вмешиваясь в эти телеграфные разговоры, Дмитриев так спутал врага, что тот поспешил разобрать пути в 3 верстах от Долинской.

«Этим, рассказывает Дмитриев, я обезопасил себя и получил возможность свободно действовать. Со смежной станции Казанки мне сообщили, что в местечке того же названия формировалась Красная армия. Я тотчас же отправился с одним товарищем в Казанку, оставив коменданта в Н. Даниловке и наладив связь с Висунью. В местечке меня ждало горькое разочарование. Малая Казанка—большое торговое село, однако совета там еще не было и на всех перекрестках зловеще красовались объявления украинского правительства и германских войск, где что-то говорилось о порядке, подчинении принципам новой власти и проч. Объявление это было вывезено из Елизаветграда, уже занятого врагом, председателем волостного земства.

... Появление двух вооруженных всадников было замечено. Положение стало опасным.

Я решил действовать напролом. Подъехал к волости и, пока товарищ держал приставших коней, разыскал председателя и вступил с ним в беседу, в развитии которой выразил надежду, что Казанка богата Красной армией, и пожелал поближе познакомиться с организацией ее. Председатель молча испытующе глядел на меня и вместо ответа вышел из помещения. Один из присутствующих крестьян тихо поделился со мной опасением, что сейчас последует мой арест. Председатель возвратился. Комната стала наполняться народом. Громко, так, что было слышно всем, я объявил председателю, что за мной следует отряд в тысячу человек, чтобы были приняты немедленно меры к их расквартированию, а пока просил отвести помещение для меня. Все засуетились. Насладившись произведенным эфектом, я его завершил, отдавши приказание председателю явиться вслед

за мной в отведенное мне помещение с объяснением, почем нет совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов; потом обратившись уже ко всем присутствующим, заявил, что я займус расследованием этого и что мешавшие и препятствовавши организации совета будут мною арестованы и преданы военн революционному суду. В ту же ночь председатель волостно земства и еще несколько должностных лиц и обывателей бежал из Казанки в Елизаветград к немцам.

В гостинице Дмитриева ожидала делегация солдат-фронто виков, которые просили помочь им сорганизоваться. Они ок зывали в дальнейшем Дмитриеву большую помощь. Ночь в единственной местной типографии Дмитриев отпечатал небол шое воззвание, в котором, обращаясь ко всему трудящемус населению, призывал к отстаиванию и защите всех революцио ных достижений.

На рассвете воззвание это было расклеено на всех пер крестках на прежних немецких объявлениях.

На утро Дмитриеву пришлось выступать на волостном сход «Собрание вел хитрый мужиченко, по типу — бывший писар Он всячески старался отдалить минуту моего выступления,—н тщетно. Не дождавшись разрешения обсуждавшегося очередно вопроса, сам сход пожелал выслушать меня. Широкие призем стые фигуры в бараньих свитках словно приросли к зем Загорелые, обветренные лица, в смушковых шапках, сурово с всех сторон глядели на меня. Но по мере речи, холодок вр ждебности, которым меня встретили, быстро развеялся, и е сменили сочувственные кивки головой и одобряющие восклицани «правильно, верно».

И на мой призыв к борьбе сход обрадовал неожида ным решением: «Мы что, старики. А вот сыны наши- солдаты, им биться надоть, им кровь проливать, — они решат — ихнее это дело, — а мы препятствие тому чинить будем».

Фронтовики, в свою очередь, решили записаться в «Красну армию».

В самый разгар записи Дмитриев узнал, что на ст. Казан прибыл отступивший из-под Николаева 1-й Балтийский отряд что предпринятая Гребенским и Бакунинским отрядами ата ст. Долинской отбита неприятелем.

Наши отступили, понеся незначительные потери.

Дмитриев вошел в связь с Балтийским отрядом и, получив от него вооружение для сформированной им дружины, сговаривался о совместном наступлении к Долинской.

Для подобных же переговоров он выехал в Висунь, но там застал наших в отступлении, под огнем неприятельского бронепоезда. Приходилось отступать и остальным. Дмитриев сосредоточил свою дружину и, с частью Балтийского отряда, выступил проселочными дорогами в Кривой Рог. В его дружине собралось до 150 ч. По дороге присоединялись новые добровольцы, продовольственные запасы пополнялись доброхотными подношениями крестьян.

Прибыли к Кривому Рогу. Оказалось, что совет уже выехал...

Дмитриев рассказывает:

«Та небрежность и неосмотрительность, которыми отличаются провинциальные советы в деле раздачи и учета оружия, наблюдалась и здесь.

«Когда совет выехал из Кривого Рога, выяснилось, что все явные и тайные контр-революционные организации великолепно вооружены и сорганизованы.

«Во мраке ночи вырисовывались у зданий отдельные группы вооруженных людей, следящих за нашим продвижением. Такие засады угадывались в каждом доме, за каждыми воротами. В единственном освещенном помещении совета — какие-то озабоченные, суетливые фигуры с белыми повязками на рукавах. Двоих отставших от отряда товарищей захватили и заточили в подвал, но им удалось бежать. Той же ночью были устроены облавы на большевиков...

«Долгинцево и Апостолово готовились к эвакуации. Штаб армии переехал в Апостолово. Всем деятельно распоряжался пом. командующего Харченко».

При помощи Харченко отряд Дмитриева в эшелоне добирается до Апостолова. Здесь отряд доформировывается. Туда же на следующий день прибывают теснимые врагом остальные отряды первой армии. Апостолово решено оставить и отойти к Никополю.

Здесь, на военном совещании, постановлено вернуться в Апостолово и наступать на Долгинцево. Принимали участие в этой операции отряды: Дмитриева, Мокроусова, Никифоровой, Полупанова, Андросова, Завина и 2-й Петроградский.

Дмитриеву было поручено командовать отрядами правого фланга. Действовать приходилось в немецких колониях. Колонисты оказывали полное содействие немецким войскам. Наши неболь-

шие разъезды они истребляли, изувечивали раненых и бросал раздетыми до-гола. За подобные действия Дмитриев сжег до та колонию Екатериновку.

Наше наступление не удалось, — сказались несогласованност действий и плохая подготовка бойцов.

Дмитриев заключает:

«Тут впервые мне пришлось убедиться, каким неудобством для нас являлась система эшелонной войны. Неприятель окружа нас летучими отрядами, устанавливая на каждом шагу телефоны имел самые точные сведения о нас, мы же действовали в тем ную и привязаны были к жел. дорогам...»

Вернемся, однако, вновь к основному на правобережьи — Знаменскому направлению.

Противник наседал. Кременчуг ничем помочь не мог. Ко мандующий Левинзон все же 25 марта еще считал положени «благоприятным» и доносил, что «вчерашнее наступление» про тивника кончилось для него печально, — понеся большие потер от нашего огня, противник отступил к Александрии.

Командарму 1-й Левинзон телеграфирует:

«Тверской отряд находится на позиции. У нас дела хо роши, попытка противника наступать отражена. Если бы был поддержка нажимом наших со стороны Кременчуга, мы могли бы перейти в наступление».

На ст. Бандуровку подоспел бронированный поезд Около типа (из Екатеринослава) и станция нами была занята.

Но уже на следующий день Левинзон сообщает, что немцы угрожают охватом его обоих флангов и, через пару часов, до полняет: «Благодаря позорному и ничем не оправдываемому поведению правофланговых частей, противник успел прорваться и подходит к Счастливой. Думаю задержаться на Зеленой. Не обходимы свежие части. Могли бы задержаться за Пятихаткой».

На ст. Зеленая Левинзону остановиться не удалось.

Зеленая сдана немцам того же 26 марта.

Одной из причин ослабления боеспособности нашей на этом участке оказалась плохая постановка артиллерийского снабже ния, — Левинзон тщетно взывал о присылке снарядов, — у него полное отсутствие трехдюймовых гранат. Сказался и отход в ремонт мощного бронепоезда Полупанова.

От Зеленой мы отступили, как свидетельствует телеграмма Княгницкого от 26 марта, — «в виду отсутствия конной разведки и пожелания отступающих частей занять новые позиции».

Отступили так поспешно, что потеряли всякое соприкосновение с противником.

27 марта Левинзон пытался установить фронт пред Пятихаткой.

28 марта он приказывал:

«Аккерманскому отряду и батальону Днестровцев сосредоточиться на полустанке Яковлевке, китайской роте и второму батальону Днестровцев — в дер. Марьяновке, первый батальону Днестровцев в резерве — в Пальмире, отряд Каменского завода — в резерве второго батальона».

Подоспевший в эшелонах (из Кривого Рога) с заамурцами и тотчас же принявший командование, Венедиктов дает ряд новых распоряжений, устанавливая позиции уже за ст. Пятихаткой у ст. Эрастовки и м. Саксагани...

В тот же день противник повел наступление на Пятихатку от сел Желтого и Зеленого. Наши части подались, но бригада заамурцев восстановила положение, взяв противника во фланг.

Это был, однако, последний наш успех на этом участке.

Аккерманский, Каменский и Екатеринославский отряды не выдержали длительного напряжения, покинули позиции. 6-й Заамурский, ссылаясь на нестойкость пехоты, бежал в Екатеринослав. Только 5-й Заамурский и 5-я батарея выполняют задания. Эти задания — пассивно оборонительные — разведка, сторожевка.

В два дня мы откатываемся, в полном беспорядке, на 40 верст, к Верховцево. Венедиктов тщетно пытается сохранить командование своими частями — приказывает Каменскому отряду занять позиции от Днепра на Верхнеднепровск, Лозоватка, истоки Мокрого Сури, ст. Верхнеднепровск — отрядом Шукина.

Но созванный Венедиктовым «военный совет», постоянный верховный руководящий орган Тираспольского отряда, признает необходимым отвод в тыл всех небоеспособных частей: Аккерманского и Екатеринославского отрядов, а также отряда Каменского завода (на 2 дня «для пополнения») и 1-й сводной батареи — в Екатеринослав; отряд Майорова — в Новомосковск. В Харьков — отряд смерти («для пополнения»). В Царицын для ремонта — бронепоезд Околотина, только-что прибывший на фронт из Екатеринослава.

Эти решения военсовета выполнены Бенедиктовым 30 марта.

Удержать остальные части на фронте ему удалось лишь обещанием отвести весь отряд в тыл, если в течение двух дней не подойдут свежие силы.

Новая линия сторожевки намечена им так: Верхнеднепровск, Мироновка, Ильгинское, резерв — у Запорожья.

29 марта Бенедиктов сообщает Егорову:

«По сведениям разведки, противник—в деревнях Саксагань и Комиссаровка. Наши конные части заняли Лежье. Сторожевка—впереди Верховцево. Если не будет поддержки из Екатеринослава, отряд рассеется. Сутки продержимся».

Егоров смог послать в поддержку Бенедиктову лишь незначительный 1-й Брянский отряд, при несколько путаном предписании — «охраны правого фланга армии».

30 марта Бенедиктов телеграфировал:

«Г. Ек-слав, нач. обороны Гусарскому, копия нач. штаба Левинзону. Линия сторожевого охранения впереди Верховцево занята весьма слабо кавалерией, весьма истомленной долгим переходом, и не в силах уже оказывать серьезного сопротивления продвигающемуся противнику. Не имею сил сменить истомленную кавалерию. Более суток она не сможет стоять. Требую от вас сил для смены кавалерии. Части должны быть снабжены всем и вполне готовы занять позицию. Настоящее требование выполните в однодневный срок, иначе сторожевое охранение будет снято. Прошу сообщить мне о ваших работах и намерениях, как начальника обороны, дабы я мог сколько-нибудь объединить действия ваши со своими. Нахожу в высшей степени ненормальными ваши сепаратные действия на фронте 3-й армии. Желательно было бы самое подробнейшее взаимное осведомление о наших действиях. Я буду давать вам сведения о противнике и об изменении на фронте 3-й армии, а вы давайте сведения, получаемые вами от Антонова».

Наладить взаимоотношения не удавалось. Хотя Главштаб указал Егорову, что Гусарский ведает лишь формированием и подготовительными работами, в оперативном отношении будучи подчинен Главкоюгу, но Егоров не смог установить этого подчинения.

Предупреждения Бенедиктова сбылись. Его части не выдержали длительного напряжения и покинули фронт, обнажив Екатеринослав.

Не помогли и лихие действия наших партизан, в тылу противника неожиданным налетом овладевших (на несколько часов 30 марта) ст. Пятихаткой.

Меж тем, к Екатеринославу подоспели довольно значительные подкрепления.

Судя по сводке, составленной комендантом ст. Екатеринослав, к 9 часам 31 марта на станции находились эшелоны следующих отрядов: Латышского, Бессарабского, авиоотряд Лупанова, Шестакова, Кондратича, 1-й Екатеринославский, первый батальон Днестровского полка, Каменский, 3-й морт. батареи и Смирнова. Из них к отправке на фронт предназначался лишь эшелон 3-й морт. батареи, остальные стремились в тыл, в Синельниково.

К 13 часам 31 марта к этому списку прибавились отступившие с фронта: Военно-револ. авиоотряд Голоцвана, 2-й боевой летучий Екатеринославский, 3 и 2-я сводные батареи, 1 партиз. Папасновский (Майорова), 1 раб.-крест. дивизион Огиенко, партийный отряд им. Рошаля, 1-й пеший Бессарабский Илларионова, 1-й Брянский боевой отряд Шейкина.

К этому же времени на станцию Екатеринослав прибыли эшелоны Мариупольского сводного отряда (Ваграпова).

Они влились в самый разгар суматошной эвакуации, нелепых слухов, панических настроений.

Я непосредственно наблюдал этот хаос 31 марта, когда был в Екатеринославе.[1]

В городе — суматоха, масса подозрительных вооруженных одиночек и групп, грабежи. На станции — саботаж некоторых железнодорожников, митинги в мастерских, где бундовцы и меньшевики требуют недопущения эвакуации и подстрекают к вооруженному сопротивлению.

Начальник обороны Гусарский являл полную растерянность. Венедиктов, перешедший со своим штабом в Екатеринослав и закрепленный командующим 2-й армией (так переименована «третья»), фаталистически покорялся обстоятельствам. Но кой-какие его части все же держали еще фронт, и, казалось, новая энергия и надежды вспыхнули у него при подходе сильного отряда Ваграпова

[1] В сводке коменданта ст. Екатеринослав от 9 час. 31 марта отмечено наличие на путях эшелона штаба Главковерха. С Ваграновым мы разминулись на ст. Н.-Днепровск, не повидавшись, я торопился обратно в Харьков.

нова. Егоров, только-что перенесший свой штаб в Александрию, отсутствовал (из Александровска 29 марта он сообщал, между прочим, о столкновении херсонских красногвардейцев с офицерским отрядом Дроздовского, пытавшимся перейти Днепр). Путаница в командовании была устранена,—Гусарский подчинен Венедиктову. Даны распоряжения по обезоружению бундовских и других «вольных дружин». Твердыми мерами пресечен начавшийся саботаж железнодорожников.

И все же ясно было, что дни красного Екатеринослава сочтены. Точных сведений об этих днях не сохранилось. Некоторые подробности передает Ваграпов в докладе, представленном впоследствии РВС Республики.

Мариупольский отряд (Ваграпов) прибыл в Екатеринослав с значительным запозданием. Отряд задержался благодаря происками мариупольских контр-революционеров. Распространение панических слухов, отдельные контр-революционные выступления, прямой террор (убийство секретаря комитета большевиков О. Г. Ваграповой)—все было пущено в ход, дабы дезорганизовать отряд мариупольцев. Совдеп ответил арестом 50 представителей буржуазии в качестве заложников за сохранение революционного порядка в городе.

Отряд выехал 28 марта в составе одного батальона пехоты, пулеметной команды (до 60 пул.), двух батарей, автомобильной, санитарной части и обоза (в общем, до 1 500 штыков, 90 сабель, 8 ор., 60 пул.).[1] Командирами батальона, рот и батарей назначены офицеры старой службы, причем с них взята подписка о добросовестном исполнении ими обязанностей и о ответственности (вплоть до расстрела).

Из командного состава образован военный совет (до 16 ч.) «для предварительного обсуждения предстоящих операций». Председателем военного совета и команд. отрядом избран В. А. Ва

[1] С Мариупольским отрядом должен был отправиться и сильный отряд сербов, попавший сюда, с разрешения Муравьева, из Одессы. Но офицеры, стоявшие во главе этого отряда, сорвали его организацию и отправку в Екатеринослав. Этот эпизод совершенно однороден с таковым у Бахмача,—там чехословацкие буржуазные националисты сорвали совместную с нами борьбу против немецких империалистов, здесь отличались тем же националисты «Югославии». К чести югославского и чехословацкого пролетариата должен сказать, что все же на нашей стороне сражались против немцев несколько сот «отщепенцев» чехов и сербов.

гранов (предсел. Мариупольского совета и комитета большевиков), его заместителем — Цыбульский, начштаба — капитан Могильный.

30 марта первые эшелоны мариупольцев прибыли в Н.-Днепровск.

В Нижнеднепровске Ваграпов явился к начальнику обороны Гусарскому и получил от него предписание — продвинуться через Екатеринослав, Горяиново до Диевки, где разгрузиться и следовать отсюда походным порядком к с. Сухачевка; у Сухачевки окопаться в ожидании противника.

В Екатеринославе чувствовался полный хаос, усугубляемый раздором между Гусарским и губисполкомом. Гусарский назначил военным комиссаром города Боборыкина, а исполком — Аверина. Не было никакой согласованности. Ваграпов, переговорив с Боборыкиным, тотчас же телеграфировал в Харьков о пагубности этих раздоров в Екатеринославе и созвал совет своего отряда для обсуждения отданного Гусарским приказа. Через час отряд выступил из Н.-Днепровска. С ним отправился и Гусарский со своим штабом, но доехал лишь до Екатеринослава.

В 14 часов 1 апреля мариупольцы прибыли на ст. Горяиново (в 3 верстах от Екатеринослава). Здесь разведка донесла, что со ст. Диевки продвигается бронепоезд противника с пехотным прикрытием, завод впереди этой станции занят, и на домне установлены пулеметы.

Наши части едва начали выгрузку, как противник открыл по ним огонь с бронепоезда.

Перестроившись под огнем в боевой порядок, мариупольцы стремительным наступлением отогнали врага, отбили завод пред ст. Диевка. В версте от завода, к Диевке, окопались.

Прибывали подкрепления из Екатеринослава — «Крестьянский отряд максималистов», Каменский отряд и еще (не выясненного наименования) сильный отряд с артиллерией, бронепоездом и несколькими броневиками.

Но сказались вновь нераспорядительность и растерянность Екатеринославского штаба. Впереди бронепоезда шел обыкновенный небронированный паровоз; после первого же несерьезного неприятельского попадания паровоз стал осаживать весь бронированный поезд в Екатеринослав.

Броневики этого отряда оказались без бензина. Артиллерия, плохо руководимая, выскочила на открытое место, заметалась под неприятельским огнем и повернула к Екатеринославу.

В тылу и на флангах мариупольцев внезапно появилис немцы и гайдамацкие банды. Под перекрестным обстрелом наш цепь покинула окопы и стала отходить. Поднялась паника, штабной эшелон потерпел крушение. К 20 часам немцы овл дели Горяиновым.

В полном беспорядке мариупольцы и другие наши част покинули Екатеринослав и отошли к Нижнеднепровску.

Ваграпов оправдывает неисполнение приказа о взрыве Нижне днепровского моста тем, что по мосту шло непрерывное дви жение рабочих, убегавших от немцев...

Лишь в Синельникове 3 апреля Ваграпову удалось собрат остатки своего отряда. В виду полной его небоеспособности вопреки приказу («направиться в Александровск») начальника ре зервов южного фронта Беленковича (в Павлограде), Ваграпо со своим эшелоном отбыл в Мариуполь.

Доклад Ваграпова ничего не говорит о Венедиктове и дей ствиях его 2-й армии. Из этой армии лишь ничтожная горст участвовала в последней попытке отстоять Екатеринослав. Уж 2 апреля все части 2-й армии очутились на левом берег Днепра.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Наши войска в оценке специалиста. Ликвидация армии Саблина. Наступление от Лозовой к Полтаве. Киквидзе в бою. Маневр Сиверса. Прорыв немцев—наш центр окружен. Харьков сдан. В Полтавском направлении.

Участь Екатеринослава определилась, а за невозможностью организовать удар по противнику с севера — Харьков стоял на ближайшей очереди...

4-я армия вразброд отходила от Ворсклы. Никакой серьезной попытки задержаться на этой реке предпринято не было. Между тем, натиск немцев не был стремителен. В действии были пока лишь авангарды германских дивизий.

Командование 4-й армией поставило вопрос об отводе ее в тыл для пополнения и переформирования. В докладной записке, обосновывавшей это предложение, начальник оперативного отдела штаба армии Тихомиров писал:

«1) Армия широким фронтом должна была отступать от реки Псиол до Воркслы не менее двух недель, но отступление совершилось менее чем в одни сутки. Все произошло, благодаря неустойчивости войск и отказу, в самую решительную минуту, в энергичных действиях. Замечается абсолютная пассивность мелких отрядов благодаря всевозможным требованиям со стороны людского состава отрядов.

«Начальники более крупных единиц абсолютно сбиваются с ног и превращаются от переутомления в ходячие тени, со вспышками злобы и нервности. Из довольно большого количества отрядов Миргородской и Кременчугской группы только некоторые оказались на высоте положения. В особенности с хорошей стороны зарекомендовал себя 1-й Харьковский пролетарский отряд (полк?),[1] увеличивший себе задание по диспозиции и, благо-

[1] Харьковский полк, очевидно, распался на две части — о нем упоминается и в отчетах 3-й армии.

даря этому, сильно пострадавший, но все время продолжающий доблестно исполнять даваемые ему поручения.

«Начальники во многих отрядах представляют из себя только фикцию, благодаря тому, что отряд управляется не начальником а людьми, а поэтому для более крупного начальника абсолютно становится невозможным планомерное общее руководство, так как элемент случайности представляет из себя не 100%, 100 плюс 1%. Люди в отрядах нервно измотаны, и в некоторых настроение доходит до истеричных неорганизованных самочинных арестов даже своих командующих...

«2) Противник ведет строго методическое наступление кавалерийскими рейдами широким фронтом, базируя свои главные силы по железным и грунтовым дорогам, идущим к железнодорожным узлам, — типичное преследование противника по пятам и врывание на спинах противника в важные стратегические пункты, при незначительном сопротивлении с нашей стороны. Операционной линией, таким образом, является линия железных дорог, со станциями, забитыми многими совершенно ненужными на фронте поездными составами.

«3) В людских массах инстинкт самосохранения и желание избежать опасности, путем быстрого отхода по железной дороге в тыл, взяли верх над стремлением к быстрому продвижению вперед (говорю про настроение масс, исследовавши их в минуты опасности и в их мирных беседах).»

Отсюда выводы:

«Необходимо:

1) Все пехотные небоеспособные отряды взять в глубокий тыл и там переформировать.

2) На фронт выбросить сильную кавалерию и сформировать грузовую колонну пехоты, с расчетом на тысячу человек конных — не более 250 человек пехоты, при 4 легких пушках в упряжке, с пулеметной командой в 6 пулеметов, и по одному пулемету на 50 человек пехоты. Такой отряд должен быть в авангарде и арьергарде армии.

3) Главные силы армии должны составлять 10 000 отряд из трех родов войск. По расчету на тысячу штыков — 50 человек конных при 6 орудиях: 4 легких и 2 тяжелых.

«Фронт такой армии может быть 100—120 верст.

4) Необходимо иметь правильную организацию и номерацию отрядов, а не так, как сейчас, — маленькая часть в 50 человек

именует себя отрядом, и от этих отрядов может вспухнуть голова только от их учета каждого в отдельности штабом армии. Понятно, их можно в суматохе даже и потерять с учета, теряя этим материальную часть и нанося непоправимый вред для людского состава отрядов.

5) Необходимо прекратить командование со стороны людей — начальниками и вызвать во что бы то ни стало обратное явление.

6) Начальниками отрядов нужно иметь техников своего дела и 80% таковых переменить.

«Только при таких условиях можно восстановить боеспособность армии, для этого нужно:

1) Полная разгрузка из вагонов через два часа по прибытии их на станцию назначения. Немедленно начальникам эшелонов являться к вокзальному комиссару для учета прибывших и отбывших эшелонов — заявлять об их разгрузке.

2) Штабы отрядов уничтожить и сделать такую схему: Начальник отряда и с ним совет, который охватывает строй, бой, хозяйство и политику, т. е. из четырех осведомленных лиц; для маленьких отрядов, как рота и батальон — совет из двух: один техник по назначению, другой выборный. Облечь их полной властью в кругу их деятельности и раз навсегда покончить с митинговым решением боевых вопросов, ибо это только вред: поднимается инстинкт самосохранения, который прикрывается всякими требованиями — чуть ли не о личном удовлетворении каждого в отдельности лица, и нежелание рисковать собой — лучшие силы от этого погибают зря на глазах пассивных.

«Все эти начинания относятся к переформированию Красной армии. Партизаны должны быть построены по другому способу: они не должны иметь базы местной и отрядной, а база их лежит в местности их операций. Партизанов нужно оставлять с оружием в тылу белых, дав им свободный район действий и установив им одно общее слово для опознания друг друга при встрече. Партизаны должны быть снабжены деньгами, чтобы не было грабежей местных жителей, что вызывает злобу против партизанов. Задача для всех одна — истреблять противника всяким способом, делать налеты на все питательные пункты. Везде есть склады оружия, — огнестрельного, холодного: коса, вилы и топор — лучшее оружие для партизана. Партизаны должны базироваться на партизанские базы, для доставления сведений в глубоком тылу, а не на фронте.

«Для исполнения этого нужно заменить настоящую армию— армией из тыла, а не вливать отдельные отряды. Всю настоя щую армию нужно понемногу оставлять в тылу противника и остальную часть переформировать.

«При штабе армии открыть организацию разведки, контр разведки, отделив оперативную часть от политической, но связат единством действий их обязательно».

Указания т. Тихомирова были справедливы и метки.

Предложения штаба 4-й были в основном приняты.

И этот штаб, с некоторым кадром, главным образом остат ками Сербского отряда, был направлен в глубокий тыл, в Мо скву, для формирования армии на новых началах.

Из частей 4-й армии остались под Харьковом отряды Пе трова, две батареи тяжелой артиллерии и харьковские формиро вания.

...Тяжелые батареи, не имея снарядов и надежного прикры тия, спешно отходили походным порядком к Харькову. Предна значенные для них снаряды очутились в Лозовой, где застрял вообще все эшелоны снабжения 4-й армии.

Пока распутывалась эта путаница, батареи оставались не боеспособными, и армия оставалась без патронов и снарядов.

30 марта из Харькова посланы на Люботин два вагон 6-дюймовых снарядов. Благодаря саботажу некоторых железно дорожных служащих, они лишь чрез 3-4 дня попали по назна чению.

На железных дорогах вообще усилились несчастья, круше ния, наблюдалась частая порча путей.

Петров, со своим штабом, усердно работал над приведение в порядок остатков армии Саблина, одновременно отступая по ходным порядком от Ворсклы. Всего у него было до 1 500 пе хоты с 1 легкой батареей и бронепоездом.

Меж тем, положение осложнилось на его правом фланге.

Киквидзе прибыл на смену Рудневу с таким опозданием, чт уже не смог помешать переходу немцами нашей первой оборо нительной линии у Ахтырки — Лебедина — Сумы.

Еще 29 марта Примаков с незначительным отрядом дер жался в Ахтырке и просил о присылке снарядов к трехдюйм вому орудию и двух площадок для артиллерии.

Задуманная Рудневым наступательная операция сорвала из-за усталости отрядов и нерешительности командования, он

свшегося необеспеченности своего правого фланга, — Сиверс только-что понес полный разгром.

Руднев не только не выполнил своего хорошего плана активной обороны, но не принял и указанных ему Главштабом мер для помехи продвижения противника.

Мосты на Ворскле пред Полтавой были нами разрушены, но мост у Куземина, несмотря на неоднократные напоминания, не был уничтожен.

Противник беспрепятственно накапливался в Зенькове и Опошне и вскоре спокойно перешел Ворсклу, угрожая сообщениям Руднева.

Известия об этом, как равно и о разгроме Сиверса, настроили так панически Потапова в Сумах, что тот бросил чрезвычайно сильные позиции и с полутора тысячами человек откатился чрез Готню к Белгороду.

Немецкие авангарды, не встретив никакого сопротивления, овладели всей линией р. Ворсклы и выдвинулись к Богодухову.

Главный удар свой на Харьков немцы направляли с северо-запада, — от Ахтырки и от Сум. Они лишь заслонились незначительными частями от потрепанного (под Путивлем) Сиверса, они лишь сковывали вдоль жел. дор. Полтава — Харьков части Петрова. Первой заботой Главштаба и было прикрыть основное, северо-западное направление. Сюда-то и направлен был Киквидзе со своим отрядом, и ему подчинены Руднев, Примаков иАуссем.

Вместе с тем в Главштабе возникла мысль — наступлением от Лозовой к Полтаве облегчить положение Харькова.

3 апреля произошел такой разговор по прямому проводу:

Антонов: «Не могу ехать к вам из-за положения у Харькова. Ахтырка — Кириковка — Лебедин заняты немцами, сейчас ведем наступление на них. Необходима с вашей стороны демонстрация к Полтаве, примите меры.

Лазарев (командарм 3): «Мои части продвинулись за Константиноград и широким фронтом двигаются по направлению Полтавы. Правда, это только мой авангард, главные же мои силы остаются на местах, заняв позиции за Константиноградом. В общем, в наступление могу перейти только после завтра, которое поведу сам. Причина та, что я еще не выбросил всех сил из-за технических причин на позицию. Сейчас у меня сосредоточено 19 орудий, которых раньше у меня не было. Здесь в данный момент я формирую из мелких частей крупные батальоны,

так как партизанских отрядов не признаю. Вышлите карты, та
как артиллерия без них действовать не может, а карт у мен
ни одной нет. Вышлите бензин, ни один автомобиль не може
действовать».

5 апреля авангард Лазарева занял Карловку и продолжа
успешно наступление к Полтаве,—немцы отступали в беспорядке.

Киквидзе прибыл в Харьков 2 апреля со своим «Социа
листическим отрядом» (всего до 500 штыков, 100 сабель, 6 легки
орудий)[1] и тотчас же двинулся чрез Люботин к Ахтырке-
Лебедину. Но эти пункты были уже покинуты нами под влия
нием прорыва противника на Кириковку—узел железнодорож
ных веток от Лебедина и Ахтырки.

Отходивший Примаков, сосредоточивший под своей коман
дой до 500 чел. при двух орудиях, не задержавшись у Пересеч
ного, прибыл в Харьков.

Киквидзе вынужден был остановиться уже в Богодухове
откуда и развил стремительное наступление к Лебедину—Ахтырке

Со свойственной ему горячностью и тогдашним «партиза
ством» он, пренебрегая своими задачами командарма, лично пове
один из подчиненных ему отрядов в бой. Немцы ответили встреч
ной атакой. Их силы уже вначале несколько превосходили наши
Они имели перевес в артиллерии—тяжелые орудия, а такж
в кавалерии.

Все же Киквидзе потеснил немцев, но на его фланге пока
зались подошедшие к германцам подкрепления, угрожая Пере
сечному. Киквидзе пришлось бросить последние резервы к Пере
сечному и отойти к Богодухову. Но и здесь он не задержался.

Официальное сообщение от 4 апреля 9 часов извещало:

«У Богодухова, после сильных боев, наши части, охвачен
ные с флангов, оставили станцию.

Ст. Гуты эвакуируется. Немцы наступают также вдоль же
лезной дороги (Полтава — Харьков)».

К Пересечному был спешно послан из Харькова оправив
шийся Примаков с батальоном левых эсеров и двумя 42-линей
ными орудиями.

Но, благодаря опять-таки саботажу части харьковских же
лезнодорожников, этот отряд сильно запоздал, и ему пришлос

[1] «Колонна» Медведева (Славянск) отказалась следовать с Киквидз
в Харьков.

ступить в бой, сразу же по выходе из эшелонов. И, в дополнение, предназначенные для 42-линейных орудий снаряды каким-то чудом» попали в Люботин, а взамен их к Пересечному дошли агоны с шестидюймовыми, предназначенными для батарей 3-го дивизиона, занимавших позиции у Люботина... Эта несомненно нарочитая путаница деморализовала наши части и подрывала их боеспособность.

И все же отряд Примакова вначале доблестно сражался у Пересечного против вдвое сильнейшего противника.

В это время Петров у Люботина также выдерживал тяжелый ой. Неприятель, пользуясь отходом Киквидзе, обходил Петрова, одновременно наступая вдоль железной дороги бронепоездом и пехотно-кавалерийскими частями.

Петрову удалось, задержав обходящие колонны, отразить прямой удар врага и блестящей контр-атакой обратить немцев бегство.

Но общее положение этим отнюдь не улучшалось.

Наступление Лазарева к Полтаве затормозилось при известии потере нами Екатеринослава. 2-я армия (Венедиктова) не в состоянии была выполнить приказ — занять позиции по р. Самаре. Венедиктов сообщал, что вынужден сдать Синельниково. Эта неудача на левом фланге 3-й армии подорвала ее наступательный порыв. Настаивать на продолжении его удачного маневра к Полтаве мы не могли, — боеспособность 3-й армии, чрезвычайно низко оцененная в свое время Муравьевым, казалась недостаточной для выполнения столь рискованной операции. 3-я армия получила (6 апреля) приказ отходить к линии р. Орель...

А угроза с северо-запада все определеннее нависала над Харьковом, — все решал натиск германцев на Пересечное и далее, в разрез Харьковского железнодорожного угла, — на Основу.

И как будто для того, чтоб отвлечь наше внимание от этого направления, нам доставлялись агентурным путем упорные слухи, что 6 апреля неприятель предполагает ударить на ст. Мерефу, в обход нашей позиции на Валки. К Мерефе был подтянут из Павлограда вновь сформированный отряд «анархистов», под командой Девицкого (до 1 000 штыков, 2 орудия и до 100 пулеметов!). Этот отряд получал неоднократные предписания войти в подчинение т. Петрову и действовать по его указаниям, но не исполнял этих предписаний.

Отдав необходимые распоряжения относительно Пересеч-ного, я утром 5 апреля выехал на автомобиле к Мерефе, чтоб проверить действия отряда Девицкого и подтолкнуть его к актив-ности. Девицкого у Мерефы уже не оказалось; он отошел на несколько верст к югу, занял позицию, прикрывающую жел дорогу, и ожесточенной стрельбой отгонял демонстрирующие пред ним незначительные кавалерийские части противника.

На ст. Мерефа находился лишь небольшой (до 100 чел.) отряд красной гвардии. Дав ему указания поддерживать связь с Петровым и Девицким и охранять путь от Мерефы к Любо-тину, я поспешил вернуться в Харьков, обеспокоенный положе-нием под Пересечным.

Положение это было критическим. Свежих надежных частей в Харькове почти не было. Примаков взывал о помощи. Кик-видзе, раненый в руку, оставался в строю, энергично понукая к борьбе свой расшатавшийся отряд.

Петрова привезли в Главштаб серьезно контуженным, без памяти. Его заменил Гр. Чудновский, как всегда быстрый и ре-шительный. Он радовался своим успехам в Люботинском напра-влении и не сознавал всей опасности от немецкого нажима на Пересечное.

Пришлось решиться на крайнюю меру. Сиверсу, подкреплен-ному остатками отряда Потапова, пополнениями из Курска и из партизанских групп Кожевникова и прикрывавшему у Готни направление к Белгороду, был отдан (5 апреля) приказ — по-грузить немедленно все свои силы в эшелоны и отбыть к ст. Дергачи, дабы отсюда взять во фланг неприятеля, теснившего Примакова.

Конечно, этим открывалось направление на Белгород, но только таким маневром возможно было приостановить натиск немцев к Пересечному и Основе и выиграть время для подкре-пления Примакова и подготовки новых позиций у самого Харь-кова (на Холодной горе).

Геккеру (Донбас) предписано спешно выслать отряд для за-щиты Белгорода.

6 апреля последовало назначение Киквидзе командующим по обороне Харькова с подчинением ему войск 5-й армии Сиверса и армии Петрова. Киквидзе было приказано распорядиться за-нятием линии Ольшаны—Пересечное — Люботин — Огульцы, по-ручив Петрову прикрытие Люботина и Мерефы. Еще некоторые

подкрепления были посланы к Пересечному и три броневика в Люботин.

Нажим противника, со стороны Ольшан, на Пересечное усиливался.

Этот участок подкреплен бронепоездом бывшей 8-й армии, только что вышедшим из ремонта.

Положение продолжало ухудшаться, а Сиверс медлил исполнением отданного ему 5 апреля приказа — отойти к Дергачам, — он не решался обнажить Белгородское направление.

7 апреля я телеграфировал Сиверсу, что он будет предан суду, если через 5 часов не будет в Дергачах, где должен выгрузиться и войти в связь с Примаковым у Пересечного.

Сиверс к этому времени успел уже несколько оправиться от понесенных поражений. Ко 2 апреля у него под командой собрались остатки Орловского, Рославльского, Ярославского, Сосницкого, Конотопского отрядов, а также 91-я конная сотня, жел.-дор. фронтовой отряд (Зубко) и 2 батареи. Ахтырка и Сумы были только что заняты противником, штаб Сиверса из Коренево перешел в Готню.

3 апреля обнаружилось наступление противника на Б. Писаревку — Грайворон. Сиверсу предписано оборонять Грайворон.

Сиверс втянулся в эту операцию, отражая немцев, занявших к 4 апреля ст. Свекловичную и ст. Гуты, когда пришел приказ Главштаба перебросить войска к ст. Дергачи.

В тот же день, 5 апреля, Сиверс отдал соответствующие распоряжения, но с большой неохотой, о чем свидетельствует самый текст его приказа; выполнение не было слишком энергичным...

Сиверс прибыл к Дергачам лишь 7 апреля, когда время было безвозвратно упущено. По прибытии он ограничился попыткой особым разъездом разведать положение у Пересечного. А Примаков, тем временем, под давлением превосходных сил, отошел от Пересечного.

Официальное сообщение от 7 апреля 21 ч. гласит:

«5-я армия, по стратегическим соображениям, отошла по направлениям к Харькову, к ст. Дергачи южных дорог.

На Богодуховском участке, после сильного боя, заняв селение Ольшаны, противник обходным движением заставил наши войска покинуть ст. Пересечное.

У ст. Люботин, по направлению Полтава, нам удалось удержаться вблизи ст. Огульцы.

Одновременно наши войска, оборонявшие участок Мерефа—Карловка, выдержали ряд германских атак, сохранив свои позиции, но небольшим неприятельским частям удалось захватить станцию Буды между Люботиным и Мерефой и взорвать железнодорожные пути у этой станции. К вечеру ст. Буды был вновь в наших руках.

Примаков продолжал отходить к Харькову. Его отход обнажал тыл Чудновского, и уже к вечеру 7 апреля железная дорога от Люботина к Основе находилась под обстрелом неприятеля. Наши части, наступавшие успешно от ст. Огульцы, оказались отрезанными. Лишь бронепоезд Макиевской прорвался к Харькову. Отряд Чудновского был окружен. 4 тяжелых орудия славного 13-го дивизиона, так героически проведшего кампанию против Корнилова, были захвачены германцами (впрочем, замки от трех из этих орудий удалось унести). Лишь немногие из отрядников Чудновского прорвались сквозь вражеское кольцо. Они принесли весть о гибели своего начальника. Тов. Чудновский с горстью таких же беззаветных героев, защищался до последнего патрона. Последний патрон он предназначил для себя.

Всегда воодушевленный, страстно-кипучий, озаренный высокой мыслью и пламенным чувством, всегда скромный и исполнительный, только работе преданный, Григорий Чудновский — один из самых светлых обликов нашей революции...

...Харьков лихорадочно эвакуировался. Основные ценности были в свое время вывезены. Подготовлены подрывные команды для порчи стрелок, виадуков, мостов.[1] Из Донбаса подтянуты на линию Северо-Донецкой жел. дороги особые отряды.

6 апреля из работников группы Кожевникова выделены 35 товарищей под главным руководством Назарова для организационной и агитационной повстанческой работы в Харьковском, Змиевском, Изюмском и Славянском уездах.

Эвакуация шла в относительном порядке, несмотря на саботаж меньшевиков и других белогвардейцев...

Отданы последние предписания.

. . . .

[1] Впоследствии мы получили сведения, что, по вступлении немцев в Харьков, станция Сортировочная была кем-то взорвана.

Рудневу поручено командование обороной позиций на Холодной горе. В его распоряжение передан «отряд Молния» (из железнодорожников) и две легкие батареи. Примаков, поддержанный бронепоездом Макиевской, должен был наступать к Пересечному, чтоб выручить отряд Чудновского. Сиверсу послан приказ — войти в связь с Рудневым и прикрыть Харьков с севера. Киквидзе поручена оборона ст. Основа. Девицкий должен был прикрывать Мерефу.

Поздней ночью отряд «Молния» в суровом молчании выслушивает мое напутственное слово и выступает в полном порядке.

Но Сиверс, выгрузившийся у Дергачей с большим опозданием, не исполнил приказа, не вошел в связь с Рудневым, а форсированными переходами двинулся от Харькова к Волчанску, обнажив правый фланг Руднева. Девицкий у Мерефы погрузил свой замитинговавший отряд в эшелоны и укатил к Лозовой.

Одна из двух батарей Руднева самовольно снялась с позиций. Бронепоезд Макиевской, из-за козней некоторых железнодорожников, запоздал на несколько часов в поддержку Примакову.

Последние позиции под Харьковом были нами покинуты 8 апреля после легкой артиллерийской перестрелки.

Сообщение от 8 апреля к 9 часам:

«На фронте Особой армии без перемен. У Харькова, благодаря позорной нестойкости отряда Примакова, к ночи на 8 апреля неприятелю удалось глубоко проникнуть в наше расположение и держать под обстрелом линию жел. дороги между Люботиным и Харьковом. Войскам, занимавшим Люботинский участок, пришлось прорываться под фланговым неприятельским огнем.

«Пятая армия Сиверса, вопреки боевому предписанию, отошла к востоку, оголив правый фланг наших позиций. Отряд, занимавший Мерефу, при повторном разрыве связи с Люботиным, отошел по направлению к Лозовой.

«Сопротивление было организовано на последних подступах к городу Харькову и, под прикрытием последних резервов, части армии Петрова и Киквидзе отошли на заранее намеченные позиции. На фронте 3-й армии наши войска, в полном порядке, также отходят на намеченные позиции».

Командующий Руднев в то же время доносил:

«Оборонять Харьков было невозможно, — немцы глубоко обошли с левого фланга; ценные грузы успели вывезти, большая

часть войск с Основы и Холодной горы — эшелонами па Змиев и Купянск; часть войск отступила походным порядком на Купянск. С правого фланга войска прорвались через Дергачи на Казачью Лопань».

...Поезд Главного штаба отъезжал одним из последних по Северо-Донецкой дороге. Дорога была запружена эшелонами. Каждые десять минут — эшелон. И, из-за просчета нескольких минут, произошло, пред самим поездом Главштаба, крушение, задержавшее нас на пару часов. А затем, на рассвете, мы внезапно пробудились от резкого толчка и тревожных криков. Пред нашим поездом оказался взорван небольшой жел.-дор. мост. Минут пять растерянности. Слухи о наличии больших неприятельских сил. Конечно, кавалерия могла проскочить из-за самовольного ухода Девицкого от Мерефы.

Неподалеку стрельба. Отряд Примакова рассыпным строем исчезает чрез степь, в направлении к Чугуеву. У взорванного моста... Киквидзе. Как он очутился здесь, когда должен был в Основе прикрывать эвакуацию?

Предлагаю ему принять на себя непосредственную охрану Северо-Донецкой жел. дороги. Соглашается.

Весь штаб участвует в работе по восстановлению моста. Отряд Киквидзе прикрывает работы.

В соседнем селе у Змиева им захвачен немецкий разъезд. Пленные расстреляны.

Мост починен. Проехали...

Одновременно с оставлением нами Харькова, 3-я армия покидала Лозовую. Третья армия начала 31 марта стягиваться в эшелонах из Крыма к Лозовой.[1]

В Константинограде в это время находились отступившие из Кременчуга и Полтавы войска под командованием Текнеджянца: 2-й Кременчугский отряд, Сводный пролетарский отряд, 1-й Харьковский пролетарский полк, 1-й Знаменский отряд и отряд товарища Степанова, легкая и тяжелая артиллерия; общая их численность приблизительно 1 100 человек пехоты, 370 человек кавалерии. Они стояли в эшелонах на станции, не занимая никаких позиций. 31 марта, по донесению Текнеджянца, были замечены разъезды противника в различных пунктах на ра

[1] Изложение в основном следует оперативному отчету 3-й армии.

стоянии от 14 до 20 верст от Константинограда. В отрядах Текнеджянца поднялась паника, на митинге решено итти в тыл «переформировываться». Для приведения в порядок этих совершенно дезорганизованных отрядов, со станции Лозовая в Константиноград были направлены Ленинский батальон, под командованием Андреева, отряд Василевского и 1-я Киевская батарея, а затем 2 апреля туда же выехал член оперативного штаба Каабак с отрядом разведчиков и, установив расположение и силы противника, определил подлежащую занятию позицию.

1-й боевой участок — от Белоуховки до Тишенковки включительно — Ленинский батальон; 2-й боевой участок — от Тишенковки до Холодное плесо включительно — 2-й Кременчугский отряд; 3-й боевой участок от Холодное плесо до Верхне-Ланная включительно — Сводно-пролетарский отряд; 4-й боевой участок — от Верхне-Ланного по линии железной дороги Константиноград — Полтава до станции Нижне-Ланная включительно — 1-й пролетарский Харьковский полк; 5-й боевой участок — от железной дороги до хутора Романовского включительно — 1-й Знаменский отряд; 6-й боевой участок — от хутора Романовского до реки Орел у селения Русский Орчик — отряд Степанова.

В ночь на 4 апреля в Константиноград прибывает со станции Лозовая 3-батальонный отряд под командованием Крадожена, Брянский бронированный поезд и отряд одесских террористов.

После перегруппировки войск отряды занимают следующие позиции: вправо от железной дороги — батальоны Крадожена; в селе Тишенковка — Одесский батальон, имея кавалерийские разъезды до Белоуховки и разведку до Варваровки; в селе Верхне-Ланная — Социалистический батальон, имея кавалерийские разъезды и разведку вдоль дороги Константиноград — Карловка. В Нижне-Ланной — Советский батальон, имея кавалерийскую разведку вдоль линии железной дороги по направлению на Карловку. Охрану железной дороги несет также Брянский бронированный поезд, действуя между станцией Ланной и мостом, что у Федоровки. Влево от линии железной дороги от ст. Ланная до Николаевки расположены отряды Текнеджянца. Штаб армии — на станции Константиноград. В виду недисциплинированности отрядов Текнеджянца, Ленинский батальон снимается с позиций и принимает на себя, совместно с отрядом Василевского, охрану местечка Константиноград.

Разведкой штаба к этому времени устанавливается следующее расположение и силы противника: в местечке Карловка— 2 эскадрона германской кавалерии и один гайдамаков, бросившие разъезды (от 40 до 60 чел.) до Варваровки, Поповки и вдоль железной дороги до Федоровки. В Тергубове, Лисиче, Максимовке, Кашмановке, хуторе Ольховке, Михайловке появляются гайдамацкие разъезды (от 15 до 50 чел.). В Базилевщину или Мокрый Тагамлык прибыл эскадрон гайдамаков. Станция Селещино, по дороге на Полтаву, занята германской конницей (более эскадрона), имеющей разъезды по дороге на Орчиково до Тарановщины. По непроверенным сведениям, из Полтавы направляются подкрепления средних сил с артиллерией.

После незначительных стычек наших разъездов с неприятельскими, противник не выходит за пределы местечка Карловки. Таким образом, пути на Карловку оказываются открытыми, и войска настоятельно требуют наступления. Оперативным отделом детально разрабатывается план наступления до Полтавы. (Как выше было указано, Главштаб предписал командарму 3 наступать к Полтаве.)

Но 4 апреля штаб армии, опасаясь за свой правый фланг в 35 верстах в виду отсутствия связи с отрядом Петрова, занимавшего сел. Никольское, приказа на наступление не отдал.

Однако, части к 10 ч. утра 5 апреля переходят самочинно в наступление, двигаясь вдоль дороги на Карловку. Социалистический батальон занимает высоту 71,4 и Советский батальон, перейдя реку Орчик, высоту 66,8. Конные разведчики Социалистического батальона почти без потерь выбивают неприятеля из Карловки, занимая последнюю. Брянский бронированный поезд въезжает в Карловку. Одесский батальон продвигается до Варваровки и, выбив находящиеся там германские разъезды, занимает ее и укрепляется.

Таким образом, Карловка в наших руках, и войска готовятся к дальнейшему наступлению на Полтаву. Получаются сведения, что находящиеся по пути на Полтаву неприятельские части спешно отступают, эвакуируя что только возможно. В Карловке нами захвачено 35 вагонов воинского имущества большой ценности, брошенного бежавшим противником. Главштаб приказывает развить наступление. Но 5 апреля от командующего 2-й армией тов. Венедиктова поступает телеграмма, что Екатеринослав и Новомосковск заняты немцами и что разгромленные

части 2-й армии отошли к Синельникову. 4-я армия, находящаяся на правом фланге 3-й армии, отошла к Люботину.

Создастся опасность не только обхода справа и слева, но и продвижения противника через Синельниково к Лозовой.

В предупреждение этого удара, в распоряжение Венедиктова на следующий день высылаются 1-й Кременчугский отряд и бронированные площадки, под командованием Багинского.

Неопределенность положения на правом фланге и отсутствие связи со штабом Петрова подтверждают необходимость отвода войск.

Телеграмма Главштаба предписывает оборону линии реки Орель. 3-я армия отходит в порядке на новые позиции. Бронированному поезду и Ленинскому батальону поручено прикрывать этот отход.

В арьергарде — эшелон штаба.

Подрывная команда взрывает и уничтожает мосты, стрелки, пути, водокачки по всей линии от Константинограда до Карловки и на 10 верст впереди ее. Находящиеся в Карловке крупнейшие артиллерийские склады подрываются.

В это время получаются сведения, что 7 апреля неприятель занял ст. Синельниково и Павлоград и что 8 апреля он вступил в Харьков. Позиции для обороны реки Орель поэтому не были заняты. В виду отхода харьковской армии под Змиев, а 2-й армии к ст. Ульяновка, 3-я армия отступает на позицию, прикрывающую станцию Лозовую.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Геккер—командарм Донецкой. Запоздалые решени по массовому подъему. Положение к 8 апреля: Синель никово потеряно, прочен только центр. Главштаб- в Никитовке. Восстания в Мариуполе и на Дону Третья армия «теряет пространство». Наступае к Синельникову. Сиверс вновь отходит. Назначени Ворошилова.

В переговорах о назначении командарма Донецкой было по терямо немало времени. Лишь 30 марта т. Геккер мог дат следующее извещение:

«Харьков Антонову-Овсеенко, Лозовая Киквидзе, Екатерино слав нач. Ревштаба Аверину, Синельниково Ревком, Ростов-на Дону Совнарком Донецкой. Согласно приказа Главковерха и утвер ждения Центроштаба Донецкого, я вступил в командование фор мирующейся Донецкой рабочей армии. Прошу ежедневно инфор мировать меня о происходящих у вас событиях, посылая теле граммы по адресу — Центроштаб Юзовка командарму Геккер».

Назначение Геккера и привлечение к работе нескольких специалистов из бывшей 8-й армии сразу сказалось на деятель ности Центроштаба. Все распоряжения и обращения Геккера были толковы и предусмотрительны.

Геккер прежде всего озаботился оградить свои формиро вания от растаскивания их по частям.

31 марта, Харьков Главковерху Антонову: «Требования Центроштаб о присылке подкреплений и пополнений срывают работу. В данное время здесь ведем самую интенсивную работу по формированию частей Красной армии, дабы в ближайшие дни приступить к активной обороне Донецкого бассейна более или менее организованными частями. Посылая на фронт попол нения и неорганизованные небольшие отряды, не усиливая Ека-

теринославского района, упускаю возможность сорганизовать оборону своего района».

Выше было сообщено, что Главштаб стремился не срывать организационные работы в Донбассе требованиями фронта, но иногда это решение выполнить было невозможно.

Геккер, впервые для Донбаса, всерьез озаботился и учетом его боевых сил.

30 марта, отдел формирования Центроштаба: «Прошу завтра к 12 часам выяснить: 1) в каких пунктах Донецкого бассейна имеются красноармейские части — пехоты, артиллерии, инженерных войск, кавалерии, пулеметных частей, бомбометных команд, санитарных частей, поездов снабжения. 2) Приблизительное число красноармейцев по роду оружия: пехотинцев, артиллеристов, кавалеристов, пулеметчиков, саперов, подрывников, понтонеров, санитаров, железнодорожников. 3) Приблизительное число винтовок, их системы, число орудий с указанием калибра, число бомбометов, минометов и их системы. 4) Число бронированных автомобилей, легковых и грузовых автомобилей. 5) Число патронов ружейных и артиллерийских и их калибры. 6) Число ручных гранат и бомб, их системы и место их складов. 7) Сведения эти прошу впредь до отмены представлять два раза в неделю по вторникам и пятницам к 12 час. дня. 8) Сведения эти необходимо систематизировать и указывать, иссякают ли запасы и нашли ли новые.

27 марта, после настойчивых понуканий Главштаба, состоялось в Харькове совещание по обороне Донбаса. На этом совещании Главным штабом были одобрены предположения т. Геккера.

На них основаны указания приказа командарм Донецкой 30 марта за № 023. Начало приказа гласит:

«1) На нас Верховным главнокомандующим Овсеенко-Антоновым возложена задача обороны Донецкого бассейна от вторжения в него австро-германских и гайдамацких банд. Опасность вторжения повелевает необходимость немедленно местным советам и революционным штабам приступить к сооружению опорных пунктов, блокгаузов, укрепляя оборону отдельных мостов, гатей, опушек леса, перерывая проезжие для бронированных автомобилей дороги, разрушая плотины, затопляя броды и т. д. Необходимо привлечь товарищей специалистов инженерных полков: саперов, понтонеров, подрывников».

Далее отмечается, что «театр военных действий Донецкой армии делится по своему стратегическому значению на пять самостоятельных, с особой задачей каждому, боевых участков», и даются указания по сооружению боевых линий на этих участках: Харьковском, Екатеринославском, Александровском, Мелитопольском и Азовском приморском.

Особенно проработаны указания для Харьковского участка. Намечены три линии обороны; первая: Чугуев — река Северный Донец — гор. Змиев — ст. Беспаловка — линия ж. д. — река Орель — м. Нижний Орель — Стешино (имея в виду защиту ж.-д. узлов Купянск — Лиман — Лозовая).

Вторая: гор. В. Бурлук — река Бурлук — ст. Булацеловка — м. Волхово — ст. Балаклея — гор. Ново-Серпухов — река Северный Донец — Ивановка — Петропавловка — река Берека — дер. Великая Камышеваха — Мечебеловка — Благодатная до р. Орель (при этом отмечен ряд оборонительных пунктов первой и второй очереди).

Третья оборонительная линия: м. Двуречное — р. Оскол — гор. Купянск — река Оскол — дер. Барвенково и по реке Самаре — м. Александрополь — Петропавловка — Дмитриевка (намечен и ряд опорных пунктов).

На совещании в Харькове был установлен и самый характер оборонительных сооружений.

Для успешной обороны каждой укрепленной позиции, признано было необходимым в районе, указанном в приказе, иметь особые опорные пункты, которые можно было бы удержать в своих руках более или менее продолжительное время даже после того, как противнику удалось занять прилегающие к ним участки. Огнем, развитым с таких пунктов по занятым участкам, можно было бы в значительной степени затруднить противнику как закрепление за собой занятых участков, так и дальнейшее распространение, и этим облегчить резервам контр-атаку.

Эти пункты, согласно плану, выбраны так, что они действительно будут мешать указанным действиям противника. Естественно, что противник постарается захватить их, поэтому они должны быть укреплены, чтобы могли самостоятельно обороняться возможно дольше, и тем дать время собрать нужные для контр-атаки силы. В отношении фортификационного оборудования, эти соображения указывают на необходимость иметь сомкнутую оборонительную линию с сильными искусственными препятствиями. Такое устройство придаст опорному пункту и

обходимую самостоятельность. В качестве опорных пунктов должны служить различные местные предметы (леса, сады, усадьбы и т. п.), приспособленные к обороне. Простейшим опорным пунктом может служить кольцевой окоп, обнесенный с трех-четырех сторон искусственными препятствиями и имеющий убежище для гарнизона.

По стратегическим соображениям было определено общее направление оборонительной линии. Точное начертание ее должно быть установлено на местах особыми командированными комиссарами и в зависимости от соображений тактических. Задача такой оборонительной линии сводилась к возможности малыми силами остановить наступление превосходных сил противника.

Каждая оборонительная линия, указанная в приказе, представлялась, в сущности, как укрепленная позиция из двух рядов опорных пунктов, удаленных один от другого на расстоянии 7-8 верст. Каждый ряд таких опорных пунктов, со своими вспомогательными окопами, должен иметь общую глубину до одной версты. Таким образом укрепленная оборонительная линия или позиция имеет общую глубину не менее 9-10 верст.

Следовательно, общее понятие об укрепленных позициях формулировано так: это — лишь опорные пункты, а не сплошные укрепленные полосы, как то было принято в регулярной армии на основных позициях. Партизанская война не давала возможности позволить себе выполнение фортификационных задач в полной мере.

Местность впереди оборонительных линий и в глубину позиций должна быть проработана особыми организационно-агитационными группами (по типу таковых Кожевникова): создавалась живая сетка партизанских и разведывательных крестьянско-рабочих отрядов для работы осведомления и для мелких операций против противника.

Выше было отмечено о направлении из Харькова одной из таких групп на линию Сев.-Донецкой ж. д. (Харьков — Лиман), другая подобная группа была послана для организации второй линии обороны у ст. Барвенково.

Для проведения намеченного плана обороны Донбаса требовалось приложить не мало труда. Только массовым подъемом населения возможно было в краткий срок одолеть эту работу. Необходима была концентрация для данной цели всех партийных и советских сил Донбаса. Эта концентрация не была осущест-

влена в должном размере. Лишь через 10 дней после утверждения указанного плана состоялось созванное штабом Донецкой армии совещание делегатов от рабочих районов республики Донецкого бассейна. На этом заседании решено было немедленно поднять население, разделить между совдепами линию обороны и приступить к фортификационным работам. Начоперед армии т. Малаховский сделал подробное сообщение о наилучших способах организации этих работ. Были каждому председателю совдепа розданы тщательно вычерченные планы позиций, опорных пунктов распределены рабочие силы и, как тип фортификационного сооружения, было принято создание отдельной пехотной позиции с заблаговременно устроенными стрелковыми окопами, с искусственными препятствиями. Все делегаты торжественно обещали принять все меры к выполнению приказа № 79, изданного 6 апреля в развитие приказа от 30 марта.

Приказ № 79 делит «основную линию обороны» на 6 районов: Бахмутский, Горловский, Юзовский, Бердянский, Мариупольский и Приморский.

Для каждого района в приказе указаны не только основны опорные пункты, но и авангардные позиции и даже места заста в «сторожевом охранении».

7 апреля штаб Донецкой армии издал дополнительно прика № 117. В нем подробно обозначен «фронт для оборонительног боя», с вынесенными вперед «группами».

Впереди этой главной оборонительной позиции намечен линия сторожевого охранения с приспособленными к оборов сторожевыми заставами. Сторожевая линия разбита на районы каждый из которых получает задания по выставлению в опре деленных пунктах застав и т. д. Каждому сторожевому райов указано местоположение главного резерва. Центром северног сектора является Бахмут. Никитовский-Горловский назван «глаг ным резервным районом». Его задача — занять все внутре ние ж.-д. узлы и ж. д., где поддерживать полный порядок «управлять всеми районами». Мариупольские и Бердянские се тора «самостоятельны в своих военных операциях». «Общи резервный Юзовский район имеет задачу пополнения всех отр дов и через Центроштаб снабжение их всем необходимым «Таганрогский район, находясь в тылу, укрепляет ж. д. Хар цызск — Таганрог и, располагая большими кадрами рабочих, питае через Центроштаб главный Юзовский район комплектования».

Основная пехотная позиция с заблаговременно устроенными стрелковыми окопами, с искусственными препятствиями, с укреплениями по обороне мостов, опушек лесов и т. д. будет проходить по линии: правый берег реки Северный Донец от Несветевичи до устья реки Казенный Торец, далее по реке Казенный Торец до Гродовки. Эта основная укрепленная позиция должна быть сооружена немедленно по получении приказа. «Лисичанской группе — укрепленный район от Несветевичи до устья реки Бахмут включительно. Славянской группе — от устья реки Бахмут по Северному Донцу до устья реки Казенный Торец и по Казенному Торцу до устья реки Маячка. Краматорской группе — от устья реки Маячка до устья реки Казенный Торец. Дружковскому району — по реке Кривой Торец до Новоселкова. Константиновской группе — до верховья реки Кривой Торец и далее к югу по реке Клебан Бык. Для наблюдения за флангами основной оборонительной позиции, выставить Лисичанской группе конную или автомобильную разведку в гор. Старобельск, а Бердянской группе — наблюдения за Керченским проливом».

Итак, лишь 7 апреля было решено прибегнуть к массовому подъему населения для организации обороны Донбаса.

Эта медлительность штаба Донармии и Центроштаба трудно объяснима.

7 апреля уже в Донбасе ощущалась лихорадка поражения. Уже пал Екатеринослав, последними растерянными ударами защищался Харьков. Массы беженцев, расстроенных отрядов, поездов с имуществом переступили порог Донбаса.

Смятение и паника неслась с ними в встревоженную без того толщу шахтеров.

Некоторые советы (Купянский, Лисичанский, Изюмский), под меньшевистские пришоптывания, заметались, торопясь эвакуироваться.

Центроштаб сгоряча эвакуировал из Никитовки в Александро-Грушевск переданную ему «ставкой» типографию, лишив себя печатной техники как раз в момент самой острой в ней нужды.

Продовольственная центральная база всего фронта также сорвалась из Никитовки, разметавшись эшелонами в Таганрог, Константиновку и по разным станциям железных дорог.

И не было в Донбасе достаточно стройной и твердой организации, знающей чего хочет и способной авторитетно и хладнокровно руководить массами.

Главштаб своими требованиями к штабу Донецкой еще увеличивал его растерянность. Штаб Донецкой получил, в связи с обороной Харькова, ряд срочнейших заданий: одновременно с приказом (5 апреля) Сиверсу отойти к Дергачам, было предписано Геккеру обеспечить оборону Белгорода, а также выделить отряды для надежной охраны Сев.-Донецкой жел. дор., особенно к Змиеву — Изюму.

5 апреля Геккер начал подтягивать отдельные формирования к основным позициям: в Константиновке сосредоточены Ханженковская, Моспенская, Алексеевская и Дебальцевская роты Красной армии (всего 358 чел.), чтобы отсюда двинуться на С.-Донецкую жел. дорогу.

6 апреля в Купянск (и далее к Волчанску) двинут Трудовской отряд (680 чел.).

Среди разгара подготовительной работы Геккер получил приглашение на пост начальника Главного штаба и 7 апреля выехал в Харьков, где застал Главштаб в начале эвакуации.

К вечеру 8 апреля Главштаб прибыл в Славянск. Здесь задержался, чтоб ориентироваться в обстановке. Не было никаких известий ни от Сиверса, отходившего поспешно к Волчанску, ни от отрядов, отступавших к Чугуеву.

Из Змиева получили сообщение, что этот пункт миновали последние отступавшие из Харькова части. Эти отряды харьковских рабочих, под непосредственным руководством членов Донецкого совнаркома, выдержали у Змиева бой с подоспевшим авангардом немцев. Дружной атакой наши части отбросили врага, захватив несколько пленных и два орудия. Вновь погрузившись в эшелоны, харьковцы проследовали уже без задержек в Луганск. У Змиева остался небольшой (до 70 чел.) отряд тов. Вадима с бронеплощадкой.

Часть наших войск, во главе с Рудневым, отступавшая на Чугуев, не задержалась у этого города, а в эшелонах прибыла к Купянску.

От командарма 2-й Венедиктова (из Чаплина) через Никитовку получился ряд сообщений, рисующих положение на нашем левом фланге крайне неблагополучным.

По падении Екатеринослава ослабленная отъездом (с разрешения Главштаба) для «переформирования» остатков Тираспольского отряда в Луганск, и частью (6-й Заамурский конный полк

Славянск, [1] 2-я армия заняла позиции на левом берегу р. Самары у ст. Игрень и по р. Днепр. Мост через р. Самару был разрушен. Противник, отвлеченный операциями у Новомосковска, нас не преследовал. По занятии немцами Новомосковска, они двинулись на Павлоград, в котором вспыхнуло восстание белогвардейцев, поддержанное одним из анархиствующих наших отрядов («штаб резерва южного фронта», во главе с Беленковичем, к этому времени уже перебрался в Таганрог, и все боеспособные части из Павлограда были выведены на фронт).

О дальнейшем Венедиктов сообщал:

«С утра 6 апреля начали прибывать подкрепления. Немедленно я приступил к развертыванию частей на боевой линии. Но части, не сознавая серьезности момента и гибельность всякого промедления, задерживались под всякими незначительными предлогами. Около 11 часов части развернулись для боя, но уже всего в шести верстах от Синельниково и на весьма невыгодных позициях. Несмотря на это, в виду важности узла Синельниково, решаю принять бой, который и начался около 12 часов 7 апреля. Несколько часов бой шел с переменным успехом, нося весьма ожесточенный характер. В 18 час. противник продвинул шестидюймовые орудия и начал обстреливать ст. Синельниково, в том числе и штаб. Нами будет оставлена ст. Синельниково потому, что противник наступает превосходящими силами. Я предлагаю со стороны Александровска и Лозовой ударить противнику во фланг надежными отрядами, я же буду действовать со стороны Чаплино».

К ночи на 8 апреля Синельниково нами оставлено. Штаб Южного фронта доносил:

«На линии Никополь — Александровск противника нет. Части 1-й армии укрепляются на этой линии. Вторая армия, после боев у Синельниково, отходит к Ульяновке, выслав разъезды по линии Письменная — Синельниково и по направлению местечка Павлоград. Части 1-й армии, чтоб поддержать вторую, перешли в наступление и заняли ст. Славгород».

Потеря нами Синельникова подтверждена в следующей телеграмме штаба 3-й из Лозовой:

«Синельниково занято гайдамаками. Где находятся войска Венедиктова, до сих пор не установлено. Сегодня нами была

[1] Вскоре 6-й Заамурский переведен из Славянска в Острогожск, а в конце апреля придан вновь к Тираспольскому отряду.

выслана разведка в сторону Синельникова, но дальше Варваровки нельзя было ехать. В некоторых местах пути взорваны. Что касается Лозовой, положение пока хорошее, если состояние флангов не переменит картину. Сегодня разработана диспозиция для лучшей защиты Лозовой и прикрытия подступов к Донецкому бассейну. Новая позиция, прикрывая Лозовую, перехватывает линии ж. д. Лозовая — Харьков и Лозовая — Синельниково. Правый фланг свяжется с армией Донецкого бассейна в Андреевке.

«Куда должен отправиться отряд Девицкого, который сейчас стоит на ст. Лозовой и наводит террор? В случае сопротивления думаем разоружить их. У него 700 человек».

В тот же день в 22 ч. 30 мин. Лазареву отвечено:

«В виду изменившейся стратегической обстановки, займите новую арьергардную позицию, прикрывающую Лозовую, и подготовьте оборонительную линию у ст. Барвенково. Арьергард харьковской армии у Змиева, 2-я армия отходит к ст. Ульяновке. Донесения посылайте в Нититовку».

В последовавшем тогда же разговоре Лазарева с командарм Донецкой т. Барановым (Никитовка) даны более точные сведения о положении 3-й армии.

«Позицию на линии р. Орель, в виду изолированности, мы оставили и занимаем линию от села Михайловское (оттуда можем связаться с вашими отрядами в Андреевке), ст. Краснопавловка, Николаевка, Терны и Николаевка. Будем оборонять на этой линии Лозовую и подступы к Донецкому бассейну, пока это будет возможно. Сил, повторяю, у нас достаточно. Если 2-я армия будет не в состоянии задерживать на левом фланге натиск противника, думаем передвинуть войска влево, чтобы перехватить линию железной дороги из Екатеринослава. Сегодня от Антонова получили приказ подготовить оборонительную линию у ст. Барвенково.

Баранов. «Намеченная вами линия в общем сходится с теми проектами, которые были намечены в нашем штабе и утверждены в штабе Антонова. Все части, входящие в расположение вашей армии, по-моему, необходимо подчинить вашему командованию, дабы не создавать многовластия.

«Сейчас находится наш небольшой отряд в Барвенково, а также должны прибыть отряды в Дубово и Барвенково, общей численностью до 400 человек».

Таким образом, к 9 апреля выяснилась крайняя зыбкость нашего фронта, — только в центре, у Лозовой, он представлялся более или менее прочным.

В ночь на 9 апреля Главштаб прибыл в Никитовку, где и разместился. Вместе с начальником его, т. Геккером, в штаб влились несколько новых работников-специалистов. Начальником оперативного отдела назначен Малаховский, бывший подполковник, генкварм 8-й армии, специалист-сапер.

Одновременно поведены переговоры о передаче в Главный штаб некоторых работников Центроштаба.

Главный штаб заработал регулярно, но с прохладцей... Экстренные распоряжения выполнялись проходя через столько рук и записей, что превращались в очередные. Такой темп работы был неподходящим для обстановки. Я вернулся к своей излюбленной манере — непосредственных быстрых распоряжений чрез порученцев, по прямым проводам (эта манера, говоря по правде, не могла разлагать штаб). Неотложно встал вопрос о положении Донецкой армии. Ее штаб развивал энергичную деятельность по подготовке оборонительных позиций всего Донбаса. Он находился в постоянной связи с местными «военревволштабами», руководившими сооружением этих позиций и охраной «ревпорядка».

Вот одна из типичных его телеграмм от 9 апреля:

«Константиновка. Военревволштаб. Сообщите, какие у вас, совместно с советом Щербиновского рудника, предприняты меры к постройке окопов от устья реки Грузская по реке Кривой Торец до Константиновки и далее по правому берегу реки Клебан Бык до Гродовки? О получении телеграммы донесите. Командарм Донецкой Баранов».

Подобные телеграммы, с напоминанием каждому штабу его особой задачи, посланы в тот же день в Дружковку, Лисичанск, Краматорская, Славянск и т. д.

В отдельные пункты штабом Донецкой направлены для проталкивания оборонительных работ особые комиссары.

Привожу, как образчик, предписание, данное одному из этих комиссаров:

«Предлагаю вам по прибытии в Дубово выяснить, каким образом применить к обороне означенный пункт. Он предназначен, чтобы заполнить прорыв между рубежами реки Самары и реки Лукноваха. Укрепление должно быть на пересечении

шоссе и железной дороги. Укрепление должно быть соединено с укреплением дер. Никольское и Гавриловка. Доставьте сведения о наличии рабочих рук, материала и о настроении жителей.

«Такие же требования и относительно ст. Барвенково, где сходятся пять дорог, железная дорога и река Лукновaха. Все это приспособляемо к обороне. Ст. Славянск должна быть упорно обороняема, как узловая станция. Представьте схему, как пройдет линия обороны, сколько времени идет постройка, имеются ли саперы, специалисты. Особое требование: выясните, может ли станция обороняться местными средствами или необходимо присылать отряды из другого района. При разработке этих вопросов поставьте себя в обстановку, что противник придет через три дня, и что можно сделать на месте в это время. При решении задачи на железной дороге поставьте условие, что противник на третьей станции от вас».

Положение Донецкой армии осложнялось отступлением в Донбас частей остальных наших армий. Решено было дать Донецкой определенный участок фронта; части Донецкой, находящиеся в районе действий иных армий, подчинить командованию этих последних; руководство оборонительными работами на фронте оставить в руках соответствующих армштабов; руководство тыловыми оборонительными работами передать Главштабу.

Урегулирован также вопрос о руководстве работой формирований. Его оспаривал у Центроштаба «мобилизационный отдел», перешедший в свое время из Полтавы в Луганск. Начальнику этого отдела т. Разживину указано:

«Совет народных комиссаров Донецкого бассейна заявил недавно, что Донецкий бассейн и часть Криворожья составляет независимую от Украины часть Российской советской республики. В Донецком бассейне над формированием Красной армии давно работает Центроштаб в Юзове. Во главе всего формирования новых войсковых частей мною поставлен тов. Рухимович. В виду всего этого, предписываю немедленно выделить желающих работать в контакте с Центроштабом и тов. Рухимовичем, а остальных удалить. Из выделенных образовать отдел Центроштаба, обязав строгой отчетностью перед ним. Об исполнении донести срочно».

Пришлось серьезно озаботиться упорядочением различных отделов Главштаба. Энергичными распоряжениями начштаба т. Геккера введен порядок в продовольственное снабжение, артилле-

рийский отдел снабжения переведен в Луганск, отделение кавалерийских формирований (Розенберг) — в Славянск, а затем в Еленовку, где осели остатки расформированной в январе 3-й кавдивизии: выяснилось, что в Славянске формирование кавалерии крайне затруднено недостатком фуража, помещений и т. д. (впрочем, в Славянске оказались сформированными две сотни т. Седлецкого; одна из них послана в 3-ю армию, другая передана в распоряжение т. Баранова, командарма Донецкой).

Упорядочено было и дело военных сообщений, — управление Начвосо подкреплено связью с «коллегией южных дорог»: коллегия выделила трех движенцев для дежурства в Главштабе. Эти товарищи помогали начальнику военных сообщений Щавинскому техническими советами по перевозкам, собиранием сведений о движении эшелонов и груженых поездов и т. д.

Энергично поведена работа по эвакуации военного имущества, всякого рода материалов и ценностей.

И, в связи с этим, ожила белогвардейская агитация: меньшевики подбивали рабочих препятствовать эвакуации. Но, за самим редким исключением, эта агитация успеха не имела.

Имела она успех в Мариуполе.

Разбитый, деморализованный вернулся в Мариуполь из-под Екатеринослава отряд Ваграпова. Кой-как оправившись, он вскоре вновь выступил на фронт, в распоряжение Егорова. Взбудораженный паническими вестями, город остался почти без охраны.

Меж тем, совет распорядился вывезти с заводов сырье — чугун, никкель. Рабочие, не получавшие, по словам Ваграпова, три месяца жалованья, глухо волновались. Белогвардейцы распускали слухи, что эвакуируют и сырье и деньги, присланные из Таганрога для расплаты. 8 апреля фронтовики, организованные офицерами, пытались захватить банк, но Ваграпов, на автомобиле, с двумя льюисами, разогнал их, стреляя вверх. На следующий день — организованное восстание: все учреждения города и банк захвачены белогвардейцами — «фронтовиками». На митинге ими вынесена следующая резолюция:

«1. Выделить сегодня же из данного собрания комиссию из 15 человек с исключительными полномочиями для организации боевых дружин, задачей которых является охрана города Мариуполя и уезда и защита революции от всяких эксцессов во время настоящего безвластия.

*

2. Предложить Красной гвардии немедленно сдать оружие городскому самоуправлению, под контролем избранной здесь комиссии.

3. Избранная здесь комиссия должна незамедлительно принять меры к воспрепятствованию вывоза ценностей из банка, казначейства, почты, телеграфа, дабы не оставить рабочих, городскую и деревенскую бедноту без ценностей и хлеба.

4. Полнота власти переходит немедленно к демократическим городскому и земскому самоуправлениям, совместно с избранной здесь комиссией, после ухода совета, а пока совет в Мариуполе— войти с ним в контакт».

Несколько партийных товарищей были захвачены «фронтовиками» и расстреляны (зав. продотделом Меламед и др.).

Советские караулы на станции, в банке и в других учреждениях, после короткого сопротивления, сдались и были арестованы.

Совет на экстренном заседании решил принять меры к подавлению восстания. В штаб белогвардейцев послан ультиматум— освободить арестованных и сдать оружие, иначе через час по городу будет открыт орудийный огонь. По истечении часа три орудия Ваграпова действительно начали обстрел окопов белогвардейцев и центра города. Всего выпущено до 50 снарядов. Но совет приказал приостановить огонь, так как моряки торгового флота пригрозили, в противном случае, разгромить заводы из дальнобойных орудий.

Совет эвакуировался в Таганрог, куда прибыл вечером 10 апреля.

Для «наведения порядка» в Мариуполь был направлен бронепоезд Полупанова, и советская власть вскоре была здесь восстановлена...

Гораздо большее значение имели выступления контр-революционного казачества на Дону.

Я здесь могу коснуться лишь в самых общих чертах этих событий.

Контр-революция на Дону далеко не была нами добита в первом нашем походе к Ростову и Новочеркасску. И Корнилов и казачий генерал Попов ускользнули из «мешка». Корнилов совершил в марте известный поход по Кубани,—поход, завершившийся гибелью этого генерала под Екатеринодаром, но не развалившим крепких кадров Добровольческой армии. Ген. Попов

укрылся в Сальском округе и вскоре развил оттуда довольно энергичную работу своими эмиссарами.

Неясно, была ли у них связь с полк. Голубевым, в свое время победоносно наступавшим, во главе красного казачества, в Новочеркасск и разогнавшим Малый круг, а через пару дней уже стосковавшимся по атаманству.

В начале апреля до нас дошли слухи о восстании казачества по р. Дону.

8 апреля из Ростова-на-Дону сообщали: «Линия Дона занята советскими отрядами. Мосты восстановлены. Послана делегация с предложением восставшим — сдать оружие».

10 апреля дополнительно:

«В районе Ростова, Зверева, Александро-Грушевска тревожное положение, в связи с захватом Новочеркасска Голубевым и полк. Пеуновым. Но легко сломить это движение, ибо фронтовики за нас и деревня в пользу советской власти».

Сломить контр-революционное движение казачьих верхов оказалось на деле не так-то легко. Сил революционного Донского правительства хватило на ликвидацию «голубевщины» в Новочеркасске, но не могло хватить на два фронта — и на немецкий и на бело-казачий.

Против неудержимо наступавших немцев, нам в подмогу, красный Дон не мог выделить ни одного бойца.

9 апреля с фронта продолжали поступать неблагоприятные сведения. Из Купянска «старший адъютант» 5-й армии Миньков сообщал, что «колонна» Сиверса подходит к Волчанску. На Белгородском направлении противник в Болховице. В Купянске наших частей нет. Направление Чугуев — Купянск представлялось обнаженным.

Отряд Вадима у Змиева снялся, и вплоть до Изюма линия с.-западной ж. д. осталась без защиты.

Третья армия как будто заняла позицию, прикрывающую Лозовую. С обычной для него методичностью, ее штаб указывал: «Позиция разделяется на три боевых участка: 1-й боевой участок, имеющий задачей оборону линии железной дороги Харьков — Лозовая и подступов к линии железной дороги Лозовая — Славянск, занимается Ленинским отрядом, взводом артиллерии и бронированными площадками. Флангом этот боевой участок должен связаться с с. Андреевка или Борисоглебским, где находятся части Донецкой армии. 2-й боевой участок, имеющий задачу

обороны станции Лозовая и подступов к линии железной дороги Харьков — Лозовая и Лозовая — Синельниково, занимается Кременчугским отрядом, 2-м Сводным пролетарским отрядом, Пролетарским харьковским полком, отрядом Степанова. 3-й боевой участок, имеющий задачу обороны железной дороги Лозовая — Синельниково и Лозовая — Славянск, занимается Одесским батальоном, 1-м Социалистическим батальоном, Советским батальоном, 1-м Советским пулеметным полком, Николаевской батареей, взводом артиллерии 1-го Социалистического отряда, Брянским бронированным поездом».

9 апреля на флангах 3-й армии положение ухудшилось: армия Венедиктова, насчитывающая около 3 000 штыков и незначительное количество кавалерии, казалась небоеспособной и совершенно не обеспечивающей левого фланга 3-й армии. Отряды, прикрывавшие С.-Донецкую жел. дорогу, совершали быстрый отход к Изюму. К тому же пришли сведения, что, ранее чем участок 3-й армии был занят ее частями, неприятель продвинулся по шоссе из Павлограда в Петропавловку, вступив в последнюю конницей при большом наличии пулеметов и двух орудиях, и что неприятельские отряды движутся как будто для занятия ст. Варваровка и Гавриловка, угрожая сообщениям армии со Славянском.

Не проверив эти сведения (а они были ложными) и без всякого сговора с Главштабом, — наоборот, вопреки его прямым указаниям, — штаб 3-й решает отойти к ст. Бантышево, далеко за намеченные для 3-й армии позиции (у Барвенково); штаб армии переходит на станцию Славянск, поезд снабжения и продовольствия — на станцию Краматорская. 3-я армия отскакивает сразу на 50 верст, не выполнив ряда распоряжений, переданных по прямому проводу, — о подготовке позиций у ст. Барвенково и следующего приказа, посланного 9 апреля: «Меры в направлении от Харькова на Лиман приняты. Змиев в наших руках. Распоряжение, данное вам о подготовке оборонительной линии в Барвенково остается в силе. Но, в виду обнажения вашего левого фланга, создается угроза обхода, поэтому предлагаю, разрушив железнодорожный узел Лозовую и разрушая основательно линию, отойти к ст. Барвенково и занять позицию от Северного Донца, у Горожевки по реке Береке до деревни Грушеваха, Барвенково, река Лукноваха, до Петровки, что на реке Самара. Ведите наблюдение своего левого фланга конным разъездом до реки Гни-

лупи. По дороге на Петропавловку принимаются меры, о которых сообщу дополнительно. Вам подчиняются все отряды Донецкой армии, находящиеся на линии дороги до Славянска исключительно, и входят в состав вашей армии. Отряду Девицкого отойти на ст. Краматорская, где ждать приказания».

Начштаба 3 отвечал: «Третья армия в настоящее время, согласно вашей последней телеграмме, занимает позицию на линии Яремовка, Сергиевский, Долгонькое, Корулька, Бантышево, Александровка, Новоселовка. Для развития операций и наступления необходимо знать расположение Донецкой армии, армий Егорова и Венедиктова, чтобы выяснить положение флангов».

3-я армия покинула Лозовую без достаточных оснований и без приказа. Ссылка на «последнюю телеграмму» Главштаба была неверна, — все приказы Главштаба говорят о последовательном отходе к ст. Барвенково, с предварительным разрушением ж.-д. узла Лозовая.

Неблагополучно и на «Южном фронте».

Правда, из его штаба сообщали:

«Александровск. 8 апреля. Под натиском превосходных сил противника, после ожесточенного боя, наши части вынуждены были очистить Херсон. На остальном протяжении Южного фронта никаких перемен нет. В течение последних трех дней, за исключением разве частичных успехов в районе Кривой Рог — Долгинцево, ничего особенного нет. Высланные на Синельниково части прошли до реки Самары, взорвав мост на этой реке и делая поиски разведчиков в сторону противника Мы пока обеспечены со стороны Екатеринослава на Синельниково, и это не дает повода думать о неуспехе. В Долгинцево идет бой с переменным успехом. Станция 4 раза переходила из рук в руки. Теперь положение устойчиво».

Командующий Южным фронтом Егоров неожиданно оказался со своим штабом в Еленовке. Вызванный в Главштаб (Никитовку), он объяснил перенесение своего штаба из Александрии неустойчивостью своего фронта. Однако, по его словам, 1-я армия еще занимает позиции на правом берегу Днепра у Никополя, ведет бои за Криворожье и даже угрожает с юга Екатеринославу.

Главштабом указано Егорову — развить наступление к Синельникову, чтоб поддержать 2-ю армию; в виду недостатка сил, не увлекаться наступлением регулярных частей к Екатеринославу (тем более, что активность противника от Херсона и Николаева

не давала развернуться этому наступлению); при необходимости отхода с южной магистрали, отступать не к югу в Крым, а в восточном направлении.

Официальное сообщение от 10 ч. 9 апреля глухо говорит о неудачах 2-й армии.

Но в действительности, положение 2-й армии было самым печальным. По сведениям, полученным в Центроштабе, немецкие разъезды — уже в 50 верстах от Гришино, «фронт от Синельниково оголен... Необычная разруха». Из Юзовки тов. Вербицкий, сообщая в Никитовку тов. Харечко (начальнику Центроштаба) об этих фактах, добавлял: «Без особо энергичных мер нам даже не вывезти будет всего».

Часть отрядов 2-й армии устремились в эшелонах до Таганрога — Ростова.

Чтоб облегчить положение Венедиктова, было приказано 1-й армии наступать к Синельниково. Наштаюз от 21 ч. 9 апреля доносил:

«Разведкой по линии Никополь — Александровск противник не обнаружен... 2-я армия занимает линию у Ульяновки, вперед высланы отряды Письменная — Синельниково, 1 полк — к Павлограду. Петренко занимает ст. Славгород, южнее Синельниково».

На сводный полк Петренко (отличился своими лихими партизанскими действиями у Н. Праги — Александрии 24—26 марта) и была возложена главная наступательная задача.

К 23 часам 9 апреля Главштаб сообщил:

«Отход от Харькова наших войск на намеченные позиции закончился. Преследование неприятеля было особенно упорным в направлении Северо-Донецкой дороги. Оно сопровождалось неоднократным разрывом железнодорожного пути. Каждый раз наши войска, восстанавливая путь, отгоняли противника. Наши потери незначительны. Мосты на Донце у Змиева и Чугуева нами взорваны. В боях под Люботином и у Змиева в рядах неприятеля обнаружено присутствие русских офицеров в форме. Харьков был занят немцами к полудню 8 апреля. Их встретили белогвардейцы с повязками «г. о.».

На деле «отход» происходил в большом беспорядке и отнюдь не на намеченные позиции.

Выяснилось, что Киквидзе, взявший на себя задачу прикрывать направление Харьков—Бахмут, по Северо-Донецкой жел. дор., самовольно отбыл в Луганск и далее — к Лискам. Главное

командование не нашло в себе достаточно твердости, чтобы соответственно реагировать на это проявление недисциплинированности.

Взамен Киквидзе задача обороны по С.-Донецкой ж. д. поручена т. Баранову с остатками «Донецкой армии» и отрядами, расположенными по станциям этой дороги.

По прибытии в Лиман Баранов доносил:

«Все эшелоны — Киквидзе, Ворошилова — отбыли в Луганск. На ст. Лиман — Вадим, Клочков, «Молния». До ст. Святогорской взорваны мосты. О неприятеле никаких сведений. Отправляю направление Изюм. Полагаю занять линию р. Оскол. Немедленно отряды. Отданные распоряжения о выступлении не надеюсь исполнить».

Баранову посланы в поддержку: Славянский отряд, сотня кавалерии из резерва и из Константиновки 1-я Знаменская, первая и вторая Константиноградские роты, а затем и Дебальцевская рота. В Изюм, в распоряжение коменданта, для охраны направлен небольшой Лебединский отряд и подрывная летучка т. Долгушева.

Военному отделу Славянского совета предписано организовать автомобильный и конный отряды и, по шоссе на Гнилую Долину и Стратилатовку, продвинуться в Изюм, где отрядам войти в подчинение командарма Баранова.

В Славянске же сосредоточен авиоотряд т. Столярского, постоянно производивший воздушную разведку в районе С.-Донецкой ж. д. [1]

Главштаб усердно понукал и командарма Донецкой и 3-й к закреплению на намеченных оборонительных линиях.

Командарму Донецкой предписано продвинуться, по возможности, до ст. Балаклея, подготовив тыловую позицию на р. Оскол и укрепив г. Изюм. Бахмут определен «тыловым городом» Донецармии, станции Лиман, Яма, Бахмут — в ее распоряжении.

3-й армии указано установить «позиционную связь» с Барановым — от Славянска к Изюму, продвинувшись берегом С. Донца. Тыловым городом 3-й армии определен Славянск. Линия Горо-

---

[1] Этот авиоотряд «балтийцев» заслуживает быть особо отмечен. Его поведение было все время безупречным. Данные его разведки — высоко ценны. Он, между прочим открыл своевременно продвижение противника к Сватово — Старобельску.

жевка — Барвенково — Петровка на р. Самаре — линия ее сторожевого охранения.

Приняты были также срочные меры к упорядочению Белгородского и Чугуевского направлений. Сиверсу предписано занять фронт Волчанск — Старый Салтов — Писаревка.

Оправившийся от контузии Петров выехал к Купянску, чтоб принять командование всеми частями на участке от Волчанска до Чугуева, подчинив себе и армию Сиверса и особое внимание обратив на закрепление Чугуева. 10 апреля от него получены следующие сообщения:

«В Волчанске Сиверс, к Чугуеву пошла подрывная и пехотная команды. В Купянске застал сумятицу. Станцию разоружаем. Имеется несколько батарей. Штыков хватит на фронт 6-8 верст. Кавалерии мало, и та заморена страшно. Действую по трем линиям. На Чугуев лично сам, на Волчанск — Сиверс и 3-ю укрепляю, как заградительную, на Балаклейку и Новый Оскол. Постараюсь укрепить тыловую позицию ст. Купянск — Попасная. Это крайне необходимо».

А Сиверс одновременно извещал:

«Из Волчанска 10 апреля № 42. По взятии частями пятой армии Дергачи, противник почти одновременно повел наступление на Дергачи из Горлово и на Белгород из Татаровки. Под Белгородом противнику удалось ворваться в город, и только после обходного движения Ярославского отряда он был в беспорядке отброшен за реку Ворсклу. В районе Дергачи попытка неприятеля неожиданно окончилась его поражением благодаря резкому отпору, данному моими войсками. В виду занятия противником непосредственно подступов к Харькову на направлении Купянск, я отдал приказание частям об отходе на Терновую — Волчанск, каковой переход был выполнен в двое суток без потерь... (пропуск) ж.-д. линия Белгород — Купянск абсолютно небезопасна... (пропуск) Купянск, повидимому, еще не обеспечен, равно и Белгород, обороняемый пока еще небольшими силами 5-й армии, и фронт Волчанск — Стар. Салтов — Писаревка может быть обороняем лишь опираясь на позиции от Чугуева до Купянска. В противном случае Волчанск опорным правофланговым быть не в состоянии. Люди утомлены, но настроение бодрое».

Сиверс признавался, таким образом, в том, что приказ 5 апреля — перейти всеми силами к Дергачам — выполнил не

точно: оставил у Белгорода Ярославский (наиболее боеспособный) отряд. Свой самовольный отход от Харькова он оправдывал совершенно не серьезными соображениями.

Переданный ему приказ о занятии линии от Волчанска до Писаревки, в связи с нашими у Чугуева, он заранее оговаривал как неприемлемый.

Приказ Сиверсу немедленно подтвержден. Поведение его под Дергачами сурово осуждено. На это осуждение Сиверс ответил контр-упреком в разноречивости отданных из Харькова распоряжений.

Это оправданье было несостоятельно. Предписания Сиверсу от 1 по 5 апреля были в логической связи: вначале его задачей было прикрытие Белгорода; 5 апреля, — оставив Белгород его «судьбе», отход к Харькову для непосредственного участия в его обороне — обеспечения основного сев.-зап. направления. Сиверс выполнил лишь после оспаривания этот приказ, выполнил частично и с громадным, решающим опозданием.

И теперь из Волчанска, имея на руках ясное распоряжение об обороне по определенной линии, он уже отдавал приказы своим частям о продолжении отхода через Купянск.

Уже 10 апреля он сообщает Главштабу, что в виду неизвестности, какие меры приняты Петровым в направлении на Чугуев, он вынужден покинуть Волчанск.

В третий раз Сиверсу приказано: Волчанск не покидать, но обеспечить его оборону, в связи с обороной Чугуева.

Но в одном Сиверс оказался прав, — в направлении на Чугуев не было принято никаких мер. Мост у Чугуева оказался не взорван. Остатки армии Руднева, оборонявшие Харьков, проследовали в эшелонах через Чугуев к Купянску (Руднев, по вызову Главштаба, явился в Никитовку и сообщил о полной деморализации своих частей).

В дополнение к телеграмме Петрова, приведенной выше, старший адъютант 5-й армии сообщал из Купянска утром 11 апреля:

«В Купянске полнейший хаос и дезорганизация, стоят остатки различных отрядов, прибывают другие и абсолютно не знают, что им делать. На станции никакой охраны не имеется, целая толпа народа отправляется в Харьков, не выставляются никакие заставы, никакого сторожевого охранения, и если сейчас не будут приняты самые решительные меры

к прекращению всего этого, — это может закончиться катастрофически. Вчера здесь летали немецкие аэропланы».

Отряды Петрова в Купянске не выполнили его приказов, замитинговали и, предводимые неким Поповым, решили очистить Купянск и отправиться в Воронеж «для переформирования», что и исполнили. А Петров в это время суетился в Лисках, «организуя тыл».

Сиверс сообщал (11 апреля):

«Вследствие выяснившегося положения Чугуев-Купянского фронта Петрова, я отдал приказ о стратегическом отходе вверенных мне войск с занимаемых ими позиций Белгород — Волчанск — Терновая. Командующий фронтом Петров имеет небольшой отряд в Купянске, а сам находится в Лисках или Воронеже. Мною немедленно будут приняты меры по обороне Купянского узла, как только войска сосредоточатся на новых позициях».

Сиверс, без всяких оснований, совершенно нетревожимый противником, покидал сильные природные позиции по рр. Б. Бурлук и Оскол.

Весь район к северу от Донбаса обнажался. Чугуев — Купянск — Родаковское направление оставалось без защиты. Прорыв противника в этом направлении мог иметь грозные последствия.

И одновременно Сев.-Донецкая жел. дорога, ведущая прямо от Харькова к сердцу Донбаса, защищалась лишь подорванными мостами у Змиева да парой десятков дружинников у Балаклейки и Изюма.

А 3-я армия (Лазарева), как выше было указано, без всяких оснований отскочила сразу на десятки верст от Лозовой.

9 апреля Лазареву подтвержден приказ о подготовке оборонительной позиции у Барвенково. Указанная в сводке 3-й армии линия у ст. Бантышево признана неприемлемой, «так как обнажает Изюм и всю жел. дор. до Змиева».

Но во время этих переговоров 3-я армия уже «потеряла пространство».

2-я армия, отойдя от Синельникова и Павлограда, приводилась в порядок и подготовлялась использовать улучшение обстановки, созданной активностью 1-й армии, начавшей наступать к Екатеринославу и Синельникову.

Официальное наше сообщение к 23 ч. 10 апреля:

«Наши войска продолжали отход на восток, обороняясь от наседавшего противника. Особенно упорно противник наседал по направлению на Белгород, западные предместья его перехо-

дили дважды из рук в руки. Огнем артиллерии противник зажег город. В Харькове толпы гайдамаков, по указанию жителей, расстреливали наших солдат и даже служивших раньше в Красной армии. Наши войска заняли к вечеру линию реки Большой Бурлук, занимая также Змиев и Чугуев. При отходе потери незначительные. Большая часть военных материалов вывезена. На фронте Лозовой мы продвинулись и заняли станцию Кегичевка. Южная армия перешла в наступление на Екатеринослав и Синельниково, продвижение идет успешно».

И это сообщение было в определенной части неверным. И Змиев и Чугуев оказались, как выяснилось к утру 11 апреля, нами покинуты; линия по р. Большой Бурлук не только не была занята нами, но никаких мер к ее обеспечению не было принято ни Сиверсом, ни Петровым. Петров не только не выполнил обещанных им мер в направлении от Купянска к Харькову, но к вечеру 10 апреля уже очутился в Лисках. А Сиверс отводил свои части... минуя Купянск, к Валуйкам.

Донесения Сиверса разминулись с приказами Главштаба, который продолжал спокойно предписывать:

«Купянск - узловая № 217 командфронтом Петрову. 11 апреля 2 ч. Никитовки. Отрядами из Чугуева через Граково займите Волохово-Яр. Свою армию расположите по линии реки Большой Бурлук, от селения Б. Бурлук до Булацелово, где и обороняться. Для соединения с отрядами из Чугуева пошлите небольшой отряд в Волохов-Яр, где, испортив шоссе и взорвав мосты, не допустить продвижение противника. Установите отряды южнее Волохов-Яр до моста севернее Балаклеи включительно, где будет граница вашей армии. Установите разведку на Злиск и по шоссе из Волохов-Яр и по ж. д. из Балаклеи на город Изюм, до соединения с армией Донецкого бассейна. Влево от армии Лазарева, к Изюму подходят резервы из Славянска. Действуйте немедленно и по выяснении обстановки доносите. Особое внимание — на путь из Харькова на юго-восток в Донецкий бассейн. О получении приказа донесите».

Петров отвечал... из Лисок:

«О необходимости занятия позиции по р. Бурлук уже распорядился и просил пока занять линию т. Сиверса. Что он выполнил, не знаю. Сам спешно налаживаю охрану жел. дор. Купянск — Валуйки и группирую резервы. А на такой участок очень мало сил».

Сиверс покидал Волчанск — Купянск не только без попытки организовать сопротивление на р. Бурлук, но не приняв никаких мер и к охране Купянска и направления на Родаково.

Для выяснения сложившейся у Купянска обстановки, к Петрову и Сиверсу направлен с широкими полномочиями т.Ауссем. Следом в Купянск отправлена, в сопровождении инспекторов Рауна и Кульбачко, для восстановления связи и организации подрывной команды, летучка с снарядами и взрывчатыми веществами. Решено было заменить Сиверса Ворошиловым, которому и предложено принять командование всеми силами у Купянска. Тов. Ворошилов замедлил ответом.

Не меньший беспорядок, чем у Купянска, — и на Сев.-Донецкой ж. д. Лишь 11 апреля командарм Донецкой сообщал из Лимана, что выезжает оттуда с отрядами Вадима и Клочкова в Святогорск и думает занять позицию на р. Оскол. Но сил недостаточно. Отряды «Молния» и «сборный» (из Знаменского и других мелких — всего до 250 ч.) деморализованы. «За Лиманом к Изюму наших частей нет. О противнике никаких сведений».

А штаб 3-й передавал спокойно подробности планомерного отхода армии к ст. Бантышево (30 верст восточнее намеченных для нее позиций — у ст. Барвенково).

3-я армия отходила без всякого давления со стороны противника. Немцы продолжали спокойно накапливаться.

Южные армии продолжали бой у Синельниково — Павлограда. Для развития этого наступления Егоров очистил левый берег Днепра у Никополя, бросив все, что мог, к Синельникову.

Положение 2-й армии представлялось Главштабу весьма непрочным. От Центроштаба получались тревожные сообщения. Представлялись серьезными известия о скоплении значительных сил противника из Павлограда в Петропавловке: из Петропавловки хорошие дороги выводили, в обход второй армии, к ст. Гришино, к ближайшим подступам Донбаса.

Необходимо было немедленно принять меры к прикрытию ст. Гришино.

11 апреля я, вместе с начоперод Малаховским, выехали в Юзово, чтоб просмотреть работу Центроштаба и распорядиться принятием неотложных мер.

При выезде из Никитовки наш автомобиль был обстрелян. Мы отвечали несколькими выстрелами из маузеров по неясным фигурам, притаившимся за избами на окраине деревни.

Дорога на Юзовку оказалась неисправной и трудно далась нашему автомобилю.

В помещении Центроштаба — пустовато и уныло. Сведения противоречивы. Работа формирований вяловата. Чрезвычайно мало наличных сил. Все, что может дать Центроштаб, чтоб прикрыть опасное направление от Петропавловки чрез Гришино в Донбас — это пару «рот», Зацепинскую и Лозовскую (до 400 ч.), с бронеплощадкой (2 орудия); этот отряд, под командой т. Бондаренко, и выступил немедленно, получив задание прикрывать у ст. Гришино оборонительные работы по линии р. Казенный Торец — дер. Николаевка — д. Ново-Экономичная — ст. Желанная — ст. Кураковка.

В задачу Бондаренки также входило прикрыть Гришино от неприятельской колонны (кавалерия, 2 орудия), появившейся на шоссе от Павлограда, в обход жел. дор. Синельниково — Юзово.

Официальное сообщение Главштаба от 11 апреля 21 час:

«Наши армии продолжают отходить. Заняли к вечеру позиции на линии Волчанск — река Большой Бурлук — Барвенково. Жестокий бой под Харьковом и отступление, под натиском противника, расстроили несколько ряды солдат, но теперь все готово, чтобы встретить бой. Наши части отходят взрывая все мосты. Положение восстановлено на всем фронте 5-й армии. Части армии Донецкого бассейна перешли в наступление и, не найдя противника, заняли станцию Изюм. Чугуев и Змиев нами оставлены. На фронте 3-й армии наш разъезд атаковал бронированную моторную дрезину и, убив троих, одного взял в плен. На фронте южной армии наше наступление продолжается, — мы были к вечеру на линии станций Письменная и Ивковка. Немцы, желая упорно обороняться, начали рыть окопы. При атаке позиции у Ивковки герои красноармейцы за двести шагов кинулись на батарею и захватили ее. Неприятельские аэропланы бомбардировали станцию Купянск, жертв не было».

Это сообщение в части, касающейся 5-й армии, чрезвычайно прикрашивало действительность, — выше указано, что Купянское направление было оголено: отряды Сиверса проследовали в эшелонах к Валуйкам, Петров путался в Лисках, присылая прямо фантастические планы обороны — за пределами Украины.

Его несостоятельность была очевидна. Оставалось деликатно его устранить, но заменить его, в данном положении, можно

было только Сиверсом. По телеграмме т. Ауссема, устанавливавшей полную хаотичность действий Петрова, Главштаб предписал Петрову сдать командование фронтом Сиверсу, самому же отправиться в Воронеж для формирования новых частей.

А Сиверс, на повторные предписания восстановить положение па р. Б. Бурлук, отвечал, что до сих пор (до 13 апреля) не получал-де никаких оперативных распоряжений Главштаба, кроме указания о назначении Петрова, и что отошел к Валуйкам в виду необеспеченности Чугуевского направления. На деле, предписание о занятии позиции у Волчанска было 10 апреля им получено...

Ответ Сиверса разминулся с характерными приказами Главштаба:

«Сиверсу. Купянск. Побуждайте, подымая оружием местное население, к созданию укрепленного сторожевого охранения по линии Б. Бурлук — по реке того же наименования, через Булацеловку до Волохова-Яра. Все мосты и переправы разрушайте, шоссе Чугуев — Волохов-Яр особенно наблюдайте, также дорогу от Волохов-Яр до Волоская — Балаклейка и далее до Купянска наблюдать и готовить к разрушению. Линии обороны по р. Осколу от Купянска до моста на С.-Донецкой жел. дор. укрепите отрядами. Дер. Гороховатка — укрепленный пункт для обороны, если падет Купянск».

И когда получился ответ Сиверса о невыполнимости этих приказов, Главштаб продолжал настаивать:

«Валуйки. Комфронту Сиверсу. Вам послана телеграмма о вашем назначении комфронтом. К вам в Купянск посылается нарочный с подробным письмом. Могу в ваше распоряжение дать две батареи. Купянск надо отстаивать всеми силами. Подкрепления вам высылаются. Основную оборонительную линию держите по реке Оскол, а перед нею — ряд наблюдательных линий. Уничтожьте все мосты, шоссейные и железнодорожные пути. Отходить вам не в Россию. Это и формально нельзя, и фактически не подходит».

«Комфронту Сиверсу. Предписание вам вновь дано телеграфом. Повидимому основной удар немцами будет направлен Купянск — Луганск — Миллерово — и отрез юга и стратегическое окружение войск и грузов. Одновременно же производится нажим прямо от Синельниково к Юзовке значительными силами. Купянск приобретает исключительное значение. Его защищать надо

до крайности, а затем отходить вдоль жел. дор. на Лисичанск. После Оскола, обороняемого вами и армией Баранова, линия будет река Жеребец и Сев. Донец, затем реки Красная и Сев. Донец, наконец просто Сев. Донец. Ваш отход в Россию недопустим ни в каком отношении. В резерв вам можем дать три броневика, тяжелую батарею, легкую и до тысячи пехоты и может быть сотню всадников. Все это сейчас подтягивается к Сватово (Новый Екатеринослав). Особенно опасны обходящие с юго-востока Купянск шоссе. Их необходимо строго наблюдать, непременно уничтожая перед собою мосты».

Сиверс отвечал на эти настойчивые приказы:

«14 апреля, из Валуек.

Меры к движению на Купянск принимаю. Но повторяю, что, в виду предыдущих военных операций, настроение войск определенно враждебное такому движению. Для полевой войны войска недостаточно снабжены и также тормозят выгрузку. Ответственность за такую операцию нести не могу при данном состоянии как моральном, так и физическом. Все, что могу, сделаю».

И дополнительно:

«Мост на Купянске-узловом взорван. В городе появилась разведка противника. Наш броневик обстрелял ее. Настроение значительной части войск скверное. Оставшиеся силы чересчур малы для выполнения Лисичанского движения».

С целью подтолкнуть Сиверса к активности, утром 13 апреля я, в сопровождении начоперод Малаховского и комендапта штаба Годлевского, выехал экстренно к Купянску.

На станции Сватово застали: первый батальон левых эсеров, конную разведку 2-го батальона левых эсеров, бронеплощадку с двумя орудиями и взвод полевой артиллерии (всего до 400 штыков, 100 сабель, 4 орудия). Здесь же находилась летучка инспекторов Главштаба — Рауна и Кульбачки. Инспектора рассказали, что, прибыв в ночь на 11 апреля на ст. Сватово, застали здесь отряды, отступавшие из Купянска и производившие разведку себе в тыл на ст. Попасную. На устроенном инспекторами совещании командующих решено повернуть обратно к Купянску. Инспектора двинулись впереди на паровозе. По прибытии, в 15 час. 12 апреля, на ст. Купянск-пассажирская, заметили немецкое сторожевое охранение в стороне от ж.-д. линии и открыли по нему огонь из пулемета. Немцы отвечали усиленным

обстрелом станции из орудий и пулеметов. Паровоз с нашей разведкой отошел к ст. Кисловке. Подошедший к этой станции из Сватово бронепоезд дальше двинуться отказался, хотя Купянск еще не был занят немцами.

При наличных силах и их настроении, нечего было и пытаться закрепить за собой Купянск, тем более, что имелись сведения, подтвержденные воздушной разведкой, о движении к Сватово, по шоссе от Балаклейки, сильной колонны противника.

Захват Купянска — Сватово немцами намечал непосредственную угрозу прямым сообщениям Донбаса с севером (с советской Россией). Одна из двух железнодорожных линий, идущих к северу от бассейна, прерывалась, вторая (магистраль Владикавказской ж. д.) ставилась под удар — по дороге от Купянска на Сватово — Старобельск — Чертково.

И усилия Главштаба сосредоточиваются на том, чтобы не допустить противника развить свой успех в этом направлении.

13 апреля я передавал по прямому проводу в Главштаб:

«Вчерашней разведкой из Сватово, что Купянск занят, неприятель по слухам из Ивково на реке Оскол идет к Сватово. Сватово и Лисичанск нужны подкрепления, я еду в Луганск. Подтолкните Ворошилова. Предписываю Баранову боевую разведку по шоссе к Сенькову, на котором еще вчера начата рекогносцировка. В Сватово оставил Годлевского. Нужно послать спешно с разработанными планами (для оборонительных работ) в Лисичанск. Немедленно свяжитесь с Валуйками через Дебальцево, это можно сделать помимо Купянска. Вызвать Сиверса. Предпишите моим именем наступление на Купянск, там еще силы неприятеля ничтожны. Нужно поддержать Баранова, послав из Славянска отряд в Изюм. Запросите инспектора кавалерии Розенберга из Еленовки, лично его вызвав, почему кавалерия не прибыла в Сватово... Еще предпишите нашим летчикам из Никитовки и Славянска разведку у Купянска и разгром купянской станции бомбами. Новый приказ пошлите спешно».

Итак, Годлевский оставлен командующим всеми силами на ст. Сватово. Ему приказано оборонять станцию до последнего человека. Поддержаны формирования, успешно проводившиеся местным рев. штабом, во главе с тов. Кийко (в формируемом полку уже числилось до 500 ч.), — штабу переданы свыше 1 000 комплектов обмундирования и вооружения.

Раун и Кульбачко, с группой помощников, направлены в поддержку ранее посланного отряда т. Василевского для агитационно-организационной работы по линии р. Северный Донец, от Лисичанска к Миллерово.

Лично я выехал в Миллерово, чтобы проверить работу по переформированию стянутых туда остатков Тираспольского отряда и харьковских частей.

Тираспольцы переформировывались энергично, но они так тяготели к своему бывшему начальнику Венедиктову, что представилось мало целесообразным оттягивать их на Купянское направление, а возникла мысль послать их в поддержку 2-й армии, надрывавшей последние силы в боях у Павлограда — Синельниково.

Предписание в этом смысле и было оставлено Тираспольскому отряду.

Харьковские части, добравшиеся в Луганск во главе с Совнаркомом Донбаса, группировались естественно вокруг т. Ворошилова.

Ворошилову было вновь предложено выступить с этими силами к Купянску, чтобы здесь принять на себя командование и отрядами Сиверса.

Эти предложения луганским резервным частям оформлены следующей телеграммой Главштаба от 14 апреля:

«Никитовка — Луганск. Комвоенк. Рудневу. Копии коменданту станции. Весь Тираспольский отряд отправляется Юзово в резерв второй армии. Всем остальным боеспособным отрядам выступить, под общим командованием Ворошилова, чрез Лисичанск в Сватово и далее сообразно боевой обстановке. Приглашаю Совнарком Донецкой прислать одного представителя в штаб, составленный из лучших сил 8-й армии».

15 апреля Сиверсу предписано наступать к Купянску, «где неприятельские силы ничтожны», и сообщено — «мы нажимаем от Сватово». В Сватово Годлевскому посланы в подкрепление 2 сотни кавалерии.

В тот же день получен ответ от т. Ворошилова:

«Из Луганска. Сообщаю народным комиссарам Донецкой республики о разговоре с вами и о предложении принять на себя командование 5-й армией. Я согласен и прошу о телеграфном предписании тов. Сиверсу сдать мне армию со всеми поездами снабжения, вооружения, обмундирования, штаба и денежных сумм. Сегодня выезжаю в направлении Купянска».

*

А Сиверс доносил:

«Из Валуек, 15 апреля. На фронте 5-й армии противник занял ст. Беломестную, около Белгорода село Детегино, 25 верст к северу Волчанска. Со стороны Купянска сведения старые. Валуйское направление спокойно».

Противник, никем не тревожимый, систематически развивал наступление, — отгораживался в Валуйском направлении, сосредоточивал силы для удара на Сватово.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Распад Донецкой армии. Изюм покинут. Неудача у Синельниково. Успехи и разгром нашего центра. Героизм «ленинцев». Славянск оставлен. Разгром первой армии. Капитан французской службы. Разлад у большевиков. Силы красного Дона скованы.

Положение на Северо-Донецкой ж. д. к 13 апреля, казалось, установилось. Баранов доносил:

«На фронте моей армии ничего существенного. Производится усиленная разведка. Отряд Вадима несет караульную службу у моста через Оскол. Отряд подрывников также у реки Оскол. Остальные части на ст. Изюм. Мост через Изюмец не восстанавливается. Сегодня отправил в Славянск начальника моего штаба тов. Ходякова с группой специалистов саперов и поручил ему укрепить линию Северного Донца от деревни Кривая Лука до деревни Григорьевка. Считаю, что этот участок является тылом моей армии. Если последуют изменения, прошу немедленно известить. Одновременно попытаюсь приступить к аналогичной работе на Осколе. Если я свою задачу ограничиваю подготовкой тыла и разведкой, то причиной является отсутствие сил. При данном положении не могу перейти в наступление, имея мало штыков и недоброжелательно настроенное население, особенно гор. Изюма».

Ему подтверждено — подготовлять к обороне линию р. Оскол и сообщено, что справа от него будет действовать Луганский отряд (т. Ворошилов). В подкрепление Баранову направлены: из Константиновки — Ханженковский отряд, а также 3 броневика и бронепоезд харьковских коммунистов; в Шестаковку — в авангард Баранова — послана подрывная летучка.

В общий резерв в Бахмут посланы Павлоградский и другие отряды (Девицкого):

«Бахмут военному отделу. К вам отправлены отряды Девицкого в составе: Павлоградский — 632, артиллеристов — 20, анархистов — 43, Енакиевский террористов — 600, Павлоградский и Кирсанова — 100, Стеблева — 98, общая численность — 1 493 человека, лошадей 150».

Перед отправкой я, делая в Никитовке смотр этим отрядам, указал в речи, что не хочу попрекать их прошлым, надеясь, что они его искупят своей доблестью в предстоящих боях. Отряды казались довольно бодрыми и, после самотеком прошедшей чистки, дисциплинированными. При настоящей работе можно было в короткий срок сделать их вполне боеспособными.

14 апреля Баранов прислал из Изюма подробное донесение:

«Разведка на Теплянку — Савицы — Ветровку — Гусаровку устанавливает, что противником эти пункты не заняты. Лишь сегодня определенно установлено, что Балаклея занята незначительными силами противника. Появляются отдельные разъезды противника в Савицах. Такая вялость указывает на то, что можно было бы перейти в наступление и занять Балаклею. Но этому препятствует совершенно разрушенный мост через Изюмец и значительно поврежденная дорога дальше от Изюмца. Двигаться походным порядком мои отряды не смогут, не потеряв своей боеспособности, не оторвавшись от продовольственной базы и т. д.; их отличительная черта — неразрывная связь с вагонами. Чтобы сколько-нибудь изменить характер отрядов, необходимо время. К этому я приступаю. К тому же силы у меня мало. 100 человек отряд Клочкова и 50 конных разведчиков. Остальные — 140 Раковского рудника и 700 с лишним прибывших из Константиновки сегодня — отправляются в Святогорск производить занятия, так как еще не обучены все раковцы и большая часть константиновцев. Вадим, со всеми подрывниками, за мостом на Осколе несет оборону моста. Между прочим все, кроме Вадима, Клочкова и Яблонского (подрывники), метят в тыл за своим штабом, выискивая для этого тысячу поводов. Местность в Изюме совершенно бездарная. Оборону можно создать, вынеся линию за Изюмец. Пребывание на станции не вносит никаких изменений в общее положение. Положение могло бы измениться или переходом в наступление походным порядком, или же перенесением оборонительной линии за Оскол. Если в вашем распоряжении нет частей, пригодных к походному наступлению, то я убедительно просил бы разрешить мне сосредоточить все усили

для создания обороны по Осколу. Во-первых, я здесь стою, оборудовал позиции, и, во-вторых, здесь я буду обучать и формировать своих солдат, приспособляя их к новому способу войны. Конечно, в Изюме я буду держаться, насколько это окажется возможным. У меня вообще положение таково, что без больших затруднений, при исправности ж.-д. линии, мог бы двинуться значительно дальше Изюма или же укрепиться на Осколе. Изюм— пункт, который я защищаю больше теоретически, да еще пребыванием штаба здесь. Линия моей армии: пос. Боровой, р. Оскол, р. Сев. Донец, Яремовка».

Это донесение разминулось с приказом Главштаба, загодя шедшим навстречу пожеланиям Баранова — ограничить его задачу обороной по р. Оскол.

Чрезвычайно показательно, что формированные Центроштабом «роты» оказались совершенно необученными и небоеспособными.

15 апреля Баранову предписано — в виду занятия противником Сеньково — Купянск «произвести боевую разведку по шоссе Изюм — Гороховатка» и указано, что «из Новоекатеринослава (Сватово) тоже послана разведка для определения положения переправы у Сеньково. «Если подтвердится, что Сеньково занято — взорвать мосты у Горохватки».

Эта телеграмма свидетельствует об озабоченности Главштаба возможной активностью противника в направлении Сеньково — Сватово.

Подкрепления, направленные к Баранову, были еще в пути, когда совершенно неожиданно, 16 апреля, Баранов сообщал:

«Из Святогорска. Изюм оставлен. Банда, именующая себя Знаменским отрядом, отказалась исполнить мои распоряжения и самовольно пыталась уехать из Изюма. При больших усилиях, под угрозой расстрелов, мне удалось возвратить их от моста чере Оскол. Попытка заставить их вооруженной силой подчиниться потерпела неудачу, численно они превосходят мои силы в 6 - 7 раз. Мне удалось избежать самосуда. Знаменский отряд задержан Вадимом у моста. Штабом отряда Клочкову дан приказ выступить из Изюма. Ряд эшелонов стоит в затылок у моста через Оскол. Если не удастся мобилизовать сил для разоружения и разгона банды, вынужден буду временно выехать, дабы избежать расстрелов. Противник производит усиленную разведку большими партиями».

«Разоружить Знаменский отряд собственными силами не удается. Для этой цели не могу отвлекать всех сил, и без того ограниченных. Временное командование передаю Вадиму, выезжаю наштаверх».

Прямой бунт одного из отрядов, сформированных Центроштабом, срывал всю защиту в чрезвычайно важном направлении. Изюм оставлен был противнику без малейшего сопротивления. Из Изюма немцы спокойно могли угрожать Славянску — тылу третьей армии, как раз развивавшей энергичное наступление к Лозовой.

Это наступление 3-й армии имело определенную связь с операциями Егорова у Синельниково — Павлограда.

Выше сообщалось, что эти операции, вначале, особенно в направлении на Павлоград, успешные, затормозились недостатком резервов.

13 апреля Венедиктов сообщал:

«Ст. Еленовка Главкоюзу Егорову, копия Никитовка Главковерху. Вчера 12 апреля на фронте 2-й армии встречные бои. Мы перешли в наступление по направлению на Раздоры и Павлоград. У Раздор бой сразу принял для нас неблагоприятный оборот: пехотные цепи и броневик, благодаря неосмотрительности руководителей, попали под перекрестный огонь и понесли большие потери. Отхлынули, не задерживаясь на ст. Ульяновке, до ст. Чаплино. В это время под Павлоградом наши главные силы начали наступление, вначале успешное, пехотные цепи весьма близко подошли к Павлограду, наша артиллерия обстреливала его. Противник получил подкрепления из Синельниково, перешел в контр-наступление и смял наши пехотные цепи. Под сильным натиском противника мы отошли к Богославу и, так как не прекращался нажим на уже расстроенные цепи, я приказал отходить на Дмитриевку. В настоящее время положение таково: с линии жел. дор. все войска отошли Гришино с Богуславской группой. Здесь желательно было бы объединить все незначительные части заблаговременно под общим командованием тов. Бондаренко, в виду того, что он будет руководить обороной Гришинского участка... Себя же я прошу освободить от обязанности командовать войсками, не входящими в состав 2-й армии, не желаю я с ними войти в нее, и разрешите вернуться мне к постоянным войскам 2-й армии, к Тираспольскому отряду, с тем, чтобы привести войска на фронт. Должен сказать, что там фор-

ирование частей идет успешно, и значительное количество готоых к бою. Нет возможности давать бой с частями, которые ичем не связаны с армией. Тираспольский отряд — это постоянный кадр 2-й армии, никуда не улетит после боя; были поражения, а остаются там, где прикажут. Немыслимо быть командующим армией то без войск, то с войсками, собирающимися о крохам, везде, где только можно. Делаешь с ними напрасные силия добиться чего-нибудь полезного. Конечно, и здесь можно организовать группу тысячи в три или четыре, но уже действующую не в Гришинском направлении, а прикрывающую севера Пологи; но опять-таки эти войска непостоянные и азлетятся в первом же бою, и опять мы станем перед тем же опросом: поездкой за Тираспольским отрядом».

Пожелание Венедиктова совпало с распоряжением Главштаба,— 4 апреля Тираспольскому отряду предписано направиться в Юзово резерв 2-й армии. (Совет Тираспольского отряда вскоре тветил, что отряд не доформирован, а поэтому выступить не южет.)

Венедиктов надорвался в наступлении на Павлоград. Его тряды рассыпались эшелонами по станциям Донбаса.

14 апреля из Гришино он доносил:

«Незначительными силами занимаем линию Славянка — Межевая — Подгородная. Противник обнаружен только у Чаплина. Имеются сведения, что он двигается от Павлограда по шоссе, о высланной разведкой пока это еще не подтверждено. Начальником назначен тов. Бондаренко. Фронт будет расширяться вправо и влево путем создания новых участков. Штаб ереезжает в Авдеевку, где займется сборкой резервов армии, аспределит их по участкам».

В поддержку Венедиктову вызваны, кроме Тираспольского, одкрепления и из Таганрога и посланы две батареи 4-й сибирской ртбригады.

С той же целью — подкрепить 2-ю армию, в Тамбов — Киквидзе, в Воронеж — Петрову послано предписание — выслать распоряжение Главштаба 1-й рев. полк Садикова, Орловский тряд и сербский Никулича (предписание не было выполнено).

15 апреля Венедиктов извещал:

«За истекшие сутки перемен на фронте 2-й армии не было. Противник занял Чаплино. Ни вправо, ни влево связь еще не становлена. Левого фланга 3-й армии я еще не знаю. 1-я армия,

как мне говорил наштаюз Донской, занимает фронт Павлокичка-
с. Николаевск — Мечетная. Таким образом, между 1-й и 2
армиями — ничем не прикрытый промежуток не менее ста вер
Необходимо прикрыть узел Пологи, для чего можно воспользовать
Гуляйпольским батальоном и той батареей, которую я ему да
Я послал им приказ занять позицию, прикрывая Пологи. Про
сообщить, кем будет прикрываться фронт до Азовского моря
с кем должен держать связь влево в направлении Юзов
На участок Гришинской обороны собраны около 700 челове
Нежинский отряд и отряд Чередниченко. Прибывает к нам по
креплений весьма много, но чтобы выступили на позицию,
надо удовлетворить. Склады армии не имеют возможност
Я направил их к вам, если ваши склады не смогут их снабдит
то их следует распустить как бесполезных, а имущество в
забрать».

(Упоминаемый в этой телеграмме Гуляйпольский батальо
называемый в других сообщениях «полком», был сформирова
учителем села Гуляй-Поле — Махно, при содействии т. Беле
ковича, начальника резерва южного фронта.)

В поддержку описанных операций Егорова, еще 12 апре
было приказано 3-й армии произвести частью сил демонстраци
к Лозовой.

Одновременно 3-й армии предписывалось восстановить фрон
у ст. Барвенково.

Противник на этом участке фронта казался довольно па
сивным.

Тов. Назаров, начальник организационно-агитаторской гру
пы, сообщал впоследствии, что в Лозовой до 20 часов 1
апреля были лишь незначительные гайдамацкие разъезды;
Близнецы только-что прибыла неприятельская кавалерия (числен
ность не установлена), в Гавриловке — 4 эскадрона германско
конницы. На Гусаревке — масса невывезенных грузов. Мост
р. Торец не взорван.

14 апреля штабарм 3-й сообщал:

«Все части армии заняли позиции, перегруппировка око
чена. Передовая линия Еремовка — Сергиевский — Долгенькое -
Моросовка — Корулька — Григорьевка — ст. Бантышево — Алексан
дровка — Владимировка — Новоселовка. Станция Гавриловка занят
эшелоном гайдамаков и немцев, ст. Барвенково, по непроверен
ным сведениям, занята сотней немцев. Послана разведка. П

непроверенным сведениям, в Лозовой — неприятельский эскадрон, бронированные автомобили. Из Карловки в Лозовую движение частей неприятеля. Ночью предпринимаем глубокую разведку. В армию прибыло два аппарата с летчиками. Из Никитовки завтра вылетают в разведку, войска готовы к наступлению, настроение весьма бодрое».

В 3 часа 15 апреля 3-я армия перешла в стремительное наступление. В этот день нами заняты ст. Барвенково и далее Явленское. Захвачены 120 пленных (баварских кавалеристов).

На сообщение штабарм 3-й об этих успехах, Главштаб отвечал:

«Ваше наступление рассматриваю как восстановление утерянной линии сторожевого охранения. Если наступление неудержимое, то развивайте его. За правый фланг не бойтесь, займите только Великую Камышеваху. Изюм занят прочно. Свое наступление ведите до Дубово, имея дальнейшим занять Лозовую и оказать этим давление на Харьков. 2-й армии Венедиктова приказано занять Петропавловку. Ваши отряды должны занять деревню Софиевку на р. Самаре и выслать автомобиль через деревню Петровку, установив связь с дер. Славянской, что на реке Бык, этим получите связь с отрядом Бондаренко армии Венедиктова. Организуйте свои резервы в Славянске. Ожидаю донесений через каждые 2 часа».

Одновременно Венедиктову предписано (с Егоровым не было связи, и приказ отдан непосредственно Венедиктову) — в виду успешного наступления 3-й армии, продвинуться к Петропавловке, направить связь к дер. Петровке, закрепиться на левом берегу Самары, обеспечить Чаплино и готовиться к наступлению на Павлоград.

1-й армии (Карпову) предписано войти в связь с Гуляйпольским полком у Пологи и действовать к Синельниково.

Наступление 3-й армии, долженствующее облегчить задачу Южного фронта, развивалось, таким образом, успешно.

16 апреля командарм 3, сообщая об этом, прибавлял:

«Все части армии вышли из эшелонов, и наступление ведется в полном порядке. От имени 3-й армии заявляю, что, по заявлениям ее отрядов, отступления она не признает». Но в армии всего 5 000 бойцов, резервов нет, левый и правый фланги не обеспечены. «Примите меры, чтобы утомленные части могли отдохнуть».

Подкрепить 3-ю существенно мы, однако, не могли. Лишь 17 апреля послан в ее резерв Брянский отряд (300 ч.), 18-го — Кременчугский (до 200 ч.) и 2 броневика.

Однако, в Славянске, в резерве армии, было достаточно сил для исполнения неоднократного предписания Главштаба — установить в Изюме «позиционную связь» с Донецкой армией. Учетный отдел штаба 3-й, на запрос оперода Главштаба, отвечал:

«К 6 час. вечера на ст. Славянск находятся следующие части: 10-я подрывная летучка... 1-й кавал. донской отряд, начальник Касенков, 198 сабель, 5 пулеметов, 11 вагонов снаряжения, прибыли из Лозовой, следуют на фронт; 2-й конно-партизанский червон. казачества отряд, начальник Костенко, 65 сабель, 4 пулемета, прибыли из Самойловки для формирования; 1-я народная батарея красной армии, 4 орудия, 4 пулемета, прибыли из Никитовки, следуют в Бантышево».

18 апреля Чикваная[1] направил к Святогорской—Богородичное кавалерийский отряд Черепанова — до 400 сабель и 200 штыков.

Меж тем, для установления указанной связи вовсе не нужно было отвлекать к Изюму значительных сил. Задача для штаба 3-й сводилась лишь к внимательному наблюдению за состоянием на своем крайнем правом фланге, в Изюме. Невыполнение ее отразилось решающим образом на 3-й армии, создав неуверенность за свой тыл (Славянск).

К вечеру 16 апреля войска 3-й армии заняли линию Новодонецкий, Барвенково, Явленская. У Барвенкова — стычки с неприятелем, поддерживаемые взводом нашей трехдюймовой. У противника под Барвенковом — «три легких орудия, пехота и кавалерия», численность которых, в виду разногласия донесений, неизвестна. Установлен подход подкреплений к противнику. В четырех с половиной верстах от хуторов Явленских — столкновение нашей разведки с неприятельской, которая под обстрелом бежала.

Противник предпринимал «ожесточенные» попытки вернуть Барвенково, действуя бронированным поездом и большими (до 2 000) силами пехоты (немцы и гайдамаки).

С утра 17 апреля нами открыт пулеметный огонь по расположению противника. Наше наступление продолжалось. Взорванные противником пути восстанавливались.

---

[1] Лазарев отозван в Главштаб для нового назначения.

Но уже из Гусаровки командующий Ленинским батальоном сообщал о накоплении неприятельских сил на его флангах и о слабости связи с соседями. Он же взывал о присылке подкреплений: «у нас резерва нет, наступление может окончиться печально».

Сосед центрального боевого участка справа — командир Советского полка Нехаенко — доносил, что 17 апреля выступил из Корулька и занял к вечеру позицию впереди Вернпо — Новодмитровка. Кавалерийская разведка, достигнув Великой Камышевахи, выяснила, что в этом районе появляются лишь гайдамацкие разъезды (в 30-40 сабель), которые отходят к слоб. Петровская и Веревкина. Нехаенко выслал кавалерийскую связь вправо — со 2-м Крюковским отрядом и влево — с центральным участком (Ленинского батальона). Он просил у командарма разрешения продвинуться к Изюму, для защиты этого пункта.

18 апреля противник в центре (у Барвенково) перешел в контр-наступление и было потеснил 2-ю роту Ленинского батальона; положение было восстановлено в упорном бою.

Ночью 17 апреля отдается приказ по войскам 3-го боевого участка выбить противника из Богодарова. В 4 часа 18 апреля наши части выступили, и к 10 часам под Богодарово завязался бой. 1-й Социалистический батальон наступал от Некременое, а 1-й Советский с первой Аккерманской батареей двинулся в обход через Трудолюбовку, и в момент, когда противник всеми своими силами обрушился на 1-й Социалистический батальон и начал его теснить, наша обходящая колонна ударила во фланг и тыл немцам. Немцы в беспорядке отступили, причем в долине р. Лукноваха попали под перекрестный огонь первой Аккерманской батареи (с позиции у Трудолюбовки) и 6-дюймовой (под Барвенково). Богодарово разрушено нашим артиллерийским огнем. Нами заняты Богодарово, Елканская, и, преследуя противника, наши части доходят до Николаевки и Ново-Богдановки.

Оперативная сводка 3-й армии 18 апреля 21 час гласит: «После ожесточенного боя в районе Барвенково нами отбито наступление противника. Неприятель в беспорядке спешно отступает. Из стратегических соображений преследование отступающего противника приостановлено. Александровка, Богодарово сожжены нашей тяжелой батареей и заняты нашими войсками. В Богодаровке обнаружено 20 трупов убитых немцев. Под Александровкой взяты нами четыре неприятельских пулемета. У нас

убитых до ста человек, потери противника не выяснены, но очевидно значительны. Действовали против нас немцы, при большом наличии пулеметов и артиллерии, обстреливавшей одно время уже Барвенково и заставившей временно дрогнуть наши части. Ивановка также в наших руках. К 9 часам 19 апреля нами будут заняты позиции от Новодонецкого по дороге Изюм — Барвенково до Барвенково и по дороге Барвенково — Истратовка включительно. Неприятельским аэропланом было сброшено в Славянске 3 бомбы. Стрельбу противника корректирует его летчик, производящий ежедневно глубокую разведку. За отсутствием противоаэропланных орудий, а главное артиллеристов, мы не в силах противодействовать ему. Наши летчики, несмотря на неоднократные приказы, не летают».

Ссылка на «стратегические соображения», заставившие не преследовать разбитого противника, обосновывалась событиями у Изюма, — Донецкая армия в панике отступала вдоль Северо-Донецкой жел. дороги. Донесения ее командующего Баранова говорили, что отступает его армия под натиском «превосходных сил».

Главштаб обеспокоился за правый фланг 3-й армии, тем более, что не было сведений об исполнении его приказов (3-й) установить «позиционную связь» с Барановым в Изюме.

Я телеграфировал штабу 3-й:

«Отступая от реки Оскола, войска Баранова проходят Святогорское. Озаботьтесь о своем правом фланге. Силы неприятеля повидимому незначительны. Сейчас же установите полную связь с Святогорской».

Оставшийся за Главковерха (за моим отъездом в Таганрог) тов. Геккер, в подписанной им сводке 18 апреля, сообщал о положении Донецкой армии:

«В Изюмском направлении бои приняли серьезный характер, противник, перейдя большими силами в наступление, занял Изюм».

А Баранов утром 19 апреля сообщал из Святогорской штабу 3-й: «Немедленно высылайте поддержку. Наши части отступают. Левый берег Оскола занимается противником. Вам грозит удар в тыл. Если подкрепления не будет оказано, части отступят на Лиман».

Эти сообщения не могли не встревожить штаб 3-й, тем более, что они совпали со следующим донесением командующего правофланговым отрядом этой армии:

«Мой отряд, находящийся на правом фланге, доносит, что Изюм нами оставлен и противник большими силами наступает, слева моя разведка доносит, что противник старается обходить нас, в дер. Богодаровке группируется. Меры приняты; с тов. Нехаенко связь прервана. А также он (противник?) прорывает, двигается с правой стороны от Базалиевки.[1] С тов. Градожаном связь никак не удается восстановить. Прошу принять меры к тому, чтобы Градожан связался с нами, хотя бы с правым флангом в дер. Богодаровка. Командующий Текнеджянц».

И следом, в тот же день, 18 апреля:

«Отряды, расположенные на втором боевом участке, бывшие в бою 4 дня без смены и в настоящее время за потерями и истомленностью бессильные, самовольно уходят с позиции и настоятельно требуют смены.»

В поддержку своего правого фланга, на который, в сущности, никакого нажима не было (лишь незначительные разведывательные партии противника показались из Изюма), командарм 3 израсходовал свои последние резервы. Попутно твердыми приказами пытался он поддержать «дух» у командующего на этом фланге:

«Тов. Текнеджянцу, копия тов. Андрееву. Для дачи пополнений приняты меры. Смена невозможна за отсутствием достаточного резерва. Самовольно покидающие фронт объявляются вне закона и будут расстреливаться, как изменники. Примите меры и донесите. Ждите дальнейших распоряжений. Дайте сводку».

Чрезвычайная растянутость фронта, израсходование резервов на второстепенном участке, откуда угроза являлась в громаднейшей степени чисто теоретической,[2] сказались на положении центра 3-й армии.

Утром 19 апреля неприятель подавляющими силами обрушился на наш центр. В бой им последовательно были введены до 4 000 пехоты, 3 кавалерийских полка, 2 конных полка разведчиков, 3 легких батареи, 3 тяжелых и 6 бронеавтомобилей (из них 2 с орудиями на жел.-дор. площадках).

---

[1] В Базалиевке были части Нехаенко.

[2] И Главштаб не чужд был этих грехов «кабинетной стратегии» — теоретически возможное представлять как реально существующее. Правда, чрезвычайная неосведомленность о противнике и отсутствие серьезных сил подрывали нашу готовность к инициативе и распологали к «теоретизированию».

Главный удар противник направил на участок от железной дороги до Богодарово. Участок от Богодарово до Александровки (исключительно) был занят 1-м Советским батальоном, правее его — Таврический батальон и еще далее к железной дороге — Ленинский батальон.

Таврический батальон отступил. Охваченные с флангов, расстреливаемые в упор, вынуждены были отходить и остальные части. Тяжелые батареи противника бьют по станции Барвенково, разбивают ее, взрывают эшелон со снарядами, порождают панику в наших отрядах.

Штаб 3-й пытается удержать части на линии р. Бычек, но красноармейцы рвутся к Славянску.

Командарм 3 доносил 19 апреля 21 час:

«В виду перегруппировки войск на Изюм — Святогорская ослабевший от боев прошедшего дня участок Барвенково — Трудолюбовка не мог быть усилен, благодаря чему у Трудолюбовки — Богодарово батальон, занимавший участок Барвенково — Богодарово, начал отходить левым флангом. Потерявший с отступающим эшелоном связь, отряд, занимающий участок на юг от Богодаровки, был оттеснен на Трудолюбовку и, под ураганным огнем неприятельских шести батарей, из коих две сорокадвухлинейные, отошел с разбитой артиллерией на Некременое — Очеретино. Артиллерия неприятеля перенесла огонь на ст. Барвенково, взорвала эшелон со снарядами, подожгла станцию, заставив на время замолчать нашу тяжелую. Ст. Барвенково была нами оставлена, и артиллерийский бой был принят вновь в 4 верстах под Барвенково. В это время неприятель силой двух полков, германский 224 и полк без номера на погонах, и двух эскадронов кавалерии, четырьмя цепями, повел наступление на прорыв, поддерживаемый артиллерией, тесня наши части с такой скоростью, что восстановить линии не удалось. Таким образом неприятель очутился в тылу между двумя нашими группами и фланговым движением двинулся на железную дорогу, пытаясь отрезать нам путь, заставляя этим отступать наши части. Под прикрытием артиллерии и славного Андреевского большевистского батальона имени Ленина, почти совсем уничтоженного, и бронированной площадки с пулеметами, наш левый фланг начал отходить, заставляя этим сняться и правый. Неприятель вплотную за нашими частями идет, беспрерывно обстреливая нас артиллерией и 6 броневиками. От армии осталась половина, остальные

убиты и ранены. Люди, измученные 4-дневными боями, отступают, прикрываемые кучкой героев. Некоторые наши части уже подходят к Славянску».

19 апреля Чикваная еще крепился.

«Наш фронт, в виду создавшегося положения на правом фланге в районе Изюма и под сильными натисками противника в районе Барвенково и Александровки, дрогнул. Принимаются все меры для удержания отходящих и восстановления положения. Спешно необходим бронированный поезд и броневики. Последние еще не прибыли. О положении буду доносить каждый час или два часа. Отдайте распоряжение летчикам в Славянск вылетать для разведки в районе Барвенково—Александровка и Изюм. Мое приказание явиться в Бантышево, для получения распоряжений, ими не исполнено».

Штаб 3 пытался внести планомерность в отход своих частей.

Начальнику 1-го боевого участка Нехаенко предписывалось:

«Отойти на линию Долгенькое включительно, Сергиевский, Яремовка, где и занять позиции, создав опорные пункты. В вашем тылу у Богородичное будут войска армии тов. Баранова и наша кавалерия, с которыми необходимо связаться».

Начальнику 3-го боевого участка Барсукевичу:

«Отойти до линии Явленская, Фиглера, Марьина, Николаевка, Некременое исключительно, т. е. на линии реки Бычек, где и занять позицию, создать опорные пункты. В Некременое направляется батарея».

Нехаенко, не затронутый боями и паникой, мог бы выполнить приказ. Но Барсукевич сообщал, что его левый фланг, с уходом Таврического отряда, оголен; что под давлением противника он вынужден отойти на 4 версты, покинув Трудолюбовку и Федоровку. У него выбыли из строя 300 чел.; если не будет подкреплений, придется безостановочно отходить.

Подкреплений не было...

Чикваная еще рассчитывал задержать части хотя бы перед Славянском. Он послал такое предписание:

«Славянск т. Черепанову, копия Военный совет. Примите все меры, чтобы отходящие эшелоны разгружались на ст. Шидловская, и займите позицию для обороны Славянска на линии Богородичное, Голая долина или Краснополье, Адамовка, вдоль по хребту до Знаменское или Черкасское, Александровка, Новоселовка или Сергиевка. Вышлите на Шидловскую надежные силы,

для разгрузки нежелающих. Используйте бронированные площадки, если таковые имеются. Из Никитовки на поддержку вашим идут броневики. Примите все меры. Промедление подобно гибели».

20 апреля Чикваная из Константиновки доносил следующие подробности о противнике: «Утром отступающие части третьей армии начали направляться в Константиновку, прикрываемые артиллерией и кавалерией. Противник — 10 верст от Славянска. Кавалерийским набегом удалось взять в плен 10 кавалеристов 23-го гвардейского драгунского полка имени короля Леопольда Баварского. Из допросов, проверенных отчасти разведкой, удалось установить, что против нас действует германская пехотная дивизия в составе 50-го, 350-го, 333-го пехотных полков, команды разведчиков-велосипедистов и пулеметный 224-й пехотный полк; 2-я кавалерийская дивизия, действующая вся на этом фронте, состоит из 23-го драгунского, 5-го драгунского и 14-го гусарского барона фон Мантейфеля, 7-го и 8-го полков конных охотников. В эскадроне 90 человек, из коих 60 строевых, остальные в обозе. В полку 1 пулеметный эскадрон, при 8 пулеметах. Эти дивизии — 18-го армейского корпуса. Корпус идет через Луцк, Житомир, Киев, Полтава, Харьков до Изюма. Артиллерия по 6 орудий, легкая, полевая, гаубицы. Севернее идут 2 пехотных дивизии. Между германскими дивизиями двигаются украинская и польская дивизия, командир генерал Обаль. 23-м полком командует барон Зейдем, 5-м эскадроном ротмистр Мосепер. Германским солдатам сказано их офицерами, что большевики — богатые помещики и капиталисты, притесняющие украинских крестьян и рабочих. Как примерный пункт наступления указан гор. Славянск».

Удержать у Славянска остатки 3-й армии пред натиском таких сил не удалось...

Ее оперативная сводка 21 апреля 4 часа гласит:

«В виду обнажения нашего тыла со стороны Ямы и невыясненного положения на левом фланге, части армии отошли на Никитовку. Славянск уже занят немцами 20 апреля в 16 часов. При нашем отходе от Славянска неприятельская батарея обстреляла ст. Славянск. По донесениям разведки, неприятельские разъезды показались на ст. Краматорской и движутся по направлению на Славянск. Неполучение ответа из штаба Главковерха на наши телеграммы и запросы не дает возможности 3-й армии занять какую-нибудь определенную позицию».

Здесь та же мотивировка своего «отхода», что и у Баранова и т. д. — обнажен-де «тыл», неизвестно-де, что на «флангах». На деле, никто не угрожал со стороны ст. Яма Славянску; напротив, Баранов 20 апреля, не имея перед собой противника, выражал Главштабу опасения за участь ст. Яма, угрожаемой со стороны Славянска. На левом фланге у Чикваная 2-я армия стояла прочно, и ее штаб 18 и 19 апреля посылал об этом сообщения штабу 3 в Славянск.

Точные указания из Главштаба, действительно, отсутствовали, — были лишь сообщения о посылке подкреплений и задание удержать связь с Донецармией и 2-й (о подкреплениях для 3-й армии я лично распоряжался в Луганске). 20 апреля Чикваная сообщено: «К вам должны подойти подкрепления из Юзовки в Кривой Торец и Горловку, из Енакиево и Луганска в Константиновку, ищите соприкосновения с Бахмутской группой отряда Сиверса 2-го, входящей в Донецкую армию. О прибывающих подкреплениях и о всех изменениях на фронте немедленно сообщайте. Передайте вторичный приказ отряду в Константиновке: «вы всеми своими силами переходите в распоряжение командарма 3 Чикваная. Будьте достойны звания революционеров и доброго имени рабочих Константиновки».

И далее:

«Никитовка. Командарм 3. Все передвижения требуют времени, все, что вызвано, придет, но ваше отступление может отогнать все подходящее к вам. Вы открываете доступ в самый центр рабочего района. Создаете катастрофическое положение. Бронепоезд выезжает 22 апреля в 10 час. утра. Отряды из Енакиево должны прибыть 22 утром. Второй армии также отдается приказание соединиться с вами. Необходимо восстановить положение в Константиновке, иначе весь район рухнет».

Восстановить положение у Константиновки было уже невозможно.

Разгром 3-й армии был нашим решительным поражением. после которого нам уже не дано было оправиться. И этот разгром в центре совпал с неудачами на наших флангах.

Как было указано выше, наступление 3-й армии к Лозовой было связано с вторичным натиском нашим на Синельниково.

Вторая армия, получив некоторые подкрепления (ей был послан «Интернациональный полк» — из мадьяр и других военнопленных, превосходно дравшихся), перешла в наступление

17 апреля, ее штаб извещал о занятии ею линии ст. Демургино — село Петропавловка. Наша разведка — по р. Самаре и к дер. Петровке. Противник нажимает на Петропавловку и Демургино.

В тот же день нач. Гришинского участка сообщал о скоплении значительных неприятельских сил на ст. Ульяновка (до 4 полков с несколькими батареями). Наш бронепоезд, при подходе к Ульяновке, был обстрелян.

19 апреля наштарм 2 доносил:

«Положение у нас крепкое, мы заняли Петропавловку и ст. Просяную. Продвигаемся на ст. Чаплино. Противник против нас ничего не предпринимает, и, в связи с положением третьей армии и первой, мы находимся впереди на довольно большом расстоянии, что нас смущает. Если положение третьей упрочится, то мы можем повести наступление в том или ином направлении, т. е. на Чаплино—Пологи или Барвенково. Впереди Гришино мы заготовили позицию».

К вечеру дополнительно:

«В районе Гришино нами занят блокпост между Просяной и Чаплиным. На остальных участках без перемен».

Командир Гришинского участка в то же время сообщал (из Межевой):

«Ночь на фронте прошла в редкой ружейной перестрелке. Противник под прикрытием пехоты отодвинул свою артиллерию на новую позицию. Части противника отступают, не принимая боя».

Но в тот же день Главштаб предписывал командарму 2 начать отход на линию речек Казенный Торец и Волчья и до с. Георгиевка.

«Правый фланг армии — слияние Казенного Торца и Кривого Торца, левый фланг — Георгиевка».

Это предписание вызвано полным разгромом 1-й армии и паническим отступлением 3-й, по следам которой противник врывался в Донбас.

Некоторые подробности о положении 1-й армии мы могли установить из непосредственных расспросов командующих ее отрядов во время поездки (моей и Малаховского) к Иловайской 19 апреля.

1-я армия (Карпова) 15 апреля повела вновь наступление от Александровска на Синельниково. Операция развивалась

успешно, когда немцы начали нажимать в тыл нашей армии. Вечером 15 апреля они пытались перейти Днепр у Хортицы, но были отбиты. Следующая попытка им удалась. Довольно большими силами, сбив наши тощие резервы, немцы заняли Александровск. Отряды 1-й армии вынуждены были повернуть фронт. Немцы в Александровске были уничтожены. Но наступление к Синельниково было сорвано. И, когда противник перешел в контратаку, части 1-й армии в панике бросились в эшелоны и покинули фронт. Панику увеличило сообщение, что в тылу Мелитополь пытаются захватить белогвардейцы и что немцы из Каховки на автомобилях перерезали жел. дорогу у Геническа. В Мелитополе скопилось до 60 наших эшелонов, но боеспособны были лишь бронепоезд Полупанова, отряд Меркулова и батальон китайцев. Они выдержали тяжелый бой с противником, прикрывая отход большинства эшелонов к востоку. Остальные (во главе со штабом Южного фронта) прорвались в Крым.

Отступившие в Крым части Южного фронта потеряли всякую связь с Главштабом и внесли в Крым сумятицу и панику поражения, подорвав его оборону.

Одновременно вспыхнуло восстание в Гуляйпольском полку, прикрывавшем Чаплино. Под руководством офицеров, большинство полка объявили себя за украинскую Раду. Махно с 80 кавалеристами удалось прорваться к нашему бронепоезду (Беленкович), подоспевшему в Гуляй-Поле и открывшему огонь по расположению мятежного полка.

Штаб и отряд Мокроусова попали в Бердянск.

Большинство эшелонов 1-й армии проследовали прямо к востоку, растянувшись от Харцызска до Иловайской. Командарм Карпов отдал распоряжение эшелонам 1-й следовать в Таганрог.

Из Иловайской мы распорядились командарму 1-й Карпову стянуть свои отряды в Волноваху. Карпов пытался выполнить этот приказ: 19 апреля из Волновахи он предписывал по линиям ж. д. отрядам Антропова, Рязанцева, Симферопольскому, Гребенскому и Петренко — немедлено вернуться на ст. Волноваху.

19 апреля Главштаб получил следующую телеграмму из Харцызска:

«Капитан Борд французской миссии. Эвакуация продолжается довольно успешно. Штаб Егорова отрезан, эшелоны отступают без боя. Чтобы эвакуацию продолжать, надо упорное сопротивление на линии Волноваха — Мелитополь и Царево-

константиновка—Александровск. Отрядов достаточно, дисциплины нет. Если согласны, я берусь за защиту этих линий. Пришлите телеграфное распоряжение. Борд, французская миссия. ЗК Полевин».

Поручить французскому офицеру командование нашими частями мы, конечно, не могли.

Заменить Егорова предполагалась Лазаревым. Лазарев с двумя генштабистами (из группы Мстиславского) 18 апреля выехал для приведения в порядок «Южфронта». Но уже через пару дней он исчез из Донбаса, [1] а генштабисты заявили о полной невозможности что-либо предпринять и были направлены обратно к Мстиславскому.

В командование Южфронтом вступил было Опуфриев, но вскоре эта, ставшая излишней, инстанция была упразднена, и Главштаб стал сноситься с 1-й и 2-й армиями непосредственно.

Командующим 1-й армией, взамен Карпова, с 20 апреля назначен Харченко, командующим 2-й — Бондаренко, а Венедиктов отозван, чтоб возглавить Тираспольский отряд (в Луганске).

На ст. Ясиноватой нам пришлось лично задержать рвавшиеся дальше в тыл 1-й Днестровский полк и конно-партизанский отряд.

Выяснилось 19 апреля, что сведения о быстром продвижении противника к Мариуполю были преувеличены. Из Бердянска на наш запрос отвечали: «Неприятель наступает со стороны Акимовки, расположенной в 18 верстах от Мелитополя. Вчера высланы разведчики. Вследствие повреждения многих телеграфных линий, трудно установить связь. Достоверно сообщено, что слухи о взятии Мелитополя, Гуляй-Поле, Цареводаровки и Покровки безусловно провокационны».

Еще было время для приведения в порядок деморализованных отрядов 1-й армии.

Чтоб выяснить, чем могли бы нам содействовать Украинское советское правительство и Красный Дон, я выехал в Таганрог.

Путь от Иловайской был забит воинскими эшелонами. В Иловайской громоздилась масса отрядов. Пришлось крутыми распоряжениями прекратить пропуск эшелонов к Таганрогу.

«Т. коменданту ст. Таганрог. Никаких, без моего телеграфного распоряжения, не пускать эшелонов. Задерживать их

[1] След Лазарева обнаружился в Москве. Тов. Муралову сообщено об обвинениях (растрата, самовольный уход), тяготеющих на Лазареве.

даже расстрелом, если идут без разрешения. В технический распорядок на станции не вмешиваться».

«По всем станциям начальникам эшелонов. Пропуск на Таганрог только с моего специального разрешения. Сейчас он закрыт. Кто посмеет нарушить предписание, будет расстрелян броневиками».

По дороге задержаны нами на ст. Марцево Симферопольский партизанский отряд (Лопатина) и отряд т. Кулика. Они, как и отряд Андросова, затем переданы в распоряжение Беленковича, назначенного начальником обороны Таганрогского района.

Единственной вполне боеспособной единицей в этом районе представлялся полк т. Каски, кадры которого составились из киевских и полтавских рабочих. Но пришлось резко разговаривать и с этим полком, так как он, соблазнившись хорошим вооружением партизанского анархистского отряда Маруси Никифоровой, обезоружил этот отряд, а самую Марусю арестовал. Меж тем, отряд Маруси только-что проявил большую доблесть на Южном фронте и, не в пример прочим, шел в Таганрог, с разрешения Главштаба, для пополнения.

Мое категорическое требование освободить Марусю и вернуть ее отряду оружие было выполнено с большим неудовольствием и с принятием резкой резолюции протеста (отряд немедленно отправился на фронт в состав прикрытия бронепоезда Полупанова).

Нарсекретарь по военным делам Украины А. Бубнов впоследствии так описал этот эпизод:

«Утром (числа не помню) отряд был разоружен, а спустя некоторое время начальница отряда М. Никифорова была арестована.

«Но уже во время разоружения и ареста, представители местной федерации анархистов доставили нам переданную по прямому проводу записку Главковерха тов. Антонова, где он отмечает, что отряд М. Никифоровой выказал революционную стойкость в жестоких боях на немецком фронте.

«На наш вторичный запрос об отряде М. Никифоровой (по моему поручению говорил тов. Кулик, а при разговоре присутствовали представители местной федерации анархистов) тов. Антонов в решительных выражениях высказался против ареста М. Никифоровой и разоружения отряда, охарактеризовав его, как «боевой отряд».

«Созданная немедленно после этого следственная комиссия, под председательством тов. Лапчинского, в составе двух представителей от партии коммунистов-большевиков, двух левых эсеров и двух от местной федерации анархистов, не нашла ничего недостойного революционера в деятельности М. Никифоровой, признала задержание ее «прискорбным недоразумением» и указала на то, что «все меры, принятые против отряда, должны быть отменены». К этому надо добавить, что при личном свидании со мной тов. Антонов подтвердил свое мнение об отряде М. Никифоровой и настаивал на выдаче ему обратно отобранного оружия». [1]

В Таганроге происходило как раз совещание большевиков — членов ЦИК Украины и работников с мест. Я не имел времени не только участвовать в этом совещании, но даже сколько-нибудь подробно ознакомиться с его настроениями и решениями. Для меня было важно лишь одно наличие серьезнейших разногласий между нашими товарищами в вопросе о тактике партии на Украине. Поскольку в тезисах, выдвигавшихся тт. Бубновым, Пятаковым, Коцюбинским и др., было сделано отчетливое ударение на организации вооруженного восстания на Украине и оказании для этого «организационно-технической помощи действующим партизанским отрядам», — мои симпатии склонялись к этой группе против группы т. Скрыпника, с ее весьма расплывчатой формулировкой задачи поддержки революционной борьбы на Украине. [2]

Этот раздор среди большевиков еще углублял кризис Украинского советского правительства, вызванный поведением левых эсеров, отказавшихся вступить в правительство, дать своих представителей даже в военный секретариат и мобилизационный штаб.

Выяснились и подробности о борьбе с контр-революцией на Дону.

Восстание Голубова имело внешним поводом арест Донревправительством известного Богаевского.

Голубов и Фетисов 14 апреля прислали правительству телеграмму с требованием немедленного освобождения Богаевского и с угрозой в противном случае расстрелять 1 000 рабо-

[1] «Вестник Таганрогского совета рабочих депутатов», № 4 от 25/12 IV).

[2] Группа тов. Скрыпника победила на совещании 26 голосами против 23.

чих. Телеграмма эта оглашена была на съезде советов Донреспублики и встречена общим негодованием. Съезд постановил ответить мятежникам, что он — верховная власть Донреспублики и примет против всяких контр-революционных выступлений самые суровые меры. 17 апреля наши войска уже заняли ст. Остайкоп, в 50 в. от Ростова, в направлении к Новочеркасску. В 19 часов 17 апреля Новочеркасск был отрядом Примакова очищен от контр-революционных банд. Но брожение в известных кругах казачества не улеглось. Из станицы Каменской сообщали, что в ней спокойно, но в Гундоровской — волнение, требуют выборов атамана. Попытки договориться мирным путем не удались, — старики из Гундоровской (250 штыков, 2 пулемета) пытались захватить Каменскую, но отступили после легкой перестрелки. В станице Калитвенской назревал подобный же конфликт. А из Сальского округа приближался к Дону атаман Попов, эмиссары которого успешно действовали и на севере Донреспублики.

С другой стороны, возобновились бои на Кубани с остатками корниловских банд.

В общем, силы Донправительства были скованы, и на их помощь нам рассчитывать не приходилось.

Нам пришлось еще разрешать с Украинским и Донским правительствами тяжелый вопрос о разоружении наших частей, переходящих на территорию Дона. Как невходящая в состав Украины, Донреспублика была заинтересована проявить свой нейтралитет в борьбе нашей с немцами, дабы не дать им предлога расширить территорию их оккупации. Мы договорились о мерах к формальному разоружению наших отрядов при переходе ими за определенно очерченные рубежи Донской республики. Правительства Донецкой и Донской республики должны были послать особых уполномоченных к германскому командованию договориться о приостановке военных действий на известных рубежах.

Меж тем получились сведения о ряде наших неудач на северном участке фронта, и мы поспешно выехали в Луганск, чтоб протолкнуть намеченные мероприятия.

Положение на Северо-Донецкой так и не удалось восстановить. Весь нажим Главштаба на командование Донецкой армией и посылаемые в нее подкрепления не дали результатов. На настойчивые требования Главштаба — вновь занять Изюм или,

по меньшей мере, удержать позиции на р. Оскол, Баранов отвечал сообщениями о полной небоеспособности своих частей и о продолжении их отхода. Уже 18 апреля все его отряды покинули линию р. Оскол без всякого нажима со стороны противника. Заградительный отряд 3-й армии 18 апреля занял Новодонецкий у самого Изюма и не обнаружил противника. Изюм еще не был занят немцами.

19 апреля Баранов сообщал:

«Из Святогорской штаб. Аккерман и Щукин имеют 380 человек. Всего пехоты у меня 650, кавалерии 70, орудий 9. Знаменцев пришлось обезоруживать. В непосредственной близости противника нет. Из 3-й армии поддержку обещали. Пока никого не прислали. Если немедленно поддержка не будет дана, то к ночи Святогорская будет оставлена».

В ответ на это сообщение Баранов снят с командования. Вместо него назначен т. Круссер, начальник Центроштаба.

Но это не улучшило положения.

Отступление 3-й лихорадочно-панически воспринято было Донецкой армией.

Святогорская была брошена без всякой защиты. Командующий армией Баранов передавал 20 апреля Главштабу:

«Святогорская оставлена в 19 часов. Наша разведка там. Противника еще нет. Повидимому, Славянск будет занят. Фланг у меня совершенно открыт, тыл также. Минирую мосты на Северном Донце по линии Лиман — Славянск. Отдаю приказ отходить в Луганск».

На вопрос зам. начоперод Малинина: «Разве позиция Пришиб — Дербышев—Терны не занята?» — Баранов отвечал: «На моем фронте никаких изменений. Эта линия еще не занята... но левый фланг совершенно оголен; у Терны части походным порядком отойдут на Кременое, а остальные на Лиман с погрузкой». На уговоры Малинина — не покидать линии С. Донца, не углубляться в Ныркoво, Баранов ответил: «Остановимся на ст. Яма, принимайте меры к обеспечению фланга». [1]

---

[1] Характерна эта чрезмерная озабоченность наших командармов за свои «фланги». Тут сказывался один из предрассудков, вынесенных из позиционной войны на германском фронте. Эта «потребность чувствовать локтем соседа» тяготела над нами еще и в 1919 году, сковывая наше маневрирование. Этот предрассудок был особенно силен как раз у «регулярников» — бывших работников 8-й армии.

Дальнейшее отступление Баранова вносило расстройство и в операции, предпринятые нами в Купянском направлении.

20 апреля в командование Донецкой армией вступил Круссер (штаб — Яма).

К этому же времени определилось и положение в Купянском направлении, и определилось столь же неблагоприятно для нас.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сиверс бездействует. Героическая защита Сватова Луганцы запаздывают — Сватово занято. «Штаб партизанских формирований». В защиту Юго-восточной ж. д Вызов из Кремля. Перед отъездом и в пути. Сговор с ВРВС. Переговоры о мирных переговорах.

Сиверс, несмотря на повторные настояния — наступать к Купянску, чтобы смягчить нажим противника на Сватово, бездействовал у Валуек.

15 апреля он сообщил, что на Валуйском направлении спокойно, но что противник занял ст. Беломестную у Белгорода и село Шебекино — в 20 верстах к северу от Волчанска.

16 апреля — о легких стычках нашей разведки с неприятельской заставой у ст. Двуречной, — застава отброшена; ночью 15 апреля обнаружен разъезд противника в с. Каменка у ст. Тополи.

В тот же день Сиверс жаловался на разложение в некоторых его отрядах «из-за шкурных и бандитских причин» и из-за отсутствия поддержки с тылу: несмотря на настояния Аусема, Петров из Лисок не дает ничего.

Отданный им в этот день приказ № 10 проникнут духом чисто пассивной обороны. Задача войск 5-й армии — «защита Валуйского ж.-д. узла — последнего перед Лискинским». Пункт 2-й приказа пессимистически оговаривает:

«Наши соседние войска расположены слишком далеко от нас, чтобы играть какую-либо роль в настоящих боевых действиях».

Однако Сиверс располагал довольно значительными (по нашему масштабу) силами и энергичными действиями к Купянску в связи с нашим нажимом с юга, мог бы значительно улучшить общее положение.

Судя по тому же приказу, в состав армии Сиверса к середине апреля входили: Орловский отряд (340 штыков, 60 сабель, 3 орудия); отряды Потапова и Волчанский (общим числом 460 штыков, 50 сабель); фронтовой революционный и Валуйская рота (250 штыков), Лебединский (350 штыков, 60 сабель); конный Дашкевича (50 сабель); Путивльский и 91-я конная сотня; затем отдельно Харьковская батарея (2 ор.) и 3-я бат. 4-й Сибирской артбригады (2 ор.). Всего — до 1 700 штыков, 300 сабель, 7 орудий.

К вечеру 17 апреля Сиверс доносил, что на Волчанском направлении наши конные части разбили разведку противника у ст. Приколотное, но, под давлением «превосходных сил», наши отошли, уничтожив телеграфно-телефонную связь. Противник занял село Ольховатку, в 10 верстах к востоку от ст. Приколотной.

На Купянском направлении — спокойно: неприятель усиленно разведует Купянско-Валуйский район и понемногу накапливается в Купянске. В Двуречном — его батальон, в Купянске — полк, на станции — 6 эшелонов; в Харькове «войск очень мало». По непроверенным сведениям, к сев.-востоку от Купянска на Ольховатку — Ровеньки продвигается сильная неприятельская колонна, подобное же продвижение к району Ольховатка — Венгровка.

Силы противника и в Волчанском и в Купянском направлении были, таким образом, незначительны, — здесь немцы вели только разведку и прикрывали фланг серьезных операций.

Главштаб усиленно побуждал Сиверса к активности.

Вновь (и в который раз!) 18 апреля Сиверсу указано: «Ваша бездеятельность у Купянска губительна».

Но Сиверс едва шевелился.

18 апреля он сообщал: «Утренняя сводка. По последним сведениям, намечаются действия противника со стороны села Петровского, Козинка, Харьковских хуторов и Венгровки, на Купянском направлении — спокойно».

19 апреля:

«На южном направлении противник готовится к наступлению на Валуйки, обнаружен 6-й ландштурменный батальон; на западном направлении положение без особых перемен. Противник накапливается в районе Ольховатки — Венгровка. На Новооскольском направлении — сведений не поступило».

В бездействии сторожевки отряды 5-й армии заметно разлагались. Вот характеристика их состояния, по приказу Сиверса № 11:

«За время стоянки отрядов на линии сторожевого охранения, имеющих против себя дисциплинированного и опытного врага, как германская регулярная армия, замечено самое халатное и преступное отношение как солдат, так и командного состава, к несению своих обязанностей.

«С большинства боевых участков не поступает срочных оперативных сведений в штаб армии. Начальники покидают на долгое время свои участки и пребывают в Валуйках.

«Солдаты, вместо боевого расположения, массами покидают свои участки и ловят рыбу на Осколе. Караулы на линии играют в карты и спят, не говоря уже о резервных дежурных частях. Через фронт идут всякие шпионы. Идет дикая ружейная и гранатная стрельба по всему фронту, которая помимо того, что опустошает наши небольшие артиллерийские запасы, но еще притупляет возможность распознавания, где происходит хулиганская трата патронов и где, действительно, идет бой».

Приказ взывает далее к сознанию революционного долга красноармейцев, требует прекращения отмеченных безобразий, грозит «катастрофой», если они будут продолжаться.

Такими уговорами вряд ли возможно было остановить разложение армии. Лучшей школой явилась бы постоянная активность против противника, хотя бы мелкими партиями. Эта активность 5-й армии была чужда.

Меж тем Луганские отряды несколько замешкались, задержанные переформированием.

17 апреля командарму Ворошилову даны такие указания: «Ваш участок имеет исключительно важное значение. У Сватово вы прикрываете Юго-восточную ж. д. Луганск — Миллерово, выходящую к магистрали, и путь от Харькова через Старобельск, выводящий к той же магистрали. В случае необходимости оставить Сватово, вам надлежит поэтому отправить стойкий отряд с артиллерией и конницей походным порядком к Старобельску, а остальными силами отходить постепенно к югу, уничтожая по пути железную дорогу. У Старобельска должно быть организовано сопротивление. С этой целью туда послан агитаторско-организаторский отряд. Для магистрали основное сопротивление организуется у Лисичанска и далее по Северному Донцу».

Но Ворошилов запоздал к решающему бою у Сватово. Не подошел к Годлевскому и Павлоградский отряд из Бахмута.

Отряд Годлевского, предоставленный самому себе, был разгромлен немцами.

Из донесений Годлевского и из рассказов других очевидцев, выяснилась такая картина боя за Сватово 17 апреля:

Бой начался с 3 час. утра и продолжался до 2 час. дня. Сразу наметился сильный обход с левого фланга. Первая цепь первого и второго эсеровских отрядов, с двумя орудиями на дороге, не приняли боя и панически бежали за орудия. Пришлось останавливать их пулеметным огнем. Противник был встречен отрядом 170 человек, при четырех трехдюймовках. «Ураганный огонь» по густым кавалерийским колоннам и броневикам неприятеля. Два из семи броневиков сбиты, один загорелся, но немецкие колонны упорно идут... Правый фланг отряда «Молния», под начальством Белогрудова, бил с пульмана из двух трехдюймовок и остановил кавалерию, наседавшую на правый фланг. Загорелись три неприятельских броневика. На левом фланге наша артиллерия прямой наводкой также приостановила наступление немцев. Но шесть неприятельских орудий открыли «хороший огонь», сбили два наших орудия. Из 170 человек в цепях на этом фланге осталось около 90 человек. Правый стал просить подмоги. Ее неоткуда было взять. Белогрудов, начальник правого фланга, начал подводить только-что прибывший Люботинский отряд. Но отряд заколебался, бросился в эшелон и уехал. В это время артиллерия неприятеля стала бить непосредственно по станции метким огнем, чем отрезала отход нашей артиллерии и остатков цепей. Подошел на помощь отряд Киселева (150 человек), и Годлевский перешел в контр-атаку под прикрытием сильного огня артиллерии. Но 10 лошадей одного из орудий перебиты, второе орудие вышло из строя из-за порчи. Пришлось снять артиллерию и отходить к станции под прикрытием цепей. Несмотря на сильный обстрел станции, артиллерию удалось погрузить (пушки тянули на руках). Под прикрытием огня с пульманов (пулеметы и два орудия) все эшелоны отошли со станции. Пульманами руководил непосредственно Годлевский. Но на первом пульмане орудия провалились, пульман выбыл из строя. Второй пульман работал из трех пулеметов. Неприятель провожал метким огнем. В 4 верстах от станции вдруг остановились. Снарядом неприятеля была разбита летучка подрывников, они

все превращены в кашу. Под огнем противника эшелоны повернули назад на новый путь. Годлевский с пульманом прикрывал отход. У семафора следующей станции эшелоны были остановлены. Оказалось, что луганцы — на станции.

Ворошилов пояснил, что запоздал, так как силы у него были не сформированы, и даже сейчас обещанный Главштабом 6-й Заамурский полк отсутствует, артиллерии нет, снабжения тоже. Годлевский передал Ворошилову уцелевшую трехдюймовку и командование всеми частями.[1]

Тотчас же Ворошилов послал цепи по направлению Сватово, с левого фланга двинул два броневика. У Ворошилова — 2 000 человек, из них, по его словам, боеспособных 1 500 человек.

Сватово занято авангардом кавалерийской дивизии, наступавшей по шоссе от Зенькова, пехотой, двигавшейся в эшелонах (4 эшелона) из Купянска, и бронепоездом.

Ворошилов с передовыми эшелонами подоспел в Кабанье уже к концу боя у Сватово. У него было слишком недостаточно сил, чтоб разбрасываться на два направления, как требовал от него Главштаб, — на Сватовское и Старобельское. И, конечно, наилучшей защитой Старобельска, при данных условиях (не маловажное — и отсутствие у Ворошилова кавалерии), был энергичный нажим на Сватово. Но недостаточная боеготовность отрядов, некоторый упадок «духа» и почти полное отсутствие артиллерии не допускали широкого развития наступательной операции.

В ответ на требование Главштаба: «Атакуйте Сватово, вышлите заслон на Мостки на дороге Сватово — Старобельск. Из Кременного и м. Рубежного вышлите отряды к Старобельску форсированным маршем», начштаба 5-й армии (армия Сиверса 18 апреля переименована во 2-ю Особую, название 5-й армии придано отряду Ворошилова), Руднев, утром 18 апреля сообщил, что при наличных силах армия не может предпринять нажима на Сватово и вынуждена будет отойти к Кременой, если не получит серьезных подкреплений.

---

[1] Герой боя у Сватово, Годлевский, вскоре погиб нелепым образом. Был он послан Главштабом в Таганрога для ареста нач. нашей разведки, Николаенко, подозреваемого в предательстве. В Таганрог подвыпил, буйствовал, зарубил бессудно одного контр-революционера и был расстрелян совластью. Николаенко перебрался благополучно в Мариуполь, где, по слухам, перешел к немцам.

Главштаб резко реагировал: «Вы просите подкреплений, не втянувшись в бой. В Родаково у вас много эшелонов, организуйте защиту. Позабудьте о Кременой, высадите людей из эшелонов и создайте временную позицию к северу от ст. Бунчужной — дер. Краснянка и по р. Мечетная. Обороняйтесь до перехода снова в наступление... Не забывайте о направлении Ново-Астрахань — Старобельск. В тылу у вас, на Донце, создается позиция, руководят работами Разживин и Гончаров».

Одновременно дан приказ направить к Ворошилову тяжелую батарею и отряд Сергунова из Бахмута.

К чести 5-й армии надо отметить, что, получив такую отповедь, ее штаб расшевелился, и хотя уже из Кременой, но отдал приказ возобновить наступление. Вначале оно развивалось успешно.

Руднев 19 апреля сообщал:

«В 4 часа началось отступление противника у мельниц села Ново-Никольского, батарея противника, стоявшая там, была сбита и убежала. Наша пехота заняла эти мельницы, продвинулась на 9 верст вперед. Д. Ново-Никольская нами занята; по причине отсутствия кавалерии не были в состоянии догнать неприятельскую батарею, иначе бы она была в наших руках. Крестьянство сильно настроено против немцев. Все пока в нашу пользу, экстренно высылайте две сотни кавалерии и тяжелую батарею, возьмем Сватово».

Это сообщение совпало со следующим приказом Главштаба: «1) Войти в соприкосновение с противником, ибо, не имея этого, создаете панику у себя. Прибывшему в Лисичанск отряду тов. Сергунова дайте обмундирование и довольствие. 2) Остановиться на разъезде Кабаны, занять позицию в ее районе, деревню поименованного названия и возвышенности восточнее ее приспособить к активной обороне, иметь ее как главную позицию, приложив все усилия к удержанию ее, самому же стремиться перейти в наступление, занять Сватово, дабы иметь в своих руках вход — шоссе на Старобельск и парализовать наступление противника на этот город. 3) Второлинейная позиция будет опушка леса, что в двух верстах южнее Мечетной, 2-й приток реки Мечетной, приспособив к обороне и дер. Краснянку. 4) Тыловая позиция — по Северному Донцу, на нее надлежит обратить самое серьезное внимание. 5) Во всех случаях держать связь влево и вправо со своими соседями. С командармом Барановым держать связь через Цыгановку до Святогорска.

«В тылу у вас объявлена мобилизация».

(В «тылу», на Северном Донце, работала усердно с 13 апреля агитационно-организационная группа Рауна-Кульбачки-Василевского. По ее отчету, ею организован ряд сел по реке С. Донцу. В Дроновке (у жел.-дор. моста) начато рытье окопов для стрелков и пулеметных гнезд, подготовлены артиллерийские позиции; набран отряд в 20 чел. бывших солдат, который принял на себя охрану моста и разведку до села Закатный. В селе Закатном организован отряд в 48 ч. Назначен нач. обороны участка, выделенный партией большевиков, бывший прапорщик Ткаченко. В с. Кривая Луна также создан партийный партизанский отряд в 35 ч. Небольшие отряды созданы также в селах Рай-Городок, Амполь, Поповка, Лиман, Щурово, Дробушево, Подгорное, Серебрянка, Черногоровка, Звановка. Розданы 310 винтовок и 26 000 патронов. Установлена телефонная связь. Общая задача — разведка и охрана путей и переправ. «Партизаны» действовали энергично, переловили немало неприятельских разведчиков и т. д.)

Заняв Сватово, немцы наметили удар по линии Старобельск — Беловодск — Чертково, в разрез Юго-восточной магистрали.

По этой жел. дороге текла основная волна нашей эвакуации и шло снабжение центрального района топливом. Это был также один из возможных путей отхода наших войск.

Необходимо было предотвратить перехват Юго-восточной железной дороги немецкой кавалерией.

Заблаговременно был принят ряд мер. В Старобельск послан агитационно-организационный отряд Назарова для подготовки местных сил к отпору немцам. 18 апреля ревштабу в Черткове предписано направить сформированные ревчасти к Беловодску, где занять оборонительное положение по р. Деркул, выслав разъезды к Старобельску. Луганскому ревштабу указано «отправить на автомобилях-грузовиках сотню с пулеметами и один-два эскадрона в Старобельск, откуда выдвинуть разъезд к Сватово» (выполнено не было).

Остальные необходимые меры у Черткова, в соответствии с действиями от Лисок и Валуек, должен был провести Мстиславский, только-что прибывший со своей группой генштабистов из Москвы.

Мстиславский (левый эсер) назвал свою группу «штаб формирований партизанских отрядов». Разговаривать с ним пришлось при протоколисте. Решительно было отклонено его требование предоставить свободу в формировании партизанских отрядов, — мы стремились к обратному: к переходу на регулярность. Мстиславский, наконец, сдал. Согласился выделить двух генштабистов на «Южный фронт» для работы по приведению в порядок его расстроенных отрядов. Согласился принять на себя руководство активной обороной Юго-восточной ж. д. (Лихая — Воронеж) и подготовку действий Сиверса, Петрова и Киквидзе в направлении от Валуек к Купянску — Харькову.

19 апреля наштаверх Геккером Мстиславскому указано:

«Исполняйте № 235 Главковерха. Командарм Ворошилов, оперирующий у Сватово, сейчас отошел на Кременое, обороняйте Старобельск, удерживая натиск противника. Он, вероятно, устремится на восток — на Беловодск и далее на линию жел. дор., что на Воронеж. Об исполнении донести мне, указав, какими силами какую позицию занимаете».

Но Мстиславский слишком расширил свои полномочия.

Он дал ряд распоряжений общефронтовому резерву в Луганске и т. д. Распоряжения эти частично были отменены мною, прибывшим в Луганск к вечеру 21 апреля. Здесь, на совещании с Венедиктовым, Разживиным и другими руководителями Тираспольского отряда и Луганского ревштаба, были приняты к исполнению следующие предписания Главштаба:

1) Разживин остается «комиссаром по формированию стратегического резерва», ему же поручена, кроме создания оборонительной линии от Лисичанска к Миллерово, также организация охраны ж. д. Луганск — Миллерово и переправ на Сев. Донце от Переездной до Веселогорска.

2) В отмену распоряжения Мстиславского, батальон, организованный Разживиным, направляется не к Старобельску, а в Донецкую армию. К Старобельску же выступает весь Тираспольский отряд (до 2 500 штыков, 500 сабель, 12 орудий, 4 броневика).

Последнее решение пришлось провести на «военном совете» Тираспольского отряда. Мое предложение, энергично мотивированное, не встретило особых возражений.

Решено было выступить походным порядком из Луганска к Старобельску (выяснилось, что переброска отряда жел.-дорожников

к Черткову и далее походом к Старобельску потребовала бы вдвое больше времени).

22 апреля Венедиктову дан следующий приказ:

«Противник занял Купянск и дорогой Волов-Яр — Сватово наступает на Старобельск. Армия Сиверса (ее штаб в Валуйках) имеет соприкосновение с противником в Двуречной. Армия тов. Ворошилова (штаб Кременое) прикрывает жел. дорогу от Сватова на Луганск. Вам предлагается, без всякого промедления, выступить походным порядком через Веселогорск дорогами по левому берегу Айдара на Старобельск. Одновременно с вами начинают движение колонны войск от Черткова через Беловодск — Евсуг. Вам надлежит, установив связь с этой группой, по установлении этой связи, принять ее под свое командование для действий против неприятеля. Назначение вашей группы войск — занять Старобельск и действовать далее сообразно общему плану и директивам, которые будут даны дополнительно. Донесения посылайте в мой штаб и Мстиславскому в Чертково».

Сверх того, для усиления Чертковской группы, Главштаб предписал двинуть две сотни конницы из резерва (Острогожска) к Черткову, туда же Сулинский батальон.

22 апреля утром получено было извещение, что стоящий в Беловодске наш конный отряд (150 сабель, 5 пул.), выступив, по распоряжению Главштаба, на Мостки, занял Новоалександровский завод, где соединился со Старобельским отрядом (60 ч.).

Тов. Назаров был утвержден командующим Чертковским районом, предписание, данное ему Мстиславским — занять Беловодск — Главштаб дополнил приказом наступать, в связи с Тираспольским отрядом, к Старобельску, подчиняясь в оперативном отношении Венедиктову, который, по установлении живой связи с назаровским отрядом, явится командующим всей Старобельской группой.

Таким образом, у Старобельска, в направлении Сватово — Купянск, предполагалось создать мощную группировку, которая, поддержанная 2-й Особой армией Сиверса (из Валуек), могла бы содействовать улучшению нашего общего стратегического положения.

Сообщая об этих планах и предписаниях Мстиславскому в письме-депеше от 22 апреля, я прибавлял:

«Вы исходите, как из данного, из прочности нашего фронта в центре, очевидно поэтому вы так легко посягнули и на наш

Луганский резерв. Между тем, центр настолько потрясен, что оправиться вряд ли может, — мы отброшены из-за удара, нанесенного ему превосходными силами немцев, к линии Бахмут — Авдеевка — Доля. Лишь быстрым ударом на Купянском направлении можно поправить положение, крайне скомпрометированное. Основное условие — быстрота удара и непрерывность его. Между тем группа Сиверса бездействует, надо понудить ее к действию. Абсолютно необходимо напрячь все силы, чтобы развернуть наступление на Купянск от Валуек. Это ваша главная сейчас задача. Помимо сказанного, необходимо создать командование и организовать снабжение для группы у Чертково».

Конечно, отмена ряда распоряжений, отданных Мстиславским, да и самый тон указанного письма от 22 апреля, не могли способствовать развитию энергии этого самолюбивого и самоуверенного генштабиста.

Мстиславский и его группа. в дальнейшем, проявили себя крайне вяло.

Следует отметить еще некоторые меры, разработанные на указанном совещании в Луганске. Решено было объявить мобилизацию в Луганском и прилегающих районах для сформирования трудовых батальонов и производства фортификационных работ. Принято предложение инженера-китайца Ка-Оу-Хуна сформировать полк из рабочих китайцев. (Формирование пошло очень успешно; китайцы прекрасно дрались в наших рядах против немцев.)

Чехословацкий батальон с батареей направлены из Луганска в Камышеваху, в резерв Донецкой армии.

21 апреля в Луганске получена телеграмма председателя Высшего военного совета Л. Д. Троцкого, приглашающая меня немедленно приехать в Москву.

Я выехал на следующий же день, отдав, в связи с обстановкой, ряд неотложных распоряжений.

Всем командующим армиями послано письмо, в котором сообщалось о подготовляющемся нами ударе на Купянск и далее, по обстоятельствам, может быть и на Харьков, и предлагалось удержаться на нынешних позициях «хотя бы 3 дня».

В случае необходимости отхода, командарму Донецкой рекомендовалось «основательно разрушить участки жел. дорог Лиман — Яма — Бахмут до станции Часов-Яр — Яма — Нырково — Бахмут — Натальевка включительно».

Командарму 3 указывалось (21 апреля вечером):

«Получив подкрепление, организуйте оборону Константиновского узла (ст. Константиновка). Ваш район: дер. Марьинское исключительно, река Ср. Ступки, река Грузская, мост на этой реке — берег оврага до высоты 718, что севернее Васильевки включительно, имея задачу прикрыть ст. Константиновку и дороги на Никитовку, а также и узла Никитовка. Тыловая дорога Дебальцево — Луганск. Справа от вас — Донецкая армия Круссера, слева — 2-я армия Бондаренки. Вам подчиняются все боевые отряды местных районов, которые обязаны исполнять ваши приказания».

Подтверждены предписания, данные еще 20 и 21 апреля, о подкреплении 3-й армии:

В Юзово Центроштабу: Все резервы направить в Горловку, в распоряжение командарм 3.

Туда же — Константиновский рев. отряд и 3-й Александровский. Категорически, за ответственностью определенных лиц, вновь предписано в кратчайший срок закончить ремонт в Луганске Киевского бронепоезда и направить его к т. Чикваная.

Но Чикваная, ссылаясь на полную небоеспособность своих отрядов, заявлял о невозможности занять какую бы то ни было позицию.

Все свидетельствовало о полной деморализации 3-й армии.

22 апреля, перед моим отъездом, из переговоров начоперода Главштаба с командармом 3 подтвердилось, что, заняв Славянск, неприятель 21 апреля прошел Краматорскую и направляется к Константиновке, не встречая сопротивления. Чикваная заявлял, что без реальной силы, не сможет справиться с беспорядком в своих войсках: «я не ручаюсь за сохранение армии, если бронепоезд через час не будет у меня». Разложение проникло и в руководство армией: вслед за Лазаревым самовольно уехали председатель военного совета, комиссары пехоты и продовольствия с помощниками. Несколько отрядов силой прорвались через Никитовку к Луганску.

Чикваная просил заменить его Нехаенко, сохранившим в относительном порядке свой отряд.

На сетования Чикваная я отвечал:

«Вам и второй армии общая задача — прикрывать Дебальцево, обеспечив вывоз эвакуируемых эшелонов и военного имущества. Дебальцево надо отстоять подольше, пядь за пядью. Поддерживая связь по возможности с южной армией, которая

охраняет подступы к Таганрогу и Юзовский район, вести оборону Дебальцева по реке Ольховатке — Миус с юга, рекам Бахмут — Корсунь, Лугань — Садка, Марковские хутора и т. д. Более подробные указания даст тов. Малаховский. Нам надо, товарищ, держаться, чтоб условия мира для юга России не были бы губительными для всей России и для революции. Будем же держаться на своем посту до конца, дорогой товарищ Чикваная».

Подбодренный Чикваная согласился остаться командующим. Ему оставлены далее следующие указания:

«В случае отхода вам надлежит взорвать дороги: 1) Никитовка — Бахмут, 2) Никитовка — Логиново включительно, 3) Дебальцево — Ирмино (около Марьевки) включительно, 4) Дебальцево — Родаково.

«Все эти взрывы — с полного на то согласия командармов 2-й и 1-й, так как это их пути отхода».

Была еще надежда, что Чикваная удастся задержаться на позициях, прикрывающих Никитовку.

Больше упорядоченности, чем в центре, ощущалось на юге. Штаб 2-й армии 20 апреля доносил:

«В виду неустойчивого положения разбитой 3-й армии у Славянска и северной армии у ст. Кабанье, а 1-й армия у Волновахи, где ею не оставлено никакого заслона, положение 2-й армии у Петропавловки, Чаплино, Покровское ненормально и неустойчиво, нет точки опоры, а потому нахожу необходимым отвести 2-ю армию на линию указанных вами позиций, по реке Казенный Торец и район Гришино — Юзовка, без боя. Прошу немедленно ваших распоряжений и указаний».

Из первой армии (Иловайская) одновременно сообщали:

«На фронте без перемен, разведкой обнаружено, что неприятель готовится к наступлению. Наши солдаты, бежавшие из плена, сообщают, что на ст. Волноваха находится три эшелона немецкой пехоты при трех орудиях, кроме того немцы стягивают войска из Полог на Волноваху».

Перед отъездом я пытался также удалить назревавший конфликт с Центроштабом, — этот штаб самоуправно распоряжался сформированными им частями, отдавал свои приказы по эвакуации и вообще старательно поддерживал путаницу и суматоху. Центроштабу указано:

«Теперешний момент требует особого напряжения и сосредоточенности действий. Никакая двойственность распоряжений

не допустима: Центроштаб постоянно вмешивается в дела, не имеющие ничего общего с его специальным назначением формирования революционных частей, чем крайне вредит делу. С другой стороны, формирование частей выходит далеко за пределы, которые способен захватить своим контролем Центроштаб. Предлагаю Центроштабу ввести свои органы в штаб Главковерха для слитной работы по борьбе с врагами революции. Лишь этим путем уничтожатся трения и создастся мощная организация штаба. Неисполнение этого предложения всяким сознательным рабочим учтется или как недостойное проявление организационного и личного самолюбия, или как проявление органического недомыслия. При штабе имеется отдел формирования, войдя куда, Центроштаб может развернуть широкую деятельность».

В виду экстренности отъезда в Москву и невозможности снестись с наштаверхом т. Геккером (он — в Лихой), я оставил своим заместителем, на время краткого отсутствия, не т. Геккера, а начоперод Малаховского, который был в курсе всех операций и замыслов командования.

По дороге в Москву задержался на несколько часов в Чертково — подтолкнуть к более энергичной работе т. Назарова и местный штаб. Пришлось убедиться, что батальон сулинцев, вопреки приказу, не прибыл на эту станцию (впоследствии выяснилось, что он был задержан Центроштабом).

В Лисках закреплена своего рода «застава» — боевой отряд Трофимовского с назначением разоружать самовольно покидающих фронт, отбирать излишки снабжения и формировать пополнения во 2-ю Особую армию (Сиверса). Трофимовскому предписано:

«Не допускать прохода боеспособных частей в тыл под предлогом формирования. Все боеспособные части моим именем направлять в распоряжение Сиверса. Вам и Сиверсу остается два дня для организации».

Здесь же виделся с Мстиславским, который получил подробные указания о подготовке удара к Купянску (м. б. Харькову), резюмированные так:

«Вам осталось два дня для организации Сиверса в поддержку Венедиктова. В Острогожске есть боеспособные части, подчините их себе. Торопитесь. Все проходящие и присутствующие эшелоны возьмите в руки через тов. Трофимовского, — там

масса боеспособных сил. В Острогожске — 6-й Заамурский полк, проверьте его боеспособность и придайте Сиверсу. Сиверсу нужна артиллерия».

Из Воронежа протолкнуты к Сиверсу Белгородский партийный отряд и батарея.

Послано также предписание Петрову перейти со всеми силами в распоряжение Мстиславского.

В Воронеже получено следующее письмо от т. Барабаша, наштарм 4:

«Прошу выяснить положение в Ростове-на-Дону: а) относительно батальона, высланного из Москвы, — нужен ли он там или нет; б) можно ли там произвести концентрацию войск 4-й армии. Формирование идет следующим порядком: имеется два батальона сербов, которые направлены на Балашов для формирования в полки. В Воронеже формируется 500 человек пехоты, в Екатеринодаре 1 000 мадьяр и немцев, в Москве сформирован батальон пехоты и отправлен в распоряжение Главковерха; там же сформированы 2 эскадрона кавалерии и 1 дивизион артиллерии. В Воронеже формируются 2 батальона поляков. В Москве был съезд делегатов военнопленных всей России и постановил: выступить вооруженной силой и драться с Германией; комитеты всех национальностей заявили, что посодействуют между своими земляками о поступлении в ряды 4-й армии. Особенно отличились румыны, которые обещают в самый кратчайший срок сформировать 10 000 штыков. Через месяц можно рассчитывать на армию в 15-20 тысяч штыков. Я отправился в Балашов вслед за сербами, чтобы взять в свои руки формирование их в полки и чтобы руководить агитацией и набором всех иностранцев Южной России. Если нужен личный мой доклад, прошу приказать, и я, закончив дела с расквартированием частей, прибуду лично. В Москве организован мобилизационный отдел в самом широком масштабе. Отдел разослал уже всем совдепам воззвание, прося их содействия относительно набора иностранцев в нашу армию».

Ему отвечено:

«Положение грозное — на Чертково намечен удар. Старобельск занят неприятельской разведкой. Удар идет на Дебальцево, и уже занят Славянск и Константиновка, а на юге Мариуполь почти занят. Организуем отпор — удар отборных сил на Купянск — Харьков. Пошлите силы немедленно в Чертково, известив меня».

В Москве, на заседании Высшего военного совета, я сделал доклад о нашей борьбе на Украине. Установил, что эта борьба подходит к концу. Единственным шансом представляется решительное наступление от Валуек и Старобельска к Купянску и, далее, к Харькову. Только оно могло бы несколько приостановить продвижение противника и дать возможность нам завершить эвакуацию. Высший военный совет одобрил эти соображения, указал на необходимость продержаться еще некоторое время и по политическим мотивам,—ожидались переговоры с Центральной радой о границах Украины. Мы условились далее, что украинские советские войска отступают в Великороссию по Юго-восточной жел. дороге Миллерово — Лиски и что, согласно требованию германского правительства, перейдя границу, подлежат формально разоружению.

Для продолжения борьбы на Украине нам обещано дополнительное снабжение кадрами и специалистами.

Виделся я также и с В. И. Лениным, которому докладывал о положении на Украине. Сообщил ему, между прочим, о героическом поведении «большевистского батальона имени Ленина»: достойный своей партии и своего имени, этот батальон своей грудью прикрыл отход остальных частей 3-й армии, почти целиком погиб в бою с во много крат сильнейшим врагом...

О мирных переговорах с Радою узнали мы следующие подробности:

30 марта в Ростове-на-Дону была перехвачена радиотелеграмма «совета министров Украинской народной республики» Совету народных комиссаров в Москве, с предложением «немедленно приступить к переговорам» о прекращении военных действий и заключении «демократического мира».

В ночь на 1 апреля нарком по национальным делам Сталин имел разговор по прямому проводу с Ростовом-на-Дону. Комиссар по национальным делам Донецкой республики Шахрай запрашивал, получена ли Совнаркомом нота Голубовича с предложением мира. Сталин отвечал, что нота не получена. В разговоре далее отмечено, что нота германского правительства от 29 марта, в части своей, касающейся Украины, при всей своей императивности дает все же места для возможности соглашения по вопросу о территориальных границах Украины. Сама Рада, в лице своего министра иностранных дел Голубовича, проявляет, повидимому, склонность итти на уступки в этом вопросе.

Во всяком случае прежние территориальные аппетиты Киевской рады, как, например, требование об уступке Украине значительной части Воронежской губернии и другие, в настоящее время значительно уменьшились.

Обращение Рады получено было в Москве кружным путем только 2 апреля. 3 апреля последовал ответ Чичерина:

«Киев, Раде народных министров, ответ на радио от 2 апреля с предложением начать переговоры о мире. Правительство Российской республики, вынужденное к заключению мирного договора Радой министров ультиматумом 21 февраля и Брестским договором, предлагает местом переговоров город Смоленск. Переговоры предполагается начать 5 апреля сего года. Что касается междуусобной войны, которая якобы ведется между двумя враждующими народами, народный комиссариат решительно отклоняет подобное объяснение происходящей на Украине кровавой борьбы. Советское правительство не ведет войны против Украинской народной республики. Борьба идет между двумя частями Украинского народа, речь может итти лишь о горячем сочувствии, которое трудящиеся массы России в эти трагические дни для украинского, и не только украинского народа, несут рабочим и крестьянам Украины».

К этому же времени в Москву прибыло чрезвычайное посольство Украинской советской республики, в составе председателя Украинского нарсекретариата Скрыпника и народных секретарей Украинской советской республики Коцюбинского и Врублевского. Цель прибывшего посольства — выяснить взаимоотношения между Российской федеративной республикой и Украинской советской республикой.

4 апреля оно было принято на заседании Совнаркома.

Украинское посольство декларировало провозглашенную Вторым всероссийским съездом советов самостоятельность Украинской народной республики, как советской социалистической федерации.

Совнарком, в ответных речах по поводу принятой декларации, единогласно высказался за признание советского правительства Украины.

В официальном приветствии Совнаркома Украинскому рабоче-крестьянскому правительству заявлено, что Совнарком принимает к сведению провозглашение Украинской народной республики самостоятельной федеративной республикой и выра-

жено горячее сочувствие «геройской борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины».

Затем, 7 апреля, в Москве получена следующая радиотелеграмма германского правительства:

«В комиссариат иностранных дел, Москва.

В пункте шестом мирного договора Русское правительство обязалось в ближайшее время заключить мир с украинской республикой. По донесениям Украинского правительства, Россия не предпринимала никаких к тому шагов, несмотря на обращение Украины. Ссылаясь на то, что имеющий быть заключенным Русско-Украинский мирный договор должен разрешить также все сомнительные вопросы относительно размеров украинской территории, Германское правительство выражает надежду, что Русское правительство без промедления приступит к переговорам с правительством Украинской республики, о времени начатия которых просит его уведомить. Министр иностранных дел Буше».

Совнарком, конечно, не мог принять усиленно навязываемый ему германским правительством и Украинской радой точки зрения, что революционная борьба на Украине есть «война между Москвой и Киевом». Но переговоры о границах Украины были необходимы. И Совнарком, согласно своему заявлению от 3 апреля, выслал в Смоленск делегацию для этих переговоров с представителями УНР. Но представители Рады запоздали... Дело как будто заглохло...

Зато получены были сообщения об усиленном натиске немцев в направлении к Брянску и Курску. Нарком Чичерин протестовал против развития немцами операций в этих направлениях, в частности против занятия ими Путивля и других частей Курской губернии, отмечая, что, «даже по односторонним заявлениям Киевской рады германскому правительству, эти местности не входят в территорию Украины». Германское правительство не сочло нужным дать иной ответ на этот протест, как усиление напора своих войск к Брянску и Курску, — с ясной целью сковать в этих пунктах Красные войска и не дать им подоспеть на помощь Донбассу.

Не ответило германское правительство и на ноту Чичерина от 15 (?) апреля по поводу враждебных действий германо-турецкого флота в Черном море (захвата коммерческих пароходов и т. д.).

Дела на Украине не оставляли нам однако времени для более подробного ознакомления с общим положением.

24 апреля утром по прямому проводу из Чертково передавали:

«Положение к 24 апреля. Армия Ворошилова остановилась на линии Кременое — Нижнее — Ново-Ивановка, штаб в Камышевахе. Армия Круссера стоит на ст. Попасная. У Бахмута все взорвано, туда посланы чехословаки. Армия Чиквапая заняла позиции впереди Никитовки. Армия Бондаренко (2-я) отошла на Торец. Армия Харченко (1-я) перешла в наступление, взяла штурмом позиции у Великий Анадоль, захватила 9 пулеметов и пленных, сейчас ее войска в 6 верстах от ст. Волновахи. Про Венедиктова (Тираспольский отряд) ничего не известно — повреждение проводов. Назаров доносит: в Беловодске спокойно, в Старобельске — немецкий разъезд в 25 солдат. Сегодня послали туда отряд. Сулинский полк еще не пришел. Западнее Чертково пока войск больших нет. Открылось, что Центроштаб, в течение последних дней, выслал до 4 000 солдат по разным станциям Дона для борьбы с контр-революцией, а сам переходит в Ростов, отказавшись от предложения слиться со штабом Антонова. Говорят, что Сулинский полк перешел за ними в Ростов. Штаб перешел в Чертково, настроен плохо — все трения в работе. Говорят, что тов. Антонов не вернется совсем. Жел. дороги начинают забиваться. На внутреннем фронте начались бои на некоторых станциях. В Таганроге совдеп предложил разоружиться нашим частям. В штабе был поднят вопрос — начать и у нас разоружения, но я категорически заявил, что не позволю разбирать этот вопрос. Лично я отдал приказ о занятии линии по реке Лугань до ее пересечения с жел. дорогой и на Кременое. Все присланные мне приказы исполнены и разосланы. Ожидаю приказа о дальнейших работах. Только-что получил сводку от Сиверса, — говорит, что в Харькове только пять эшелонов немцев, вчера у него была стычка у станции Ольховатки и дер. Тополеватки, большие силы немцев идут на Старобельск. Отступать он не может. Фронт его проходит Волчанск — Бурлук — Ольховатка. Начоперод Малаховский».

Тотчас же отвечено:

«Чертково. Малаховскому начоперативного, копия Мюрату. Все оставайтесь на посту, операции продолжаются. Арестовать того, кто утверждает, что я не вернусь. В Смоленске нет переговоров, но вчера приехал германский посланник Мирбах. Сегодня должен

определиться вопрос о войне, получу дальнейшие инструкции и выеду немедленно. Мое присутствие здесь абсолютно необходимо. Не мог передать руководства Геккеру из-за оторванности от него и его болезненности. Организуйте непрерывную связь с Луганском. Завтра прямо еду туда. Встретил здесь самое дружелюбное отношение. Передайте Сулинскому полку категорическое и последнее предписание итти в Чертково и запросите, на основании чего он не выступил до сих пор. Отметьте командармам, что, уходя из-под удара противника, надо оставлять на прежнем фронте хотя бы редкую цепь в некоторых опорных пунктах для принуждения противника к развертыванию из походных колонн. Отход делать постепенный ночью и по эвакуации наиболее ценного. Командармы должны снабжать отряды удостоверениями, что им разрешается покинуть фронт».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Сиверс пассивен, Ворошилов отходит, маневр к Старо-бельску запаздывает. Распад центра. Южные армии огрызаются». Мирные разговоры. Тщетные попытки сосредоточения к Лискам. Разброд «фронта».

К вечеру 24 апреля я был уже вновь в Черткове. По дороге получил от Мстиславского, прибывшего со своим штабом Воронеж, следующие сведения с фронта 2-й Особой (Сиверса):

«Сегодня утром приехал со штабом в Воронеж. Вчера был Валуйках в штабе Сиверса. Фронт армии Сиверса разделяется а четыре участка: первый — по реке Кураева от Прехетной (? ороги до реки Оскол в составе: Орловского отряда 400 чел. ехоты, 30 конных; 2-й и 3-й боевые участки — от реки Оскол до омашева: 800 чел. пехоты, 5 орудий, 140 чел. конных; 4-й участок— Ромашева включительно до Подгорной: 255 пех., 70 конных 2 легких орудия. Резервы — в Подмонастырской, 60 чел. онных, и Валуйки (вокзал) — 200 пехоты. В Волоконовке стоит олк в 900 человек, но весьма слабой боеспособности. Перед фронтом в Уразовке стоит 50 чел. разведчиков. На западном аправлении, в виде меры обеспечения правого фланга, нахо-ится в Козинках 60 чел. конных и в Принцевке 400 пех., орудия и 30 конных. Связи с войсками и деятельностью ко-андующего войсками Курской губернии тов. Слувиса нет. ведения о противнике рисуют следующее: на ст. Тополи есть ехота, в Бурлуке — 400 чел. пехоты и 3 легких орудия; в Шипо-атове силы неизвестны. В Волчанском районе сосредоточено 2 000 чел. разных родов оружия и 2 аэроплана. Слабыми лами занята Николаевка. На ст. Купянск наблюдалось 5 эшело-ов, кроме восьми, которые ушли на Сватово, — сведения эти естных жителей, перебегающих к нам, и относятся несколько

дней тому назад. В Старом и Новом Осколе расположен отряд «Молния», командир которого был одновременно со мною в штабе Сиверса и привез сведения, что противник в 20 вер. от Корочи и что им был выслан целый ряд, повидимому, реквизиционных отрядов. В районе восточнее Волчанска обстановка позволяет притти к выводу о весьма вероятной попытке противника завладеть гор. Новый Оскол, в обход армии тов. Сиверса, что вынудит очистить Валуйский жел.-дор. узел и отойти в направлении на Лиски. Необходимо обеспечить правый фланг армии Сиверса путем присылки ему свежих частей и особенно артиллерии, в которой он испытывает острую нужду. Для выяснения того, что можно получить в этом направлении, сегодня совещание в составе: тов. Иванова, организующего оборону в районе Воронежа, и председателя военного отдела местного совдепа».

«Теоретические» размышления Мстиславского о «весьма вероятной попытке противника завладеть Новым Осколом, в обход армии Сиверса», конечно, не могли не подрывать активности штаба 2-й Особой, — опасаясь за свой правый фланг, никаких серьезных приготовлений к удару на Купянск Сиверс не предпринимал.

Меж тем официальные разведывательные сводки 2-й Особой армии показывали, что сведения Мстиславского преувеличивали силы противника в этом районе.

23 апреля замечены: 300 штыков в Бурлуке, до 1 000 и 2 аэроплана — в Волчанске; в Купянске всего — 5 эшелонов.

24 апреля — и в Купянске и по линии до Белгорода — «неприятельские силы невелики». Но значительный немецкий отряд наступает от Сватово к Старобельску.

23 и 24 апреля к Сиверсу подошли некоторые подкрепления: из Воронежа 1-й Пролетарский Валуйский полк (900 штыков) и Острогожская пешая сотня.

Противник проявлял себя только реквизициями по селам и усиленными поисками разведчиков, с которыми наши имели ряд удачных стычек (особенно у ст. Тополи). Обстановка для наших активных операций была благоприятной. Но, поддержанный Мстиславским, Сиверс отбил «шаг на месте» в Валуйках.

Вскоре, впрочем, штаб Мстиславского закончил свое эфемерное пребывание на нашем фронте, отбыв обратно в Москву.

Сиверс пассивен у Валуек. Ворошилов от Лисичанска пытался наступать к Сватово. Сватово не занял, но несомненно

задержал своей активностью на пару дней продвижение противника к Черткову. Немцы, с обычной для них методичностью, не решались втянуться значительными силами в восточном направлении (от Сватова к Юго-восточной ж. д.), опасаясь за свой правый фланг.

Но, не получив во-время подкреплений и считаясь с беспорядком в своем тылу (Донецкая армия, отступая перед воображаемым противником, оголяла тыл 5-й армии; на 3-ю полагаться также не приходилось), Ворошилов начал, в свой черед, отходить в направлении к Луганску.

Еще 22 апреля его артиллерия проявляла некоторую активность — ее огнем был подбит неприятельский бронепоезд, напиравший к ст. Кременой. Но в тот же день Ворошилов доносил:

«В 10 час. армия отбыла в Камышеваху, заняла позицию по берегу Донца, никакие отходы с занятых позиций недопустимы, и всякий отход может повлечь серьезные последствия. С моей стороны будут приняты энергичные меры против самовольно отходящих частей».

Главштаб (Малаховский) вначале пытался задержать этот отход, напоминая Ворошилову, что справа от него идет движение к Старобельску, и требуя от Донецкой занять обратно линию Яма — Бахмут. (К 8 часам 23 апреля, немцы были в Часовом Яре, в 13 верстах от Бахмута. Наши отходили, взорвав у Бахмута мосты.)

Побудить к наступательным операциям наши части было на этом участке невозможно.

И в тот же день, 23 апреля, Главштаб предписывал 5-й армии:

«Разработайте, выслав разведчиков, линию обороны по реке Лугань по линии Крымское (6 рота) на Красногоровку, по реке Лугань до станции Ирмино включительно. Левее вас будет армия Круссера, которая займет до деревни Луганское. Им выгрузка ст. Ирмино, ст. Лошоватка, ст. Доломит, ст. Роты и Логовино. Выработайте общий план обороны».

Донецкой:

«Правой группе, отходящей по линии Яма — Нырково, задержаться на реке Мокрая Плотва, занимая станции Нырково и Натальевку и ст. Логовино. Держите связь с штабом 5-й армии в Камышевахе. Защищайте узлы Нырково и Попасная. Наблюдайте за грунтовыми дорогами Бахмут — Камышеваха, Бахмут — Попас-

ная и Бахмут—Дебальцево. Если обстановка изменится, то занять линию обороны по реке Лугань от станции Ирмино включительно через Троицкое и Луганское включительно. Немедленно вышлите разведчиков для рекогносцировки этой позиции. Свои эшелоны направляйте на Родаково, через Камышеваху и Дебальцево, иначе собьете вторую, третью и первую армии».

И несколько позже:

«Ворошилову, Ныркoво и Попасная, командарму Донецкой Круссеру. Отход Круссера не так уже страшен, там небольшие отряды,—дойдя до Нырково и Попасная, они остановятся. Займите позицию по линии реки, впадающей в Донец у дер. Нижнее (6-я рота), наблюдая за перекрестком дорог у отметки 87,9, дабы не было обхода. Примите на себя отход Донецкой армии, так как возможно, что Бахмутский отряд отойдет на Горловку».

Но части 5-й и Донецкой уже выбились из подчинения и приказов не исполняли.

24 апреля Главштаб получил следующую характерную телеграмму из Родаково:

«Все начальники эшелонов, находящихся в Родаково, обсудив вопрос о приказании командармом 5-й армии Ворошиловым Новомосковскому отряду—занять позицию по берегу Сев. Донца, постановили, что занятие позиции единичным отрядом не только бесполезно, но и губительно, в виду отсутствия всякой связи между отрядами, и что только тогда возможно продолжение обороны, когда все войска, находящиеся в тылу, сомкнутся и спешно выступят пешим порядком на позицию. Вследствие чего разрешите немедленно разгружать все эшелоны, прибывающие в Родаково—Луганск и направлять их походным порядком для занятия назначенных совместно с ними позиций. Просим немедленного ответа. Начальники отрядов: Новомосковского батальона «Правды», 1-й Харьковской тяжелой батареи, 1-й Харьковской конной батареи, 1-го Знаменского, 1-го Дебальцевского, 1-го Изюмского, военный комиссар боевого поезда № 58, Горловско-Щербиновского, 1-й броневой команды, 1-го и 2-го отрядов Харьковских левых эсеров и Харьковской левой эсеровской батареи и Ярославского отряда. ЗК Родаково Петровский».

И в тот же день командарм Донецкой сообщал:

«Чертково Малаховскому. Моя армия ночью отошла Нырково Сев.-Дон. ж. д., теперь, вследствие загруженности станции, пере-

брасываю в Родаково. Вошел в связь с Ворошиловым, намерены оба базироваться на Луганск».

Не тревожимые более ни с северо-востока, ни с юга, германцы могли развернуть свое наступление через Старобельск к Черткову.

К Старобельску, к этому времени, уже подходил Тираспольский отряд (Венедиктова) и, прикрывая непосредственно Чертково, к Беловодску и на линию р. Евсуг выдвинулся отряд Назарова.

23 апреля из Черткова направлены в Беловодск кавалерийские отряды Меркулова и Васильева (до 150 сабель), прибывшие из Острогожска.

Назаров 24 апреля доносил:

«Разведка за 23/24 апреля: Старобельск — 60 чел. немецкой пехоты, 160 чел. белой гвардии, 2 пулемета. Руководит белой гвардией мировой судья Гирчик. От Сватово через Мостки до Старобельска — разъезды неприятеля».

Казалось, что Тираспольский отряд успеет занять Старобельск до подхода значительных неприятельских сил.

23 апреля Главштаб отдал Венедиктову такой приказ: «Предписываю вам выдвинуть отряд в район селений Ново-Белая и Ново-Беленькая и прикрыть участок жел. дор. от станции Гартмашевки до ст. Митрофановки. В этом направлении обозначилось движение противника через Старобельск. Заняв его, должен пройти боковой авангард отряда. В Старобельске оставить заставу. Сторожевое охранение по реке Айдар».

Как не отвечающий обстановке, настоящий приказ был мною видоизменен тотчас по моем возвращении в Чертково; Венедиктову указано: «Главковерх приказал вашему отряду занять Старобельск, исполняя устные приказы на луганском совещании, прикрывая пути наступления на Беловодск. Позицию, на которой остановитесь и займете — донесением по телеграфу. Против Старобельска действует германская конница, имеются сведения о занятии его разъездом. Ваша позиция должна пройти по реке Айдар на участке от Старобельска на юг, занимая дер. Шульгинку. Правый фланг вытянуть на север от Старобельска по реке Белой до деревни Белокуракиной, держа связь с соседней армией, 2-й Особой (Сиверса), занимающей позицию у Валуек, приблизительно через деревни Ольховатка — Каменка — Тимиковка. Главная задача: 1) захватить Старобельск, 2) держать

связь с флангом Сиверса, хотя бы заставами и постами. Резерв иметь на главном пути наступления противника, на дороге Старобельск — Беловодск, по вашему усмотрению, о чем донести. Направление отхода — на восток, не отрываясь от Сиверса, дабы прикрывать железную дорогу линии Чертково — Воронеж, что необходимо для спасения 1, 2, 5 армии, Круссера. Связь держать по правительственным проводам Старобельск — Беловодск — Чертково. Место штаба отряда донесите. При переходах и занятии новой позиции — также немедленно».

Одним из основных требований к Венедиктову ставилось, таким образом, держать связь с Сиверсом.

Наша группировка у Беловодска, прикрывающая непосредственно Чертково, представлялась, однако, весьма хрупкой. Были повторены приказы: Сулинскому полку прибыть в Чертково, Барабашу — прислать туда же боеспособные части (и эти приказы остались без отклика)...

Северная операция (Старобельск — Купянск) застопорилась. А центр безнадежно слабел.

23 апреля Главштаб ему предписывал:

«Штаб 3-й армии Никитовка и по месту нахождения, копия Камышеваха 5-й армии. В час ночи бронированный поезд вышел, к вам направлены также два отряда повторными телеграммами. У вас образуется снова армия, — для обороны займите линию Никитовка включительно, отметка 112,0, село Государев-Байрак, река Лугань, до села Луганское. Отход на Дебальцево. Взрывайте все, кроме участка Никитовка — Дебальцево, для чего осведомите сперва Донецкую и вторую армии. Подкрепление на ст. Хацепетовка — Еленовка».

И 23 апреля Чикваная отвечал:

«Для поднятия боеспособности армии, разложенные отряды вчера выведены из станции Никитовки в сторону Луганск. Оставшимся приказано разгрузиться немедленно и занять позицию на линии деревень: Александровка, Иванополье, Александрово, Зайцевские хутора и Климовские хутора. Приказ уже исполняется. Сведения об отрядах, подлежащих расформированию и разоружению, будут даны дополнительно. Только-что прибыл бронированный поезд тов. Яицкого. Бахмут и Яма уже оставлены армиями Ворошилова и Донецкой. Наш отход будет согласован с отходом 2-й армии по мере разгрузки тыла.

Порядок восстанавливается. Прибыл отряд тов. Степанова, ждем Крюкова».

Но уже на следующий день:

«Доношу, что отряды, сгрузившиеся с эшелонов вчера для того, чтобы занять позиции, вернулись все обратно и погрузились в вагоны лишь только стемнело. Силой заставить их подчиниться приказу нет никакой возможности. Требование у всех одно — отправка в тыл. Эшелоны отправляются. Третья армия, как армия, больше не существует. Выезжаю к вам. Командарм 3 Чикваная»...

Центр развалился.

Наш «Южный фронт», однако, еще держался.

Вторая армия отходила в порядке и порой хорошо отгрызалась, — 22 апреля вновь заняла с бою Авдеевку и наступала к Ясиноватой.

Первая — не отставала.

Вступив 20 апреля в командование, Харченко, во исполнение приказа Главштаба, двинул войска 1-й армии к линии Ясиноватая — Юзово — Волновaха и к Мариуполю.

Немцы уже заняли ст. Волноваху, Великий Анадоль и Еленовку и подходили к ст. Доля и к Мариуполю, храбро обороняемому 1-м регулярным батальоном (Андреева).

22 апреля Харченко издает следующий энергичный приказ:

«Из Иловайской. Экстренно. До Волновахи и Ясиноватой, всем начальникам отрядов, ЗК, ДС, копии командармам 2 и 3, Главковерху Антонову. Приказываю всем отрядам немедленно выгрузиться из эшелонов в течение 18 час. За неисполнение приказания будут расстреляны. Трусов в первой армии не должно быть. Кто не хочет воевать, может итти, но только пешим порядком, без оружия, сдав таковое истинным борцам за свободу. ЗК ДС должны распространить по отрядам. Командарм 1 Харченко, начштаба Смирнов».

В тот же день начинается бой у ст. Доля. К ночи 23 апреля наши захватывают ст. Волноваха, отбив у немцев 6 пулеметов. Одновременно под Бердянском 1-й Черноморский отряд Мокроусова (500 ч.) бьется с местными белогвардейцами и отрядом ген. Дроздовского. Мокроусов вынужден отступить на тралеры, откуда обстреливает город из шестидюймовых, а затем отбывает в Таганрог.

Но 1-я не смогла развить свои успехи при положении на остальном фронте.

Оставалось — отходить к Юго-восточной магистрали.

Главштаб (Малаховский) предписывал 23 апреля:

«Горловка, по месту нахождения командарму 2 Бондаренко, копия Иловайская командарму первой. Не имею сведений, как совершается ваш отход. Армии 5, Донецкая и третья впереди железнодорожной линии Переездная — Камышеваха, Попасная — Никитовка. Во что бы то ни стало защищайте станции Харцызск, Криничная и Горловка. Имея связь с командармом 3 и первой, совершайте отход на Хацепетовку — Дебальцево и далее, через Колпаково, на Заповедную и Лихую. Почти все реки текут в вашем районе с севера на юг, и вам много условий для упорной обороны».

Но длить активное сопротивление на прямых путях продвижения подавляющих немецких сил представлялось явно нецелесообразным.

Было решено: заставив противника втянуться глубоко в Донецкий бассейн, со взорванными станциями, виадуками, мостами, вывести основные силы из-под удара, сосредоточить их в один кулак для контр-наступления (к Купянску — Харькову).

25 апреля мной отдан такой приказ т. Бондаренко:

«По войскам 2-й армии и вошедшим в нее частям 1-й. Продолжая отход, сохраняя свои части и вооружение, заставляя противника вести бой и взрывая за собой мосты и виадуки, — собирайтесь и подтягивайтесь к Звереву для дальнейшего следования потом на Лиски, где получите дальнейшее указание. Этот приказ относится и к 1-й армии. Помните об условии, что связь с первой надо держать все время».

Войскам 3-й, 5-й и Донецкой 26 апреля предписано:

«Оставив заслоны, принуждающие противника развертываться, отходите на Лихую, взрывая за собой мосты. Частям Луганского резерва, прикрывая эвакуацию, отходить постепенно к Миллерово и далее к северу на Лиски».

А Чикваная уже распоряжался отодвижением остатков своей армии... на Царицын. 25 апреля он запрашивал (из Дебальцева) коменданта ст. Зверево:

«Скажите, в каком положении сейчас ж.-д. линия Зверево — Царицын?»

Ответ: «На участке Зверево прекращено окончательно в виду разобранного пути между Репной и Лихой. Зверево — Екатеринодар окончательно забита. Имеется сейчас на станции 10 эшелонов, воинские поезда с эвакуационным грузом и беженцами, с продовольствием. Эти поезда следуют к ст. Лихой, часть из них стоит уже 3 дня и надежды на прием Ю.-В. ж. д. нет. Поэтому, дальнейший прием поездов из Дебальцева является невозможным».

Чикваная распорядился:

«Всем начальникам эшелонов 3 армии, на ст. Хацепетовка, Дебальцево, Луганск, Зверево, Миллерово, копии комендантам станций. По приказу главковерха Антонова, все эшелоны 3-й армии следуют на Царицын через Лихую. Для скорой разгрузки станций и в интересах скорейшего продвижения на указанный пункт, предлагаю отрядам 3-й армии выгрузиться на ближайших к Лихой и Царицыну станциях, как то: Зверево, Миллерово, Луганск, из эшелонов и отправиться походным порядком. Разгрузка рекомендуется и на других станциях, где нет никакой возможности отправлять эшелонами» и т. д.

Ссылка на мое распоряжение была совершенно неосновательна. Главштаб требовал направления всех отрядов к Миллерову и, далее, на Лиски.

Чикваная был отозван в Главштаб, остатки его отрядов подчинены командарму 2. Ему лично поручено командование отрядами, уже стянутыми к Лиски и образовавшими 1-ю Особую армию, [1] передовые части которой выдвинулись к Евстратовке.

Главштаб также перебрался в Лиски. Тов. Геккер, по его просьбе, был освобожден от работы наштаверха, его заместил Баранов.

Отступившие наши части уже переходили чрез границы собственно Украины. Вставал вопрос о практике их разоружения.

Еще 22 апреля председатель ЦИК Украины тов. Скрыпник настаивал не только на выполнении нами разоружения, но и на расформировании наших отрядов.

Об этом наштаверх Геккер сообщал:

«Прибывшим из Ростова Народным секретарем Украинской советской республики Николаем Скрыпником нам передано по-

[1] 1-я особая (Ремнева), в виду потери связи с нею, считались отошедшей к войскам западной «завесы».

становление Народного секретариата Украинской советской республики и Центрального исполнительного комитета советской Украины, что войска Украинской республики ведут на ее территории борьбу с украинской контр-революционной буржуазией, поддерживаемой германскими войсками. При переходе территории Российской советской республики, войска Украинской республики расформировываются и распускаются. Войска эти становятся и пользуются правами мирных граждан Украинской республики, проживающих или переходящих в Российскую советскую федерацию, поскольку конечно они сами не пожелают принять и не будут приняты в гражданство Российской советской федерации. Но, само собой разумеется, что производимое самими украинскими войсками разоружение не может превратиться в разоружение советских войск вооруженными бандами контр-революционеров, украинско-германской буржуазией».

24 апреля Совнарком Российской федерации в ноте за № 935 говорит о том же.

В Таганроге уже начались попытки такого разоружения. Кое-где местными властями эти приказы были восприняты совсем всерьез, и от наших отрядов требовалась подлинная сдача всего оружия и расформирование. Но, в большинстве случаев, ограничивались складыванием всего оружия в определенных вагонах, следовавших в одном эшелоне с разоруженным отрядом. [1]

23 апреля командарм 1 сообщал (из Иловайской):

«Приехали представители Донской республики, комиссар по делам народного хозяйства с чрезвычайными полномочиями по организации разоружения и интернирования войсковых частей, переходящих из Украины границу Российской республики в Макеевском районе Донской области, а также для ведения переговоров с германским военным командованием и военным командованием Центральной рады об установлении границы Донской республики. Мандаты выданы Центр. исполн. комит. Донской республики №№ 178 и 179. Подпись Орджоникидзе. Комиссар Бажанов предлагает: 1) воспретить всякие военные действия в пределах Донской республики; 2) удалить со станций эшелоны или разоружить; 3) организовать заставу по всей

[1] Впоследствии такая практика нам обошлась дорого в борьбе у Черткова.

границе Донской республики, Макеевского района — Юзовка — Ясиноватая, использовать некоторые наши части для организации кордонов; 4) послать парламентеров для немедленного установления места и времени переговоров Бажанова с германским командованием и командованием Рады».

Подобные же комиссии от Донправительства выезжали навстречу немцам у Дебальцева и у Луганска. Немецкое командование, насколько знаю, от разговоров не уклонялось, обещало запросить инструкции, а наступления не приостанавливало...

Местами это германское наступление наталкивалось на все еще энергичный отпор.

25 апреля немцы заняли Славяносербск и ст. Родаково и пытались наступать к Хацепетовке, но 2-я армия отбросила их с потерями к Никитовке. На следующий день, развивая успех, наши вступили в Никитовку. Этим 2-я армия облегчила положение Луганской группы.

Но, не получив поддержки, 2-я армия к вечеру 27 апреля вновь отошла в район Хацепетовка — Дебальцево.

5-я армия, слившись с Донецкой, постепенно стягивалась к магистрали.

26 апреля Ворошилов доносил:

«Из Чебетовки, вне всякой очереди. Валуйки, штаб Главковерха.

5-я Донецкая армия с боем вынуждена была отступить под натиском более сильного организованного противника, все эшелоны пока направлены в Миллерово, где будут ждать распоряжения и указания».

Немцы энергично наседали. Но, очевидно, отвлеченные активностью 2-й армии, несколько замешкались в Луганском направлении.

27 апреля Главштаб получил следующее донесение:

«Под Родаковым противник обошел нас с правого фланга и открыл артиллерийский огонь, чем внес панику в наши отряды, оказалась масса дезертиров; тогда мы бросили на немцев лучшие отряды с артиллерией, немцы были разбиты и бежали, оставив батарею и обоз, и остановились в 11 верстах. Наш левый фланг у ст. Славянск потерпел поражение, в виду того, что не было ни одного человека в резерве, — мы отступили на Луганск. Под Луганском боя дать не могли, так как артиллерия отказалась от боя, а пехота выступила в небольшом количестве.

От Луганска отошли к Миллерово. Помкомандарма Круссер. Наштарм 5 Руднев».

Это донесение вскользь говорит о блестящем деле луганцев под Родаковым, когда наши красноармейцы показали, что у них начинают отрастать «клыки». Этот эпизод уже предуказывал героев «царицынского сидения». К сожалению, был он почти единичен. Общее настроение в наших отрядах было резко упадочным.

К 27-28 апреля почти все наши отряды вытянулись из Донбаса к станции Юго-восточной магистрали.

28 апреля Главштаб предписывал:

«Чебетовская, пятая Донецкая, Ворошилову. Вытягивайтесь спешно в Чертково, где дальнейшие указания даст тов. Назаров. Тираспольцы ведут бой у Евсуга».

Но на линии Юго-восточной жел. дор. было неблагополучно — пути в сторону Царицына были испорчены, станции забиты эшелонами, в казацких станицах — контр-революционные восстания.

Приказ Главштаба — «все боеспособные эшелоны и военные грузы направлять в Лиски, остальные эшелоны и невоенные грузы — на Царицын», — этот приказ выполнить точно было невозможно.

Выше было отмечено, что Чикваная направлял свои отряды к Царицыну, рекомендуя им, в случае невозможности следования поездами, двигаться походным порядком (это через всю Донобласть!).

Для прочистки жел.-дор. пути на Царицын Главштабом направлен бронепоезд т. Вадима. Об его движении сообщалось Главштабу:

«Из Лихой. Броневой поезд 8-го Заамурского батальона пробивает путь по линии от Лихой до Царицына, под командой тов. Вадима, с подчиненными ему отрядами. Мы начали продвижение сегодня 27 апреля с утра».

«27 апреля Лиски, штаб Антонова. С бронированным поездом и эшелонами продвигаюсь от Лихой к Царицыну восточно-донецкой линии Юго-вост. ж. д. Казаки взрывают пути и мосты, исправляем и обезоруживаем. Вадим».

В тот же день получилось еще следующее донесение:

«Направляюсь на Царицын, на поддержку отряда Вадима, для борьбы с казаками. В моем распоряжении 600 штыков,

200 сабель при 4 орудиях и 2 броневиках. Вслед за мной выезжают Павлов и артиллерия левых эсеров. Прошу выслать командующего или назначить для всех отрядов, направляющихся в Царицын, начальников, чтобы был порядок. Отступая последними от Бахмута и Попасной, кроме стычек с немецкими разведчиками, ничего существенного не было. Командующий Бахмутскими фронтовиками Худяков».

Худякову тотчас же отвечено:

«Предписания об отводе значительных сил на Царицын вам дано не было. Туда достаточно одного батальона. Наиболее боеспособные части направьте самым спешным порядком к Журавке по направлению к Лискам. Борьба с немцами продолжается. У нас мало артиллерии, гоните сюда, особенно если есть тяжелая. Об исполнении сообщите срочно. 27 апреля 8 час. Овсеенко-Антонов».

Исполнения не последовало...

Такую же борьбу с тяготением в сторону от основного направления выдержал, и так же безуспешно, Главштаб и с командармом 1-й.

Но сначала несколько подробностей об отходе 1-й армии к магистрали.

1-я армия вынуждена была приостановить свое наступление у Волновахи в виду общего положения на фронте и начала с 25 апреля отход в направлении Дебальцево — Зверево. Отход прикрывался сводным Криворожским полком (до 6 600 штыков), занявшим опорные пункты по линии Моспино — Харцызск — Хацепетовка. Неприятель энергично наседал. 26 апреля ему удалось прорвать фронт сводного полка, перезать жел. дор. Иловайская— Чернухино у ст. Скосырская, принудив часть войск 1-й отступить в сторону Таганрога, взрывая пути. Неприятельские аэропланы почти непрерывно бомбардировали ст. Иловайскую. Но все наши эшелоны были вывезены.

Тут произошел характерный инцидент с делегацией Донправительства, проследовавшей (24 апреля) чрез ст. Харцызская для переговоров с немцами.

Прикрываясь от наседавших немцев, наши у ст. Харцызская взрывали путь; председатель мирной делегации Бажанов дал непосредственно командиру сводного полка телеграмму с категорическим требованием не портить путей на территории Донреспублики, в противном случае будут вызваны казаки для

разоружения полка... Телеграмма эта не изменила поведения частей 1-й армии.

Отступление 1-й армии было заторможено крушением у ст. Чернухино, причем взорвались несколько вагонов со снарядами. На целые сутки путь был загроможден, застопорив 9 эшелонов. Немцы подоспели. Дальнейший отход происходил под непрерывным их нажимом. Прикрывался отход небольшими сводными отрядами с артиллерией у ст. Чернухино. К станциям Петровеньки и Штеровка также были выдвинуты заслоны в виду угрозы немцев со стороны Родаково — Луганск.

Прибыв на Юго-восточную магистраль, эшелоны 1-й армии создали на ней окончательную пробку. Харченко так докладывал о создавшемся положении:

«На линии Чернухино — Зверево на станциях и перегонах гуськом, один от другого на 20 - 30 сажен, на протяжении десятков верст растянулись эшелоны первой, второй и частью третьей армий. Паровозы под эшелонами по несколько недель не чистились, стоя все время под парами. На промежуточных станциях водокачки не рассчитаны на снабжение водой такого количества паровозов, а на многих станциях водокачки совсем испорчены или их вовсе нет. Угля на промежуточных станциях также нет, а станция Зверево, несмотря на все принятые меры, принимает в сутки от 5 до 8 составов в виду того, что станция сильно загромождена, а прибывающие паровозы ставятся на чистку топок и наборку воды и угля; создалось такое положение: поезда стоят в пути, в степи и на станциях, гуськом один за другим, продвигаясь в сутки по 5 - 10 верст; угля нет, воды нет, и приходится тушить в степи паровозы; хлеб в некоторых отрядах на исходе, а в некоторых совсем нет его. Выпечку хлеба организовать в дороге невозможно, некоторых продуктов тоже мало, войска голодают, скот, не выгружаясь, стоит по $1^1/_2$ - 2 недели, не поен по несколько дней из-за недостатка воды и почти голодный. В казначействе 1-й армии денег нет. Отряды стоят без фуража и продовольствия и требуют от штаба денег на покупку, в виду запрещения реквизиции. Приходилось менять излишек некоторых продуктов — на самые необходимые...

«Главнокомандующий Донской республики тов. Ковалев, по нашем прибытии в Зверево, издал приказ по всем армиям,

согласно которого все войска, вступившие на территорию Донской республики, обязаны подчиняться только ему, и всякие продвижения по жел. дороге, без его на то разрешения, воспрещаются. При разговоре с тов. Ковалевым, он уверял меня, что немцы на территорию Донской республики не пойдут, и предлагал мне, чтобы я свои войска разместил в Новочеркасске и других городах Донской республики для переформирования их в полки, которые будут бороться с Донской контр-революцией, а Донская республика, с своей стороны, удовлетворит войска всем необходимым. На это я ему ответил, что самолично такой вопрос я решить не могу без Главштаба, и решил, согласно последнего приказания, двигаться на Лиски».

К этому времени Харченко получена следующая телеграмма Главштаба:

«Зверево. Харченко, командарму первой. Отдав небоеспособные для формирования в Новочеркасск, с боевыми отрядами и Криворожским полком двигайтесь через Евстратовку в Лиски. Борьба с немцами продолжается, и необходима перегруппировка сил».

Но уже 27 апреля комендант ст. Зверево сообщал Главштабу, что эшелоны 1-й армии направляются к Ростову.

Главштабу удалось в тот же день связаться с командованием 1-й армии, и штаб ее пояснил:

«Командарм 1-й находится в Звереве. Положение самое серьезное как 1-й, так и 2-й армий. В сторону Чертково все станции забиты поездами, почти на каждой станции бывают крушения, от Лихой в сторону Царицына путь взорван и мост также, в сторону Новочеркасска также все взорвано, и идут бои с бандами Корнилова. Сейчас передают по аппарату, что немцы наступают на Зориновку, один разъезд за Чертково в сторону Дебальцево. На расстоянии 4 станций стоит 60 эшелонов, паровозы горят, станция Зверево забита, люди и лошади голодают, денег в 1-й и 2-й армиях ни копейки уже 2 недели. Немец двигается со стороны Дебальцево, и должно быть сегодня Миллерово будет отрезано; это приведет к тому, что люди бросят все эшелоны и будут удирать все куда попало. Главковерх никаких распоряжений не делает. Сейчас мы с командармом 2-й решили двинуть эшелоны на Новочеркасск, чтобы разбить банды Корнилова и двинуть эшелоны через Ростов — Тихорецкая на Царицын».

Помначоперод Главштаба Малинин ответил:

«Главнокомандующий уехал на позицию. На каком основании вы с командармом 2 решили новый план операции, почему не наштаверх (Геккер)? Расположение армии Сиверса наштаверху известно, в общем к югу за Валуйками, 2-я армия дала последнее донесение о боях под Родаковым и отходит через Луганск на Миллерово. 1-я и 5-я упорно молчат».

На следующий день, 28 апреля, командарм 1-й дополнил:

«Положение самое серьезное. Вчера все боеспособные эшелоны посланы мною под Новочеркасск, сейчас идут ожесточенные бои. На место боя я выезжаю. Вчера в телеграммах и в разговоре представил Баранову и обрисовал положение 1-й и 2-й армий. У меня в 1-й армии более 30 000 войск, а во второй более 3 000, и потому я прошу и предлагаю с своей стороны, чтобы эти все войска свести в одну армию и один штаб. Пусть тов. Антонов даст телеграмму, чтобы все войска в районе Зверево подчинились указанному штабу. Денег в 1-й и 2-ой армии уже нет полторы недели. Я выслал казначея неделю тому назад к вам за деньгами. Сообщите, каково положение в сторону Миллерово и Чертково, потому что я сегодня несколько раз разговаривал с Чертковым, и сообщают, что нет никаких эшелонов и нет коменданта. Сейчас 1-я армия находится в Таганроге и Ростове, и я с этими войсками разобью банды Корнилова и двинусь через Ростов — Батайск — Царицын».

Из Главштаба отвечал Малинин: «Думаю, что Главнокомандующий ответил уже на ваши вопросы. Из положения под Миллерово знаю, что 5-я армия, не дав противнику боя под Луганском, отошла на Миллерово, по частным сведениям, там пока противника нет».

Харченко: «В Зверево 1-я и 2-я армии. 1-я отправляется в Шахтную, где идут бои под Новочеркасском».

Я отвечал Харченке:

«Зверево или Шахтная. Предписания давались неоднократно. Вам предписывалось отходить не на Таганрог — Ростов — Новочеркасск, а Чертково — Евстратовка. Это повторяю вновь последний раз. Неисполнение влечет отрешение от должности, предание суду, если Чертково будет занято. Пробивайтесь со своими 30 000 к северу, на соединение с нашими у Журавки и Евстратовки. О казначее выясню и сообщу особо, за деньгами остановки быть не может. Это же предписание касается и 2-й армии,

которой действовать самостоятельно в том же направлении. Относительно боев у Новочеркасска не втирайте очков, с этим справятся части Таганрогские, Ростовские и Александро-Грушевские».

Прямой приказ был налицо. Но Харченко все же повернул все свои части к югу...

Не дал благоприятного результата и следующий разговор (28 апреля) с командармом 2-й:

Бондаренко: «Мне сообщено, что часа 4 тому назад Чертково якобы занято немцами, а наши войска отступают. В виду того, я полагаю, что Евстратовка занята. Если действительно Евстратовка занята неприятелем, то я не могу выехать на Евстратовку».

Малаховский: «Чертково — Миллерово имеем, а поэтому двигайтесь по указанному маршруту па Евстратовку; в случае по каким-либо причинам проехать нельзя, высаживайтесь, идите пешим порядком. Сообщите».

Бондаренко: «Хорошо, буду следовать согласно вашего распоряжения, а пока до свидания».

«Свидеться» с Бондаренко так и не довелось...

Ту же недисциплинированность проявил и пресловутый Центроштаб. Моя попытка договориться с ним не удалась. Центроштаб не захотел не только подчиняться распоряжениям Главштаба, но даже попытаться согласовывать с ним свои действия. Он весьма заблаговременно покинул Юзово, перебрался в Ростов-на-Дону, потянув за собою и часть своих отрядов. Он же самовольно распорядился полком, сформированным в Сулине, не дав ему выполнить приказы Главштаба — следовать в Чертково.

Этим вызвана следующая моя телеграмма:

«Ростов. Центроштаб. Копия Совнарком Донской республики. За ряд дезорганизаторских, игравших в руку врага, поступков так называемый Центроштаб предаю суду. Обвинение будет предъявлено в Москве Центральной комиссией по борьбе с контрреволюцией».

Но, конечно, не все советские учреждения проявляли растерянность и недисциплинированность. Нередки были случаи самоотвержения, хладнокровия, прямого героизма.

Особенно следует отметить работу советских железнодорожников, до последнего момента энергично трудившихся по эвакуации Донбаса. И отдельные советы депутатов подавали хороший пример. Вот одна из характерных телеграмм:

«От исполнительного комитета Донецко-Рубежанского совета рабочих и солдатских депутатов. В штаб Главковерха тов. Антонова. Донецко-Рубежанский совет сообщает вам, что в окружности его все советы сбежали, остаемся мы одни только, власть держим, не имеем никаких сил обороняться в случае посягательства на нас. Просим дать директивы, как поступить дальше, или же мы должны отсюда выехать. Председатель Чингников. Секретарь».

Лишь незначительная часть наших отрядов попыталась пробиться к Лиски, большинство их двинулись либо к Царицыну, либо к Ростову.

С 30 апреля Главштабом была потеряна связь с 1-й, 2-й, 5-й и Донецкой армиями. Сведения приходили случайно, отрывочно; возможность командования вовсе утратилась.

Лишь впоследствии вырисовалась приблизительная картина отхода советских сил из Донбаса и Донской области.

Это был массовый исход, — не только боевые отряды, но советские организации целиком и многие рабочие, иногда с семьями, устремились из Донбаса.

Наступление немцев от Иловайской к Таганрогу было несколько задержано переговорами мирной делегации Донправительства с командованием немецкой дивизии. Усиленно наседали немцы от Дебальцева к Звереву и Миллерову. Части 1-й и 2-й армий, окопавшись, сдерживали противника пару дней. А белоказаки усердно помогали немцам. На линии Лихая — Царицын, у ст. Калитвы, они взорвали большой жел.-дор. мост через реку Донец и всячески препятствовали отрядам Вадима-Худякова восстановить движение на Царицын. Небольшими бандами они копошились вокруг ж. д. от Зверева к Ростову, предпринимали неоднократные набеги на наши эшелоны и портили пути.

27 апреля передовые эшелоны 1-й армии двинулись от Зверева к Новочеркасску, во главе с бронепоездом. У ст. Шахтная, близ Парамоновских рудников, произошел серьезный бой с белоказаками, которые понесли большие потери и рассеялись, очистив ж.-д. путь.

По дороге к Ростову Харченке пришлось выдержать еще ряд стычек с белыми бандами. В Ростове он узнал, что часть его отрядов, отступавших от Иловайской, остановилась, прикрывая Таганрог, на линии Николаевка — Кошкино — Самбецкая, где

к ним подошли и Таганрогские части. Немцы обрушились подавляющими силами (20-я баварская дивизия). С нашей стороны действовали до 5 000 пехоты, немного кавалерии, до 20 легких орудий, 4 шестидюймовых и 4 бронеавтомобиля. Бой тянулся весь день 1 мая. К 16 часам к немцам подошли большие подкрепления. Наши вынуждены были отступить к ст. Морской и сел. Мурза. В этом бою особо отличился сформированный в Таганроге полк т. Каски. Командир полка погиб, и почти весь полк (2 200 штыков) был истреблен...

К вечеру 1 мая немцы заняли гор. Таганрог.

1 мая в Ростове вспыхнуло восстание, — белые напали на нашу демонстрацию. Порядок был водворен кавалерией т. Беленковича. Но белогвардейцы, видимо, подготовлялись к новому выступлению...

В тот же день на заседании ЦИК Донской республики делала доклад о переговорах с германским командованием мирная делегация т. Бажанова: начальник германской дивизии, ссылаясь на отсутствие указаний от высшего командования, отказался вести переговоры, заявив, что имеет приказ занять ст. Иловайскую и займет ее; все же свое наступление к Таганрогу несколько придержал...

По предложению главкома Ковалева, ЦИК решил послать на следующий день делегацию в Таганрог с предложением прекратить военные действия на территории Донреспублики. Делегация, во главе с т. Орджоникидзе, выехала утром 2 мая; к ночи т. Орджоникидзе вернулся с сообщением, что на заседание ЦИК приедет с т. Ковалевым лично германский генерал и что генерал этот готов на два дня приостановить наступление в ожидании ответа своего главного командования.

По словам т. Орджоникидзе, немец предлагал впустить его войска в Ростов без сопротивления, гарантируя неприкосновенность советской власти и Красной армии.

Но Ковалев приехал без немецкого генерала... А в 16 часов 4 мая со стороны ст. Чалтырь неожиданно появились какие-то воинские части, прорвали нашу сторожевку и открыли орудийный огонь по Ростову. По свидетельству т. Ковалева, в городе поднялась невообразимая суматоха. Слух о том, что это немцы обстреливают Ростов, вызвал отчаянную панику в наших частях. Беспорядок еще увеличился, когда в самом городе белогвардейцы открыли стрельбу из домов.

Лишь ничтожная горсть смельчаков прикрывала отъезд наших эшелонов за Дон. ЦИК Донреспублики укатил прямо в Царицын... На месте, на станции Ростов, осталось большое количество невывезенных грузов. Отряд Дроздовского смог почти без потерь овладеть Ростовом. Тотчас же белые стали окапываться за городом и укрепляться в самом городе.

Но наши уже «очухались», выяснили, что перед ними не регулярная германская дивизия, а сборный белогвардейский отряд...

Вечером, в тот же день, наш бронепоезд бомбардировал Ростов из Батайска. На следующий день (это был первый день Пасхи), к 5 часам, к Ростову подоспели наши части, отходившие от Новочеркасска и, совместно с отрядами, сгруппировавшимися в Батайске, повели наступление на город, подготовив его огнем 12 трехдюймовых и 4 шестидюймовых орудий.

К 12 часам белогвардейцы были разбиты и, понеся большие потери, оставив на месте 6 орудий, до 70 пулеметов и до 100 повозок с военным имуществом, бежали из Ростова.

Наши гнали их еще верст 20 от города.

Захвачена была и канцелярия штаба «дроздовцев» и два больших ящика с георгиевскими крестами, медалями и т. д.

В Ростове наши продержались до 8 мая, когда, под давлением превосходных германских сил, были вынуждены отойти за Дон...

Не менее значительная группа наших отрядников и просто вооруженных рабочих избрала другой путь отхода из Донбаса — по направлению к Царицыну. Ко 2 мая немцы упрочились в Миллерове, плотно отрезав нашим частям отход к северу, и нажимали к ст. Горной. Между Зверевым и Горной скопились 36 эшелонов с красноармейцами и беженцами из Донбаса. Немцы встретили отчаянное сопротивление. Они зверски расправились с Сулинскими и Александро-грушевскими рабочими, но отрядники, прорвав немецко-белоказацкое кольцо, пробились на восток по жел. дороге в направлении к Царицыну...

Мы пытались из Лисок, чрез Царицын, выяснить положение этой колонны. Получили в начале мая неясные сообщения, что колонна успешно пробивается к Царицыну, одновременно из Чирской передана такая телеграфная записка:

«Я командующий Чирским фронтом Корчагин. Товарищ Антонов, мост чрез реку Лиску поднят. Завтра предполагают пустить

паровоз для пробы. Станции Суровикино, Обливская заняты 88 частями. Подвигаемся с трудом, противник хитер, да и не удивительно. В их рядах находятся преимущественно офицеры, инструктора и военные техники. Дух наших солдат бодрый, рвутся в бой, но приходится их до некоторой степени удерживать. В непродолжительном времени постараюсь восстановить движение Восточно-донецкой линии. В скором времени наши товарищи борцы за трудовой класс увенчают себя славой».

Твердые слова т. Корчагина оправдались: закаленные в испытаниях, набравшиеся боевого опыта, украинские бойцы вскоре покрыли себя неувядаемой славой, героически отстаивая долгие месяцы против громадных белоказачьих сил красную крепость на Волге — стык советского Дона с советской Россией — город Царицын.

*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Чертково потеряно. Бой у Колядовки. Тираспольцы уходят... Предательство белоказаков. Указания М. Д. Бонч-Бруевича. Приказ Сиверсу. Предложение Раковского. Главштаб ликвидируется.

Сосредоточить сколько-нибудь значительные силы к ст. Лиски (в 20 вер. к востоку от г. Коротояк), создать в сев.-западном направлении достаточно мощную группировку, способную своей активностью повлиять на общее положение, — не удалось. Не удалось и попросту подкрепить во-время Тираспольский отряд в его операции во фланг германскому наступлению Сватово — Старобельск — Чертково (в 60 верстах к с.-з. от ст. Миллерово).

В распоряжении т. Назарова в районе Чертково — Беловодск оказались совершенно ничтожные силы. Сулинский полк так и не явился к ст. Чертково. Проходившие через ст. Чертково к Лискам в эшелонах отряды отказывались выгружаться на ст. Чертково, имея маршрут в Лиски, и не желали подчиниться Назарову. Осталась безрезультатной и телеграмма от 29 апреля:

«Чеботовская, пятая Донецкая, Ворошилову. Вытягивайтесь спешно в Чертково, где дальнейшие указания даст тов. Назаров. Тираспольцы ведут бой у Евсуга». [1]

У Назарова к 24 апреля было всего 150 штыков и до 150 сабель. Правда, пехота, сорганизованная Старобельским советом из бывших солдат и частью из луганцев, казалась вполне надежной. Но конница, сформированная Розенбергом (инспектор кавалерии), никуда не годилась. Сейчас, по прибытии из Острогожска в Чертково, она замитинговала, тем более, что условия снабжения в Чертково были безобразны (в этом повинен и Главштаб, не принявший во-время никаких мер, хотя простоял несколько дней в Черт-

[1] К юго-востоку от Старобельска.

ково). После долгих уговоров удалось двинуть весь отряд в Беловодск. По прибытии в Беловодск плохо дисциплинированные конники открыли в городе беспорядочную стрельбу. В это время на окраине появилась неприятельская разведка, тотчас же скрывшаяся по выходе нашей навстречу. С чрезвычайными усилиями выпроводили наших конников дальше, в направлении к Старобельску. Недалеко от Беловодска наша конница наскочила вновь на немецкий разъезд и погнала его. Притом пострадала и разведка Тираспольского отряда: так как с тираспольцами надлежащей связи во-время не установили, то автомобили тираспольцев были приняты нашими конниками за немецкие. Пошли в погоню, — два автомобиля сгорели...

Получены были сведения, что из Евсуга двигаются две германские колонны с артиллерией. Оставшаяся в Беловодске часть отряда Назарова выдвинулась за город, на позицию. Но под влиянием слухов, что «немцы обходят» и пр., конники разбрелись куда попало, отошла и пехота к Стрельцовке и Великолуцкому, лишь горсть смельчаков осталась в Беловодске. Но и в Великолуцкой задержались недолго; под влиянием тех же нелепых слухов отступили в Чертково, где пехота стала разоружать — «за безобразие» — конников.

Назарову удалось вновь повернуть свой отряд, придав к нему 2 орудия тираспольцев.[1]

27 апреля в Стрельцовке вновь сосредоточились вся пехота (до 150 штыков), до 100 конных и 2 орудия.

Вечером в Стрельцовку прибыл на автомобиле помощник Венедиктова т. Гаркавый и сообщил, что часть тираспольцев — в с. Моисеевке (8 верст к югу от Стрельцовки). Договорившись о совместных действиях, Гаркавый на следующий день уехал к отряду, обещая, что через четверть часа тираспольцы будут в Стрельцовке...

Но через 20 минут после его отъезда появились немецкие цепи... Наш отряд развернулся для боя — конница на флангах, два орудия — за селом.

Тов. Назаров рассказывает о дальнейшем:

«Бой длился часов 5 (с 9 до 14 час.), но помощи никакой ниоткуда не последовало. В результате, немцы нащупали нашу

[1] Часть артиллерии Тираспольского отряда была отправлена по жел. дор. к Черткову.

батарею и сразу засыпали ее спарядами. Пришлось снять с позиции, а уже потом не удержались. Думали поставить ее за высотой в Великолуцкой, но и это не удалось, ибо вся эта бегущая масса ничего не понимала и не слушала. За батареей последовала конница, а затем и пехота. Таким образом, Чертково сразу оказалось открытым. Вдобавок, разведка сообщила, что немцы показались уже в Великолуцкой. Батарея, правда, у станции собиралась выступить, но не было решительно никакого прикрытия для нее, ибо пехота отошла из Стрельцовки налево, по направлению к Моисеевке. Конница была вся страшно утомлена и никуда не годна. Скорой помощи ждать было неоткуда, ибо и раньше все просьбы о ней были тщетны. Учитывая все это и ожидая каждую минуту немецких гостинцев (Великолуцкая в 8-10 верстах от Чертково), я решил, что сейчас самое благоразумное — эвакуировать станцию и пропустить поезда, проходящие на север, в как можно большом количестве, ибо это была последняя магистраль. Это и было исполнено.

«Ночью из Кантемировки я доложил в ставку Баранову все случившееся. Он приказал мне отправиться назад в Чертково и вызвал на помощь из Миллерова эшелон чехословаков. Я на паровозе с несколькими пулеметами и разведчиками отправился немедля назад. Между тем немцами ночью взорвано полотно железной дороги между Чертково и Маньково, с одной стороны, а затем и между Чертково и Зориновкой — с другой. А потому пришлось немного задержаться в пути. Усилиями железнодорожников все же удалось восстановить полотно. Между тем, в Чертково прибыл отряд чехословаков, «Молния» и вновь сформированный отряд рабочих Юзова. Последние два уже разоружены, причем все снаряжение было сложено в отдельные вагоны и прицеплено к их же составам. Переговорив с Миллерово, я решил вооружить их снова, как находящихся опять на территории Украины. Распорядился подать конницу чехо-словаков на выгрузку, дабы немедленно сорганизовать разведку. Тищенко направил переговорить с «Молнией», сам же пошел к чехословакам. Узнав общее положение вещей, они решительно отказались выступать, решив, что тут надо проходить с боем дальше на Лиски. В этот момент как раз доносят, что на пригорке показалась немецкая разведка. Сейчас же немцы стали сыпать из орудий.

«Я приказывал выйти из эшелонов, но все смешалось, и никто не обращал никакого внимания на эти приказания. Между тем, немцы сразу пристрелялись и били без промаха прямо в вагоны. (После первого же выстрела они поставили паровоз чехословацкого эшелона вверх колесами.) Бросился искать дежурного по станции, но и он куда-то исчез. Вокзал был совсем пуст. Два паровоза с пулеметами пытались было прорваться: один — к Зориновке, другой — к Маньково. Здорово работали пулеметчики, дорого досталось немцам подбить эти паровозы, но все же прорваться не удалось, — немцы снарядами взорвали полотно. Начали было работать и наши орудия с платформ, но скоро немцы заставили замолчать и их. Работали пулеметы и с той и с другой стороны, но в конце концов все же, под организованным натиском, наши отряды, смешавшись, направились маленькими группами: кто к Кантемировке, кто в Калач через Богучар. В Черткова же остались разбитые эшелоны и станция, а над всем этим — столб дыму и пламени от горящих и взрывающихся вагонов со снарядами. С час немцы продолжали обстрел из орудий по отходящим группам наших частей, затем прекратили. Конница их преследовать нас не могла, ибо почти вся была перебита пулеметным огнем пытавшихся прорваться паровозов».

Некоторые подробности о попытке Назарова восстановить положение у Черткова — в следующей телеграмме:

«Поступила мне телеграмма от адъютанта Назарова, который сообщает из Евстратовки, что Назаров с 20 человеками выехал из Кантемировки 28 апреля в Чертково, но, по его прибытии, ст. Чертково была обстреляна неприятельской артиллерией. Назаров с 20 красноармейцами и пулеметами отбил левый фланг неприятеля, но, в виду превосходства сил и ранения пулеметчиков, отряд был отброшен. Прибыли из отряда Назарова трое раненых. Со станции Чертково передают, что сам Назаров не ранен и что ему удалось прорваться на Миллерово к Ворошилову. Трофимовский был уверен, что правый фланг от Митрофановки занимает полк Майорова, но Майоров, в виду загроможденности пути, прибыл лишь сегодня на станцию Евстратовку и следует дальше. Штаб Назарова, без командующего, с отрядом в 50 человек, просит указаний. О других армиях сведений не поступало. С южной армией связи нет. Пытались говорить с Каменской, — не отвечают; есть предположение, что

Каменская занята. Вчера вечером из Воронежа прибыли два летчика, вылетают на разведку в районе Чертково и Валуек. Баранов».

30 апреля Чертково было занято незначительными силами немцев.

Стремление к «лойяльности» в отношении германцев, побуждавшее наших товарищей из Донправительства настаивать на разоружении наших отрядов, сыграло в этом деле не последнюю роль. В докладе Назарова отмечены три отряда, разоруженные в Миллерове и попавшие в Черткове под огонь немцев. Этот список надо еще дополнить, — вот телеграмма, полученная в Главштабе 1 мая:

«Из Богучара. Примите к сведению, что Енакиевский районный штаб с 4 партизанскими отрядами 29 апреля на станции Чертково разбит. Неожиданность нападения противника и будучи разоруженными Миллеровским совдепом, не дали спасти что-либо важное, находившееся при нас. Необходимо ваше распоряжение, чтобы все бумаги за печатями Енакиевского районного штаба и партизанского отряда «Свободное солнце» считались недействительными, так как могут быть злоумышления. За нач. штаба делопроизводитель Кумененцов».

...Тираспольцы не смогли задержать хоть на пару дней занятие Черткова.

Точную картину действий Тираспольского отряда за эти дни установить не удалось.

Запоздание в движении Тираспольского отряда не могло не отразиться печальным образом на всем маневре: немцы успели скопиться довольно значительными силами в Старобельске и даже занять Евсуг, прежде чем туда подоспела наша колонна.

Считаясь с общим положением, но ничего не зная о занятии противником значительными силами и Евсуга, Главштаб уже ограничивал задачу тираспольцев прикрытием железной дороги.

26 апреля Венедиктову был передан такой приказ:

«Вашему отряду отходить с маневром на линию реки Черная Калитва. Прикрывайте железную дорогу. Тыловые части продвигайте безостановочно Беловодск — Марковка к Журавке, а остальными силами, прикрываясь от Старобельска, продвигаться Караишник — Новая Россош — Каменка — Пантюхино и Митрофановка».

Конечно, выполнение такого приказа (флангового марша-маневра) требовало от тираспольцев наличия большой выдержки и маневренной способности, тем более, что на прямом пути неприятельского наступления наш заслон (отряд Назарова) был чрезвычайно слаб (расчеты Главштаба на его усиление не оправдались).

И приказ совершенно не предусматривал того случая (имевшего в действительности место), когда тираспольцы встретят при своем продвижении к северу значительные германские силы, преградившие им путь.

Во всяком случае, приказ Главштаба вновь дает для отхода тираспольцев направление к западу от магистрали, а не к востоку — в Донобласть.

Приказ Главштаба выполнен Венедиктовым не был.

Тов. Рожков, председатель военного совета отряда, докладывал впоследствии о походе тираспольцев следующее:

«Авангард отряда — 5-й Заамурский конный, 5-я батарея и 2 бронеавтомобиля — прибыл в с. Колядовку (на р. Евсуг, в 10 верстах от Евсуга и в 30 от Старобельска), когда Старобельск был уже занят немцами. На следующий день неприятель предпринял наступление на Колядовку и Александровский конный завод, направив 2 эскадрона при 7 пулеметах в тыл нашему авангарду, на с. Дженевку. Обходная колонна наткнулась в Дженевке на посланные нами кавсотню с броневиком, была разбита и потеряла 20 чел. пленными (из состава 5-го баварского полка) и 7 пулеметов. Немцы продолжали напирать на Колядовку и Александровский завод. Бой тянулся двое суток. К нашему авангарду подошли китайский батальон и батальон Ставропольского полка. Колядовку мы удержали, но две сотни заамурцев вынуждены были отступить от Александровского завода».

В дальнейшем, Рожков сообщает: «В это время прибыл командующий отрядом Венедиктов из Черткова и дал приказ отступать по направлению Михайловки. В силу приказа Главковерха, врученного ему лично в Черткове, отходить отряду без боя мимо Черткова в Воронежскую губернию».

Этот вымышленный приказ (я не был в Черткове с 25 апреля, приказы Главштаба давали совершенно иное направление для отхода Венедиктова) и был выполнен. Тираспольцы, прервав только-что установленную связь с Назаровским отрядом и не предупредив Назарова, поспешно двинулись к востоку; пересекли

железную дорогу южнее Черткова и ночью прибыли в хутора Сетряковский — Степановка (45 верст к востоку от Черткова!). На утро Венедиктов отдал приказ — в один переход быть на переправе у Казанской станицы, а сам выехал на автомобиле к этой переправе, но свернул по направлению к Богучару, так как близ Мигулинской его пытались задержать белоказаки.

Предоставим далее слово очевидцу, т. Рожкову:

«Мы, надеясь, что командующий отрядом впереди, двигались по указанию на Казанскую переправу. 5-й Заамурский полк дошел до самой Казанской станицы, а батареи не могли сделать такого перехода и остановились в ближайших хуторах, Ставропольский полк ночевал в хуторе Мешкове. По прибытии 5-го конного полка в станицу Казанскую, там было полное возмущение по отношению к нам; меня, командира полка и председателя полкового комитета потребовали на собрание казаков; требовали от меня и от председателя военного совета дать объяснения, куда мы двигаемся, и сдачи оружия; я на все вопросы ответил и заявил, что отряд оружия не сдаст и будет рассматривать ваше выступление против него как контр-революционное. Они согласились, и большинством решено было пропустить с оружием по направлению Богучар. На утро полк выступил по направлению Богучар и получил сведения, что батареи разоружены и в Мешкове идет бой Ставропольского полка с казаками. Полк был остановлен и послан взвод с пулеметами в разъезд. Получили сведения от разъезда, что батареи разоружены; тогда полк стал наступать в конном строю на Мигулинскую станицу. Из хутора Федорова был открыт огонь по нас из двух батарей. Я выехал, в качестве делегата, в Мигулинскую станицу выяснить положение. Меня не пропустили в станицу, а привели в штаб, где я вел переговоры с начальником отряда Чайкиным, который согласился выдать нам 2 батареи и отряд пропустить с оружием. В это время Ставропольский полк с боем пробился и приблизился к Федорову хутору. По нем стали бить батареи, но, по приказу Чайкина, огонь прекратили. Полку мною дано было предписание, до выяснения положения, огня не открывать. Все солдаты, посылаемые 5-м полком для связи, не допускались. В это время разъезды 6-го полка вступили в бой с казаками; тогда я и Чайкин выехали в 6-й конный полк, чтобы военные действия были прекращены. Со стороны 5-го полка и со стороны казаков был

отдан приказ командирам полков отойти и ожидать распоряжения; и начальник отряда Чайкин дал приказ по казацким отрядам: до выяснения не принимать никаких действий. Когда мы возвратились с Чайкиным в хутор Федоров, где они занимали позицию, чтобы передать командование временно начальнику штаба, а самому поехать со мною в Мигулинскую станицу, — в это время отряды Коноваловского хутора с тылу повели наступление на Ставропольский отряд и открыли ураганный огонь из батарей; в это время приехали представители от Коноваловских отрядов в отряды Чайкина с требованием от них активных действий и моего расстрела. Но начальник отряда им заявил, что нельзя расстрелять делегата; я был отправлен в станицу к атаману Чулкову с начальником штаба Чайкиным. Когда я прибыл в Мигулинскую станицу к атаману, предъявил ему условия отряда и согласие начальника отряда Чайкина. Им был отдан приказ приостановить действия на всем фронте, но озлобленные отряды казаков не исполнили приказа, — в это время пришло донесение, что полк разоружен и конный полк с боем уходит. После сдачи оружия Ставропольским полком были перерублены разоруженные солдаты до 500 человек и 225 китайцев. Командир Ставропольского полка был изрублен на куски, как и полковник Рыков, командующий 2-й батареей, а остальных разоруженных отправили в Чертково в австро-германский штаб. В том числе был отправлен и я, не как делегат, а как военнопленный. 6-й Заамурский полк с боем пробился в Богучар, потеряв всего 190 человек. Была объявлена мобилизация против нас, до 60 лет, Казанской и Мигулинской станиц. 2-й полк и 3-я батареи были окружены. Мне пришлось уйти из казацкого плена из хутора Сетракова. Командующий отрядом Венедиктов, председатель военно-революционного трибунала Мейров и старший адъютант Авасонов были вызваны в Казанскую станицу и арестованы».

Спасти Венедиктова не удалось, — был изрублен казаками...

Остатки тираспольцев выбрались к 1-2 мая к Богучару. Главштаб, не осведомленный об их состоянии, еще пытался командовать ими:

«Тов. N поручается спешно отправиться на ст. Калач, откуда войти в сношение с местечком Богучар, куда прибывают части Тираспольского отряда, передать предписание этим частям: «Тираспольскому отряду и в отдельности 5-му Заамурскому, батальону

китайцев и батальону латышей, батареям. Предписываю приостановить продвижение на северо-восток, войти в связь с армией тов. Чикваная у Митрофановки и Евстратовки для совместных действий против неприятеля. Уверен, что тираспольцы и заамурцы не осрамят себя, не покроют себя позором невыполнения боевого приказа. Все командующие, настаивающие на его неисполнении, подлежат революционному суду. Главковерх Южных республик». Тов. N поручается наблюсти за исполнением настоящего приказа».

Этот приказ тираспольцы не были в состоянии выполнить. Их остатки поступили в распоряжение Воронежского совдепа для переформирования.

...Таким образом, маневр Венедиктова сорвался. Предоставленный самому себе, ничтожный и плохо сколоченный, отряд Назарова был раздавлен. К 30 апреля магистраль была перерезана немцами.

Чикваная, по своей инициативе, пытался воздействовать на положение у Черткова.

30 апреля он разослал по телеграфу отрядам бывшей 3-й армии такой призыв:

«Чертково взято немцами, — путь для эвакуации имущества и вывоза наших отрядов через Чертково отрезан. Кто еще считает себя революционером, сообщите о своем местонахождении и выгружайтесь немедленно для наступления на Чертково. Все необходимые технические имущества будут поданы из Лисок. С получением этой телеграммы вами, выезжаю со штабом в Чертково. Есть возможность восстановить революционное имя. Пусть самовольный уход 3-й армии с фронта передастся в область предания. Докажите, что вы революционеры. Ответ Лиски. Командарм особой армии Чикваная».

К Главштабу он взывал:

«В виду полученных сведений, что Тираспольский отряд пробует прорыв у Черткова, необходимо немедленно повести наступление на линию, указанную вами, и на Чертково. Убедительно прошу вашего распоряжения бронепоезду № 4 в Воронеже выступить в распоряжение особой армии для поддержки наступления на Чертково».

Бронепоезд был направлен.

1 мая Чикваная сообщил:

«Бронированный поезд тов. Яницкого прибыл. Выезжаю на фронт с двумя броневиками на площадках и с поездом Яни-

кого. У тов. Яицкого есть хорошие команды подрывников. По сведениям, полученным от Богучарского совдепа, некоторые части Тираспольского отряда прибывают туда. Забираю с собой отряды, желающие воевать. Не подчиняющиеся приказу будут высылаться мною в Лиски».

Но далее ст. Журавки Чиквапая не проехал, — пути оказались разобранными, дорога отрезана сильными неприятельскими отрядами; никакого давления на противника ни с юга, ни со стороны тираспольцев не проявлялось...

Высший военный совет обеспокоился создавшимся у Лисок положением. М. Д. Бонч-Бруевич говорил мне из Кремля по прямому проводу (29 апреля):

«Отступлением на Воронеж вы открываете ж. д., идущие от Воронежа на юг, а вам надо их прикрыть. Все это происходит по той причине, что, вероятно, войска уезжают в вагонах, не получив оперативной задачи. Отступающим частям нужно отходить на восток, прикрыв жел.-дор. линии, идущие от Воронежа на юг, и занять фланговое положение относительно противника, который может двинуться на Воронеж. Если ваши войска займут такое положение, то, оправившись, они могут ударить противнику в тыл, а если они уедут в поездах на Воронеж, то вслед за ним безнаказанно приедут и немцы, которым тогда не будет никакой угрозы ни с фланга, ни с тыла. В Воронежский совет надо сообщить, и тогда он сам примет меры, прикрыв себя фронтом. Отход войск наших республик является ошибочным шагом и никакой пользы не приносит. Согласно Брестского договора, все вооруженные силы, отступившие из Украины в пределы Российской республики, должны быть немедленно разоружены. Поэтому прошу вас принять необходимые меры в этом направлении. Относительно Курска следующее: неприятель напирает на Льгов со стороны Глухова; замечены также мелкие части противника к востоку от Курска, кроме того, противник усиливается и к югу от Курска. Таким образом, на Курск давят с трех сторон. Курская губерния, по собственному решению, объявила свою мобилизацию и желает защищаться. Вчера приезжали в Москву члены Курского совета и вскоре уехали, взяв с собою военных руководителей Курского отряда Глаголева с несколькими сотрудниками. Видимо, дело в Курске поставлено серьезно. Примите меры к тому, чтобы ваши отряды в Воронеж не отходили, — это движение ошибочное

и приведет к разоружению отрядов, а может быть и к повторению беспорядков в Воронеже, что нежелательно. Воронеж организует свои отряды для самозащиты. Граница украинская в районе Курска противником перейдена, очевидно, он не будет стесняться перейти границу и Воронежской губернии. Повторяю вам, что ваши войска должны отходить в такие районы, чтобы держать противника под угрозой удара в его тыл и фланг. Отступление на Воронеж равносильно бегству».

Это были, вообще говоря, очень ценные указания, но в данном случае — неуместные...

Отход наших отрядов к востоку — в «нейтральную» Донобласть, с ненадежным казачьим населением — можно было рекомендовать лишь чисто теоретически. Фланговую угрозу немцам мы пытались создать в другом направлении, и неудачно.

К Воронежу вооруженных эшелонов мы не пропускали. В Лисках наши отряды переформировывались и входили в состав 1-й особой армии Чикваная или направлялись в Валуйки, в распоряжение Сиверса. Отряды Чикваная к концу апреля выдвинулись до ст. Журавка и по р. Черная Калитва до стыка с армией Сиверса.

27 апреля на линию р. Калитвы направлен агитационно-организационный отряд Кульбачко, с задачей: «разъяснять крестьянам сел по р. Калитве великое значение советской власти, те бедствия, которые повлечет за собой германское нашествие, и организовать крестьянскую охрану по р. Калитве из партизанских и разведывательных отрядов».

Впоследствии Кульбачко сообщал о работе своего отряда:

«Пройдя села Злыднево, Попасную, Сыроватское, Мартынцево, Нагольное, Варваровку, Шелякино, Марьевку, Ольховатку, до Россош, произвели организацию этих сел и деревень, выделив отряды: Злыднево 10 чел. Попасная 6 чел., Нагольное 34 чел., Варваровка 53 чел., Марьевка 36 чел., Ливенка 20 чел., которых вооружили винтовками. Бирюче 30 чел. Произвели своим отрядом разведку по заданиям командарма Сиверса в направлении Хрещеватое, Бретчино, Малакеева, Грыцинин и далее Ровеньки, — по донесениям все спокойно. В Бирюченском уезде, вследствие слабой работы уездного совета, недовольство крестьян последним именно из-за абсолютного невмешательства в дело снабжения населения хлебом, реквизиции хлеба, распределения земли и проч. В Алексеевке арестован нами предста-

витель германской армии с официальным документом, явившийся за реквизицией хлеба для германской армии. В Бирюче — офицер военнопленный Хмара, возбуждавший офицеров к переходу военнопленных на германскую сторону. В Бирюче нами назначен комиссар революционной связи Барановский, в Алексеевке Иванов, на коих возложены задачи укрепления советской власти и организация отрядов для пополнения армий. Нами произведен арест 2 красноармейцев и каптенармус поезда 1-го Орловского отряда 2-й особой армии Рутковский взят под надзор за то, что в поезде снабжения, между вагонами со снарядами, в пустом вагоне, варили самогон; дело передано судебному следователю 2-й армии Горскому. Впечатление прекрасное, крестьянская беднота всегда нас ищет, прежде чем мы успеем к ним притти».

Чтоб подтолкнуть Сиверса, мы (с Малаховским) направились в Валуйки (26-27 апреля).

На фронте Сиверса (по р. Уразовке) происходили лишь незначительные стычки разведывательных групп и разъездов. 27 апреля мы осмотрели позиции армии Сиверса, проверили состояние его сил. В результате этой инспекции Сиверсу были даны такие указания:

«Правый фланг занимаемых вами позиций совершенно не обеспечен. Предлагается вам обратить особенное внимание на направление Короча — Оскол — Бирюч. Необходимо занять сильной заставой переправу на р. Оскол у Слоновки, производя разведку до м. Корочи. Занять надежно м. Бирюч, держа постоянную связь от него к Нов. Осколу и Слоновке и выдвинув заставу к Верхо-Сенску. Необходимо вести самую бдительную охрану мостов по р. Оскол, теперь же приготовить все материалы для взрыва мостов. Артиллерийскую позицию выбрать на перегоне между Коласново и западная окраина Валуек, как было указано при рекогносцировке позиции. Не вынося оборонительной линии за Н. Оскол, сторожевое охранение вести, прикрывая переправы у р. Оскол. Обратить самое строгое внимание на Козинку и Петровское. Установить телеграфно-телефонную связь по жел.-дор. линии от Валуек до Ст. Оскола, по возможности своими средствами, с обязательством ежечасно сообщать о положении дел, с указанием обстановки и паролем. Продолжая занимать позицию на р. Уразовке, обратите внимание на необходимость заставы у Вейделевки, высылая разведку дорогой от этого села до Ровеньки».

Приказ обнаруживает то же беспокойство за правый фланг Сиверса, которое проявил Мстиславский и которое подрывало активность 2-й особой.

Выяснилось, что, в общем, сторожевая служба ведется в этой армии внимательно, войска на стоянке усиленно обучаются, снабжение поставлено нормально, и общее настроение боевое. Но сил все же маловато: ни Петров, ни Киквидзе, ни Барабаш не прислали никакой подмоги, подкрепления от Воронежского совдепа поступают плохо вооруженными, необученными.

Главштаб тотчас же принял меры к усилению группы Сиверса (из Острогожска в Валуйки вызван отряд Овчинникова, направлен туда же 1-й Екатеринославский отряд, бронепоезд и Балтийский отряд,[1] вновь затребованы подкрепления из Воронежа, Тамбова). Главштаб еще питал надежду на прорыв из Донбаса к Лискам значительных сил. Тогда у Валуек сосредоточен был бы внушительный кулак для наступления к Харькову.

Вместе с тем, мы снеслись с командующим Воронежской группой и узнали, что к 29 апреля Короча, Н. Оскол и Слоновка заняты отрядами этой группы. На фронте спокойно.

Сведения о противнике казались благоприятны. Сиверс доносил (29 апреля):

«На фронте особой 2-й армии на западном направлении спокойно, противник производит одиночные наезды на Ольховатку; на Купянском направлении наши разъезды проникли до станции Гренниковка; на Купянске узловом — один эшелон противника. В районе ст. Заосколье, село Петропавловка, село Ольшаны, что близ Купянска к северо-востоку — две батареи, и на восточном направлении — колонна противника, по непроверенным сведениям, силою 200 человек пехоты и батарея движутся по маршруту село Покровское, Ново-Александровка, Белый Колодезь, Вейделевка, по линии параллельной жел. дор. Купянск — Валуйки, в 30 верстах восточнее. Сегодня ее передовой разъезд достиг района деревни Старый, что 10 верст к югу от Вейделевки; колонна ночует южнее».

[1] Балтийский отряд (Варфоломеева), впрочем, приказа Главштаба не выполнил — отказался следовать в Валуйки, потребовал пропуска в Москву. На предложение сдать оружие — силой прорвался из Лисок к Воронежу и далее. По требованию Главштаба, этот отряд был задержан в Козлове, обезоружен, состав его арестован и препровожден в Москву...

И 2 мая:

«На фронте 2-й особой армии на западном направлении спокойно; разъезды противника, под давлением нашей конницы, бежали. У д. Хатнея, что к востоку от Бурлука, в Никольском и Екатериновке, 8 верст юго-восточнее Бурлука, противника нет; на Купянском направлении наши передовые части заняли линию Тополи — Песчаный; разведка по линии Тополи — Терны — Ильинка — Арабовка — Верхняя Дуванка противника не обнаружила. В Купянске заметно некоторое оживление, прибыла конная батарея и эшелон пехоты; по линии Ольшанка — Двуречная усиленное патрулирование противника; наши конные части, достигшие сел. Кочино, 40 верст восточнее Ольшаны, Ново-Александровки, Белого Колодезя и Рашевки, противника по близости не обнаружили; по слухам, его разъезды были у Россоши. Командарм 2 особой Сиверс».

Воздушная разведка подтверждала, что сильные неприятельские колонны движутся от Сватово к Черткову, но что у Купянска не заметно серьезного скопления противника. (Слух, пугавший Сиверса, о движении немцев по линии Большой Колодезь — Рашевка — Николаевка — Бирюч, был опровергнут воздушной разведкой.)

Имелись некоторые сообщения, что в Харькове немецкий гарнизон незначителен (впоследствии эти сообщения были подтверждены побывавшей в Харькове нашей разведчицей).

Немцы были основательно втянуты в операции в Белгород-Курском направлении.

Все это рисовало обстановку довольно благоприятную.

И, несмотря на крушение надежд относительно прорыва к Лискам из Донбаса 1-й, 2-й и 5-й армий, Главштаб решил предпринять отрядами Сиверса наступление к Харькову.

Из Кремля получены были бодрящие указания:

Воронеж тов. Антонову. «Все назначения на формирования отрядов, выданные отдельным лицам, объявляются нами утратившими всякую силу. Отныне на территории Российской советской республики формирования могут производить только местные советы. Примите это во внимание. Никаких исключений мы не допускаем. Из вашей телеграммы не уясняю ваших дальнейших планов. В Донской области совершаются энергичные работы для подготовки отпора возможного наступления. Другой возможной базой отхода является Ставропольская губерния. Поскольку

перемирие не заключено и украинцы затягивают приступ к переговорам, необходимо упорное сопротивление. Всякий удар, нанесенный украинцам, посягающим на Российскую республику, желателен. Разоружение отрядов, отступающих с Украины, обязательно. Братски жму руку. Л. Троцкий».

Приказ о наступлении на Харьков передан т. Сиверсу 2 мая: «Тов. Сиверс, ваше положение у Валуек упрочивается занятием армией тов. Чикваная линии у Евстратовки, авангардной позицией у Журавки и развитием сторожевого охранения по реке Белой и верхнему течению реки Айдара. Ваш правый фланг упрочен занятием войсками Воронежской группы местечка Корочи, Слоновки и Нового Оскола. Высшим военным командованием предположено быстрое сосредоточение сил по линии Нового Оскола — Валуйки для того, чтобы, производя усиленное демонстрирование по направлению к Черткову и к Купянску (с занятием и разрушением ст. Купянск), перейти в наступление на Харьков по линиям: 1) Волоконовка — Грушевка — Николаевка — Волчанск; 2) Принцевка — Козинка — Ольховатка — Скалоновка — Ст. Салтов. В связи с этим, вам надлежит упрочивать ваши позиции у Уразова и на реке Уразова, ведя разведку от Вейделевки к Ровенькам. Усильте заставы в селе Петровском — Козинки, выдвиньте заставы к Казначеевке, Борисовке и Грушевке. Соответственно развейте строгое патрулирование по дорогам и секретное наблюдение по всем станциям для уничтожения шпионажа. Производите соответственные перемещения ваших сил, отведя менее надежные в боевом отношении части на второстепенные пункты. Все приготовления держите в самом строгом секрете, никому не говоря о конечной задаче».

Следует отметить, что эти дни были днями страстной и пасхальной недель. Можно было надеяться на некоторое ослабление наблюдения со стороны противника. Кроме того, рабочие Харькова находились в это время уже на домах, что облегчало их выступление нам в поддержку.

Одновременно с приказом Сиверсу было предписано Киквидзе (в Тамбов) двигать все силы к Воронежу и выехать туда самому, чтобы столковаться с военруком Чернавиным о поддержке наступления на Харьков.

Автобазе дано предписание немедленно направить к Сиверсу из резерва все исправные броневики и грузовики. К Сиверсу

же отозван от Чикванпая Грозненский батальон. Командиру заградительного отряда в Лисках предписано направлять все боеспособные отряды, прибывающие в Лиски, Сиверсу.

Тотчас же по получении приказа о наступлении к Харькову, Сиверс ответил:

«Ваш общий план наступления в сторону Харькова с заслоном на Купянск получил. В настоящий момент имею: пехоты 3 110 человек, конницы 520 всадников, легкой артиллерии полевой 15 шт., на пульманах 2 орудия, тяжелой артиллерии нет. Благодаря отозванию подрывной летучки, не имею возможности обезопасить левый фланг ж. д. у Купянска путем минирования мостов. Поэтому настоятельно прошу срочно выслать таковую, так как иначе мое продвижение к Бурлуку и Скалоновке будет авантюрой. Подрывных средств и людей нет. Прошу выслать также телеграфный код для секретных сношений».

Подрывная летучка была немедленно выслана Сиверсу. (С ней выехал лично инспектор артиллерии Кошкарев.)

Сиверс тотчас же, во исполнение приказа Главштаба, отдал ряд распоряжений:

«Командиру Сводного конного отряда Овчинникову. 2 мая. Предлагаю вам выступить сегодня по маршруту па Симоновку — Яблонево — Орехово, орудия с прикрытием установить на западной окраине Валуек у завода, на позицию для обстрела моста у дер. Яблонево. Конницу сосредоточить в Орехове, где вести разведку на д. Хатнее, впредь до получения особых приказаний».

«Валуйки. 3 мая. Командиру фронтового революционного отряда тов. Мозговому. Предписываю вам, совместно с Московской батареей, перейти к завтрашнему дню в село Петровское (что ю.-в. м. Валуйки). Переход совершить с вечера до рассвета, так чтобы знали о нем возможно меньше, даже свои солдаты. По прибытии в Петровское связаться в д. Лиманы со Сводным конным отрядом Овчинникова и в д. Козинка с начальником Орловского отряда Загариным. Равно держать связь тесную со штабом (Валуйки), конную разведку выслать в Кукуевку. В Петровском ждать срочных дальнейших распоряжений».

«Валуйки. 3 мая. Командиру Орловского отряда товарищу Загарину. Предлагаю вам сегодня вечером или завтра вечером (отнюдь не утром или днем) выступить из Калыханипа с батареей и всем отрядом по маршруту: из Родное — Богоявленское — Пристепное — Ореховое — Тулянка в Казинки, где в ваше распоряже-

*

ние поступит Путивльский отряд под командой Третьякова; по прибытии в Казинку немедленно установить связь в д. Бодырки (с Дашкевичем) и в д. Петровское (с Мозговым), равно держать тесную связь со штабом (Валуйки). Переход в Казинки держать в строгом секрете, не сообщать даже своим подчиненным. Совершить таковой переход в темное время. Боевой участок Калыханино передать Потапову».

«Валуйки. 3 мая. Командиру Сводного конного отряда Овчинникову. С получением сего, предлагаю вам, в изменение прошлого приказа, выступить совместно с орудием в село Петровское, завтра в 8 час. вечера из с. Петровского в Лиманы. В Лиманах выслать разведку на Хатнее и Отрадное и связаться в д. Бодырка с конным отрядом Дашкевича. Дальнейшее распоряжение получите в Лиманах».

«Валуйки. 3 мая. Командиру отряда особого назначения т. Потапову. Сегодня и завтра некоторые части совершат перегруппировку. Назначаю вас начальником боевого участка Купянского направления по центральным линиям р. Оскола и ж. д. на Купянск с флангами к западу и к востоку от этих линий. В ваше распоряжение поступают: Волчанский отряд, Лебединский отряд, Купянский, Киевский отряды с броневыми вагонами и 3-я батарея Сибирской бригады. Задача в настоящий момент — активная разведка на Двуречную, Ольшаны, Купянск и оборона конца линий Калыханино — Ромашево. Дальнейшие распоряжения получите в ближайшем будущем».

«Командиру Волчанского отряда Сахарову. С получением сего вы переходите в распоряжение начальника Купянского боевого участка Потапова и исполняете все его оперативные распоряжения согласно данных ему мною инструкций».

«Командиру 1-го Пролетарского полка. Предлагаю вам завтра в 8 часов вечера выступить походным порядком из Принцевки через Хохлово — Колосково — Лаву и Сетнянку в Орехово. Подводы для обоза мобилизовать у местного населения. Движение совершить в секретном порядке, заранее не говоря никому, даже своим солдатам. В Орехове выделить прикрытие для Харьковского артил. взвода, который будет находиться при вас. Людей разместить в Орехове и Ситнянке. Поддерживать связь с начальником северной колонны Загариным в Козинках и с начальником южной колонны Мозговым в Петровском, равно поддерживать связь со штабом (Валуйки), от коего только будете получать

распоряжения. В Орехове получите срочные дальнейшие распоряжения».

Все эти распоряжения выполнены без промедления и в полном порядке...

2 мая я выехал в Воронеж, для переговоров с командующим Воронежской группой о поддержке нашего наступления к Харькову.

Но в тот же день из Курска меня вызвал по прямому проводу председатель нашей мирной делегации т. Раковский. Он заявил:

«Нам нужно ликвидировать дело с Украиной, по крайней мере временно, дожидая более благоприятной исторической обстановки. Мы дошли до последних пределов возможности. Боюсь, что после завтра, если наши отряды, разбитые при Коренево, будут продолжать отступление, Курск будет занять немцами, то же грозит Севастополю, Воронежу и Ростову. Мы приехали заключать мир. Необходимо предупредить, чтобы немецкая армия, втянутая нашими отрядами, не продвигалась дальше. Но я потерял надежду, что сможем начать переговоры, потому что не можем добиться такого условия, как перемирие, и не можем добиться его потому, что в настоящих действиях нет существа. Формально вы правы, считаясь с заявлением Рады относительно ее границ, что пока борьба идет на территории Украины или, вернее говоря, на еще занятой части Екатеринославской губернии, — она сохраняет характер внутренней гражданской войны Украины. Громадное значение этой борьбы для будущей революции на Украине я учитываю, но спрашиваю, дошла ли она тоже до своих крайних пределов? Во всяком случае, я убежден, что мы не добьемся перемирия и на так называемом «Великорусском» фронте без того, чтобы борьба прекратилась на собственно Украинском фронте. Фронт в сущности один, и формальное деление, которое мы делаем, полезно для дипломатической корреспонденции с германским правительством, но для германского штаба оно не имеет значения. Я не думаю вмешиваться в политику Украинской советской власти, но считаю крайне необходимым предупредить вас, что, по моему убеждению, если ...... (неразборчиво), нам не удастся начать мирные переговоры, а еще меньше заключить мир,— между тем, вы отлично понимаете, насколько важно зафиксировать немецкое наступление раньше, чем Курск, Севастополь и Воронеж попадут в руки неприятеля. Я предлагаю обсудить этот

вопрос вместе с представителем Украинской советской власти. Кроме того, прошу передать в Ростов, Курск и Севастополь (не от вашего имени, чтобы на вас пала ответственность, а от имени мирной делегации), чтобы оттуда были отправлены парламентеры, хотя, по одностороннему признанию Рады, Севастополь и Ростов находятся на Великорусской территории».

Итак, наша мирная делегация поставила ребром вопрос о прекращении военных действий войсками советской Украины.

Еще раньше, 29 апреля, тот же вопрос поставлен, хотя менее отчетливо, в следующей телеграмме:

«Из Москвы Кремля. Ростов п/Дону. Чрезвычайному комиссару Орджоникидзе для Антонова. Настоятельно прошу не вмешиваться в дело посылки парламентеров и помочь всячески скорейшей приостановке военных действий. Мирная делегация наша из Сталина, Раковского и Мануильского уже в Курске. Председатель Совнаркома Ленин».

Главштаб не мог не считаться с этими указаниями.

Я немедленно выехал в Москву, оставив такое распоряжение: «Из Воронежа. Лиски, наштаверху Баранову. В виду экстренного моего отъезда в Москву, уполномочиваю вас заместительствовать меня. Посодействуйте Воронежской комиссии в установлении пограничной стражи; тт. Чикваная и Сиверсу укажите на необходимость избегать наступательных операций, ограничиваясь накапливанием сил и разведкой. Т. Трофимовскому надлежит наиболее боеспособные единицы посылать Сиверсу».

Ленин и Троцкий подтвердили точку зрения Раковского,— я не смог доказать, что наше наступление к Харькову может иметь успех и улучшить общее положение.

Мне было предложено сложить командование и объявить вооруженную борьбу на Украине прекращенной.

Тут же, в Кремле, я написал приказ, приводимый в следующем документе, разосланном по телеграфу соответствующим совдепам и войсковым начальникам:

«Правительству Российской советской республики доставлено следующее заявление: «Советским правительствам Украины и Донецкой рабочей республики. Выполняя волю советской власти на Украине и в Донецкой республике, я, в течение двух месяцев, в меру своих сил, руководил борьбой советских украинских и донецких войск против немецко-гайдамацкого вторжения. Ныне советские войска отступили за рубежи Украины, как они опре-

делены третьим универсалом, и, согласно требования Брест-Литовского договора, подверглись разоружению со стороны советской власти Российской республики. В виду этого, в полном согласии с вами, заявляю о прекращении мною военных действий против германо-гайдамацких войск и о сложении мною звания Верховного главнокомандующего Южных республик. Выражаю уверенность в конечном торжестве рабочего класса и социальной революции. 4 мая 1918 года. Бывший Верховный главнокомандующий Овсеенко-Антонов». Оповещая об этом заявлении все военные власти пограничных с Украиной совдепов, предписываю: 1) Строжайше наблюдать за тем, чтобы отдельные отряды бывшей армии Южных республик немедленно разоружались по переходе через границу Российской советской республики. 2) Поставить немедленно через парламентеров в известность наступающие германские и гайдамацкие отряды о том, что отступившие за нашу границу советские украинские отряды нами разоружены, и таким образом устранить какой бы то ни было повод для перенесения борьбы на территорию Российской республики. 3) В виду этого предложить через означенных парламентеров германо-гайдамацким отрядам заключить соглашение о немедленном прекращении военных действий и установить демаркационную линию. 4) В случае если бы германо-гайдамацкие отряды, отклоняя предложения и попирая условия Брест-Литовского мира, продолжали наступление на нашей территории, защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая все взрослое население угрожаемых областей.

Председатель Совета народных комиссаров Ульянов-Ленин.
Председатель Высшего военного совета Троцкий».

К моменту издания приказа о сложении мною командования, армии Чикваная и Сиверса удерживали прочно фронт от ст. Журавки до ст. Уразово (по р. Черная Калитва и т. д.).

Обе армии были далеки от «оформленности», — они ограничились переименованием отрядиков в полки, не имея на деле ни одной штатной единицы.

У т. Чикваная состояли: Чехословацкий батальон (т. Кучера) — 150 штыков, 12 пулеметов, 1 орудие; 1 Каменский советский полк (Соловьев) — 279 шт., 7 пул.; Полтавский советский полк (Хлистук) — 165 шт., 5 пул.; Морской батальон (Шиковка) —

110 шт., 6 пул.; 1 Украинский пролетарский полк [1] — 70 шт., 2 пул.; Сводный полк Нехаенко — 700 шт., 17 пул., 5 орудий; Винницкая тяжелая батарея — 2 ор., 7 пул., и Тираспольский бронепоезд — 70 штыков, 12 пулеметов.

4 мая Главштаб распорядился выставить по всему фронту «охрану с белыми флагами». 6 мая командование Воронежской группы телеграфировало:

«Из Воронежа. Всем, всем, всем. Во исполнение приказа Совета народных комиссаров объявляем, что в Воронежском районе, как находящемся на территории Российской республики, состоящей, согласно Брестскому договору, в дружеских отношениях с Германией и Австро-Венгрией, никакие военные действия не допускаются. Для охраны границы Воронежского района назначены начальники участков, военно-служащие Александр Павлов и Евгений Голиков, которым вменено в обязанность немедленно ликвидировать все украинские части, переходящие границу Российской республики. Для установления демаркационной линии Воронежским совдепом выслана делегация к германскому командованию. Военный совет Воронежского района. Комиссар Иванов, военный руководитель Чернавин».

В тот же день т. Чикваная сообщал, что им получен «приказ от Ленина — заключить с немцами договор, на подобие Курского».

И одновременно получили копию следующей ноты:

«Из Москвы. Германскому министерству иностранных дел, Берлин. Копия Российскому уполномоченному представителю Иоффе, Берлин. Германское правительство неоднократно, после Брестского мира, напоминало Русскому правительству об его обязательстве заключить договор с Украинской центральной радой. Русское правительство долгое время не получало ответа на сделанное им Раде, после ее запроса, предложение — открыть переговоры в Смоленске. Полученное, наконец, от Рады предложение начать переговоры в Курске 21 апреля было официально поддержано германским представителем в Москве, Императорским посланником графом Мирбахом. В виду опоздания означенного предложения, Русское советское правительство пригласило представителей Рады в Курск на 28 апреля, и с этого момента Советская делегация ожидает в Курске безрезультатно. Позднее было получено от украинской мирной делегации, выехавшей в

[1] 4 мая разоружен за отказ выступить на фронт.

Воронеж, приглашение вести переговоры в Нежине. Несмотря на все усилия, Советской делегации еще не удалось вступить в соглашение с украинской делегацией. Между тем из Киева пришло извещение о назначении германским главнокомандующим генералом Эйхгорном нового правительства на место смещенной Рады. В случае, если высшей властью на Украине является германская власть, Русское правительство рассчитывает на получение от Германского правительства сообщения о том, остается ли в силе поддержанное Германским правительством предложение ведения переговоров в Курске, и с кем именно. В случае, если высшая власть на Украине передана германским военно-начальником какому-либо украинскому учреждению, Русское советское правительство просит Германское правительство передать новой украинской власти его приглашение считать прежнее предложение Рады о ведении переговоров в Курске остающимся в силе. Ссылаясь на введенное Германским же правительством в Брестский трактат требование о заключении Российской республикой договора с Центральной радой и на неоднократные настояния Германского правительства в том же смысле, Русское правительство указывает, что не им вызывается продолжение кровопролития. Народный комиссар по иностранным делам Чичерин».

Прежде чем получился ответ на это многозначительное обращение Советского правительства, Главштаб успел передать командование отрядами Сиверса и Чикваная — военруку Чернавину.

Справедливости ради следует отметить, что ни белые флаги, ни посылка Воронежским советом и нашим командованием парламентеров — не приостановили активности германцев.

Они отвергли демаркационную линию, предложенную мирной делегацией Воронежского совдепа, и успокоились лишь отбросив, после неоднократных неудачных попыток, Сиверса от Валуек (в конце мая).

10 мая Главштаб Южных республик был ликвидирован...

24.06.04.

